

ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА
ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

V

ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Том V

ISBN 978-5-91298-280-4



9 785912 982804

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА
ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ**

Том V

*Под общей редакцией
академика РАН А.М. Васильева*



Москва
ИАФР РАН
2023

УДК 322
ББК 86.38
И87

Руководитель авторского коллектива

И.В. Следзевский, д-р ист. наук, проф., зав. Центром цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН

Ответственные редакторы тома:

Н.А. Нефляшева, канд. ист. наук, доц., с.н.с. Центра цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН

О.В. Карпачева, канд. ист. наук, н.с. Центра цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН (2005–2022)

Рецензенты:

С.В. Костелянец, канд. полит. наук, вед.н.с., зав. Центром социологических
и политологических исследований Института Африки РАН

А.А. Ярлыкапов, канд. ист. наук, вед.н.с. Центра евроазиатских исследований,
вед.н.с. Института международных исследований МГИМО (У) МИД,
зам. главреда журнала «Международная аналитика»

**И87 Исламские радикальные движения на политической карте современ-
ного мира. Дерадикализация исламистов: международный и российский
опыт. Том V. М.: Институт Африки РАН, 2023. – 386 с.**

ISBN 978-5-91298-280-4

Коллективная монография посвящена анализу теоретико-методологических подходов к сути и содержанию процессов дерадикализации приверженцев экстремистских идеологий, с одной стороны, и практического опыта реализации программ дерадикализации исламистов – с другой. Особое внимание уделено исследованию концептуальных оснований программ дерадикализации, в т.ч. в трудах мусульманских ученых, а также процессов и результатов реализации различных государственных программ и практик дерадикализации, социализации и реабилитации радикальных исламистов. Важное место занимает анализ наиболее успешных практик профилактики радикального исламизма и дерадикализации на постсоветском пространстве – в регионах Российской Федерации (Татарстан, республики Северного Кавказа) и в Казахстане.

УДК 322
ББК 86.38

ISBN 978-5-91298-280-4

© Институт Африки РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© Абишева Г.М., оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ	
1.1. Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект)	14
1.2. Дерадикализация. К вопросу о возможности применения социально-психологических концепций и методов	25
1.3. Радикализация и дерадикализация молодежи: социально-психологический анализ	45
1.4. Финансовые аспекты дерадикализации исламистов	62
1.5. Кораническая экзегетика и дерадикализация исламизма. Подход сирийского инженера Мухаммада Шахрура	86
Глава 2. ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
2.1. Потенциал исламского радикализма в современной Африке: салафитский проект переустройства общества	114
2.2. Возможность межрелигиозных диалогов в современной Африке и проблема дерадикализации исламистов	131
2.3. Опыт дерадикализации исламистов в Египте и Марокко	156
2.4. Программа дерадикализации исламистов в Саудовской Аравии ...	176
2.5. Роль «мягкой силы» в противодействии религиозному экстремизму в Йемене	194
2.6. Дерадикализация исламистов в современной Индонезии: участники и программы идеологических дебатов и «войн памяти»	204
2.7. Программы дерадикализации исламистов в Великобритании: успехи, неудачи и перспективы	228

Глава 3. ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКИ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИСТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

3.1. Работа по профилактике насильственного экстремизма на Северном Кавказе (2015–2020 гг.)	269
3.2. Превенция радикализации в цифровую эпоху: региональный аспект (на материалах Чеченской Республики)	302
3.3. Реабилитация и социализация бывших адептов деструктивных течений ислама и формирование иммунитета против сектантских воззрений (опыт Республики Татарстан)	313
3.4. Операция «Жусан»: опыт Казахстана по реабилитации женщин, эвакуированных из зон террористической активности (2019–2022 гг.)	338
Заключение	372
Список литературы	379
Summary	384

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография – пятый том периодического издания «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира», выпускаемого в рамках одноименного научно-исследовательского проекта Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Начатый в 2013 г., проект объединил широкий круг специалистов, занятых изучением природы, динамики и перспектив радикальных исламистских движений в различных странах и регионах мира, анализом процессов, порождающих радикальные течения исламской мысли и способствующих их воплощению в жизнь, исследованием взаимоотношений радикальных исламистских организаций с официальной властью и обществом. В рамках проекта проведены научные конференции и круглые столы, ставшие аналитическими дискуссионными площадками для обсуждения этих ключевых проблем¹.

Актуальность исследования радикального исламизма и религиозно мотивированного насильственного экстремизма, продолжающих оставаться источником серьезных угроз для мировой безопасности в современную эпоху, не вызывает сомнений. Рассматривая причины и условия возникновения и обострения этих угроз, важно и необходимо учитывать широкое распространение в современном мире идейных установок, ценностей, принципов совершения противоправных действий по мотивам религиозной, расовой, национальной и прочих форм социальной неприязни, прямых и косвенных призывов к совершению таких действий. Идеологизации мотивов и установок радикализма и экстремизма в большой степени способствует использование радика-

лами и экстремистами возможностей интернета и медиа-технологий. Можно говорить о глобальном распространении в современном мире экстремистской, террористической пропаганды и мобилизации масс радикальными группами и движениями.

Академик РАН А.М. Васильев рассматривает феномен исламистского экстремизма как производное и вызов глобализации, как проявление кризиса мусульманской идентичности, приобретающего в условиях глобализации форсированный, взрывной характер. «Религиозные экстремисты полны нетерпения, они хотели бы ускорить бег истории в нужном им или воображаемом ими направлении. Кризисы идентичности, равнозначные цивилизационному надлому, происходили не раз в истории. Но когда-то это был процесс, растянувшийся на столетия. Сейчас ускорение всех событий многократно возросло, горение превращается во взрыв»².

По данным *Global Terrorism Index 2023* самыми активными террористическими группировками в мире в 2022 г. были запрещенная в России организация «Исламское государство» (ИГИЛ)^{*} и ее филиалы, боевые группы «Аш-Шабаб», «Армия освобождения Белуджистана» и «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь Муслимин». В этом списке ИГИЛ уже восьмой год сохраняет лидерство по количеству нападений боевиков³, хотя количество погибших от атак ИГИЛ и его филиалов – «Исламское государство – провинция Хорасан», «Исламское государство – провинция Синай» и «Исламское государство Западной Африки» – сократилось на 16% по сравнению с 2021 г.

По мере затухания конфликта в Сирии ИГИЛ не снизило уровень террористической активности в стране, но переключило внимание на страны Африки к югу от Сахары, в частности на регион Сахеля. Здесь смертность от терроризма выросла в 2022 г. на 8%, и это самый большой показатель в мире⁴. На страны Африки южнее Сахары и Сахель приходится соответственно 60% и 43% всех смертных случаев от терроризма в мире в 2022 г.⁵ Как отмечает академик А.М. Васильев, «наибольшая опасность в сахаро-сахельском регионе исходит не столько от глобальных сетей, сколько от многочисленных местных групп, которые по разным причинам не желают или не могут воспользоваться глобальными достижениями и создают локальные организации, характер которых представляет собой симбиоз местных мотивов и глобального опыта. В Африке мотивы, цели и способы глобальной террори-

^{*} Здесь и далее – запрещенная в РФ террористическая организация.

стической деятельности комбинируются с локальными социально-экономическими и политическими предпосылками, в результате чего возникает явление, которое в последние годы стало принято называть «глокализацией терроризма»⁶. Российские африканисты Т.С. Денисова и С.В. Костелянец, характеризуя глобальные и локальные факторы распространения современного терроризма в Африке, пишут о том, что «обоснование, цели и методы глобальных террористов слились в Африке с местными коренными причинами и мотивами (такими как социальные обиды), порождая то, что мы могли бы назвать связью локального и глобального, то есть внутренних и международных причин, действующих лиц и факторов терроризма... Экстремистские группировки Африки, которые по своей сути являются доморощенными, по мере взросления начинают устанавливать связи с международными террористическими сетями и в конечном итоге могут интегрироваться в эти глобальные сети и перенять их «бренд»⁷.

Радикальный исламизм рассматривается как наиболее серьезная террористическая угроза и европейскими странами, несмотря на то, что количество нападений исламистов в 2022 г. сократилось по сравнению с 2021 и 2020 гг.⁸ В государствах – членах Евросоюза в 2022 г. было совершено 6 террористических атак: одна – в Бельгии, одна – во Франции, 4 нападения были предотвращены – три во Франции и одно в Бельгии. Службы безопасности провели многочисленные аресты, связанные с расследованием деятельности исламистских групп и ячеек во Франции (93), Испании (46), Германии (30) и Бельгии (22)⁹.

Отличительными чертами исламистских групп в ЕС являются их фрагментированность, слабая структурированность, сосуществование с индивидами, действующими самостоятельно или в составе мобильных ячеек. Исламистские группы встроены в различные национальные и транснациональные исламистские онлайн- и офлайн-сети, занимаются пропагандой и финансированием деятельности экстремистских групп, иногда действующих за пределами ЕС. Потенциальную угрозу представляют перемещения экстремистов по Европе и возвращение боевиков из зон современных конфликтов¹⁰.

Преобразование терроризма в одну из главных угроз современному миру и безопасности человечества подтверждает необходимость организации и проведения комплексной контртеррористической политики. В начале 2000-х гг. во многих странах мира была сформирована глобальная антитеррористическая повестка, сформулированы как политико-правовые, так и силовые ответы на угрозы терроризма.

Однако статистика и практика контртеррористических действий силового характера показывают, что, несмотря на большое количество операций по всему миру по устранению вооруженных боевиков, угрозы терроризма не уменьшились. Многие государства в своей борьбе с терроризмом достигали успеха в краткосрочной перспективе, но терпели крах в долгосрочной. Силовое противостояние религиозно мотивированному насилию дает кратковременные результаты. Бесперспективность применения только силового подхода в борьбе с угрозами насильственного экстремизма, мотивированного религией, подтверждается практикой в самых разных странах и регионах.

Радикальный исламизм адаптируется к новым геополитическим реалиям международной обстановки и создает принципиально новые угрозы для современного мира, что и требует выработки новых стратегий по улучшению и совершенствованию политики в области противодействия исламистскому экстремизму. Все более востребованными становятся инициативы, основанные на принципах «мягкой силы», а именно программы дерадикализации исламистов, выработанные в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Дерадикализация – побуждение к отказу от принятия идеологии экстремизма тех, кто уже совершил террористические акты или принимал участие в деятельности экстремистских групп и организаций, отбыл наказание и раскаялся в своих поступках, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма становятся важной стратегической целью в борьбе против религиозного экстремизма и терроризма. Проблемам реализации этой цели и посвящен данный выпуск.

В широком идейно-мировоззренческом смысле под дерадикализацией надо понимать устойчивый, осознанный мотив и процесс отказа от ценностей, установок, убеждений радикального и экстремистского толка, говоря проще, решительное изменение образа мыслей и взглядов последователей радикальных идей. Теория и практика деконструкции радикальных идеологий должны учитывать комбинаторику собственно идейных и связанных с ними эмоциональных, аффективных аспектов радикализма, ослаблять и разрушать связи этих компонентов, представляя радикальные идеологии как «охоту» на сознание и мышление людей. На уровне более общих – концептуальных – определений можно представить эффективную и устойчивую деконструкцию радикальных идеологий как когнитивно-ментальную перестройку

лежащих в их основе убеждений и установок, способную привести, возможно, не сразу и не в полном объеме, к снижению и преодолению заключенных в этих идеологиях угроз экстремизма.

Дерадикализация радикальных исламистских политических движений особенно актуальна для ряда государств, где ислам исповедует подавляющее большинство населения, а также для тех европейских стран, где велик процент мигрантов-мусульман.

Интеллектуальные круги исламских стран сходятся в том, что пути достижения дерадикализации исламистов должны носить комплексный характер, включая в себя не только силовые методы, но и комплекс мер по обучению, просвещению и социальной реабилитации исламистов. Поддерживают эту точку зрения и европейские специалисты по изучению исламистских движений, предлагающие рассматривать исламизм не как «нечто, что можно победить или отнять, а как тенденцию, которую необходимо принять, и страны с мусульманским большинством должны найти способы поддержать наиболее приемлемые тенденции в исламизме»¹¹. Речь идет о поддержке умеренных исламистов, отвергающих применение насилия в политических целях.

В Российской Федерации начиная со второй половины 2010-х гг. актуализировались поиски концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; стали подвергаться анализу внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы; начал критически осваиваться опыт применения в зарубежных странах различных стратегий и программ дерадикализации.

В последние годы в России проведен ряд профильных круглых столов и всероссийских конференций по проблематике дерадикализации сторонников экстремистских идеологий, в Московском государственном психолого-педагогическом университете над этой проблематикой работает постоянно действующий научный семинар¹².

Объект исследования – современный исламский радикализм как крайнее проявление политизированного ислама, ориентированное на применение насильственных методов политической борьбы, включая открытый террор.

Предмет исследовательской разработки включает, во-первых, теоретические и концептуальные подходы к проблематике радикального исламизма и его дерадикализации, во-вторых, процессы и результаты реализации различных государственных программ и практик дерадикализации, социализации и реабилитации радикальных исламистов.

Целью работы является углубленный сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к сути и содержанию процессов дерадикализации приверженцев экстремистских идеологий, с одной стороны, и практического опыта реализации программ дерадикализации исламистов – с другой.

Двусторонний характер цели монографии определил ее конкретные задачи и структуру.

В первой главе содержится анализ концептуальных оснований программ дерадикализации, в т.ч. в трудах мусульманских ученых, которые не прекращают заниматься поисками теоретических основ обоснования нелегитимности радикальных идей в исламе и видят задачу в том, чтобы в противодействие этим идеям и их носителям убедительно прозвучали аргументы, основанные на сакральной догматике Корана. В первой главе рассматриваются дискуссии вокруг основных дефиниций дискурса дерадикализации, а также предлагаются психологические подходы и методы, способные продуктивно работать в процессах дерадикализации.

Вторая глава посвящена критическому осмыслению опыта зарубежных стран, в которых программы дерадикализации исламистов реализуются или были реализованы в течение нескольких лет (Египет, Марокко, Саудовская Аравия, Йемен, Великобритания, Малайзия, страны Африки южнее Сахары). В третьей главе разбираются наиболее успешные практики профилактики радикального исламизма и ресоциализации исламистов на постсоветском пространстве – в регионах Российской Федерации (Татарстан, республики Северного Кавказа) и в Казахстане (на примере комплекса программ правительства Казахстана «Жусан» – программ по репатриации и реабилитации граждан Казахстана (в т.ч. детей), эвакуированных из зон террористической активности Ирака, Сирии, Турции и Афганистана).

В зависимости от историко-культурного и политического контекста в разных странах программы дерадикализации имеют свою специфику. В некоторых программах делается акцент на отказ от радикальной идеологии, в других – на отказ от насильственного экстремизма, имеющего целью достижение политических целей, на социальную реабилитацию и реинтеграцию.

Каждая программа так или иначе включает работу с осужденными или теми, кто находится в группе риска, а именно: консультации уважаемых и авторитетных исламских религиозных деятелей и имамов; психологическое консультирование; вовлечение в процесс дерадика-

лизации близкого окружения, родителей, друзей и семьи; профессиональные тренинги, а также адаптация к мирной жизни уже после того, как участники программ дерадикализации завершили свое обучение. Отдельная проблема – возможности комплексной реинтеграции бывших экстремистов в общество и изменения той среды, в которой они стали на путь радикализации.

Также важным направлением является вовлечение и реорганизация органов пенитенциарной системы, без участия которых реализация данных программ может оказаться малоэффективной.

Инновационность данных программ заключается в том, что они предлагают методологии и методы, находящиеся за привычными рамками контртеррористической политики, основанными только на силовых подходах в отношении осужденных террористов и тех, кто находится в группе риска.

В ходе исследования авторы опирались на междисциплинарный подход, предполагающий использование психологических методов в процессах дерадикализации, опыта культурной антропологии, изучающей потенциал действия традиционных культурных механизмов и институтов по дерадикализации социального и политического поведения, семьи, гражданского общества и религиозных авторитетов в процессе реализации программ дерадикализации.

Над томом работали ученые из Института Африки РАН, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского психолого-педагогического университета, Воронежского государственного университета, Российского исламского университета, Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, АНО Информационно-консультационный центр «Диалог» Республики Татарстан, ТОО «Центр анализа и развития межконфессиональных отношений» (Казахстан).

* * *

В подготовке монографии приняли участие:

Бобохонов Р.С., канд. ист. наук, с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 2.1);

Воронина Н.А., канд. ист. наук, с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 2.7);

Карпачева О.В., канд. ист. наук, н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 2.3, заключение, summary);

Кирчанов М.В., д-р ист. наук, доц. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (параграф 2.6);

Курбанова Л.У., д-р социол. наук, проф. ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова» (параграф 3.2);

Мосейко А.Н., канд. филос. наук, доц., вед.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 2.2);

Нефляшева Н.А., канд. ист. наук, доц., с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (введение, параграфы 1.1, 2.4, заключение);

Павлов В.В., д-р экон. наук, проф., вед.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики ИАфр РАН (параграф 1.4);

Павлова О.С., канд. пед. наук, доц., зав. кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (параграф 1.3);

Раздыкова Г.М., канд. ист. наук, директор ТОО «Центр анализа и развития межконфессиональных отношений», Казахстан (параграф 3.4);

Сафиуллина-Ибрагимова Р.Р., канд. филол. наук, доц. Российского исламского института (параграф 3.3);

Следзевский И.В., д-р ист. наук, проф., вед.н.с., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (введение, параграф 2.1, заключение);

Сокирянская Е.Л., канд. полит. наук, независимый исследователь (параграф 3.1);

Хасанова Ф.Х., вед. спец. Управления по вопросам общественной безопасности и взаимодействию с правоохранительными органами Аппарата исполнительного комитета г. Казани; специалист, психолог АНО Информационно-консультационный центр «Диалог» (параграф 3.3);

Хайруллин Т.Р., канд. полит. наук, с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 2.5);

Харитоновна Е.В., канд. психол. наук, доц., с.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований ИАфр РАН (параграф 1.2);

Царегородцева И.А., канд. ист. наук, доц. НИУ «Высшая школа экономики» (параграф 1.5).

¹ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки. М.: Ленанд, 2015; Исламские ради-

кальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. М., 2017; Исламистские движения на политической карте современного мира. Вып. 3: Афроазиатская зона нестабильности. Институт Африки РАН, 2018; Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М.: Институт Африки РАН, 2020.

² *Васильев А.М.* Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 5. С. 12.

³ Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2023: Measuring the Impact of Terrorism*, Sydney, March 2023. P. 2. <http://visionofhumanity.org/resources> (дата обращения 11.04.2023).

⁴ Там же. P. 3.

⁵ Там же. P. 4.

⁶ Архив И. В. Следзевского.

⁷ *Denisova, T.S., Kostelyanets S.V.* Terrorism in Africa: The Nexus of the Local and the Global // *Journal of Globalization Studies*. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 170.

⁸ Europol. *European Union Terrorism Situation and Trend Report*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023. Pp. 4, 9.

⁹ Там же. P. 6.

¹⁰ Там же. P. 36.

¹¹ *Grinin Leonid, Korotayev Andrey and Tausch Arno.* Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy: World System and World Values Perspectives, Switzerland, Springer International Publishing AG, 2029. P. 99.

¹² Проблемы дерадикализации молодежи на постсоветском пространстве. Международная конференция – круглый стол 09.11.2017 в рамках VIII Казанского международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире». Ч. 1. <https://youtube.com/watch?v=LcZ5jLUnLew> (дата обращения 20.09.2021). Ч. 2. <https://youtube.com/watch?v=gyFCwLiZcJM> (дата обращения 20.09.2021); Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы Всероссийского форума (Москва, 25 сентября 2018 г.). М.: МГИМО-Университет, 2018; Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 9–11 октября 2018 г.) / отв. ред. Р.Ф. Патеев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018; *Сокирянская Е.Л.* Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? М., 2019; Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации. Постоянный научно-методологический семинар МГППУ. <https://mgppu.ru/project/406> (дата обращения 30.09.2021)

Глава 1

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

1.1. Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект)

Введение

Сегодня во многих странах мира – на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Африке – реализуются программы дерадикализации исламистов. В Европе после начала сирийского конфликта в 2011 г. были оценены риски, связанные с возвращением иностранных боевиков, что стимулировало разработку и финансирование программ, направленных как на профилактику радикализации молодежи, так и на дерадикализацию.

Целесообразность применения в борьбе с экстремизмом и терроризмом не только жестких силовых, но и т.н. «мягких мер», разрушающих в т.ч. социальную стигматизацию бывших экстремистов, заняла свое место в практической повестке, была признана и специалистами в силовых структурах, и экспертным сообществом. Растет и академический интерес к теории, программам и конкретным практикам дерадикализации, что выражается в росте публикаций самого разного характера¹.

Со второй половины 2010-х гг. актуализируется проблематика дерадикализации исламистов в России – налицо тенденция осмысления концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; анализируются внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; были намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы; осваивается опыт зарубежных стран и различные стратегии дерадикализации. В регионах Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе и в Татарстане, были инициированы отдельные проекты, показавшие свою результативность, хотя о комплексных длительных и финансируемых государством программах пока говорить рано.

Программы дерадикализации исламистов в разных странах мира различаются по своим масштабам, длительности, уровню финанси-

вания. Наиболее развернутые программы действуют в Саудовской Аравии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке, менее известны программы в Ираке, на Филиппинах, в Бангладеш, Пакистане, в то время как в Египте, Йемене и Ливии они были прекращены.

Все программы дерадикализации исламистов, независимо от страны происхождения и историко-культурного контекста, имеют схожие структуры и направлены на работу как с мусульманской молодежью из групп риска, так и с осужденными исламистами-экстремистами. Программы состоят из нескольких взаимосвязанных блоков и нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

В настоящее время существуют объективные трудности оценки эффективности программ дерадикализации, т.к. сведения о них практически не публикуются, и в целом они закрыты для экспертного сообщества. Исследователями и практиками предлагаются разные критерии успешности программ дерадикализации, большинство единодушны в том, что программу можно считать реализованной, если после завершения ее участники считают применение насилия неприемлемым, что рассматривается как снижение рисков их повторного вовлечения в террористическую деятельность.

Несмотря на очевидную актуальность темы и обилие программ дерадикализации ключевые понятия дискурса дерадикализации вызывают дискуссии в академическом сообществе; периодически поднимается вопрос о необходимости их концептуальной проработки, уточнения и ясности. «Практические элементы дерадикализации значительно превосшли теоретическую подоплеку», – писал профессор Д. Кохлер, директор немецкого Института исследований радикализации и дерадикализации².

В этом разделе поставлена задача выявить дефиниции дискурса дерадикализации, определить линии расхождения во взглядах на возможности «размежевания» и «дерадикализации» исламистов.

Споры о дефинициях

Дискурс дерадикализации и терминология, связанная с ним, пришли из западной академической литературы и описываются двумя ключевыми терминами – «deradicalization» и «disengagement». Если понятие дерадикализация в переводе на русский язык не вызывает раз-

ночтений, то с понятием *disengagement* возникают определенные сложности. В Кембриджском словаре *disengagement* определяется как *the fact of stopping being involved in something*^{*}. На ресурсе WoordHunt *disengagement* – это «освобождение», «высвобождение», «выделение», «выход из боя»^{**}. Британский толковый словарь английского языка Collins English Dictionary определяет *disengagement* как процесс, посредством которого люди постепенно перестают быть вовлеченными в конфликт, деятельность или организацию (*Disengagement is a process by which people gradually stop being involved in a conflict, activity, or organization*)^{***}.

В этом разделе в качестве рабочего термина, аналогичного понятию *disengagement*, будет использовано слово «разъединение».

С 2010-х гг., когда исследования программ дерадикализации исламистов стали стремительно нарастать, оба понятия – и дерадикализация, и разъединение/размежевание – начали широко обсуждаться³.

Под разъединением понимается изменение поведения исламиста-радикала, отказ от применения насилия, выход (как правило, но не всегда) из экстремистской организации, при этом человек может продолжать придерживаться своих убеждений и радикального мировоззрения. Дерадикализация – это процесс, в результате которого исламист отказывается не только от применения насилия, но и от экстремистской идеологии, покидает экстремистскую группу и принимает новую систему ценностей, отрицающую насилие как способ достижения политических целей. Разъединение, таким образом, предполагает только изменение поведения, отказ от применения насилия; дерадикализация предполагает и поведенческие, и когнитивные изменения. «Дерадикализация – это процесс относительного изменения, при котором радикальная группа меняет свою идеологию и делегитимизирует использование насильственных методов для достижения политических целей, а также движется к принятию постепенных социальных, политических и экономических изменений в плюралистическом контексте», – писал Омар Ашур, профессор Института постдипломного образования в Дохе, автор одного из фундаментальных исследований «Дерадикализация джихадистов: трансформация вооруженных исламистских движений»⁴.

* Cambridge Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

** <https://woordhunt.ru/word/disengagement> (дата обращения 29.04.2022)

*** Collins dictionary. <https://collinsdictionary.com/dictionary/english/disengagement>

В 2010 г. была опубликована коллективная монография, авторы которой считают, что «есть основания полагать, что дерадикализация – это не просто процесс радикализации в обратном направлении: дерадикализация, по-видимому, имеет свои собственные отличительные черты, некоторые из которых сильно отличаются от факторов, связанных с первоначальной радикализацией»⁵. Весьма простым выглядит определение, предложенное группой ученых из Амстердамского института миграций и этнических исследований: дерадикализация – это противоположность радикализации – просто процесс, позволяющий стать «менее радикальным»⁶. Курт Бреддок, доцент Американского университета (Вашингтон), определил дерадикализацию как «психологический процесс, посредством которого человек отказывается от своей экстремистской идеологии и теоретически снижает угрозу повторного вовлечения в террористическую деятельность»⁷.

При наличии огромного корпуса исследовательской литературы сложились разные точки зрения на сам факт возможности дерадикализации исламистов.

Некоторые авторы считают, что дерадикализация – призрачная цель и следует сосредоточиться на той стадии работы с террористами и экстремистами, которая называется «разъединением». Профессор университета штата Джорджия Дж. Хоган, последовательный критик самой идеи возможности дерадикализовать (т.е. привести к отказу от своего мировоззрения) человека, вовлеченного в террористическую и экстремистскую деятельность, называет термин «дерадикализация» потенциально опасным и вводящим в заблуждение⁸. Хоган и Т. Бьерго (профессор Университета Осло) не рассматривают «разъединение» как неотъемлемую часть дерадикализации, подчеркивая, что стадия «разъединения» достаточна и реалистична, и собственно разъединение (размежевание) и должно стать целью программ дерадикализации⁹.

Концепция смены ролей

Дж. Хоган отдает предпочтение термину «разъединение», специально подчеркивая, что разъединение не обязательно подразумевает дерадикализацию. «Отделившийся (от группы. – Н.Н.) террорист все не обязательно раскаивается или «дерадикализуется»¹⁰. В своей работе *«Deradicalization programs: recommendations for policy and practice»* он писал, что человек может одновременно и отказаться от

террористической деятельности, и быть «дерадикализованным», то есть «больше не поддерживать идеи или идеологию, стоящую за группой или ее действиями». С другой стороны, боевик может выйти из террористической группы, не совершать террористические акты, но не быть дерадикализованным, т.е. следовать «своей идеологической или эмоциональной приверженности движению или делу»¹¹.

Дж. Хоган и К. Бреддок называют процесс, при котором человек отказывается от применения насилия и изменяет свою роль или функцию в радикальной группе, сменой ролей. «Этот процесс может не обязательно включать в себя уход из движения, но чаще всего связан со сменой ролей на время или навсегда»¹². По мнению Хогана, разъединение совсем не означает, что человек «оставляет терроризм позади», он может перейти от одной роли к другой, выполняя другую значимую для радикальной организации или группы роль¹³. «Даже в самых маленьких террористических сетях будет множество ролей и функций, и в некоторых случаях можно ожидать, что человек будет одновременно выполнять несколько из них. Таким образом, некоторые вполне могут постоянно придерживаться этих ценностей и отношений, и какой-нибудь бывший террорист может на самом деле по-прежнему участвовать в каких-то других социально значимых “поддерживающих” действиях, не будучи вовлеченным ни в какие реальные террористические операции»¹⁴.

Иногда руководство группы принимает решение о новых задачах, не связанных с совершением террористических актов, для отдельного члена группы. «Террористы могут перестать быть террористами, но могут продолжать вести деятельность, не менее важную для достижения целей движения. Принятие другой роли или функции в рамках более широкого движения – это в каком-то смысле своего рода разъединение»¹⁵.

Дж. Хоган предложил классифицировать процессы «разъединения» как добровольные или вынужденные (принудительные) и постоянные или временные. В ряде своих работ ученый говорит о том, что разъединение может осуществляться в двух видах – физическом и психологическом¹⁶. Этому, в частности, посвящена и работа «*Individual disengagement. A psychological analysis*»¹⁷. По его мнению, простейшими видами физического разъединения и эффективными способами, препятствующими дальнейшему участию боевика в соответствующих радикальных движениях, являются его задержание, арест, заключение в тюрьму или ликвидация. Хотя проблему радикализации заключенных в тюрьмах не стоит сбрасывать со счетов.

К факторам, способствующим психологическому разъединению, Хоган отнес разочарование из-за несоответствия между идеалом и реалиями, выгорание, изменение личных приоритетов, вступление в брак и рождение детей, переход к ненасильственной борьбе, влияние наставника или друга и др.¹⁸ Тема разочарования, например, звучит в опубликованных в середине 2010-х гг. интервью бывших боевиков ИГИЛ с Северного Кавказа, осужденных судом и добровольно обратившихся в комиссию по адаптации после освобождения. «Я, например, делал дело, которое по ошибке считал правильным, – пошел помогать людям в Сирии. Но увидел, что там что-то неладное, несправедливость, все такое, и обратно приехал», – говорит Ахмед Асхабов из Ингушетии, бывший участник незаконного вооруженного формирования, воевавший на стороне ИГИЛ¹⁹. В целом процессы психологического разъединения обусловлены «кризисом идентичности, чувством разочарования в своей личности и попыткой найти альтернативную, более удовлетворительную роль»²⁰.

Часто разъединение на физическом уровне может не привести к каким-либо изменениям или уменьшению идеологического, социального, психологического влияния со стороны исламистской группы.

Д-р Гордон Клабб (Университет Лидса, Великобритания) предлагает термин «избирательное разъединение»; примером последнего, по его мнению, может быть экстремист, заявивший о том, что его цели – только военнослужащие, а не гражданские лица²¹. Однако, как и концепция смены ролей, избирательное разъединение не предполагает воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Например, Доку Умаров, возглавивший в 2006 г. «Имарат Кавказ» (организация запрещена в РФ), в 2012 г. заявил, что отныне его боевики будут наносить точечные удары исключительно по объектам силовых структур, армии и спецслужб России, но не по гражданскому населению, что в целом мало способствовало снижению напряженности на Северном Кавказе, хотя сотрудникам силовых структур удалось существенно снизить активность радикальных исламистов в регионе в первой половине 2010-х гг.

Дерадикализация – это изменение убеждений и ценностей

В 2010 г. вышло коллективное исследование «*Deradicalizing Islamist Extremists*»²². Следует подчеркнуть, что исследование сделано экспертами одной из крупнейших американских «фабрик мысли»

RAND Corporation. В исследовании анализируются программы дерадикализации и противодействия радикализации на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Европе, оцениваются сильные и слабые стороны этих программ и даются рекомендации правительствам о способах продвижения и ускорения процессов дерадикализации.

По мнению авторов, ни «смена ролей», ни избирательное разъединение не влекут воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Поэтому нельзя считать эти категории подходящими для описания процесса разъединения²³.

Принципиальное различие между дерадикализацией и разъединением заключается в том, что дерадикализация предполагает изменение основных целей и ценностей члена радикальной исламистской группы. Если разъединение влечет за собой изменение поведения и отказ от насилия, часто инструментальное, например, из-за успешных контртеррористических мер правительства или финансовой поддержки, предлагаемой в программах дерадикализации (особенно щедрой в программах Саудовской Аравии), то дерадикализация предполагает изменение основных ценностей. «Настоящая и успешная программа дерадикализации должна изменить основные убеждения человека, а не просто изменить его поведение»²⁴.

Именно дерадикализация способна снизить риски возвращения людей к террористической деятельности: если работа с экстремистами не остановится на стадии разъединения, а продолжится до стадии дерадикализации, это создаст препятствия для рецидивизма.

В чем проблемы с дерадикализацией исламистов?

Следует принимать во внимание, указывают авторы «*Deradicalizing Islamist Extremists*», что выход из радикальной исламистской организации с определенной идеологией и мотивацией не совсем аналогичен выходу из уличной банды или преступной группы. Выход из исламистской группы предполагает отказ от участия в вооруженной борьбе, отказ от радикальной идеологии. Авторы исследования считают, что именно религиозные авторитеты должны сформулировать с точки зрения шариата, почему насилие неприемлемо для мусульманина.

В работе «*Deradicalizing Islamist Extremists*» продвигается подход, основанный на том, что в ходе реализации программ дерадикализации необходимо взаимодействие (по терминологии авторов исследования – «двойной фокус») между радикалами-исламистами и исламски-

ми учеными. Исламские ученые получают возможности для дискуссий, во время которых могут выявить манипуляции религиозными текстами со стороны лидеров экстремистских групп. В ходе этих дискуссий ученые предлагают контрнарративы, основанные на религиозном обосновании необходимости дерадикализации. Открытый спор и дискуссия по поводу радикальных учений более эффективны для достижения целей программ дерадикализации²⁵.

Следует отметить, что ранее, в 2007 г., экспертами *RAND* был опубликован аналитический доклад «*Building Moderate Muslim Networks*»²⁶, вызвавший резкую критику именно со стороны умеренных исламских лидеров и ученых США, сотрудничество с которыми так продвигает *RAND*. Исламские ученые и лидеры мусульманских общин, публично отреагировавшие на доклад *RAND* 2007 г., согласились с необходимостью большей демократизации исламского мира, укрепления института прав человека и совместного противостояния угрозе терроризма, однако подвергли сокрушительной критике авторов доклада за полное игнорирование ими исламских источников, исследований мусульманских ученых, за их неспособность понять природу и закономерности развития исламского общества²⁷. По мнению критиков доклада, умеренность и радикализм мусульман должны выводиться на основании Корана, а не политической теории Запада. Механический перенос европейских терминов на исламскую среду при игнорировании дискурсов, присущих этим понятиям в исламских источниках, создает риски того, что аналитики, авторы подобных докладов, окажутся не в состоянии выполнить те задачи, о которых они заявляют.

Одно из ключевых убеждений радикалов, по мнению авторов доклада 2010 г., заключается в том, что для воссоздания исламского государства мусульмане должны не только придерживаться строгого салафитского ислама, но также вести вооруженный джихад против врагов ислама, включая немусульманские страны и нынешних правителей мусульманских государств, которые, по их мнению, вытеснили власть Бога своей собственной. Авторы доклада по дерадикализации настаивают на том, что практики дерадикализации должны быть направлены на «отказ от этого вероучения, особенно от убеждений о допустимости применения насилия против гражданского населения, отлучения мусульман, не придерживающихся взглядов радикалов (такфир)» (с чем нельзя не согласиться), но снова вводят тему «противодействия демократии и концепциям гражданского общества, свободы в совре-

менном понимании демократических обществ»²⁸, не опираясь на мусульманские источники права, в которых прописано понимание демократии.

Необходимость противопоставить идеологии террористов мнению авторитетных мусульманских ученых, алимов и профессоров исламских университетов была сформулирована российскими муфтиями и мусульманскими учеными на основании своего опыта государственно-конфессиональных отношений. В качестве положительного примера можно привести принципиальную позицию Духовного управления Республики Северная Осетия – Алания (ДУМ РСО-А) и муфтия Хаджимурада Гацалова в период нарастающего оттока мусульман Северного Кавказа в Сирию для участия в военных действиях на стороне ИГИЛ.

ДУМ РСО-А стало первым в России духовным управлением, принявшим фетву, прямо запрещающую местным мусульманам участвовать в войне в Сирии: «Людам, не имеющим основательных знаний по Исламу и не имеющим правильного представления о происходящем в Сирии, запрещается побуждать к участию в войне в Сирии, также вливаться в рассуждения относительно правоты или правильности групп, находящихся там»*. Позднее к ДУМ Северной Осетии – Алании присоединились ДУМ Чеченской Республики и ДУМ РФ. Ранее, в 2013 г., 29 мусульманских общин Северной Осетии приняли фетву о неприменимости к республике термина «дар аль-харб» («территория войны»), поскольку в РСО-А «мусульмане живут в условиях безопасности, пользуются религиозной свободой, гарантированной Конституцией России, и совершают исламские обряды». «Недопустимо объявлять и вести военные действия, ибо это противоречит шариату, – говорится в документе. – Долгом же являются воспитание, призыв к Исламу, джихад с помощью слова, мудрость и доброе увещевание и ведение диалога наилучшим образом – ради применения Закона Аллаха во всей его полноте»**. Эти фетвы в комплексе других мер сыграли свою позитивную роль в том, чтобы удержать молодежь Северной Осетии –

* Обращение Религиозного совета Республики Северная Осетия – Алания к мусульманам Республики Северная Осетия – Алания. Цит. по: *Сотниченко А.А.* Сборник научно-исследовательских и аналитических материалов по межнациональным отношениям для населения и муниципальных служащих. ИГИЛ: угроза для России и пути ее преодоления. СПб, 2015. Приложение 1. С. 36.

** Фетва о неприменимости термина «Дар аль-Харб» к Республике Северная Осетия – Алания. <http://islamosetia.ru/2013/05/28/1-r-9/> (дата обращения 09.09.2022)

Алании от массового отъезда в Сирию, от необдуманных шагов, способных сломать их судьбы.

Уроки для практиков

Некоторые из анализируемых публикаций содержат исследование жизненных траекторий людей, покинувших террористические группы (а это не только исламисты, но и члены правых радикальных групп, деструктивных религиозных сект, уличных банд), что может дать практикам определенные уроки.

Во-первых, психологам, работающим в программе дерадикализации, важно обратить внимание на травмирующее событие, триггер, способный побудить человека покинуть радикальную группу, и использовать его в своей аргументации.

Во-вторых, правительство должно сочетать репрессивные и мягкие меры. Правительства разных стран могут предложить не только силовые контртеррористические меры, но и стратегические стимулы, увеличивающие выгоды разъединения.

В-третьих, программы, направленные на то, чтобы радикальные исламисты отказались от своих убеждений, должны продолжаться в виде консультаций и психологической и социальной поддержки, помощи в поисках работы и после того, как участник закончил свое участие в программе.

В-четвертых, следует принимать во внимание, что слова и действия человека не всегда отражают его цели. Радикальные исламисты, находящиеся в местах заключения, часто участвуют в программах дерадикализации и ради досрочного освобождения дают своим наставникам искаженную информацию. Какая-то категория исламистов останется непримиримыми радикалами, они не откажутся от применения насилия и от своих убеждений. Например, по данным 2010 г., участники Саудовской программы дерадикализации возвращались к террористической активности в 9,2% случаев, среди них и бывшие узники Гуантанамо, ранее эти показатели были более высокими и составляли 20%*.

Можно привести не менее красноречивый пример из российской практики, он связан с Бамматханом Шейховым, лидером буйнакских

* A new approach? Deradicalization programs and counterterrorism. International Peace Institute. June 2010. https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/a_new_approach_epub.pdf (дата обращения 10.09.2022)

боевиков во второй половине 2000-х гг., имевшим большой авторитет среди вооруженного подполья не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Шейхов сдался силовикам в 2008 г. под гарантии министра внутренних дел Дагестана А. Магомедтагирова, обещавшего ему амнистию. В то время добровольная сдача одного из лидеров бандподполья имела огромный резонанс. Верховный суд Дагестана, сняв с Шейхова большинство обвинений, на три года отправил его в колонию за участие в НВФ. Выйдя оттуда досрочно в 2010 г., Б. Шейхов через полгода вернулся в лес и был ликвидирован в результате спецоперации в 2013 г.²⁹

Наконец, программы дерадикализации, как правило, не влияют на членов экстремистских групп, занимающих высокие уровни в иерархии. Хотя случаи, когда боевики отказались от экстремизма, известны. Так, Насир Аббас³⁰, один из лидеров террористической организации «Джемаа Исламия» (ДИ), стал в 2004 г. ключевым свидетелем на процессе против лидера ДИ Абу Бакара Басира, отказался от применения насилия и даже стал оказывать содействие властям Индонезии и Малайзии в поимке террористов. Аббас участвовал в расследовании крупных терактов в Индонезии в 2002, 2003 и 2005 гг. «Мне пришлось переосмыслить определение джихада, уточнить, что ни одна религия не учит убивать невинных мирных жителей», – сказал Насир Аббас в одном из интервью³¹.

Даже если практики, работающие с осужденными радикалами в тюрьмах, допускают, что именно «разъединение», т.е. выход из экстремистской группы, является реальной целью государственных программ, это не означает, что дерадикализация невозможна. В некоторых случаях разъединение может фактически стать первым шагом на более длительном пути практической реализации программ дерадикализации, направленных на противодействие экстремизму.

Заключение

В настоящее время в западноевропейской академической литературе сложилась историография проблемы дерадикализации исламистов, вышли фундаментальные исследования, определяющие методологию и теоретические подходы к проблеме. Ключевыми терминами дискурса дерадикализации стали понятия «разъединение» и «дерадикализация». Под первым понимается отказ от применения насилия, но сохранение своей идеологии, взглядов, ценностей. Дерадика-

лизация предполагает, что в результате программ дерадикализации их участник не только изменит свое поведение и откажется от применения насилия, но и воспримет новую систему ценностей и установок, в которой насилие для достижения политических целей будет неприемлемым. Большая роль в программах дерадикализации, как отмечается в литературе, должна отводиться исламским ученым, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия.

Следует принимать во внимание, что программы дерадикализации редко оказывают влияние на мотивированных экстремистов, занимающих высокое положение в иерархии экстремистской группы.

1.2. Дерадикализация.

К вопросу о возможности применения социально-психологических концепций и методов

Введение

Если принять за определение исламистской радикализации систему убеждений, предполагающих, что для воссоздания Исламского государства мусульмане должны не только придерживаться строгой салафитской или ультраконсервативной интерпретации ислама, но также вести джихад, в т.ч. насильственными методами, против врагов ислама, то, следовательно, дерадикализацию исламистов можно определить как процесс отказа от этой системы взглядов, особенно от убеждения в допустимости применения насилия против гражданских лиц.

Альтернативное мнение сформулировано Омаром Ашуром (*Omar Ashour*): «Радикализация – это процесс относительных изменений, в ходе которого группа подвергается идеологическим и/или поведенческим преобразованиям, приводящим к отказу от демократических принципов (включая мирную смену власти и легитимность идеологического и политического плюрализма) и, возможно, к использованию насилия или к повышению уровня насилия для достижения политических целей. В свою очередь, дерадикализация определяется Ашуром как «...еще один процесс относительных изменений в исламистских движениях, в ходе которого радикальная группа меняет свою идеологию и лишает легитимности использование насильствен-

ных методов для достижения политических целей... Группа, проходящая процесс дерадикализации, не обязана идеологически соблюдать демократические принципы, будь то избирательные или либеральные, и не обязана участвовать в избирательном процессе. Дерадикализация в первую очередь связана с изменением отношения вооруженных исламистских движений к насилию, а не к демократии. Многие дерадикализованные группы по-прежнему придерживаются женоненавистнических, гомофобных, ксенофобских и антидемократических взглядов»³².

Авторы отмечают, что существенную часть экстремистских и террористических групп составляют псевдоисламские (т.н. исламистские) движения, занимающиеся политизацией ислама³³.

О чем идет речь, когда мы говорим о дерадикализации? О дерадикализации исламистов – радикально настроенных людей (это могут быть не только исламисты, но и представители других конфессий, группировок, а также физические лица) – или о дерадикализации группировок или движений, имеющих свою структуру, свои цели и задачи, свою идеологию?

Существуют ли общие правила, алгоритмы, которые позволяют разрабатывать эффективные программы дерадикализации, или мы скорее имеем дело с успешными, наряду с неуспешными, прецедентами?

Какие возможны способы дерадикализация радикально настроенных людей и/или группировок, движений (то есть социальных групп) исламистов? И возможна ли дерадикализация в принципе?

Что понимается под дерадикализацией с психологической и социально-психологической точки зрения? Изменение поведения? Изменение социальных установок? Изменение чувств и эмоций, которые испытывает т.н. радикализованный человек? Изменение образа мыслей? Изменение на уровне высших ценностей?

К проблематике дерадикализации исламистов (а именно «дерадикализации тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращении радикализации потенциальных рекрутов терроризма»³⁴) в настоящее время приковано внимание спецслужб и силовых структур, представителей гражданского общества, страдающего от насильственных действий радикальных исламистов, правозащитных организаций и волонтеров, а также ученых различных специальностей: религиоведов, теологов, социологов, культурных антропологов, психологов. Возможности социальной психологии также признаются рядом специалистов и используются в организации практической работы в рам-

ках программ дерадикализации. Кроме того, ученые – социальные психологи предпринимают попытки научного теоретического осмысления данной проблематики и встраивания социально-психологических методик в процедуры и практики дерадикализации.

Рассмотрим некоторые социально-психологические аспекты проблемы дерадикализации. Работ на эту тему немного. В России к их числу можно, прежде всего, отнести разработки О. Павловой, а также фундаментальное исследование, проведенное под руководством И. Бовиной при финансовой поддержке РФФИ³⁵, где в качестве основного положения выступает идея смены социальной идентичности в процессе дерадикализации³⁶.

Продуктивным нам кажется подход, который сочетает в себе теорию и практику социальной психологии с элементами криминальной психологии. Криминальная психология определяется как отрасль юридической психологии, направленная на изучение формирования противоправной деятельности и возможности ее предупреждения. С этих позиций сам процесс дерадикализации в терминах юридической психологии включает в себя такие процессы, как *пенология* (направление криминологии, изучающее применение санкций и ресоциализацию преступников)³⁷. Если рассматривать радикальные действия исламистов в правовом поле, то их можно отнести к категории девиантного поведения. Исследования по социально-психологическим проблемам девиантного поведения, криминального поведения весьма обширны; нас могут интересовать, например, подходы к созданию психологического портрета радикализированного человека.

Далеко не все возможности социально-психологической науки и социально-психологических технологий учтены и осмыслены учеными, имеющими дело с проблемой дерадикализации. Вследствие этого в задачи настоящего исследования входит поиск и рассмотрение подходов, релевантных проблеме дерадикализации. Введение социально-психологических терминов, концепций и методических подходов в исследовательский контекст проблематики дерадикализации нам представляется целесообразным с точки зрения как общего понимания проблемы, так и повышения эффективности разрабатываемых в этой области методов и социальных технологий.

Из всего многообразия социально-психологических подходов и концепций, которые могут составить научную теоретическую базу при создании программ дерадикализации, на данном этапе мы предлагаем рассмотреть на персональном уровне:

- 1) структуру потребностей (по А. Маслоу);
- 2) концепцию копинг-стратегий Р. Лазаруса и Хайма (выявленная ведущая копинг-стратегия дает реальные основания как для прогнозирования особенностей поведения, так и для подбора конкретного способа реабилитации и ресоциализации человека);
- 3) концепцию социальных ожиданий (экспектаций). На уровне социального окружения – теорию стигматизации Э. Дюркгейма в ее взаимосвязи с концепцией каузальной атрибуции.

Рассмотрение радикализации и дерадикализации и как личностно-психологического, и как социального-детерминированного феномена³⁸ нам кажется вполне обоснованным.

Часть 1. Персональный уровень рассмотрения дерадикализации.

Мотивационные факторы.

Способы актуализации базовых потребностей

С психологической точки зрения базовыми элементами радикализации (впрочем, как и любого другого проявления человека) являются мотивационно-потребностные и смысловые факторы. Зная эти факторы, мы можем выстроить эффективную схему противодействия радикализации, которая будет работать по принципу замещения, или альтернативы. Мотивацию мы можем рассмотреть в двух аспектах. Первый – это мотивация поведения, в данном случае радикального поведения, понимаемая как «внутренний процесс аргументации, побуждения к общественно опасному действию (бездействию)»³⁹. В связи с проблемой дерадикализации важно учитывать иерархию и конкуренцию мотивов дерадикализуемого человека. Что окажется более значимым для человека, попавшего в программу дерадикализации: выгоды от радикализации (от принадлежности к радикальной группировке) или выгоды от дерадикализации? Ставили ли радикализированные или потенциально радикализированные люди перед собой такой вопрос-дилемму? Если нет, то как, где, когда, в какой форме и какими средствами он может быть задан и внедрен в их сознание? Это должно стать необходимым элементом программ дерадикализации.

Можно ли и какими средствами оказать влияние на то, в какую сторону при ответе на этот вопрос склонится чаша весов? Как, под чьим влиянием происходит формирование соответствующего убеждения и установки?

Участие в радикальных группировках, приход в группировку, «завербованность» не всегда аналогичны радикализации. Практически все исследования указывают на то, что *различные типы личностей* радикализируются и присоединяются к террористическим группам по разным мотивам. Мотивационные факторы участия в радикальных группировках разнообразны, и в целом континуум мотивов включает в себя весь спектр вариантов, которые зафиксированы в представлениях «пирамиды потребностей Абрахама Маслоу»⁴⁰. Мотивационные факторы в структуре человеческой личности образуют иерархию, структура потребностей иерархична. На первом, нижнем уровне, пирамиды потребностей находятся т.н. витальные, или базовые потребности: потребности в пище, чистой питьевой воде, здесь же потребность в сне и сексе (первый, базовый уровень); потребность в безопасности и защищенности; потребность в принадлежности к группе, общине, сообществу (уровень потребностей в аффилиации и взаимопомощи), потребность в достижениях (связанных с признанием и уважением), власти и статусе (объединенных понятием «доминирование»), здесь же весь спектр мотивации, связанной с агрессией. Далее идет потребность в самореализации/самоактуализации и, наконец, мотивация, связанная с «высшей идеей». Мотивация агрессии, в свою очередь, также может иметь разные основания. Исследователи указывают, что «идеология часто играет важную роль в том, что она может предоставить истинно верующему “лицензию на убийство”»⁴¹ – и это не всегда связано с индивидуальной потребностью в агрессии и убийстве, а может оправдывать и давать право на убийство во имя идеи⁴².

Итак, в основе выбора действия лежит потребность, то есть та или иная потребность детерминирует мотивацию человека и соответствующие ей деятельность и поведение. Неудовлетворенность, фрустрация базовых потребностей толкает людей на поиск способов удовлетворения. Исследователи отмечают, что именно стремление получить пищу и накормить своих детей часто становится основной причиной, по которой люди беднейших стран и беднейших слоев населения приходят в радикальные исламистские группировки. Применительно к Африке южнее Сахары исследователи отмечают, что одним из существенных мотивационных факторов радикализации является крайняя бедность, нужда, то есть тот уровень пирамиды потребностей Маслоу, который связан с удовлетворением витальных потребностей: потребности в пище, питьевой воде, крыше над головой – для себя и своих детей. Также их приход в группировку может быть связан со вторым

уровнем пирамиды Маслоу – с потребностью в защищенности (безопасности).

В теории переговоров разработан ряд приемов аргументации разной степени сложности, которые могут быть применены в работе в условиях дерадикализации и затрагивать все уровни пирамиды А. Маслоу. Релевантной задаче воздействия на потребности можно считать прием «свойства – выгоды», или «это позволит вам». Прием содержит два компонента: первый – описание свойств и характеристик предложения; второй – описание получаемых выгод.

Прием нацелен на формирование у адресата понимания перспектив тех действий, которые им предлагаются в качестве альтернативы, в контексте реализации (или блокировки) их базовых потребностей. Прием «свойства – выгоды» задействует как логическую, рациональную составляющую психики, а именно осознание причинно-следственных отношений между предложением и последствиями его принятия, так и образную, чувственную составляющую. Так, специалист, ведущий работу по дерадикализации, может образно, эмоционально описать положительные последствия и блага, которые получит человек, включившийся в программу дерадикализации («у вас в доме будет тепло, вы сможете пользоваться электричеством и интернетом, ваша жена сможет оставаться дома с детьми, печь лепешки и готовить плов, ваши дети будут ходить в школу и смогут получить образование, вам будут регулярно выплачивать пособие или помогут устроиться на работу»).

Этот прием аргументации применяется в двух вариантах: в варианте достижения и в варианте избегания. Вариант достижения направлен на формирование представления людей о том, что получит (приобретет) человек в случае его согласия на включение в программу дерадикализации. Вариант избегания содержит в себе указание на угрозы и санкции, которых человек может избежать в случае, если он примет предложения, содержащиеся в программах дерадикализации. Из этого логически следует, что если он не примет предложения, все эти угрозы и санкции с большой вероятностью станут реальностью.

Приведем примеры вариантов достижения и избегания. Так, для воздействия на первую ступень пирамиды Маслоу, которая касается витальных потребностей (потребность в пище, чистой питьевой воде, крыше над головой, тепле и сохранении здоровья) могут быть использованы следующие речевые формулы: «вы будете получать пособие или зарабатывать на жизнь для себя и своей семьи; вы будете иметь

пищу и воду, вы получите социальное жилье; вы получите медицинское обслуживание». В варианте избегания формулировок могут быть такие: «Участие в программе позволит Вам избежать голода, вы не будете спать в холодных палатках и мерзнуть, вы избежите риска умереть от болезни или от ран без медицинской помощи».

Второй уровень пирамиды потребностей Маслоу – безопасность. «Это позволит вам обрести защищенность и безопасность в условиях нашего сообщества» (положительное действие мотивации безопасности, актуализация потребности в защищенности и безопасности), «это позволит вам почувствовать себя нужным, найти единомышленников и друзей» (положительное действие мотива аффилиации по А. Маслоу; актуализация потребности быть частью социума, найти друзей). «Это позволит вам... приобрести статус и влияние в кругу своих соотечественников, вы сможете стать лидером в своей группе». «Вы будете делать то, что объединит ваших соотечественников, попавших в беду» (трудную жизненную ситуацию). «Вы сможете выступать от их имени. Вы увидите, что с вашей помощью их и ваша жизнь становится лучше». «Вы увидите результаты своей деятельности. Вы получите уважение и признание своих друзей». Такими фразами может быть актуализирована потребность в статусе и лидерстве, потребность во власти, влиянии и доминировании, что, в свою очередь, оказывает мощное влияние на принятие решений и на поведение.

«Это позволит вам поступить в колледж (институт), получить образование (профессию), узнать много нового и интересного, реализовать себя в серьезном деле». Такое предложение нацелено на актуализацию потребности в познании и развитии – это один из высших уровней потребностей пирамиды А. Маслоу, причем с переходом на уровень самореализации.

Наконец, инструктор (тренер, переговорщик), работающий в программе дерадикализации, может сказать: «Это позволит вам быть достойным последователем ислама и служить Аллаху, а также заботиться о том, чтобы не возникало в кругу ваших знакомых тех мыслей и действий, которые осуждаемы приверженцами истинного ислама». Такие речевые формулы программируют и актуализируют потребность служения высшей идее и высшим ценностям и смыслам (религиозным, этическим, идеологическим).

Работа с идеологическим уровнем радикализации самая сложная. Все программы дерадикализации предполагают, что существенным аспектом терроризма является идеология, оправдывающая терро-

ризм⁴³. Существует мнение, что «единственный способ остановить нынешнюю глобальную волну терроризма – это эффективно разрушить идеологические убеждения террористов»⁴⁴. Это весьма категоричное утверждение. Из него следует, что в программах дерадикализации невозможно предложить альтернативу убеждениям. Однако личный опыт может служить сильным фактором дерадикализации. Вот пример, взятый с информационного портала «Исламосфера». «Мухсин в 2012 г. уехал из Марокко, чтобы присоединиться к ИГИЛ и участвовать, как он считал, в священной войне. “Я был практически неграмотен и не мог отличить хорошее от плохого”, – говорит 38-летний мужчина. В Сирии, по его словам, он видел массовые убийства, изнасилования и кражи: “Это страшный опыт... Через некоторое время я пришел к выводу, что такая война не имеет ничего общего с нашей религией”»⁴⁵.

Если человек, прошедший через подобную трансформацию, готов поделиться своим опытом, это будет наиболее эффективной составляющей программы дерадикализации. Мухсин, бывший боевик, вместе с 14 другими заключенными, осужденными за терроризм, получил 10-летний тюремный срок по обвинению в терроризме. Он согласился принять участие в программе дерадикализации «Мусалаха», что в переводе с арабского означает «Примирение», в надежде, что участие в программе может позволить им получить досрочное освобождение. Об эффективности подобного «переформатирования сознания» при помощи людей, которые делятся своим личным опытом, свидетельствует статистика. Так, по словам психолога и члена научного комитета программы «Мусалаха» Аль-Мустафа Разрази, из 156 человек, освобожденных после посещения курсов, только один был пойман на повторном совершении преступления, причем он был осужден не за терроризм⁴⁶.

О «социальных ожиданиях»

Существенную роль в регуляции социального (группового) поведения играют социальные ожидания, или «экспектации». Соответствие или несоответствие реальности сформировавшимся ожиданиям определяет как эмоциональное состояние, так и принятие решения о дальнейших действиях. Ожидания могут быть реалистичными, а также завышенными, заниженными, искаженными. Авторы отмечают, что люди поддаются вербовке и вступают в радикальные исламист-

ские организации под влиянием 2 базовых обстоятельств: первое – несоответствие окружающей действительности потребностям и представлениям человека о «правильной» или «нормальной жизни», несоответствие происходящего усвоенным религиозным, нравственным, этическим нормам, то есть сбой в системе социальных ожиданий (экспектаций) от жизни. С социально-психологической точки зрения этот фактор может рассматриваться как одна из причин радикализации. Второе – это надежда на решение всех проблем и удовлетворение потребностей различного уровня, по А. Маслоу, через интеграцию в радикальную группировку. Эту картину могут рисовать неопиту профессиональные вербовщики, которые формируют у человека искаженные и/или завышенные ожидания. Существует достаточное число свидетельств, что реальность жизни в радикальной группировке, реальные действия радикальных исламистов, не согласующиеся с основами ислама, можно охарактеризовать как несоответствие реальности сформировавшимся ожиданиям. Этот фактор дает основания для проработки и корректировки социальных ожиданий в рамках программ дерадикализации.

*О возможности построения «психологического портрета»
радикального исламиста*

В задачи построения психологического портрета радикального исламиста входит прогнозирование и предотвращение насильственных действий с его стороны. В то же время, учитывая многообразие форм и контекстов террористических действий, эта задача представляется чрезвычайно сложной. Один профиль, построенный на базе стандартизированного набора характеристик, не может соответствовать всем формам и видам терроризма. Этот факт снижает возможности прогнозирования насильственных действий, но и не сводит их к нулю. Мотивационные факторы играют в понимании и прогнозировании насильственного (или, в более широком контексте, – девиантного) поведения ключевую роль. Мотивация поведения, в данном случае преступного поведения, понимается как «внутренний процесс аргументации, побуждения к общественно опасному действию (бездействию)»⁴⁷. Чем руководствуется человек, вступающий в радикальную группировку, и чем мотивированы насильственные действия, которые он совершает, – эти вопросы мы рассматривали ранее, анализируя пирамиду потребностей Маслоу в контексте дерадикализации.

Применение методов, которые могли бы дать информацию для построения психологического портрета, представляет значительные трудности, как и проведение эмпирических исследований по теме «дерадикализация». В настоящее время существует значительное число статей, отчетов аналитических центров и отчетов спецслужб о радикализации и дерадикализации. Однако исследований, основанных на эмпирических данных, мало. Как отмечают нидерландские исследователи Тинка Вельдхейс и Йорген Стаун, «неоспоримых эмпирических материалов, основанных на изучении процессов радикализации известных успешных террористов, очень мало»⁴⁸. Радикалы, экстремисты и террористы обычно не склонны к сотрудничеству, или же сообщают неверную информацию, поскольку исследования проводятся их политическими и идеологическими противниками.

В психологической практике профайлинга используются такие методы анализа, как изучение документов, анализ биографических данных, изучение частных случаев (*case-studies*). Однако при попытках использовать эти методы были сделаны выводы о невозможности построения единого «универсального» профиля террориста: «Прошлое террористов очень разнообразно; существует много путей к терроризму, и нет единого профиля террориста»⁴⁹. Основной вывод из проведенных исследований состоит в том, что не существует «стандартного террориста-джихадиста», можно только говорить о наличии определенных групп людей, которые считаются склонными к совершению террористического преступления⁵⁰. При этом отмечается, что так же, как солдат может стать военным преступником, активист-боевик может стать экстремистом-террористом, перейдя нормативную черту⁵¹. А может и не стать. То есть в любом случае психологический портрет радикального исламиста будет носить вероятностный характер.

В то же время существуют попытки категоризации радикализованных исламистов. По мнению П. Нессера, высказанному в работах «Джихадизм в Европе после вторжения в Ирак: отслеживание мотивационного влияния войны в Ираке на джихадизм в Западной Европе»⁵² и «Присоединение к террористическим ячейкам джихада в Европе: изучение мотивационных аспектов вербовки и радикализации»⁵³, можно выделить несколько «социальных профилей» *потенциальных* исламистских террористов: это иммигранты (легальные и нелегальные); беженцы, прежде всего, из Северной Африки и Ближнего Востока; а также новообращенные в ислам европейцы. Сюда же можно отнести

людей с опытом работы в криминальных структурах (например, в наркоторговле). По мнению П. Нессера, существует целый ряд причин радикализации – «одних привлекает идеология и острые ощущения активизма, других радикализируют личные обиды, проблемы и разочарования, кого-то привлекают к терроризму родственники и друзья, которые вербуют их в террористическую организацию»⁵⁴.

Норвежский исследователь Т. Бьерго в ходе презентации в Колледже Норвежского полицейского университета предложил рассматривать два основания классификации типов участников групп, вовлеченных в политическое насилие: мотивы участия в террористических действиях и социально-психологические характеристики участников. На этом основании он выделил три группы. Первая – идеологические активисты (лидеры, мотивированные идеологией и политическими проблемами; ближний круг лидера; ветераны; образцы для подражания). Вторая – т.н. «бродяги и попутчики» (мотивированные потребностью в аффилиации по Маслоу: «искатели дружбы, идентичности и защиты»). Третья группа – социально неуспешные молодые люди, не удовлетворенные своим положением, вероятно, с личным опытом дискриминации. К этой же группе автор относит криминализованных и иных маргинализованных персон⁵⁵.

Приведенные классификации носят социальный и социально-психологический характер. В дополнение можно привести концепцию копинг-стратегий Р. Лазаруса и Э. Хайма, содержание которых ближе к индивидуально-психологическому уровню анализа. В психологии копинг-стратегии определяются как способы совладания со сложными жизненными ситуациями, как форма реагирования на стресс. Мы уже увидели, что большинство исследователей в качестве одного из мотивов приобщения к радикальным группировкам и участия в радикальных действиях называют фрустрацию: фрустрацию потребностей, социальную ущербность, обиды, одиночество, неудовлетворенность жизнью. Р. Лазарус выделил 8 базовых копинг-стратегий: стратегию конфронтации, стратегию дистанцирования, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, стратегию бегства-избегания, стратегию конструктивного планирования решения проблемы и стратегию положительной переоценки. Копинг-стратегия связана с базовыми личностно-психологическими характеристиками и отражает тип поведения в ситуации конфликта: активно-агрессивное, пассивно-зависимое, конструктивное. Выявленная ведущая копинг-стратегия дает реальные основания как для прогнозирования типа уча-

ствия и типа поведения в радикальном движении, так и для подбора конкретного способа реабилитации и ресоциализации человека.

Часть 2. Социальные триггеры радикализации.

Проблемы социального окружения:

«индуцированная» (спровоцированная) радикализация

Проблематика «триггеров» радикализации является актуальной и недостаточно разработанной. Так, датский исследователь Аня Дальгард-Нильсен отмечает: «Эмпирическая основа для понимания фоновых факторов и триггерных событий, толкающих или тянущих отношение людей к исламистской воинственности, очень ограничена»⁵⁶. Мы предлагаем рассматривать социальное окружение, а именно «принимающее сообщество», в качестве одного из потенциальных триггеров, которое для беженцев и иммигрантов может выступать в качестве одной из детерминант и даже провокаций радикализации.

Представители иной культуры, ставшие мигрантами или беженцами, вырваны из своей естественной социокультурной среды, где они составляли единство с собственным сообществом, где они являлись органичной частью своего мира. Мигранты вынужденно помещены в иную социокультурную среду и воспринимаются как «они» жителями принимающей страны. Как правило, мигранты ощущают себя как сообщество, организованное по принципу государственной принадлежности. Основой идентификации для них остается их традиционное социокультурное «мы», основанное на расовой, этнической, конфессиональной принадлежности. Это один полюс социально-психологической проблематики.

Второй полюс – это восприятие мигрантов жителями принимающей страны, и здесь мы имеем дело со всем комплексом проблематики социальной перцепции и межгруппового взаимодействия, в частности, с такими проблемами, как «ингрупповой фаворитизм» и базовая «аутгрупповая враждебность»⁵⁷. Дефицит информации, стереотипизация приводят к обеднению и искажению образа, а реальные столкновения и конфликты, криминальная хроника, информация из СМИ создают благоприятную почву для повышения уровня агрессивности и враждебности по отношению к мигрантам и беженцам. В этих условиях научное объяснение и прогнозирование как межнациональных, так и межрасовых отношений приобретало особую актуальность, и социальная психология может внести свой вклад в решение этой задачи.

Этнические стереотипы и предубеждения в системе проблематики дерадикализации

Вкратце об этом понятии. Термин «социальный стереотип» введен в употребление американским журналистом У. Липпманом в 1922 г. для обозначения упорядоченных, схематичных, детерминированных культурой «картинок мира» в голове человека. Эти «картинки» сокращают усилия при восприятии сложных социальных объектов. При этом понятие «стереотип» прочно ассоциировалось с неточностью, ложностью его содержания, а нередко и с прямой дезинформацией и совокупностью мифических представлений о социальном объекте. Представление об этнических стереотипах как о преимущественно или даже исключительно негативных явлениях сложилось во многом благодаря тому, что исследования фактически ограничивались негативными этническими стереотипами. Так, в США в основном изучались стереотипы, приписываемые национальным меньшинствам – афроамериканцам, мексиканцам, пуэрториканцам и пр.⁵⁸. Однако начиная с 1950-х годов распространяются мнения относительно содержания в стереотипах «зерна истины», а в дальнейшем, в частности, в исследованиях А. Тэшфела, стереотипизация стала рассматриваться как рациональная форма познания, как частный случай универсального процесса категоризации.

В настоящее время к стереотипу принято относиться как к образу социального объекта, который объясняет социально-психологические различия и сложившиеся отношения между социальными, в т.ч. этническими, группами, а также отражает реальные отношения между ними, реагирует на события и факты в реальных межэтнических отношениях.

Таким образом, стереотипизация в процессе межличностного и межгруппового восприятия и оценивания имеет два различных следствия. С одной стороны, это некоторое упрощение образа «другого», замена его неким штампом, облегчающим категоризацию, при этом в восприятии этого человека или группы не происходит сдвига к негативной оценке, приводящей к неприятию и в конце концов к дистанцированию или открытой конфликтности и конфронтации. В этом случае стереотипизация – это что-то вроде защитной реакции людей на информационный натиск.

С другой стороны, стереотипизация приводит к возникновению предубеждений и предрассудков. Возникновение подобных предрассудков зафиксировано во многих экспериментальных исследованиях,

и особенно остро эта проблема стоит в ситуации межэтнических, межконфессиональных, межрасовых отношений⁵⁹. Проблематика стигматизации непосредственно связана с формированием негативных стереотипов.

Случаи, когда стереотипизация приводит к возникновению предрассудков и предрасудков, особенно ярко проявляются в экспериментальных традициях американской социальной психологии. Так, в экспериментах Роберта Клека и Ирвинга Гоффмана было замечено, что «нормальные» индивиды склонны избегать стигматизированных людей. Они регистрировали случаи, которые можно считать примерами невербального эффекта «стигмы». Было обнаружено, что «нормальные» участники взаимодействия быстрее заканчивали беседу и демонстрировали заторможенность движений при взаимодействии с инвалидом (например, человеком с ампутированной ногой), а также держались на большем расстоянии с эпилептиком. Эти эксперименты, по мнению американских авторов, продемонстрировали, что если люди обладают характеристиками, *дискредитирующими* их в глазах окружающих, то с ними взаимодействуют более напряженно и на большей дистанции. Авторы делают вывод, что кроме таких дискредитирующих характеристик, как физические или психические недостатки, а также криминальное прошлое, в белом обществе черный цвет кожи также играет роль стигмы⁶⁰.

Эффекты стигматизации и каузальной атрибуции в контексте дерадикализации

В наиболее общем виде стигматизация определяется как формирование негативного отношения к отдельному человеку или группе людей на основании некоторых психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей. Процесс ведет к социальному неодобрению (осуждению) и может способствовать дискриминации⁶¹.

Стигматизация является одним из факторов, побуждающих человека или группы людей к выбору определенного типа поведения, в т.ч. девиантного. Стигматизация основана на негативных стереотипах восприятия человека или социальной группы. Идентификации человека или группы как девиантной ведет к предвзятому отношению и дискриминации. По мнению И. Гоффмана, стигматизация лишает стигматизированного человека полного социального признания перед аудиторией «нормальных» людей⁶².

Одна из ключевых проблем современной социальной психологии, а также этнопсихологии как ее ветви – это проблема межэтнических и межконфессиональных отношений. При этом межэтнические отношения – это не только отношения *между* этническими группами, но и *отношение к* определенной этнической группе. Это ее восприятие (точное или не точное, адекватное или неадекватное), дружественное или враждебное, это процессы стереотипизации в ее восприятии, создание образа этой группы (позитивного, негативного или нейтрального) и, наконец, выработка на основании этого образа соответствующих моделей поведения (конструктивных или деструктивных)⁶³.

Весь этот комплекс проблем является предметом современной социальной и этнической психологии как в ее фундаментальной, так и в прикладной части. Современная социальная психология может предложить ряд методологических подходов и конкретных методик, которые выявляют основные детерминанты межэтнических отношений, в т.ч. межэтнической конфликтности, и основные факторы их оптимизации.

В контексте межэтнической и межконфессиональной конфликтности обычно рассматривается ставшая традиционной для социальной психологии проблематика «мы и они», описанная в свое время Б.Ф. Поршневым⁶⁴. Важно, что уровни идентификации в категории «мы» и противопоставления в категории «они» расширяются. От «мы» – членов своего народа и «они» – членов другого народа круг расширяется, в качестве «мы» уже воспринимаются граждане одного государства, региона, континента, представители одной веры, расы, конфессии, а «они» – представители других народов, государств, континентов, рас и конфессий.

В проблематике стигматизации, таким образом, меняется ракурс рассмотрения радикализации и дерадикализации. Фактически, не снимая ответственности с исламистов (и примкнувших к ним «попутчиков») за террористические насильственные действия, мы также наделяем принимающее общество (или принимающую культуру) определенной степенью ответственности за радикализацию.

Итак, мы рассматриваем стигматизацию как двусторонний процесс. С одной стороны, стигматизация вызывает дискриминирующее отношение к стигматизированной персоне или группе. В свою очередь, стигматизированные индивидуумы и/или социальные группы (образованные по расовому, этническому, профессиональному признаку, а также по признаку релоцированности – имеются в виду все категории

беженцев, легальных и нелегальных мигрантов) могут быть спровоцированы на ответную агрессию, самоутверждение, защитное поведение и реванш.

Таким образом, на социально-психологическом уровне работа по профилактике радикализации должна включать в себя не только работу с реальными и потенциальными исламистами, но также и с «принимающим» обществом, чтобы по возможности уменьшить фактор стигматизации и снизить потенциал напряженности: «существует необходимость в оптимистичной обстановке, чтобы послать ясный сигнал надежды мигрантам, беженцам, молодежи и общинам. Правительства должны продолжать строить с ними отношения, завоевывать их доверие (и при этом получать разведданные)»⁶⁵.

Составной частью стигматизации как социально-психологического процесса можно считать процессы каузальной атрибуции. Введение в контекст социальной психологии категории каузальной атрибуции связано с исследованиями Г. Келли, Э. Джонса, К. Дэвиса и др.

В настоящее время каузальная атрибуция выделяется как особая отрасль социальной психологии, имеющая дело с изучением интерпретаций человеком своего или чужого поведения, в т.ч. поведения представителей иной социальной (этнической, конфессиональной) группы. В случае с радикализацией каузальная атрибуция может выполнять одновременно несколько функций. Предполагается, что каждый человек, оценивая другого, стремится построить определенную систему координат для интерпретации его поведения, чтобы понять и объяснить его причины. Вторым основанием для применения каузальной атрибуции является редукция когнитивного диссонанса, а именно устранение внутреннего дискомфорта, связанного с несоответствием наблюдаемого поведения сложившимся (сформировавшимся) стереотипам и установкам.

Так, например, если рассмотреть ситуацию с «принимающим» обществом, то человек иной культуры, иной внешности, иной конфессии и т.д., по отношению к которому выработалось негативное отношение и чувство враждебности, ожидание от него определенной угрозы (то есть «стигматизированный» человек), ведет себя не в соответствии с нашими ожиданиями, а «нормально», «как все люди», то возникает когнитивный диссонанс. Чтобы его устранить («редуцировать»), срабатывает механизм каузальной атрибуции: ему на подсознательном уровне приписываются причины такого поведения: он хочет втереться в доверие, он хочет усыпить нашу бдительность, он хочет нас пере-

хитрить и т.д. Фактически в приведенном примере каузальная атрибуция дополняет и усиливает стигматизацию. Выходом может быть переориентация общественного мнения, процедуры, направленные на усиление взаимопонимания и терпимости к «другому», это может проводиться различными способами: при помощи средств массовой информации, в системе воспитания, в специальных групповых тренингах.

Если же речь идет о каузальной атрибуции в системе свой-чужой, где субъектом выступает представитель иной (в данном случае исламской) конфессии – беженец, мигрант, находящийся в «принимающей» стране, то каузальная атрибуция будет работать в противоположном направлении. Поведение «местных» может интерпретироваться как презрительное, высокомерное, враждебное, дискриминирующее, причем это может быть как правдой, так и искаженными интерпретациями. В любом случае подобное восприятие в системе взаимодействия может потенциально привести к накоплению обиды, раздражения и в конечном счете к нарастанию конфликтного потенциала и к насильственным действиям.

Интерпретация поведения «другого» может основываться на знании реальных причин его поведения, что предполагает наличие источников достоверной информации, адекватной системы кодирования-декодирования, знания языка и культуры интерпретируемой группы. Вместе с тем в большинстве случаев люди *не знают* действительных причин поведения другого человека в силу целого ряда обстоятельств. Это и дефицит информации, и ее искажение или тенденциозность подачи в СМИ, и принадлежность к иной культуре с незнанием языка и культурных реалий, и многое другое.

В этой ситуации начинается приписывание (атрибуция) как причин поведения, так и определенных моделей поведения, а также целого комплекса характеристик общего характера – от личностных характеристик до характеристик мировоззрения, намерений, чувств. Приписывание осуществляется либо на основе сходства изучаемого объекта с неким образцом (прецедентом), имевшим место в прошлом опыте субъекта восприятия, либо на основе анализа собственных мотивов, предполагаемых в аналогичной ситуации (если изучаемый объект воспринимается как сходный с самим собой, как «похожий»). Если же изучаемый объект воспринимается как «другой», отличный от меня, то ему приписываются совершенно иные черты и мотивы поведения, причем чем больше различия, до полной противоположности, тем бо-

лее выражена социальная, культурная, психологическая дистанция между респондентом и объектом оценки.

Метод сравнительного анализа в системе межкультурного взаимодействия в его применении к проблеме дерадикализации

Особое место в системе подходов к изучению всего комплекса проблем, имеющих отношение к радикализации и дерадикализации, занимает блок сравнительных исследований. Научная компаративистика может дать ответы на вопросы о различиях культур, о табуированных темах в различных конфессиях, о различиях и специфике в системе эмоционального реагирования на различные ситуации. Названные показатели, в частности, имеют отношение к прецеденту «Шарли Эбдо» – ситуации, которая одной стороной конфликта воспринималась как развлечение, «шутка» – *joke (blague, divertissement)* и проявление демократических свобод как величайшего достижения западной цивилизации («Свобода, Равенство, Братство»), а другой стороной как абсолютно неприемлемый поступок – оскорбление Пророка Мухаммада, оскорбление чувств верующих, поступок, заслуживающий самого серьезного наказания, причем это «наказание» в любой его форме, вплоть до террористического акта, квалифицируется как защита Пророка Мухаммада и ислама в целом. Французы после расстрела редакции «Шарли Эбдо» были потрясены, искренне удивлялись и не собирались отказываться от своего права на свободу «творческого самовыражения», ни о каком раскаянии и признании вины не было и речи. Разумеется, сказанное не оправдывает насилие и терроризм, но призывает к уважению иной культуры и иной конфессии.

Компаративный анализ в данном исследовательском контексте направлен на то, чтобы выяснить, каков статус того или иного действия, поступка, высказывания в системе нравственных, психологических координат различных, в т.ч. противоборствующих сторон, существуют ли табуированные темы и каковы они. Без этого понимания грубые ошибки в межкультурных, межконфессиональных коммуникациях современности неизбежны и будут повторяться, потенциал конфликтности и вероятность радикализации будут катастрофически нарастать.

Кратко остановимся на сути компаративного анализа в кросс-культурных исследованиях⁶⁶. Метод вызывает целый ряд критических вопросов, у него существуют слабые места, которые обязательно должны быть учтены при проведении конкретных эмпирических исследо-

ваний, но он, как уже было сказано, незаменим при решении определенных вопросов, в т.ч. касающихся снижения конфликтного потенциала в системе межкультурных и межконфессиональных отношений в целом и дерадикализации в частности.

В качестве аргумента приведу ряд мнений из выступления профессора Калифорнийского университета Нейла Дж. Смелзера на XV Международном социологическом конгрессе (Брисбен, 2002 г.) при вручении ему премии им. М. Догана⁶⁷. Само понятие «компаративный анализ», по его мнению, вызывает трудности, поскольку в общественных науках трудно представить себе анализ, который бы не был сравнительным, и в этом смысле вся социальная наука строится на различиях между людьми и социальными укладами. «Компаративным анализом принято считать описание и объяснение сходств и различий (главным образом различий) условий или результатов развития крупных социальных единиц, обычно – регионов, стран, обществ и культур. Это определение отражает наше понимание дисциплинарных традиций, сложившихся в антропологии (кросс-культурный анализ), социологии (кросс-социальный), политологии (кросс-страновой), истории (сравнительная история) и психологии (сравнительная психология)». Смелзер отмечает, что он не знает «ни одного обоснованного аргумента против сравнительного, междисциплинарного либо международного исследования»⁶⁸. Однако в ряде исследований существуют слабые места, которые связаны с целым рядом причин несопоставимости данных сравнительных кросс-культурных исследований («различия контекстов разрушают и достоверность, и валидность обычных компаративных измерений»⁶⁹) и с тем, что оценка иных культурных систем, как правило, производится с точки зрения европейских исследователей.

Еще один аспект проблемы компаративистики состоит в том, что «в истории сравнительного анализа, берущей свое начало в XIX в., социальные науки при выборе категорий сравнения не были справедливы и нейтральны к не-западному миру. Антропологи XIX века наделяли его характеристиками “примитивный”, “дикий”, “варварский”. Позднее говорили “простой”, “традиционный”, “основанный на обычаях”, “слаборазвитый”, “неразвитый”, даже “развивающийся». Здесь, по мнению профессора Смелзера, присутствуют два недостатка. Первый – «моральный этноцентризм», поскольку все эпитеты противопоставляют незападные миры миру западному как более совершенному. Иными словами, «компаративный анализ до самого последнего

времени – это своего рода наложение западных категорий на незападные общества», причем с элементами превосходства и дискредитации ценностей иной, незападной культуры и конфессии. Смелзер отрицает, что в этом есть некая закономерность и логика «какой-то гегемонистской либо империалистской программы» (то есть «заговора») ⁷⁰. Вместе с тем это, безусловно, факт, имеющий отношение к колониальному и империалистическому разделению мира на «центр» и «периферию», на метрополию и колонии.

Приведенные аргументы возвращают нас к уже обозначенной проблематике стигматизации и формированию предубеждений по отношению к представителям иных культур. В данном случае речь идет о тех, кто не является террористами (вспомним о презумпции невиновности), но к ним относятся как к потенциальным террористам, нередко провоцируя их и подталкивая к вступлению в радикальные группировки.

Заключение

При решении проблемы, поставленной в данном разделе, могут быть использованы как традиционные социально-психологические методы, малая часть которых была здесь обозначена, так и методы из смежных дисциплин: социологии, этнографии, лингвистики. Возможности, которые открывает именно социально-психологическая наука, по нашему мнению, могут существенно обогатить своими методами современную проблематику дерадикализации.

Фактически, чтобы определить причины радикализации и на этой базе найти эффективные технологии противодействия, необходимо построить концепцию поведения, в которую будут входить как личностные, так и ситуационные/социальные переменные. В научной литературе, посвященной дерадикализации, принято рассматривать дерадикализацию на различных уровнях, например, на поведенческом, идеологическом, организационном ⁷¹. На наш взгляд, имеет смысл разделить программы дерадикализации на 2 базовых социально-психологических уровня: первый – уровень личностный и уровень малой группы (семья, ближний круг); второй – уровень больших социальных групп.

Мотивационные факторы, специфика ожиданий, непродуктивные копинг-стратегии являются предикторами радикальных проявлений. Формирование альтернативной мотивационной структуры личности,

«правильное» с социально-этической точки зрения наполнение уровней пирамиды потребностей Маслоу, эффективные технологии изменения установок, а также работа на уровне общества по недопущению стигматизации людей и социальных групп, которые на уровне сформированных социальных представлений могут быть отнесены к потенциально криминализованным. Исследователи отмечают, что беженцы и мигранты, представители мусульманских диаспор, не являются террористами и преступниками⁷², но на уровне общественного сознания к ним может проявляться предвзятое отношение, нарушающее базовый юридический принцип презумпции невиновности и подталкивающее людей, чувствующих себя изгоями, не включенными в социальные структуры, к криминальному поведению.

Следует отметить, что в условиях идеологического конфликта на внешнем контуре радикализация неизбежна, оправдана защитой ценностей ислама и подобна усилению иммунитета. Неслучайно радикальные действия западно-африканской (нигерийской) группировки «Боко Харам» начинались и проходили под антизападными лозунгами («Западное образование – это грех»), а мишенью террористических атак становились не только люди и группы людей, но и символы «западного мира». Именно поэтому идеологический уровень дерадикализации является наиболее сложным. В сочетании с проявлениями стигматизации и дискриминации особенности современного развития западного мира входят в противоречие с ценностями традиционной этики. Дополнительно к социально-психологическим практикам дерадикализации следует отнести переговоры и процедуру медиации. Компромиссный вариант переговоров свойственен т.н. народной дипломатии, эффективные варианты которой мы находим в африканских странах, например в ЮАР (Комиссии истины и примирения) и Руанде (народные суды Гачача)⁷³.

1.3. Радикализация и дерадикализация молодежи: социально-психологический анализ

Введение

Проблемы экстремизма, радикализации и дерадикализации носят комплексный, междисциплинарный характер и требуют привлечения к их разрешению разнообразных специалистов: юристов, политологов,

историков, специалистов в сфере общественной безопасности, религиоведов и, конечно же, психологов. Каждая наука рассматривает эти сложные явления со своей точки зрения, изучая средствами и методами, доступными данной науке. В настоящем разделе представлен анализ современных подходов к экстремизму, радикализации и дерадикализации с точки зрения современной социальной психологии.

Экстремизм как социально-психологическое явление изучен недостаточно, на что указывают отечественные психологи⁷⁴. Сложность его изучения может быть связана, по мнению ряда зарубежных ученых⁷⁵, с определенной политизированностью явления. Правовая оценка экстремизма дана в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ*, в котором применяются следующие основные понятия: экстремистская детальность, экстремистские организации, экстремистские материалы и символика.

В различных науках традиционное определение экстремизма** дается через такие понятия, как «крайний, чрезмерный», или как приверженность крайним взглядам, методам действий (обычно в политике). Однако данное определение не раскрывает сути явления; при этом важно понимать, что в российском дискурсе отсутствует единое понимание экстремизма⁷⁶. Проведенные социально-психологические исследования это доказывают⁷⁷.

Экстремизм и радикализм с точки зрения социальной психологии

Какова суть и природа экстремизма как социально-психологического явления? С точки зрения В.В. Гриценко и Н.В. Муращенковой, экстремизм «является типом девиантного поведения, проявлением кризиса идентичности»⁷⁸, разновидностью зла и насилия, так как экстремистская идеология допускает насилие для достижения своих целей и решения задач; при этом насилие представляется как единственный способ решения проблем. Психологический анализ экстремизма характеризует его как проявление агрессии и интолерантности. В качестве фактора, запускающего экстремизм, психологи рассматривают ксенофобию, то есть боязнь «чужого».

* Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (дата обращения 19.04.2022)

** Российский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 2. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. 1023 с.

Авторы, основываясь на анализе различных психологических подходов к экстремизму, дают свое, обобщенное определение этого явления: экстремизм «представляет собой вид насилия, целенаправленное преднамеренное агрессивное поведение личности (речевое или деятельное) по отношению к другому человеку или социальной группе, связанное с нарушением базового чувства доверия к миру, мотивированное идеологией личного превосходства, нетерпимостью и ксенофобией к объекту насилия»⁷⁹.

Наибольшую вовлеченность в экстремистские и террористические организации демонстрируют молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет (в среднем 80% участников организаций экстремистского толка составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет⁸⁰), поскольку, по мнению экспертов, «эта возрастная группа наиболее чувствительна к пропаганде терроризма, так как имеет мало “иммунизирующих” к такой пропаганде личностных ресурсов»⁸¹. Для молодежи характерна подверженность чужому влиянию, внушению и манипулированию; недостаточная стрессоустойчивость. Важно учитывать, что устойчивость к стрессу является одним из факторов, определяющим подверженность вовлечению в террористическую деятельность⁸². Снижение устойчивости к стрессу приводит к формированию в т.ч. асоциальных установок, нарушающих взаимоотношения человека и общества. Такие люди более уязвимы к внешнему давлению и склонны к совершению противоправных поступков⁸³.

Для молодежи характерен пониженный инстинкт самосохранения; у молодежи меньше социальной ответственности. Кроме того, для подростков и молодежи характерна интернет-зависимость: 80% молодежи попадают в экстремистские организации через интернет, недавно современную молодежь называют «онлайн-молодежь» («*youth go online*»)⁸⁴. На представленном рисунке видно, каков механизм вовлечения в экстремистские сообщества молодежи в зависимости от типа преимущественного использования интернета. Чем шире спектр активности молодежи в интернете, тем, по мнению авторов, выше риск вовлечения в экстремистскую деятельность.

Важным фактором вовлечения в экстремистскую деятельность является то, что для подростков свойственна романтизация и героизация противоправных и агрессивных действий. По мнению О.Е. Хухлаева и И.М. Кузнецова, «для подростков практики нарушения сложившихся общественных норм часто являются популярными маркерами “героизма”, “крутости”, мужественности и потому оцениваются как высоко-

престижные»⁸⁵. Поэтому необходимо быть крайне внимательным в отборе материала, используемого в качестве профилактики какой-либо противоправной деятельности, в т.ч. экстремистской. Специалист, в обязанности которого входит профилактика каких-либо негативных явлений среди подростков и молодежи (это может быть также и профилактика аддикций), должен быть осведомлен о психологических особенностях подросткового возраста и внимательно относиться к отбору материала и методов его донесения до молодежи, чтобы не послужить невольной причиной интереса молодых людей к экстремистской деятельности или к употреблению наркотиков.

Алгоритм вовлечения молодежи (групп риска) в экстремистскую деятельность
(по О.В. Кружковой, И.В. Воробьевой, Д. М. Никифоровой)⁸⁶

Тип пользователей Интернет	Шаг 1	Шаг 2	Шаг 3	Шаг 4	Шаг 5	Шаг 6
	«Зацепка»	Аффилиация	Оценка	Когниция	Эмоция	Поведение
Общительные	Установление контакта, провокация диалога	Формирование заинтересованного неравнодушного отношения к актору	Выявление индивидуальных «болевых точек»	Индивидуальное информационное воздействие, вовлечение в диалог на околоэкстремистские и экстремистские темы	Формирование желаемого образа отношения адресата к экстремистскому поведению	Формирование готовности к экстремистскому поведению
Самовыражающиеся	Одобрение самовыражения					
Геймеры	Совместная игровая деятельность, вхождение в команду					
Зарабатывающие	Коммерческое предложение «невинного толка» для «легкого» заработка					
Интересующиеся	Формирование импульса к любопытству					

Молодые люди с заниженной самооценкой через участие в экстремистских организациях реализуют себя как «героя», способного изменить мир⁸⁷. Интересно, что, по данным отечественных психологических исследований, «гипертрофированные представления о себе как мессии, призванной установить общественный порядок, проявляются в эмпирических исследованиях у 69% молодежи»⁸⁸.

Радикализация – это процесс, при котором индивид использует радикальные средства в качестве способа достижения цели. Радикальными считаются средства, выходящие за нормативные рамки социума⁸⁹. При этом воинствующими экстремизмом называют ревностное следование набору убеждений и ценностей, сочетающее в себе два ключевых признака: пропаганду действий, выходящих за рамки нормы, и намерение и готовность прибегнуть к насилию⁹⁰.

При рассмотрении экстремизма и радикализма нередко можно встретить определение «религиозный». Чаще всего мы можем увидеть словосочетание «исламский радикализм». Однако нужно понимать, что причинами вовлечения в экстремистскую деятельность является не религиозная доктрина как таковая, а ее ошибочно либо намеренно искаженная трактовка экстремистами. Поэтому речь должна идти о «религиозно мотивированном экстремизме» / радикализме. В данном контексте интересным взглядом на проблему религиозно мотивированного экстремизма является точка зрения французского исламоведа О. Руа, который рассматривает процесс радикализма религиозности в исламе не как радикализацию ислама, а как исламизацию радикализма⁹¹. Проведенные нами исследования показывают⁹², что рост выраженности религиозной идентичности у мусульманской молодежи не приводит к повышению неприязни к другим национальностям. Религия здесь может играть роль «фонового» фактора, ведущие причины межгрупповой неприязни лежат в иной плоскости. Как отмечает С.В. Рыжова, «риски этнической и конфессиональной нетерпимости порождаются не верой, а трактовкой религиозным сознанием острых социальных противоречий и проблем»⁹³.

Трехмерная модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански

В настоящее время наиболее известной моделью, объясняющей радикализацию, является модель Д. Веббера и А. Круглански. В трехмерной модели радикализации Д. Веббера и А. Круглански⁹⁴ рассмат-

риваются три составляющих, которые последовательно приводят человека к вхождению в радикальные группы:

- 1) потребности (*needs*) – индивидуальные потребности/мотивации,
- 2) идеологии (*narratives*) – идеологические нарративы культуры, в которую встроены индивид, и
- 3) сеть (*network*) – социальная сеть индивида.

Индивидуальные потребности – это широкий круг индивидуальных мотивов, за которыми стоит базовая мотивация – поиск значимости. В реализации фундаментальной человеческой потребности быть кем-то, быть уважаемым в глазах других людей, обладать чувством человеческого достоинства содержатся индивидуальные мотивы радикализации, которые приводят человека в радикальные группировки. Формы реализации этой потребности могут быть различными: статус, месть, лояльность лидеру – они изучаются в различных исследованиях⁹⁵. Триггерами для активизации данной мотивации служат как непосредственно потеря значимости, так и угроза ее потери, что проявляется в переживаниях унижения, бесчестья, стыда, а также возможности повышения значимости. Важно, что радикальный способ восстановления значимости – лишь один из многих.

Идеологии, определяющие, каким путем будет двигаться человек, мотивируемый на восстановление значимости⁹⁶, являются второй составляющей трехмерной модели. Групповая идеология обозначает, какие способы обретения значимости являются социально одобряемыми. Так, в одной среде обрести значимость можно через получение образования, а в другой – через радикальные поступки и экстремистскую деятельность.

Необходимыми элементами идеологий, одобряющих воинствующий экстремизм, являются:

- а) четкое обозначение происходящего с группой как несправедливости,
- б) идентификация виновников, за это ответственных, и
- в) оправдание насилия как подходящего ответа виновнику за несправедливые обиды⁹⁷.

Соответствующая идеология «должна одобрять насилие и причинение вреда другим людям – вещи, которые обычно воспринимаются как аморальные и снижающие значимость, – и превращать их в законные действия»⁹⁸. Именно поэтому во многих исследованиях радикализация измеряется не напрямую как поддержка той или иной террористической организации, а как одобрение, оправдание

межгруппового насилия, которое лежит в основе экстремистского мышления⁹⁹.

Групповое насилие возможно при поддержке и одобрении группы. Поэтому третьей составляющей радикализации является социальная сеть индивида. При этом отчуждение от широкого социума дает хорошую возможность для вербовки в мини-группу экстремистской направленности¹⁰⁰.

Потеря значимости не обязательно ведет к радикализации, а является только основой для нее. Психологи выделяют целый ряд механизмов, которые повышают привлекательность экстремизма и способствуют тому, что поиск значимости приводит к насилию¹⁰¹. Один из этих мотивов – переживание неопределенности и последующая реакция на нее. События, переживаемые как потеря значимости, показывают несоответствие между желаемым образом «Я» и текущим состоянием, в связи с чем повышается тревога и неопределенность. Переживание неопределенности и сопутствующей ей тревоги мотивирует поведение, направленное на уменьшение несоответствия между позитивным представлением о себе и унижительным опытом в реальности. В связи с этим возникает потребность в когнитивной завершенности, то есть стремление как можно быстрее снизить двусмысленность самовосприятия и обрести уверенность.

Для ищущих определенности именно экстремистские идеологии чрезвычайно привлекательны, так как они четко делят мир на черное и белое, на добро и зло¹⁰². Т.н. черно-белое мышление, отражающееся в предельно однозначной категоризации «мы-они», делает нарративы экстремистских групп более ценными для людей с высокой потребностью в когнитивной завершенности¹⁰³.

Изучение мотива снижения неопределенности¹⁰⁴ легло в основу теории неопределенности-идентичности (М. Ногг), которая объясняет, почему люди примыкают к бандам, вступают в группировки с экстремистскими и радикальными взглядами¹⁰⁵ и действуют в соответствии с нормами этих групп. Современный мир непредсказуем и характеризуется сильнейшей степенью неопределенности, турбулентности. В связи с этим у индивида возникает множество вопросов о том, как жить, чем руководствоваться в жизни, как нужно думать и действовать. С целью разрешения этого неопределенного состояния индивид стремится к другим, которые помогут ему понять, как думать, чувствовать и действовать¹⁰⁶. Чем сильнее и невыносимее чувство неопределенности, тем больше индивид стремится к группам, обладающим

такими особенностями, как высокая гомогенность группы; специфический прототип – ясный, предписывающий, согласованный (исключается инакомыслие, которое порождает сомнения и неопределенность); сильно выраженное отличие этой группы от других¹⁰⁷. За счет принадлежности к таким группам происходит снижение неопределенности, а также обретение всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной и предписывающей в крайней степени социальную идентичность и чувство «Я». То есть идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает индивида к радикальным действиям.

В ситуации, когда человек в целом имеет низкую терпимость к неопределенности, предпочитает максимально четкую структуру и порядок, он оказывается подвержен риску радикализации. Чувство незначительности членов радикальных группировок положительно связано с экстремизмом, но при этом данная связь опосредована потребностью в когнитивной завершенности¹⁰⁸. Потребность в когнитивной завершенности обеспечивает большую устойчивость радикальных взглядов, их меньшую подверженность контрэкстремистской пропаганде. Кроме того, потребность в когнитивной завершенности способствует более экстремальной дифференциации между ингруппой и аутгруппой¹⁰⁹. В целом радикальные идеологии жестко фиксируют разницу между ингруппой и аутгруппой, «своими» и «чужими», поэтому лучше воспринимаются людьми, готовыми к такому противопоставлению.

Таким образом, потеря личной значимости ведет к повышению потребности в когнитивной завершенности, которая, в свою очередь, стимулирует поддержку радикализации.

Интеллектуальная скромность и низкая потребность в когнитивной завершенности как компоненты непредубежденного мышления

Современная психология, интегрируя многообразие философских традиций и результаты многочисленных эмпирических исследований, обозначает признание неопределенности и ограниченности своих познаний как познавательную или интеллектуальную скромность, которая является составной частью мудрости и повышает позитивное восприятие аутгруппы, а также снижает поляризацию установок в конфликте¹¹⁰. Отсутствие интеллектуальной скромности рассматривается как одно из проявлений когнитивной ригидности¹¹¹, которая, в свою

очередь, является предиктором ряда негативных социально-политических последствий¹¹².

Интеллектуальная скромность включает признание того, что конкретное личное убеждение может быть ошибочным, при этом человек внимателен к ограничениям в доказательной основе этого убеждения и к собственным ограничениям в получении и оценке релевантной убеждению информации¹¹³. Составляющими интеллектуальной скромности являются: а) понимание ограниченности (пределов) собственного знания и б) отсутствие интеллектуального высокомерия по отношению к альтернативным точкам зрения¹¹⁴. Э. Крумрей-Манкузо и С. Роуз¹¹⁵ выделяют 4 аспекта интеллектуальной скромности: а) независимость интеллекта и эго, б) готовность к пересмотру своей точки зрения, в) уважение к точкам зрения других людей и г) отсутствие интеллектуальной самоуверенности.

Интеллектуальная скромность как самого человека, так и воспринимаемая интеллектуальная скромность представителя другой стороны в конфликтной ситуации являются предиктором прощения в столкновении на религиозной почве¹¹⁶. При обсуждении межрелигиозных противоречий интеллектуальная скромность является предиктором доверия и близости к партнеру, придерживающемуся противоположных взглядов на вопросы, важные в религиозном контексте¹¹⁷. Респонденты с низким уровнем интеллектуальной скромности более склонны принижать интеллектуальные способности и негативно отзываться о моральном облике своих оппонентов, в меньшей степени готовы дружить с ними¹¹⁸. Как интеллектуальная скромность, так и низкая потребность в когнитивной завершенности являются компонентами непредубежденного мышления¹¹⁹. Исследований связи интеллектуальной скромности и потребности в когнитивной завершенности ранее не проводилось, однако известно, что она негативно связана со смежными конструктами: догматизмом¹²⁰ и интолерантностью к неопределенности¹²¹.

В проведенном нами исследовании¹²², направленном на изучение социально-когнитивных предпосылок поддержки радикальных взглядов, приняли участие 365 жителей России (78,5% – женщины, 21,5% – мужчины) в возрасте от 20 до 66 лет. В исследовании были выдвинуты две гипотезы:

1. Позитивная связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

2. Негативная связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Исследование проводилось в формате онлайн-опроса через сервис опросов «Анкетолог» в сети Интернет. Сначала участник отвечал на вопросы социодемографического характера (пол, возраст и пр.), а затем заполнял опросник на измерение потребности в когнитивной завершенности (краткая версия шкалы потребности в когнитивной завершенности Д. Веббера и А. Круглански¹²³); применяли методику измерения интеллектуальной скромности (опросник М. Лири и др.¹²⁴), проводили измерение потери значимости, а в завершение участник заполнял опросник оценки поддержки радикального насилия¹²⁵.

Результаты исследования показали, что первая гипотеза (связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности) подтвердилась на российской выборке, как и в исследованиях, проведенных в США, Шри-Ланке и на Филиппинах¹²⁶. То, что потеря значимости лежит в основе вхождения в экстремистские группы, является центральным аспектом трехмерной модели радикализации. В исследовании почти 1,5 тыс. участников идеологически мотивированных криминальных действий было подтверждено, что большинство индикаторов потери значимости связаны с поддержкой политического насилия¹²⁷. Разрыв между потребностью быть значимым и ее отсутствием представляет собой пространство неопределенности и мотивирует на действия по ее снижению, повышая потребность в когнитивной завершенности¹²⁸. Радикальные идеологии, составной частью которых является поддержка насилия в разрешении межрелигиозных и межнациональных противоречий, представляют себя их потребителю в качестве неопровержимой истины и четкого, эффективного решения всех вопросов¹²⁹. Потребность в когнитивной завершенности также способствует возвеличиванию ингруппы и поддержке крайних мер против своих врагов¹³⁰ и потому является «удобным» пространством для радикальной идеологии, редуцирующей неопределенность через конкретное обозначение «виновных» и направление действий, восстанавливающих значимость. С другой стороны, влияние, направленное на снижение поддержки радикальной идеологии, воспринимается человеком с высокой потребностью в когнитивной завершенности как пугающее, способное разрушить устойчивую картину мира и с высокой долей вероятности ведет к укреплению радикальных взглядов¹³¹.

В ходе нашего исследования подтвердилась и вторая гипотеза о том, что связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности. Признание собственной ограниченности неизбежно связано с тем, что у человека вырабатывается привычка жить в неопределенном мире, не предпринимая при этом действий, нацеленных исключительно на редукцию неопределенности¹³². Таким образом, интеллектуальная скромность связана с низкой выраженностью потребности в когнитивной завершенности. Экстремистская идеология, предлагающая быстрые и однозначные ответы на вопросы «кто виноват?» и «что делать?», будет с недоверием восприниматься человеком с высоким уровнем интеллектуальной скромности по причине отсутствия у него уверенности в принципиальной возможности подобных ответов. Кроме того, личная интеллектуальная скромность ведет к большей вероятности высокой оценки уровня интеллектуальной скромности представителей аутгруппы¹³³. Представление о том, что представители аутгрупп ощущают ограниченность своих оценок и могут принять альтернативные точки зрения, связана с меньшей вероятностью формирования однозначного к ним отношения, минимизируя способность достичь когнитивной завершенности¹³⁴ в ситуации межгруппового восприятия. Низкая способность достичь когнитивной завершенности, в свою очередь, связана с потребностью в когнитивной завершенности¹³⁵. Низкая потребность в когнитивной завершенности будет находиться в диссонансе с идеей о наличии врага, однозначно «виноватого во всех бедах» ингруппы. Таким образом, люди с более высокой степенью интеллектуальной скромности, вероятно, будут менее подвержены влиянию радикальной идеологии по причине ее несовпадения с индивидуальными особенностями мировоззрения.

Другими психологическими предпосылками вовлечения в террористическую деятельность являются кризисные ситуации; одиночество; психологические травмы. Для современного общества характерен следующий парадокс – это сильная потребность в структурированности жизни на фоне мало чем ограниченной личной свободы. По мнению американского психиатра Г. Сухдео, «современное общество так богато альтернативами, а люди вынуждены так много из чего выбирать, что часто не способны эффективно принимать свои собственные решения. Они хотят, чтобы другие решали за них, а они будут следовать за ними. Часто люди готовы существенно ограничить свою свободу, лишь бы принести какую-то определенность в свою жизнь». В этом смысле экс-

тренинговые организации, предлагающие своим adeptам жесткий порядок, деление мира на «своих» и «чужих», «простое» решение сложных проблем, являются с этой точки зрения «весьма привлекательными», так как они жестко структурируют жизнь своим adeptам, задавая им цели и правила поведения, снижая возможность выбора.

В своих публикациях Е.В. Орел выделяет следующие психологические черты к портрету религиозно мотивированного экстремиста: низкая самооценка, элементы расщепления личности (диссоциативные расстройства), недостаточная личная идентичность, сильная потребность в присоединении к группе, т.е. в групповой идентификации или принадлежности; обостренное переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение потери жизненной перспективы, постоянная агрессивно-оборонительная готовность.

Таким образом, вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность и участие в ней связано с психологическими проблемами и особенностями личности, объясняется через эмпирически доказанные социально-психологические теории и реализуется через психологические технологии пропаганды, которые используются в экстремистских организациях.

Доказательный подход в сфере дерадикализации: проблемы и перспективы

Несмотря на то, что по проблемам вовлечения людей (в т.ч. молодежи) в экстремистскую деятельность накоплено много данных, эффективность реальных социальных практик в этом направлении далека от желаемой¹³⁶. В начале ноября 2020 г. террористический акт в Вене (Австрия) был совершен участником австрийской программы по дерадикализации *Derad*, успешно ее завершившим. Как отметил австрийский политолог Ф. Эдер, «мы видим, что человек участвует в этой программе, а в результате становится не просто менее радикальным, а, наоборот, намного радикальнее»¹³⁷. Безусловно, участие в программах дерадикализации не может на 100% гарантировать возвращение к мирной жизни всех, кто в ней участвует¹³⁸; еще в меньшей степени можно говорить о полной эффективности программ профилактики экстремизма. Однако невозможность достижения полного, идеального результата не говорит о необходимости полного отказа от критериев

эффективности. Напротив, в этой ситуации оказывается еще более ценной возможность хоть в какой-то степени предсказать эффективность социального воздействия.

Обращение к эффективности социального воздействия в современном мире связано с применением доказательного подхода, который является своего рода новой парадигмой области разработки и осуществления социальных и психологических практик¹³⁹. Доказательная практика – «это процесс, в ходе которого специалисты-практики ищут эмпирически обоснованные пути помощи пациентам/клиентам, критически оценивают описанные в научной литературе исследования практических воздействий и используют лучшие из них, чтобы вместе с пациентом/клиентом найти оптимальные способы работы с проблемой. Как можно видеть, доказательная практика предполагает, прежде всего, опору на рациональные обоснования, и научные исследования оказываются частью этого общего процесса обоснованного осуществления практики, привнося в него логику систематических проверок эффектов практических действий»¹⁴⁰.

Очевидно, что в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде доказательный подход приобретает особую важность¹⁴¹. При этом следует отметить, что молодежь как социальная группа в РФ «включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35»*. Несмотря на то, что большая часть молодежного возраста относится к возрасту совершеннолетия, его начало имеет отношение к детству. В связи с этим все социальные практики, имеющие отношение к молодежной среде, должны быть соотнесены с подходами и методологиями социальной работы с детством. В России ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» выступил разработчиком стандарта доказательности социальных практик в сфере детства¹⁴². Представим его подробнее, а затем рассмотрим в контексте профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде.

В основу общей методологии доказательного анализа практики положена модель сбора и анализа данных, позволяющая комплексно подходить к получению новых и оценке имеющихся сведений о замысле, реализации и социальных результатах практик. Существует че-

* Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р).

тыре ключевых направления доказательного анализа, позволяющих оценить уровень доказательности социальной практики: 1) регламентированность практики; 2) обоснованность практики; 3) результативность практики и 4) обоснованность данных о ее результатах. Изложим их содержание, цитируя Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства.

1. Регламентированность практики включает в себя:

- наличие и качество документов, в которых закреплены процедуры практики;
- формы и методы обеспечения качества работы специалистов, реализующих практику;
- формы и методы профилактики в области возможного негативного влияния и рисков;
- соблюдение обязательных требований и процедур в процессе реализации практики.

Максимальная выраженность первого компонента у социальной практики означает высокую степень повторяемости действий, наличие регламентов по основным направлениям деятельности, формализованных в методических рекомендациях и сопровождающих документах.

2. Обоснованность практики включает в себя:

- непротиворечивость/логичность/убедительность причинно-следственной связи между реализацией практики и социальным результатом, который достигается за счет ее применения;
- обоснованность практики с точки зрения ценностей, потребностей, опыта и знаний благополучателей (детей и их семей);
- обоснованность практики с точки зрения специалистов-практиков, работающих с детьми и их семьями;
- обоснованность практики с точки зрения научных теорий и концепций, результатов научных исследований в данной области.

Максимальная выраженность данного компонента у практики означает четкое понимание, за счет чего именно, почему заявленные социальные результаты могут быть достигнуты вследствие предпринимаемых действий и обоснованность этого видения.

3. Результативность практики (достижение социальных результатов) включает в себя:

- степень достижения заявленного социального результата;
- устойчивость социального результата;
- отсутствие негативного эффекта или вреда для благополучателей и сообщества в целом.

Максимальная выраженность данного компонента в практике означает: наличие заявленных социальных результатов в сфере детства, достигаемых за счет реализации практики; устойчивость достигаемых социальных результатов в краткосрочной и долгосрочной перспективе; отсутствие негативного эффекта от реализации практики для благополучателей или сообщества в целом, неухудшение положения целевой группы.

4. Обоснованность данных о социальных результатах практики включает в себя:

- подтверждение социальных результатов данными из разных источников;
- системный характер процедур сбора и анализа данных;
- корректность применения исследовательских инструментов.

Максимальная выраженность данного компонента практики означает, что доказательства достижения практикой социальных результатов получены на основе качественно разработанного и проведенного сбора данных (включая оценочные исследования, прикладные исследования, сбор обратной связи от стейкхолдеров и т.д.).

Кроме уровней доказательности нельзя не обратить внимания на требования к соблюдению этических норм. По утверждению разработчиков Стандарта, можно выделить следующие этические принципы, которые необходимо учитывать при оценке доказательности практики:

- нанесение вреда;
- конфиденциальность и ответственное обращение с личной информацией;
- добровольность участия в исследовании;
- ориентация на субъект-субъектное взаимодействие;
- безоценочная позиция взрослого.

Приведя развернутую характеристику доказательного подхода к социальным практикам, попробуем переложить его на ситуацию с профилактикой экстремизма и дерадикализацией в молодежной среде. Посмотрев на характеристики доказательного подхода, мы можем сказать, что в нашей стране отсутствуют программы и практики, полностью отвечающие всем его требованиям. Далее обозначим основные риски несоответствия программ профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде принципам доказательного подхода.

Во-первых, это практически полное отсутствие регламентированных практик. Большая часть мероприятий в данной области реализу-

ются без каких-либо документов, в которых закреплены их процедуры. При наличии таких документов они носят формально-юридический характер и в них не отражается специфика конкретной процедуры воздействия. Вопрос обеспечения качества специалистов, реализующих данные практики, также остается вне поля внимания. Несмотря на то, что в нашей стране существует профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»¹⁴⁵, в сферу его применения включена только деятельность по профилактике межнациональных конфликтов и пр., но не в области профилактики экстремизма и дерадикализации. Таким образом, на федеральном уровне данное профессиональное поле остается не регламентированным, а требования к профессиональной подготовке специалистов, осуществляющих соответствующие практики, отсутствуют. Также практически никогда не рассматриваются какие-либо возможности негативных последствий применения той или иной практики.

Во-вторых, это отсутствие обоснованности практики. Необоснованность действий в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде связана с тем, что чаще всего их реализацией занимаются неспециалисты в сфере детства и социальных практик. Политологический и другие макросоциальные походы не ориентированы на установление причинно-следственных связей между конкретной практикой и результатом, для них первична ценность самого высказывания. Однако с точки зрения результата важнее оказывается не содержание воздействия, а его последствия, влияние, которое оно окажет.

К сожалению, большая часть практик в рассматриваемой области носит декларативный характер. Позиционируемая в описании практики (например, фестиваля, лекции и пр.) цель декларируется как достигаемая по умолчанию, исходя из того, что практика направлена на ее реализацию. Подобное смещение цели на результат характерно для всех социальных воздействий, но особенно для активностей в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде. Это приводит к тому, что механизм влияния практики не попадает в поле рассмотрения ее авторов и ведущих. Следствием этого является «вымывание» из данного профессионального поля реальных специалистов по причине невостребованности организаторами подобных практик их экспертных знаний. В ситуации отсутствия необходимости достижения практикой реальных предсказуемых ре-

зультатов это приводит к депрофессионализации и бессистемности предметного поля.

Практики в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде не обоснованы с точки зрения научных теорий и концепций, результатов научных исследований в данной области. К сожалению, исследовательская деятельность по данному направлению недостаточна. Так, по результатам поиска в сервисе «поиск проектов» Российского научного фонда нами был обнаружен только один масштабный проект по данной тематике: «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».

В-третьих, результативность какой-либо практики, краеугольный камень любого социального воздействия, в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде в РФ не оценивалась, по нашим данным. Более того, можно предположить, что ряд подобных практик ведет к негативному эффекту. Так, информирование молодежи о недопустимости участия в экстремистских действиях, осуществляемое в виде «запугивания», может привести к обратному эффекту: т.н. «героизации» экстремистской деятельности и повышению желания принять в ней участие. Можно сказать, что большинство действий, выполняемых в рамках практик профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде, слабо соответствуют потребностям самой молодежи и вряд ли позволяют достигать заявленных социальных результатов.

В-четвертых, в отсутствие оценки результативности социальных практик в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде невозможно говорить о степени ее обоснованности. Она просто отсутствует.

Нам известна лишь одна российская социальная практика профилактики экстремизма, хоть в какой-то степени соответствующая принципам доказательности. Это программа профилактики ксенофобии и экстремизма среди детей и молодежи «Безопасный мир», разработанная Федеральным научно-методическим центром в области психологии и педагогики толерантности¹⁴⁴. Также определенным принципам доказательного подхода соответствует технология профилактики экстремизма «streetwork-online», эффективность которой изучена отечественными специалистами¹⁴⁵ и которая транслируется¹⁴⁶ широкому кругу практиков посредством соответствующей программы дополнительного образования ФГБОУ ВО МГППУ.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что деятельность в области профилактики экстремизма и дерадикализации молодежи в России находится на этапе первых попыток использования методологии доказательного подхода к ее планированию и реализации. Следует подчеркнуть, что основой подобных программ, построенных на доказательной базе, должно стать представление о потребностях личности, толкающих ее в сторону радикализации.

Деятельность в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде является ответом на одну из наиболее ярких и в то же время многомерных угроз современного мира. Адекватный ответ здесь возможен только с привлечением всех имеющихся ресурсов современной науки и практики. В этой ситуации использование доказательного подхода в практиках профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде может вывести данную деятельность на качественно иной уровень, обеспечить ее реальную нацеленность на решение социально важных задач и способствовать эффективному распространению в общестрановом масштабе.

1.4. Финансовые аспекты дерадикализации исламистов

Актуализированные программы и проекты дерадикализации исламистов помимо насущных административных и юридически-правовых положений обычно содержат немаловажные предложения по финансированию перехода боевиков и исламистов к мирной жизни, возвращению участников гражданских войн и боестолкновений, а также перемещенных лиц и беженцев из соседних пограничных государств к местам их прежнего постоянного проживания, в первую очередь в провинциальных сообществах и местных деревенских поселениях в своих родных странах.

Важно, что при этом многоуровневые стратегии дерадикализации исламистов в настоящее время в немалой степени поддерживаются и, главное, опосредованы мероприятиями по трансформации исламского финансового права.

Целенаправленная рационализация исламского финансового права, его гибкость и эффективное адаптивное реагирование на действующие условия функционирования мировых финансовых рынков обу-

словили определенный отход от ряда господствующих в нем норм и обычаев шариата и обеспечили возможность использования исламскими финансовыми и банковскими организациями в их текущей операционной и инвестиционной деятельности некоторых ключевых положений англосаксонского прецедентного права, в частности, для беспрепятственного привлечения ими в необходимых случаях дополнительных внешних заемных ресурсов.

Изменения в исламском финансовом праве непосредственно повлияли на текущие финансовые стратегии:

- исламских банков и всей сформировавшейся диверсифицированной структуры исламского банкинга в его различных институциональных формах и ответвлениях¹⁴⁷;
- парабанковских учреждений, квазибанковских учреждений и банков микрофинансирования;
- исламских страховых организаций и специализированных институтов исламского страхования Такафул*;
- исламских микрофинансовых организаций и фондов микрофинансирования различной специализации и организационно-правовых форм, на регулярной основе осуществляющих мелкорозничное потребительское финансирование заемщиков на основе используемой ими ключевой модели «доверительное инвестирование».

Большую роль в поддержке процессов дальнейшего совершенствования исламского финансового права в его современном толковании, безусловно, сыграла астанинская Организация по реформированию и рационализации исламского банковского дела при прямой поддержке и содействии правительства Казахстана. Эволюционная трансформация исламского финансового права, в свою очередь, обусловила дальнейшее усиление особой роли всего спектра микрофинансовых организаций и фондов, а также банков микрофинансирования в качестве реального ключевого инструмента целенаправленной дерадикализации исламистов во многих мусульманских странах, возвращения боевиков, перемещенных лиц и беженцев к постоянной трудовой профессиональной занятости и нормальной мирной жизни в местах их прежнего проживания.

* Такафул (араб. تكافل – «предоставление взаимных гарантий») – это система страхования, в основе которой лежит механизм распределения прибылей и убытков между участниками и оператором, соответствующий нормам шариата, опирающимся на Коран и Сунну.

Развитие системы исламского микрофинансирования как инструмент профилактики радикализма

В исламистских сообществах дерадикализация боевиков и их переход к мирному сосуществованию и законной трудовой деятельности опосредствуются и в немалой степени поддерживаются ссудными программами исламских микрофинансовых организаций и банков микрофинансирования. Именно эти финансовые учреждения различных форм собственности и специализации оказались в состоянии целенаправленно расширять финансирование процессов дерадикализации боевиков и их возвращения к мирной жизни¹⁴⁸.

Приоритетный лозунг финансовых стратегий этих институтов – по сути фундаментальное положение целевых программ дерадикализации, осуществляемых на сегодняшний день исламскими микрофинансовыми организациями, фондами и банками микрофинансирования: «Если боевики и исламисты будут иметь достойную альтернативу, у них будет квалифицированная профессиональная занятость, то они не станут дальше сражаться и расширять кровавые боестолкновения как в своей стране, так и за рубежом».

Положение о создании либо обеспечении для исламистов жизненно важной для них альтернативы в настоящее время стало, по сути, ключевым элементом значительного числа актуализированных программ дерадикализации боевиков и постепенного их возвращения к мирной жизни и регулярной трудовой деятельности, разработанных и реализованных исламскими микрофинансовыми организациями. Немаловажно, что целенаправленное совершенствование исламского финансового права позволило исламским банкам и микрофинансовым организациям открывать и постоянно вести свои корреспондентские счета, ссудные счета в других банках, фондах и специализированных финансовых учреждениях, проводить с ними расчетные, ссудные и инвестиционные трансакции, а главное, свободно пополнять свои пассивы за счет привлечения дополнительных заемных средств из различных внешних источников, включая синдицированные займы.

Закономерно, что важнейшими в текущей деятельности исламских микрофинансовых организаций стали следующие целевые ссудные и инвестиционные программы:

– программа «Разоружение, демобилизация и реинтеграция», нацеленная на финансовое обеспечение постоянной трудовой занятости

исламистов и бывших боевиков, предоставление им работы на базе официальных трудовых договоров;

– целевое финансирование, в т.ч. адресное, обучение востребованным рабочим профессиям, подготовка техников и аграриев, включая выделение специальных средств на профессиональную подготовку юношей 15–18 лет, которые никогда не обучались в школе, не смогли получить профессиональное образование, не имеют требуемой квалификации и необходимых навыков, зачастую они не в состоянии работать по какой-либо конкретной профессии;

– комплексные программы обучения, переобучения и повышения квалификации для молодых мужчин в возрасте от 17 до 35 лет, в т.ч. нелегальных государственным структурам и действующему в их стране политическому режиму, прежде всего безработных юношей из сельских и отдаленных районов страны¹⁴⁹.

Подобного рода программы и специальные целевые проекты по подготовке самозанятых и частных национальных предпринимателей, профинансированные микрофинансовыми организациями и банками, включали обучение вовлеченных в эти программы и проекты участников, прежде всего, по следующим востребованным и перспективным профессиям и специальностям в следующих отраслях и секторах хозяйства в своей стране:

- раскрой и пошив одежды (портняжное дело);
- розничная торговля (торговый бизнес в его широком толковании и его обслуживание);
- работа на велосипедах (курьерские операции, доставка грузов, пассажирские перевозки и др.)¹⁵⁰;
- ремонт велосипедов, легковых машин и других транспортных средств в автомастерских, а также подготовка самозанятых по ремонту автомобилей и велосипедов;
- подготовка строительных рабочих, в т.ч. малоквалифицированных (подготовка и уборка объекта после работы, разведение водой цемента, первичные работы с готовым цементом, кладка кирпича и др.).

Кейсы успешной реализации программ дерадикализации с привлечением микрофинансирования в Африке

Микрокредиты (микрофинансовые займы) и обучение поездкам и работе на велосипедах в качестве такси для перевозки малогабаритных грузов, а главное, пассажиров имели во многих странах особый

успех. По данным экспертов *United Nations Conference on Trade and Development* (ЮНКТАД)*, лица, обученные пассажирским и грузовым велосипедным перевозкам, могли свободно зарабатывать до \$15 в день. Как свидетельствуют данные специального исследовательского департамента ООН, таким самозанятым их регулярного ежедневного дохода обычно хватало, чтобы полностью погасить первичный заем (ссуду) от микрофинансовой организации на реализацию своего профильного велосипедного проекта и формирование необходимого базового стартового капитала (в достаточно сжатый срок – обычно в течение 6 месяцев с начала своей регулярной трудовой деятельности по велосипедным перевозкам). Более того, успешно работающие владельцы велотакси (велорикши) дополнительно также получали реальную возможность привлечь новые, более крупные сопутствующие займы (микрофинансовые ссуды) от действующих в стране микрофинансовых организаций (местные агентства, сообщества, микрофинансовые ассоциации и др.). Эти новые займы позволяли таким самозанятым приобрести второй велосипед, нанять еще одного нового работника, расширить и диверсифицировать сферы своего регулярного велосипедного бизнеса по перевозке грузов и пассажиров на велотакси.

Успешная работа на велосипедах-такси в качестве велорикшей стала важным источником регулярного дохода для многих самозанятых, прежде всего молодых мужчин от 17 до 35 лет (бывших военных и боевиков, которые участвовали в гражданских войнах и боестолкновениях), а также подростков – их повзрослевших детей – в целом ряде стран Азии и Африки.

В этой связи лишь в качестве иллюстрации отметим, что специальный проект по вовлечению бывших военных и боевиков, а также их детей в велосипедные перевозки различного целевого назначения в 2005–2010 гг., реализованный в северном городке Ганта (*Ganta*) в Либерии, был столь успешен, прежде всего, в финансовом отношении для вовлечения в проект самозанятых, что специализированному Фон-

* *United Nations Conference on Trade and Development* – Конференция ООН по торговле и развитию. Орган Генеральной Ассамблеи ООН. Конференция создана в 1964 г. Штаб-квартира находится в Женеве. ЮНКТАД способствует интеграции развивающихся стран в мировую экономику, содействуя их развитию. Постепенно ЮНКТАД превратилась в авторитетный, опирающийся на обширные познания институт, деятельность которого помогает формировать текущие дебаты о политической программе и развитии. Конференция насчитывает 195 стран. Решения ЮНКТАД принимаются в форме резолюций и имеют рекомендательный характер.

ду строительства (восстановления) мира, действующему при ООН, правительством Либерии было официально предложено поддержать и профинансировать (дотировать)¹⁵¹ подобного рода велосипедные проекты в других городах и поселениях страны.

Среди других специальных программ исламских микрофинансовых организаций и банков микрофинансирования по целенаправленной дерадикализации боевиков и исламистов, по нашей оценке, выделяются:

- целевое инвестиционное финансирование мелких и средних частных национальных предпринимателей, включая самозанятых, в т.ч. в долларах США;

- финансовая поддержка и стимулирование возвращения боевиков, перемещенных лиц, беженцев из соседних стран к местам их прежнего постоянного проживания в провинциальных сообществах и поселениях;

- целевые программы финансирования обучения и обеспечения регулярной занятости бывших женщин-боевиков¹⁵²;

- другие специальные проекты и адресные программы дерадикализации исламистских сообществ.

Деятельность микрофинансовых организаций и банков по оказанию дополнительной финансовой помощи для работы самозанятых и развития в стране местного (национального) частного предпринимательства во многом сконцентрирована на формировании у местных провинциальных советов в стране, у различных ассоциаций, объединений, товариществ и сообществ реальной заинтересованности в технической и финансовой поддержке самозанятых и национальных частных предпринимателей. Они должны получить возможность создавать у себя специальные (целевые) финансовые и страховые фонды и затем распределять аккумулированные средства для оказания адресной поддержки самозанятых и развития местного мелкого частного национального предпринимательства среди бывших военных, участников боестолкновений, исламистов и их детей, а также безработной молодежи от 15 до 18 лет, численность которой в большинстве стран Азии и Африки растет крайне интенсивно¹⁵³.

Микрофинансирование на службе профилактики женского радикализма

Что касается целевых программ микрофинансирования обучения и обеспечения регулярной занятости бывших женщин-боевиков, то сис-

темный анализ экспертами ООН реализованных в ряде стран Африки комплексных программ микрофинансирования (осуществленных суверенными микрофинансовыми организациями и банками микрофинансирования) выявил, что значительная часть их займов и ссуд обычно направляется отдельным группам женщин-заемщиц, в первую очередь тем группам, которые вовлечены в регулярную торговую деятельность и в мелкое частное предпринимательство в торговой сфере, в т.ч. самозанятых. Эти заемщицы-женщины самостоятельно производят продовольственную продукцию и затем реализуют ее на местных рынках либо в собственных торговых точках.

В этой связи лишь отметим, что ведущие банки микрофинансирования в Либерии в своих годовых отчетах специально отмечают, что не менее 90% их клиентов – физических лиц – женщины, занимающиеся постоянной самостоятельной трудовой деятельностью. Основная часть таких займов и ссуд предоставляется женщинам, постоянно проживающим в городских районах и поселениях, а также в сельских поселках и деревнях, находящихся рядом с главными дорожными артериями и магистралями в стране (шоссе, дороги с твердым покрытием и др.).

Целевые адресные микрофинансовые программы обеспечения занятости женщин-боевиков на узких или в лучшем случае крайне ограниченных высококонкурентных рынках в сфере услуг в мусульманских странах включают финансирование обучения и переподготовки вовлеченных в них участниц по следующим видам регулярной профессиональной деятельности:

- производство продуктов питания массового потребления;
- мелкорозничная торговля на рынках либо в отдельных торговых точках;
- работа в швейных и пошивочных мастерских;
- велотакси и велорикши по перевозке грузов и пассажиров, включая курьерскую доставку товаров;
- производство щебня, дробление скальных пород, камня и булыжников для целей восстановления дорог с твердым покрытием (в т.ч. пострадавших от гражданских войн и боестолкновений). На этот вид продукции в большинстве стран Азии и Африки сохраняется высокий и устойчивый платежеспособный спрос.

Большинство бывших женщин-боевиков, вовлеченных в подобного рода программы реабилитации, включаются в регулярную торговую деятельность, мелкое частное предпринимательство и посредничество

в торговой сфере, в т.ч. в статусе самозанятых. Большинство из них производят на дому продовольственную продукцию массового спроса и затем сами реализуют ее на местных рынках либо в отдельных собственных торговых точках.

Программы поддержки беженцев и беднейших слоев населения, подверженных радикализации

Данные адресные программы микрофинансовых организаций по вовлечению в постоянную трудовую занятость исламистов-боевиков, бывших военных – участников боестолкновений (демобилизированных военнослужащих), распространялись также на многочисленные (и в тенденции – устойчиво растущие) группы беженцев и перемещенных лиц. Немаловажно, что одновременно, как никогда ранее, в ряде стран Азии и Африки заметно увеличивается социальная помощь со стороны государства и ряда международных организаций (в первую очередь специализированных фондов помощи и восстановления мира, на постоянной основе действующих в рамках ООН) беднейшим слоям населения, особенно сильно пострадавшим от гражданских войн и боестолкновений в своих странах.

Эта помощь предоставляется не только непосредственным участникам боевых действий, но и их выросшим после войны и боестолкновений уже взрослым детям, зачастую вообще не имеющим никакой профессиональной подготовки, что не позволяет им найти какую-либо постоянную работу. Предоставление такой целевой помощи беднейшей части населения осуществляется, прежде всего, в следующих основных формах:

- выдача наличных средств на руки в местной национальной валюте (в форме особых нецелевых адресных субвенций и субсидий);
- обучение, подготовка и переподготовка профессиональных рабочих кадров и техников за счет средств государственного бюджета и помощи международных организаций и фондов (в т.ч. неправительственных), прежде всего промышленных и строительных рабочих, в первую очередь из числа молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет;
- обеспечение нерегулярной (сезонной) и краткосрочной занятости безработной молодежи обычно на общественных работах (прежде всего, работах по строительству и ремонту дорог с твердым покрытием).

Основные вызовы эффективной реализации программ дерадикализации

Однако у правительств большинства и мусульманских, и немусульманских стран Азии и Африки усиливается нехватка как собственных регулярных бюджетных ресурсов, так и средств, привлеченных ими от международных организаций и фондов (включая специализированные учреждения и целевые фонды ООН), для оказания необходимой (и в тенденции – все более значительной по своему объему) регулярной финансовой помощи как бывшим военнослужащим и привлеченным (мобилизованным) участникам боевых действий и гражданских войн, так и, прежде всего, исламистам и их выросшим после гражданских войн детям. При этом до сих пор сохраняется резко усилившаяся за истекшее десятилетие необходимость оказания государством квалифицированной, подчеркнем, психологической помощи многим боевикам и их семьям, в т.ч. исламистам – участникам кровавых боестолкновений в своей стране и за рубежом.

Существенное увеличение масштабов регулярной мобилизации местных денежных накоплений и наряду с этим внедрение четкого системного регулирования их текущих платежно-расчетных, ссудных и инвестиционных транзакций обусловили особую важность регулярной деятельности в значительном числе стран Азии и Африки специализированных микрофинансовых организаций и банков микрофинансирования. Важно, что именно микрофинансовые организации стали играть, по сути, ключевую роль на местных кредитных рынках (и в целом на местных рынках ссудного капитала) во все более значительном числе азиатских и африканских стран, причем не только мусульманских.

При этом все более заметно сокращается приток регулярной официальной помощи развитию, в т.ч. приток средств от специализированных международных организаций и фондов, субсидирующих процессы дерадикализации исламистов во многих странах Азии и Африки. На деле экстренная финансовая помощь и микрофинансовые займы обычно слишком малы, незначительны по своей сумме. Ныне, как никогда ранее, крайне актуальной задачей становится увеличение объема т.н. средних микрофинансовых ссуд и займов, которые на регулярной основе должны предоставляться микрофинансовыми организациями и банками микрофинансирования более широкому кругу заемщиков, в т.ч. не только первоклассным.

Крайне негативными по своим прямым последствиям факторами, все более препятствующими дерадикализации исламистов в современном мире, являются:

- резкий рост безработицы непосредственно среди молодежи в возрасте от 15 до 20 лет. Он стал реальной угрозой миру и политической стабильности в мусульманских регионах современного мира;
- экономика мусульманских стран слабо растет, она не в состоянии обеспечить создание и значительный прирост новых рабочих мест, чтобы добиться повышения занятости трудоспособного населения в национальной экономике;
- дальнейшее падение темпов притока официальной внешней помощи развитию мусульманских стран;
- рецессия, сокращение и последующее падение темпов роста мировой экономики, резко усилившиеся в 2020–2022 гг.;
- растущие диспропорции в развитии аграрного сектора экономики многих стран Азии и Африки, продолжающееся массовое бегство трудоспособного населения, прежде всего молодежи из традиционных сельских районов – производителей основных видов товарной сельскохозяйственной продукции в этих странах.

Незанятость и растущая безработица, прежде всего молодежи, в первую очередь самой молодой части трудоспособного населения в возрасте от 17 до 22 лет, официально квалифицируется как одна из трех непосредственных ближайших угроз (или рисков высокого уровня) для обеспечения мира, стабильности и безопасности во многих странах Азии и Африки наряду с гигантским расцветом коррупции в этих странах и увеличением производства, незаконным трафиком и реализацией тяжелых наркотических средств как растительного происхождения, так и синтезированных*. Наркотрафик в его современных формах постоянно растет в этой группе стран.

В этой связи отметим, что в странах, переживших в 1990–2010 гг. тяжелые гражданские войны, боестолкновения, террористические атаки, в ряды безработной молодежи все интенсивнее вливаются повзрослевшие дети боевиков, исламистов, бывших демобилизованных военных, беженцев, перемещенных лиц и других участников военных действий. По официальным данным, текущая (заявленная) безработи-

* Global Employment Trends for Youth 2020: Africa. Pp. 1–3. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737670.pdf (дата обращения 15.10.2021)

ца в формальном секторе экономики целого ряда африканских стран в 2010–2022 гг. устойчиво составляла порядка 80% трудоспособного населения страны*. Интенсивное создание в них новых рабочих мест, существенное повышение постоянной занятости трудоспособного населения нередко остаются лишь недостижимыми, по сути, декларациями в целом ряде официальных государственных программ долгосрочного устойчивого развития. Создание ежегодно 200–300 тыс. новых дополнительных постоянных рабочих мест для реального повышения уровня занятости трудоспособного населения зачастую остается объективно невыполнимой задачей в большинстве стран Азии и Африки, включая страны т.н. среднего уровня экономического развития¹⁵⁴.

Положение с увеличением регулярной занятости молодежи в значительной мере ухудшается из-за крайне слабого, а зачастую негативного роста частного национального предпринимательства, в т.ч. самозанятых. Суть дела в том, что многие боевики и исламисты, если не их значительная часть, никогда не учились в школе, не имеют начального образования, а главное, у них отсутствуют какая-либо необходимая профессиональная подготовка и технические навыки, чтобы успешно работать по какой-нибудь востребованной специальности**.

В полной мере это касается их возможностей работать на стройках подсобными рабочими низшей квалификации, в частности, разводить водой и готовить цемент, работать с цементом и бетоном, делать кирпичную кладку. Также у них возникают немалые трудности с получением постоянной работы по контракту в сельскохозяйственном производстве как при выращивании растениеводческой продукции, так и особенно в животноводстве (выгул, уход, кормление, лечение, доение скота и др.).

Все эти крайне негативные проблемы, препятствующие росту занятости молодежи и более активному становлению частного национального предпринимательства в странах Азии и Африки, переживших в 1980–2005 гг. тяжелые гражданские войны и боестолкновения, в полной мере касаются, подчеркнем, детей боевиков, исламистов, а также детей демобилизованных военнослужащих. Как и их родители, дети боевиков и исламистов, родившиеся после 2005 г., также не имеют не-

* World Employment and Social Outlook: Trends 2021 International Labour Office – Geneva: ILO, 2021. Pp. 40–44.

** Report on Employment in Africa (Re-Africa) – Tackling the Youth Employment Challenge. International Labour Office – Geneva: ILO, 2020. P. 16.

обходимого профессионального образования, многие из них подвергались издевательствам и неоправданному жестокому насилию, большинству из них в возрасте 15–17 лет крайне трудно найти работу по официальным трудовым соглашениям с работодателями. Многие такие молодые люди, отметим, по сути, психологически не готовы адаптироваться к постоянной трудовой занятости, работе по контракту, в т.ч. регулярной занятости на временных и сезонных работах как в промышленном секторе, так в немалой степени в сельскохозяйственном производстве. Зачастую их далеко непросто вовлечь в добровольные общественные работы, финансируемые государством, некоторыми международными организациями и частными фондами¹⁵⁵. Подобные общественные финансируемые государством программы (в частности, ремонт и строительство дорог с твердым покрытием, лесопосадки, водообеспечение поселков и деревень и др.) в лучшем случае обеспечивают лишь частичную кратковременную занятость вовлеченной в них молодежи, в первую очередь молодых мужчин в возрасте 15–20 лет, хотя и приносят им некоторый стабильный денежный доход и материальное обеспечение в течение такой работы.

Очень немногие африканские страны в состоянии добиться устойчивого развития национальной экономики, они не имеют необходимых бюджетных доходов и средств из других источников финансирования, чтобы поддерживать экономический рост за счет увеличения денежных вливаний и направления массивованных бюджетных расходов в ключевые отрасли и секторы хозяйства. Резко растет цена внешних заимствований многих развивающихся стран с международного рынка частных ссудных капиталов.

В этих условиях в целом ряде стран (в частности, в Западной Африке), по официальным данным, текущая безработица в официальном (формальном) секторе национальной экономики в 2015–2020 гг. составляла зачастую порядка 80% всего трудоспособного населения страны. 13 наименее развитых стран Африки на современном этапе подвержены внешним экономическим и финансовым шокам, их экономика наиболее уязвима из-за дальнейшей рецессии и последующего падения темпов роста мировой экономики, им уже сейчас требуется предоставление массивованной экстренной внешней официальной помощи развитию (по ряду оценок, не менее \$10–12 млрд ежегодно) без выдвижения каких-либо предварительных условий, предписаний и обязательств по отношению к странам-реципиентам таких внешних заимствований.

Такое крайне сложное положение их национальной экономики неизбежно превращает быстро предоставляемые потоки внешней официальной чрезвычайной помощи развитию (ОПР) во все более жизненно важный для них источник финансирования экономического роста и покрытия растущих дефицитов платежных балансов, с которыми сталкиваются многие азиатские и большая часть африканских государств. Между тем в 2020–2022 гг. стал все более заметно сокращаться объем регулярного притока официальной помощи развитию многим странам Азии и Африки. Это сокращение затронуло как финансовые средства, привлекаемые этими странами, так и, прежде всего, не менее важный для них технологический компонент ОПР.

Были исчерпаны средства многих официальных фондов содействия развитию, в т.ч. учрежденных и действовавших в рамках ООН. Прекратили свою регулярную деятельность и были ликвидированы специализированные фонды экстренной помощи, действовавшие в странах ЕС. Была свернута благотворительная помощь целого ряда частных специализированных фондов и неправительственных организаций стран Западной Европы, в т.ч. зарегистрированных в Великобритании, в частности, целевых фондов и негосударственных организаций, занимавшихся финансированием целенаправленных программ дерадикализации боевиков и исламистов, нейтрализацией исламистских сообществ. Они оказывали, прежде всего, прямую финансовую, материальную, технологическую и медицинскую помощь бывшим военнослужащим, боевикам, исламистам, перемещенным лицам и беженцам в различных регионах развивающихся стран.

В значительной мере ныне свернута, если не сказать полностью прекращена, регулярная помощь со стороны международных организаций и благотворительных фондов по улучшению условий проживания значительных масс населения в сельских районах, деревнях и поселениях в наиболее бедных и отдаленных районах целого ряда азиатских стран и, прежде всего, стран Африки, многие из которых могут в перспективе реально столкнуться с новой гуманитарной катастрофой в своем развитии.

Актуальные тенденции использования исламских финансовых инструментов в целях дерадикализации

В этой связи лишь отметим, что исследования, проведенные в 2010–2020 гг. в ходе реализации в странах Африки Программы разви-

тия ООН (*United Nation Development Programme, UNDP*), выявили достаточно высокий устойчивый рост спроса на мелкие займы и ссуды от заемщиков (прежде всего, физических лиц) во многих странах региона, который действующие в них официальные организации микрофинансирования оказались в состоянии полностью удовлетворить, в немалой степени способствуя дерадикализации боевиков и возвращению исламистских сообществ к регулярной трудовой занятости и мирной жизни, поскольку обеспечивали достойную альтернативу их участию в гражданских войнах и кровавых боестолкновениях как в своих странах, так и за рубежом. Отмечается также рост долевого участия определенных международных банковских институтов и фондов в подписном акционерном капитале целого ряда местных азиатских и африканских банков микрофинансирования начиная с 2010 г. В числе таких внешних акционеров и инвесторов фигурируют Африканский банк развития, Европейский инвестиционный банк, а также, подчеркнем, Международный банк реконструкции и развития (он реализует свое долевое участие в акционерном капитале банков микрофинансирования – реципиентов через непосредственное представительство в них Международной финансовой корпорации, входящей вместе с этим банком в единую консолидированную финансовую группу институтов Всемирного банка).

Современные диверсифицированные схемы и программы микрофинансирования, реализуемые микрофинансовыми организациями (различного типа) и банками микрофинансирования, все более широко и активно распространяются во многих странах Азии и Африки, причем не только в мусульманских странах и мусульманских анклавах немусульманских стран, во многом в противоположность стагнирующей либо негативной динамике роста кредитов и ссуд местных коммерческих и инвестиционных банков в этих странах.

Более значительные по объему займы и ссуды микрофинансовых организаций, как представляется, смогут помочь клиентам-заемщикам расширить масштабы своего текущего бизнеса, диверсифицировать частнопредпринимательскую производственную деятельность в новых для них отраслях и сферах хозяйства и в таком объеме, который позволит оказать реальное положительное воздействие на рост постоянной занятости в стране путем создания новых дополнительных рабочих мест. Они также будут содействовать увеличению регулярной деловой активности самозанятых и местных частных предпринимателей, в т.ч. из числа бывших боевиков и исламистов¹⁵⁶. Другими слова-

ми, не лишены оснований соображения о том, что только более значительные по объему транзакции микрофинансовых организаций и наряду с этим рост активности частных национальных предпринимателей, в первую очередь существенное увеличение масштабов их регулярной инвестиционной деятельности, смогут обусловить заметный прирост постоянной долгосрочной занятости значительной части трудоспособного населения, обеспечить вовлечение исламистов и боевиков в стабильную трудовую занятость, так или иначе содействовать нейтрализации исламистских сообществ.

Существенное увеличение постоянной занятости трудоспособного населения, в первую очередь молодежи, становится, по сути, центральным звеном государственных стратегий сокращения нищеты и бедности, дерадикализации исламистов, возвращения бывших военных и боевиков к мирной жизни, обучения и профессиональной подготовки их самих, а также их детей и в конечном счете нейтрализации радикальных исламистских сообществ, которые так или иначе осуществляются в странах Азии и Африки, причем не только мусульманских. Речь в этой связи идет в первую очередь о создании новых дополнительных рабочих мест в стране с учетом ключевых особенностей развития ее отдельных субрегионов и районов¹⁵⁷.

В ряде специальных докладов Международного банка реконструкции и развития (далее – МБРР), касающихся проблем увеличения занятости молодежи в развивающихся странах, в первую очередь в Африке, делается, по сути, правомерный вывод о том, что одновременное предоставление необходимых финансовых ресурсов (в т.ч. из внешних источников) и обеспечение циклов квалифицированных консультаций по созданию и ведению собственного дела, бухгалтерскому учету и сбыту производственной продукции для местных частных национальных предпринимателей способны обеспечить некоторые положительные сдвиги в становлении частного сектора экономики этих стран, реально вовлечь в частный бизнес бывших боевиков, исламистов, а также их детей и, наряду с этим, многих демобилизованных бывших военнослужащих, зачастую также не имеющих регулярной профессиональной занятости в мирное время.

При этом эксперты МБРР придают большое значение реализации той стратегии развития местных товарных и сбытовых рынков во многих странах Азии и Африки, в рамках которой небольшие группы работников, мелкие сообщества производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции, специализированные сбытовые органи-

зации, а также местные ассоциации развития сельских и отдаленных районов и, наряду с этим, организации микрофинансирования, местные сберегательные ассоциации и фонды взаимопомощи, многие из которых в странах Азии и Африки в финансовом отношении связаны напрямую с различными частными международными неправительственными организациями (НПО) и специализированными фондами помощи развитию, будут в состоянии целенаправленно активизировать свою деятельность в долгосрочном плане. Перед ними ставится задача реально поддержать становление и устойчивое развитие самых бедных местных коллективных производственных и сбытовых кооперативных сообществ, обновление сельских поселений, в т.ч. отдаленных. Они должны также использовать в своих программах средства, привлеченные ими от различных международных фондов и ассоциаций, в частности от специализированного целевого Фонда строительства (восстановления) мира, действующего в рамках ООН, чтобы помочь молодежи выбраться из глубочайшей нищеты, получить специальность и постоянно работать по полученной профессии. Эти средства должны направляться в первую очередь на организацию обучения и переобучения самых молодых людей, прежде всего юношей 15–17 лет, вообще не имеющих какой-либо профессиональной квалификации, из сельских и отдаленных районов.

Среди приоритетных целей деятельности этих местных кооперативных производственных, сбытовых и финансовых ассоциаций и товариществ, по оценкам экспертов МБРР, должна фигурировать реализация проектов и программ подготовки и обучения самозанятых и частных национальных предпринимателей, которые будут финансироваться за счет средств, привлеченных этими ассоциациями и товариществами из различных внешних источников. В данном контексте экспертами МБРР обосновывается необходимость обучения вовлеченных в эти программы участников по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям для отдельных стран, их конкретных регионов и областей.

В ряде стран стратегии привлечения дополнительных финансовых ресурсов для оказания адресной денежной и технической помощи самозанятым и стимулирования деятельности местного частного национального предпринимательства в его различных формах и сферах, по сути, сконцентрированы на формировании у местных советов различного рода ассоциаций, объединений и сообществ особого интереса к регулярной поддержке производственной деятельности самозанятых и

частных национальных предпринимателей, в т.ч. путем оказания им юридически-правовой, административной и финансовой помощи. Данный подход должен реализоваться путем создания у таких местных ассоциаций, объединений и сообществ определенных внутренних целевых специализированных фондов, чтобы они затем распределяли средства, аккумулированные в подобных целевых фондах, для оказания прямой адресной целевой поддержки самозанятых и становления местного мелкого частного предпринимательства, как производственного, так и торгового, в первую очередь среди мобилизованных бывших военных, участников боестолкновений, исламистов, перемещенных лиц и беженцев из соседних пограничных государств, а также, подчеркнем, безработной молодежи, в т.ч. самой молодой по возрасту ее части¹⁵⁸.

Целенаправленное стимулирование роста постоянной занятости трудоспособного населения, в частности финансовая поддержка местных частных предпринимателей и самозанятых, делает необходимым предоставление им более крупных займов и ссуд от местных микрофинансовых организаций и банков микрофинансирования, выделение им государством дополнительных финансовых ресурсов на льготных условиях при одновременном предоставлении им регулярных квалифицированных консультаций по созданию и ведению собственного дела и ведению грамотного бухгалтерского учета проведенных операций. В любом случае должна также учитываться конкретная специфика деятельности местных частных национальных предпринимателей в определенных отраслях и секторах хозяйства в национальной экономике. Одновременно государством должны приниматься специальные административные меры, чтобы на деле упростить и ускорить весь долгий бюрократический процесс получения разрешений и согласований федерального правительства для успешной реализации на местах провинциальных программ и проектов по развитию частного национального предпринимательства и финансовой поддержке самозанятых.

В этой связи нельзя не отметить деятельность некоторых известных международных организаций и фондов по поддержке реализации долгосрочных государственных стратегий развития многих стран Азии и Африки. В их числе МОТ (Международная организация труда), специализированные фонды, действующие в рамках ООН, частные неправительственные фонды и организации. Среди последних – Английский специализированный Африканский фонд для развития,

который в 2015–2022 гг. заметно активизировал регулярную деятельность в ряде стран Западной Африки.

МОТ обеспечивает предоставление гражданам – самозанятым и местным частным предпринимателям – специальных наборов подручных средств и приспособлений для ведения трудовой деятельности и комплектов инструментов, оборудования и технических приспособлений под общим названием (своего рода единой маркой): «для успешного расширения своего бизнеса», а также некоторых видов сложных электрических орудий труда и механизмов, использование которых призвано повысить занятость и увеличить т.н. потенциал трудоспособности* и деловой активности** вовлеченной в постоянные трудовые отношения значительной части трудоспособного населения страны.

Ключевая роль агропромышленного комплекса

Деятельность иностранных неправительственных организаций и фондов, как и ряда государственных институтов в странах Азии и Африки, в данном направлении нацелена на рационализацию и совершенствование действующего законодательства, в первую очередь правовых норм и условий для инициации и постоянного ведения юридическими и физическими лицами частного предпринимательства (своего частного бизнеса) в различных отраслях хозяйства. Такие организации и частные иностранные фонды расширяют сети своих собственных центров по обучению и поддержке частного бизнеса в столицах и некоторых других крупных городских центрах в принимающих странах. В первую очередь они проводят специальную первичную профессиональную подготовку местных граждан, желающих либо начать (инициировать) собственный бизнес, либо заметно расширить и диверсифицировать свою текущую частнопредпринимательскую деятельность (как производственную, так и торгово-сбытовую).

Однако, по нашей оценке, крайне сложной и наряду с этим все более актуальной становится задача увеличения регулярной занятости трудоспособного населения в аграрном секторе экономики, в т.ч. в рамках программ дерадикализации боевиков, возвращения исламистов

* ILO. Global Employment Trends for Youth 2020: Africa. Pp. 1–3. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreport/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_737670.pdf (дата обращения 15.10.2021)

** World Employment and Social Outlook: Trends 2021 International Labour Office – Geneva: ILO, 2021. Pp. 40–44.

к постоянной трудовой деятельности и нейтрализации исламистских сообществ в сельских поселениях и отдаленных районах. Главное здесь в том, что даже сохранение нынешних устойчивых невысоких темпов экономического роста в большинстве стран Азии и Африки, в т.ч. мусульманских, либо их некоторое повышение не способно в ближайшей среднесрочной перспективе обеспечить серьезный прирост регулярной занятости трудоспособного населения в этих странах, не говоря уже о достижении полной занятости и резком сокращении официальной безработицы в городах и крупных сельских поселениях, в т.ч. снижении безработицы среди молодежи, особенно в сельских и отдаленных районах.

Суть в том, что даже если, абстрактно говоря, программы поддержки становления и развития частного национального предпринимательства в стране принесут некоторые желаемые положительные результаты и частный бизнес действительно сможет устойчиво развиваться в стране (в городских центрах, в сфере торговли, гостиничном хозяйстве, местном промышленном производстве и в секторе услуг в его широком толковании), то и в таком случае будет невозможно обеспечить создание необходимого числа новых постоянных рабочих мест для стабильного увеличения постоянной занятости трудоспособного населения страны, в частности, если одновременно не произойдет заметного оживления сельской экономики и не будет обеспечен устойчивый рост занятости в аграрных подсекторах хозяйства страны. Не лишены оснований соображения, что сельское хозяйство многих стран Азии и Африки, в т.ч. мусульманских, обладает значительным неиспользуемым потенциалом для создания в стране новых постоянных рабочих мест, повышения уровня денежных доходов на душу населения, вовлечения молодежи (в т.ч. выросших детей бывших военных, боевиков и исламистов) в постоянную трудовую деятельность*.

Речь в этой связи идет в первую очередь о необходимости существенного увеличения производства, выпуска и реализации товарной сельскохозяйственной продукции.

Однако производители сельскохозяйственной продукции, в первую очередь мелкие частники, фермеры, а также мелкие сельскохозяйственные и сбытовые организации остаются замкнутым, неопре-

* Agriculture in Africa 2021: Focus Report. Report of Oxford Business Group. 2021. <https://oxfordbusinessgroup.com/blog/bernardo-druzzone/focus-reports/agriculture-africa-2021-docus-report> (дата обращения 22.08.2022)

деленным и, по сути, неосвоенным рынком для местных кредитных организаций и банков. Кредитование сельскохозяйственных предприятий, производящих товарную продукцию, почти не развивается, в частности из-за сохраняющихся крайне высоких рисков производства товарной продукции в данном секторе. В любом случае такие риски обычно заметно выше, чем в любых других отраслях экономики, а обычная доходность в местном сельскохозяйственном секторе заметно ниже, чем в других сферах хозяйства. Значительное число людей в странах Азии и, прежде всего, Африки, причем не только молодежь, постоянно бежит из сельскохозяйственного товарного производства. Неслучайно, что постоянная занятость в аграрном секторе, в частности в сфере растениеводства, местного трудоспособного населения, в т.ч. бывших военнослужащих, боевиков, исламистов, беженцев, перемещенных лиц и их выросших детей, на деле растет крайне слабо.

Тем не менее бывшие боевики, исламисты, другие участники боев столкновений 2010–2020 гг. проходили специальную подготовку по программам обучения ведению фермерского хозяйства, прежде всего растениеводства, многие из таких программ выполнялись за счет субсидий иностранных неправительственных организаций и фондов. В этой связи лишь отметим, что в Либерии в 2005–2010 гг. бывшие боевики проходили специальные интенсивные курсы по выращиванию и переработке белокочанной капусты, однако эти мероприятия не дали ожидаемых результатов, хотя в целом аграрный сектор сохраняет безусловный потенциал для создания значительного числа новых постоянных рабочих мест в этой стране¹⁵⁹.

Негативное влияние конъюнктуры мировой экономики

Положение с занятостью трудоспособного населения, особенно молодежи, резко осложнилось во многих странах Азии и Африки в 2019–2022 гг., экономика этих стран, в т.ч. мусульманских, испытывает крайне негативное воздействие продолжающегося падения темпов роста и рецессии глобальной мировой экономики¹⁶⁰.

Правительствам многих стран сегодня приходится принимать особые меры чрезвычайной социальной поддержки беднейших и незащищенных слоев населения – конкретных людей, в т.ч. молодежи, которые ведут постоянную упорную борьбу за выживание в своей стране¹⁶¹.

В наибольшей степени страдают от резкого падения темпов роста, рецессии и продолжающегося спада в развитии мировой экономики страны – экспортеры минерального сырья: железной руды, сырой нефти, меди, алмазов, многих редкоземельных металлов. Продолжается падение цен на каучук, хлопок, пальмовое масло, древесину, пиломатериалы и др.

Значительное по масштабам падение на мировых рынках цен на каучук в течение длительных периодов обусловило сокращение ставок денежной заработной платы местных рабочих, занятых на плантациях, массовые увольнения сборщиков каучука, занятых на многих территориях.

Приостановка либо прекращение регулярной работы на каучуковых плантациях нередко сопровождалась боестолкновениями и применением прямого жесткого насилия к увольняемым работникам, как непосредственно к сборщикам каучука, так и к обслуживающему персоналу плантаций.

Дальнейшее сжатие платежеспособного мирового спроса на экспортную продукцию (прежде всего, традиционного ассортимента) многих стран Африки и Азии автоматически трансформируется в дальнейший рост дефицитов платежных балансов и бюджетов в странах-экспортерах, причем падение спроса наиболее негативно воздействует на горнодобывающий сектор экономики большинства развивающихся стран¹⁶².

В качестве иллюстрации отметим, что в Демократической Республике Конго число шахтеров, оставшихся без работы из-за существенного сокращения мирового спроса на минеральное сырье в истекшем десятилетии (2010–2022 гг.), колебалось от 200 тыс. до 300 тыс. человек. При этом еще более 1 млн человек в стране ощутили на себе косвенное негативное воздействие сжатия текущего спроса на мировых рынках на производимую ими продукцию, в первую очередь на их официальную занятость и величину их регулярных денежных доходов¹⁶³.

Принципиальное значение имеет тот факт, что замедление, рецессия и последующее падение темпов роста мировой экономики в 2020–2022 гг. уже привели к сокращению регулярных бюджетных доходов многих государств Азии и Африки. Курсы их национальных валют к доллару США на мировых финансовых рынках продолжают падать, зачастую намного более высокими темпами, чем в отдельные периоды времени, снижаются мировые цены на некоторые виды закупаемых ими импортных товаров.

Главное то, что ныне обязательные расходы государственных бюджетов всех этих стран должны постоянно увеличиваться, прежде всего расходы на социальные нужды и социальное обеспечение.

Падение темпов роста национальной экономики, ухудшение экономических перспектив многих стран Африки и Азии обусловили более осторожную политику иностранных частных инвесторов в отношении стран – реципиентов иностранных частнопредпринимательских производственных капиталов, привели к значительному по своим объемам оттоку и выводу реализованных иностранных инвестиций из принимающих стран. Более того, по данным Международной финансовой корпорации (МФК), в 2010–2020 гг. более 450 инвестиционных соглашений, ранее заключенных иностранными частными инвесторами со странами Африки, были расторгнуты и затем полностью аннулированы. Причем речь идет в первую очередь о проектах в отраслях твердой инфраструктуры в принимающих странах Африки, которые должны были стать необходимой базой для обеспечения реализации многих долгосрочных проектов устойчивого развития экономики стран континента и повышения регулярной занятости их трудоспособного населения, в первую очередь молодежи.

Сокращение темпов роста национальной экономики многих стран Азии и Африки в последние 3–5 лет на деле в дальнейшем будет означать падение доходов на душу населения в этих странах в годовом исчислении. По ряду прогнозных оценок экспертов ООН, средний подушевой доход во многих из этих стран, и так крайне низкий, может сократиться еще как минимум на 20% в текущем десятилетии.

Заключение

Многие участники и прежние бенефициары официальных международных и государственных социальных и целевых благотворительных программ по дерадикализации боевиков и нейтрализации исламистских сообществ на деле зачастую все больше «реинтегрируются в глубочайшую нищету» как в своих странах, так и на чужбине и не могут реинтегрироваться в мирную жизнь. Они не в состоянии вернуться к постоянной трудовой деятельности, отказываются участвовать даже в благотворительных программах обучения и переподготовки рабочих кадров по востребованным специальностям. В полной мере это относится и к детям боевиков и исламистов, родившимся после 2003–2005 гг., когда в большинстве случаев были окончены главные граж-

данские войны и прекратились массовые кровавые боестолкновения во многих странах Азии и Африки¹⁶⁴.

В результате самой главной угрозой миру и долгосрочной социальной и политической стабильности в среднесрочном развитии многих стран Азии и Африки остаются массовая и в тенденции устойчиво растущая безработица и нищета значительной части активного трудоспособного населения в этих странах, особую остроту проблеме придает незанятость в производственных процессах на местах самого молодого трудоспособного населения страны (юношей и девушек от 15 до 18 лет).

Наиболее сильное негативное воздействие на устойчивое экономическое развитие большинства этих стран среди главных вызовов и проблем, стоящих перед ними на современном этапе, оказывает дальнейшая интенсивная маргинализация молодежи, причем в первую очередь самой молодой части трудоспособного населения. Правительства этих стран пытаются реализовать некоторые меры адресной социальной поддержки молодежи, чтобы если не полностью нейтрализовать, то хотя бы несколько ослабить длительные долгосрочные эффекты крайне сильного негативного воздействия обнищания и дальнейшей маргинализации молодежи на достижение этими странами заявленных целей долгосрочного устойчивого развития, а также задач обеспечения необходимой социально-политической стабильности в обществе.

Суть дела в том, что интенсивная маргинализация, растущая безработица и обнищание молодежи неизбежно влекут за собой резкое углубление социального расслоения населения страны, объективно препятствуют стабилизации ее внутреннего социально-политического положения. Более того, маргинализация молодежи неизбежно усиливает возможность возникновения новых внутренних социально-политических конфликтов, гражданских войн, боестолкновений различного характера и целевой направленности, в т.ч. с прямым участием исламистов и их объединений.

Более того, дальнейшее (и во многих случаях существенное по масштабам и нередко резкое) социальное расслоение населения многих стран Азии и, прежде всего, стран Африки, причем не только мусульманских, объективно формирует социальную базу, которая, в свою очередь, неизбежно обуславливает дальнейшее усиление в стране социально-политической напряженности, зачастую уже крайне острой. Усиление действия данного крайне негативного фактора – социального расслоения общества – объективно создает новые предпосылки для

резкого обострения тлеющих в стране глубоких социальных конфликтов, увеличивает экономические диспропорции, не позволяет обеспечивать повышение темпов экономического роста. Во многих случаях социальное расслоение населения так или иначе содействует активизации деятельности боевиков и исламистов, подталкивает определенную часть общества, прежде всего безработную молодежь, к пополнению рядов исламистских сообществ, ведет к формированию новых групп и объединений исламистского толка (прежде всего, среди молодых мужчин 17–22 лет), а главное, увеличивает число новых подверженных радикализации акторов внутренних и заграничных социально-политических процессов (как, например, в 2020–2022 гг. в Центральноафриканской Республике).

Маргинализация молодежи – главной активной части трудоспособного населения – и напрямую связанное с ней углубление социального расслоения населения страны в целом представляют собой общую трудноразрешимую и острейшую по прямым социально-политическим и экономическим последствиям проблему для большинства стран Азии и Африки, переживших гражданские войны, военные конфликты и боестолкновения на своей территории, в т. ч. в которые были непосредственно вовлечены поддерживающие насилие радикальные исламские фундаменталисты¹⁶⁵.

Глубокое (и в тенденции усиливающееся) социальное расслоение населения мусульманских стран объективно препятствует эффективной реализации мер по целенаправленной дерадикализации исламистов, проведению профилактической работы и нейтрализации исламистских сообществ.

Более или менее эффективное решение этих острейших проблем обеспечения долгосрочного устойчивого развития многих стран Азии и Африки в настоящее время в немалой степени зависит от результатов деятельности органов государственного управления страной. Правительства этих стран должны предпринимать решительные действия, чтобы вовлекать молодежь в активную хозяйственную и производственную деятельность в стране, расширять ее обучение, повышать уровень профессиональной подготовки по востребованным специальностям.

Наряду с этим, безусловно, должна расширяться прямая техническая и финансовая помощь со стороны государства для построения и развития сети местных объединений, ассоциаций, сообществ и кооперативных товариществ, становления коллективных производственных

и сбытовых структур, в т.ч., подчеркнем, в аграрном секторе¹⁶⁶. Сохраняет актуальность регулярная финансовая и техническая поддержка государством, а также специализированными государственными организациями и частными фондами ссудной и инвестиционной деятельности микрофинансовых учреждений и банков микрофинансирования. Эффективное решение именно этих насущных проблем обеспечения устойчивого долгосрочного развития и достижения социально-политической стабильности во многих мусульманских странах приобрело жизненно важное для них значение в деле реальной дерадикализации акторов социальных процессов, в частности нейтрализации деятельности радикальных исламских фундаменталистов как в своей стране, так и за границей.

Формирование кооперативных производственных и сбытовых структур как в сфере местного промышленного производства, так и в отраслях сельскохозяйственного производства и, наряду с этим расширение и диверсификация деятельности всей институциональной структуры микрофинансовых организаций и банков призваны также обеспечить более успешное проведение с исламистами и их повзрослевшими детьми, прежде всего юношами в возрасте 15–18 лет, необходимой профилактической работы, предоставление бывшим военнослужащим и боевикам постоянной квалифицированной работы по востребованным специальностям. Правительствам большинства этих стран необходимо также более активно содействовать возвращению значительной части населения, включая беженцев и перемещенных лиц, из других государств к более стабильной мирной жизни и, наряду с этим, обеспечить улучшение базовых условий постоянного проживания местного населения в сельских поселениях и отдаленных районах.

1.5. Кораническая экзегетика и дерадикализация исламизма. Подход сирийского инженера Мухаммада Шахрура

Мухаммад Шахрур (1938–2019) – один из самых обсуждаемых мусульманских интеллектуалов-реформистов конца XX – начала XXI в. Широкую известность ему принесла первая работа под названием «Писание и Коран: современное прочтение» (*ал-Китаб ва-л-кур'ан: кира'а му'асира*), изданная в 1990 г. Новаторский для того времени подход Шахрура к толкованию Корана вызвал сильную волну критики

со стороны консервативных богословов и правоведов. Их особенно возмутило то, что Шахрур дерзнул подступить к толкованию священного текста, не имея при этом классического исламского образования. Несмотря на такую реакцию со стороны консервативного духовенства, книга была быстро распродана и к настоящему моменту пережила несколько переизданий, а имя сирийского инженера Мухаммада Шахрура громко прозвучало не только в арабском мире, но и за его пределами. Начиная с середины 1990-х гг. его книгу комментировали западные ученые и переводили на европейские языки.

Несмотря на то, что судьба Шахрура какое-то время была связана с Советским Союзом, в России его имя мало известно, не говоря уже о том, что ни одна из его работ до сих пор не переведена на русский язык. Между тем, с учетом возрастающего интереса представителей отечественного исламоведения и российской уммы к мировому исламскому обновленческому движению, вероятно, настало время обратить внимание и на этого, безусловно, яркого представителя современной мысли в исламе. В настоящем материале дается обзор ключевых черт экзегетической теории Мухаммада Шахрура и анализируются его предложения по дерадикализации ислама на основе этой теории.

Интерес к его предложениям может быть обоснован, прежде всего, тем, что Шахрур, с одной стороны, подчеркивал непререкаемый авторитет мусульманских первоисточников (в первую очередь Корана), а с другой – настаивал на применении достижений современной науки к толкованию этих первоисточников. И то, и другое призвано было подкрепить его общий аргумент и убедить различных оппонентов в правильности его подхода. С точки зрения человека религиозного сознания, между верой в непререкаемый авторитет священного писания и научным знанием не может быть никаких коллизий, ибо вера первична, а наука должна служить подтверждением религиозных истин. С точки зрения человека светского сознания, научное знание первично, а границы веры заканчиваются там, где начинается наука. Шахрур пробовал совместить науку и веру с тем, чтобы его доводы звучали убедительнее для людей обоих типов сознания и, соответственно, казались менее уязвимыми перед лицом разного типа оппонентов. Насколько у него это получилось, судить, конечно, самим мусульманам. На наш взгляд, предлагаемая Шахруром деконструкция смыслов тех понятий в исламе, которые получили сильную негативную семантику, интересна тем, что заставляет задуматься, действительно ли эти смыслы органически вырастают из самого ислама.

Путь от инженера к интерпретатору Корана

Мухаммад Шахрур родился в 1938 г. в Дамаске пятым ребенком в семье красильщика. В отличие от многих сирийских семей того времени, родители отдали Шахрура не в районную школу, где обучали основам ислама, а в государственную школу светского образца. В 1959 г. его отправили учиться инженерному делу в Советский Союз. В 1964 г. Шахрур получил диплом инженера-строителя в Москве и вернулся в Сирию. В 1968 г. его снова послали на учебу за рубеж, на этот раз на Запад; в Университетском колледже Дублина он получил магистерскую и докторскую степени, специализируясь на механике грунтов и проектировании фундаментов. В 1972–1999 гг. он преподавал гражданское строительство в Дамасском университете¹⁶⁷.

Жизнь Шахрура как арабского интеллектуала кардинальным образом изменилась после того, как вышла в свет его первая «исламоведческая» работа «Писание и Коран: современное прочтение» (1990). После этого на него сначала обрушился вал критики, а спустя какое-то время пришла и мировая слава. С тех пор Шахрур написал и издал несколько десятков книг, однако «Писание и Коран» является, пожалуй, самой известной и цитируемой его работой, в которой изложены ключевые принципы предлагаемого им нового прочтения Корана.

На официальном сайте, посвященном жизни и творчеству Шахрура, в разделе «Биография» указано, что его интерес к кораническим наукам пробудился после поражения арабов в Шестидневной войне 1967 г.¹⁶⁸ Мухаммад Бамйех, ссылаясь на самого Шахрура, пишет, что могло сподвигнуть сирийского инженера погрузиться в коранические науки¹⁶⁹. Вероятно, причиной стала его неудовлетворенность объяснениями знакомого коммуниста и знакомого имама, почему арабы проиграли в войне с Израилем в 1967 г. и почему арабский мир погрузился в депрессию. Якобы после этого Шахрур решил, что должен сам найти ответ на свои вопросы в арабо-мусульманской традиции, стержнем которой, разумеется, является текст священного писания.

Новый подход к толкованию Корана?

Спустя двадцать два года своих изысканий на этом поприще инженер написал и издал книгу «Писание и Коран: современное прочтение» (1990). В ней он впервые представил свое видение того, как стоит толковать священный первоисточник, чтобы он отвечал на запросы

современности. В целом подход Шахрура можно свести к следующему: Коран следует воспринимать так, будто он был только что ниспослан Пророку Мухаммаду. Это значит, что для современного прочтения первоисточника следует учитывать, прежде всего, современный контекст, а не наработанное в течение предыдущих столетий классическое наследие по толкованию Корана.

В этом отношении Шахрур выступает как последовательный сторонник контекстуализма, к которому можно отнести также и ряд других мусульманских интеллектуалов, в частности, Фазлура Рахмана, Амину Вадуд и Халеда Абу-л-Фадля¹⁷⁰. Контекстуалисты настаивают на том, что актуальное прочтение этого источника должно быть нацелено на толкование этического и правового содержания Корана в его связке с современным развитием мусульманских обществ. Нынешние мусульмане, по мнению этих мыслителей, в силу накопленного человечеством за последние века знания, безусловно, лучше понимают мир и то, каким образом Коран и другие источники будут откликаться на его запросы.

Ссылаясь на ряд коранических аятов, в частности, на тот, где бедуины называются «самыми упорными в неверии и лицемерии», которые «больше других не признают ограничений, которые Господь ниспослал Своему посланнику» (9:97), Шахрур пришел к выводу, что с каждым новым поколением и по мере приращения общих знаний у мусульман все больше шансов проникнуть в тайные смыслы Корана¹⁷¹.

На этом основании сирийский мыслитель, по сути, предложил отказать от классических сборников толкования Корана (тафсир/тафасир) и заменить их новым методом. В основе этого метода – восприятие священного текста как совмещающего две природы – пророческую (нубувва) и посланническую (рисала). Дело в том, пишет Шахрур, что и Пророк Мухаммад выполнял различные функции как пророк (наби) и как посланник (расул). В качестве пророка он выполнял религиозные функции, а в качестве посланника – правовые. Пророчество – это неоднозначная часть откровения, открытая для различных интерпретаций; что же касается посланнической части, то она лишена двусмысленности. И та, и другая части содержатся в Коране. Разделив его таким образом, Шахрур обосновывал необходимость применять к двум частям священного текста и разные методы – *та'вил* и *иджтихад* соответственно. Под *та'вилем* имелось в виду, что неоднозначный смысл следует прояснять, но в результате могут появиться различные

варианты понимания одного и того же отрывка. В отличие от *та'виль*, имеющего отношение в основном к лингвистической работе с текстом, *иджтихад* подразумевает умозаключение по поводу того, в каких условиях и каким образом должно работать то или иное правовое предписание¹⁷².

Противопоставление методов *тафсир* и *та'виль* – явление для ислама далеко не новое. Так, например, во времена первых и наиболее ожесточенных богословских споров в исламе под первым в целом понималось буквальное прочтение Корана, практиковавшееся «традиционными» суннитскими учеными, а под вторым – аллегорическое, характерное в основном для шиитских толкователей¹⁷³. В дальнейшем содержание этих понятий не раз пересматривалось, и даже были те, кто говорил, что они суть одно и то же¹⁷⁴. «Следует, однако, иметь в виду, что противопоставление *тафсир* – *та'виль* правомерно лишь в контексте полемики *ахл аз-захир* и *ахл ал-батин*. Во все времена значительная часть мусульман либо стояла в стороне от этой полемики, либо признавала правомерность обоих подходов», – пишет Е.А. Резван¹⁷⁵.

Что касается Мухаммада Шахрура, то он считал, что составленные учеными прошлого тафсиры Корана неактуальны в текущих условиях, и на этом основании обосновывал превосходящее положение метода *та'виль*, который в традиционных науках о толковании Корана, как мы видим, занимал либо второстепенное по отношению к тафсиру положение, либо противопоставлялся ему как эзотерический метод толкования Корана, либо полностью с ним сливался. Более того, Шахрур пошел дальше, настаивая на том, что *та'виль* «может осуществлять кто угодно, будь он верующим или неверующим, мусульманином или иноверцем, арабом или неарабоговорящим». В обоснование этого сирийский мыслитель отталкивался от аята (3:7) Корана, где говорится об «обладающих основательными знаниями», под которыми он понимал «ученых и философов, наиболее выдающихся представителей общества», не обязательно мусульман.

Такой подход вызвал отторжение идей Шахрура у большинства богословов и правоведов и стал причиной целой волны язвительных комментариев по поводу отсутствия у того классического исламского образования. Оппоненты пытались найти в нем и другие изъяны, то обвиняя его в марксизме (мол, не прошли даром годы жизни в Советском Союзе), то подозревая в нем скрытого сиониста-provokatora (не веря, что «мусульманин мог написать такое»). Особенно, как пишут

исследователи творчества Шахрура, это давление ощущалось в первые годы после выхода «Послания и Корана»¹⁷⁶.

Другие работы Шахрура

Со временем, однако, по мере того, как Шахрура стали переводить на другие языки, и по мере того, как он писал все новые и новые книги, разъясняя в них на примере разных тем и аспектов современных ему социально-политических реалий, как должен действовать его подход, критика в отношении его идей стала более структурированной и содержательной.

Так, в монографии «Иссушение источников терроризма» (*Тадж-фиф манаби‘ ал-ирхаб*) (2008), изданной в разгар антитеррористической кампании и спекуляций на тему исламских корней терроризма, Шахрур раскритиковал радикальные трактовки первоисточников ислама и попытался им противопоставить свою методологию толкования Корана. Пожалуй, это одна из немногих работ Шахрура, получивших наиболее благожелательные отклики от критиков. О ней подробнее речь пойдет далее.

В другой работе – «Женское право. К вопросу о новых теоретических основах мусульманского права» (*Фикх ал-мар‘а. Нахв усул джадида ли-л-фикх ал-ислами*) (2015) – Шахрур обратился к актуальной теме соотношения гендерных прав и их регулирования в современных условиях. Отталкиваясь от своей оригинальной эпистемологии, он выступил за пересмотр ряда положений фикха, устанавливающих неравенство между мужчинами и женщинами в вопросах наследования имущества и бракоразводных отношений. В частности, Шахрур попытался обосновать практическую невозможность полигамии, а также необходимость и законность, с точки зрения фикха, увеличения традиционной доли наследования женщинами имущества с 1/3 практически до 1/2. Он начал развивать эти идеи еще в своей первой книге, однако в новой работе изложил их более систематически и подробно.

Как и книга о терроризме, «гендерная» работа Шахрура также оказалась в эпицентре актуальных в мусульманском мире дискуссий о правах женщин, всколыхнувшихся, в частности, под влиянием событий «арабской весны». Социально-политические протесты начала 2010-х гг. в арабском мире вывели на какое-то время на лидирующие позиции в публичном поле две противоположные друг другу группы –

модернистов, тяготеющих к западным ценностям либеральной демократии, и консерваторов, стоявших на позициях традиционной этики и морали. Полемика между этими группами нашла отражение и в обсуждении книги Шахрура «Женское право» на одном из самых популярных в Сети ресурсов, где читатели делятся своими отзывами о разных книгах. Среди откликов на эту работу Шахрура преобладают в основном позитивные («книга позволила мне по-новому посмотреть на мир»; «очень убедительно»; «прочитав эту книгу, я поняла, что, оказывается, плохо знала о своей же религии»). Критики же, хотя и согласны отчасти с постановкой вопроса, по-прежнему не приемлют подход Шахрура к толкованию первоисточника («Даже если современные ученые и не способны ясно высказаться по поводу прав женщин и разрешить противоречия в постановлениях по этому вопросу, верить Шахруру все же не стоит»)¹⁷⁷.

Одна из последних работ Шахрура, как следует из ее названия – «Религия и власть: современное прочтение концепции [божественного] правления» (*ад-Дин ва-с-султа: кир'аа му'асира ли-л-хакимиййа*) (2018), – посвящена вопросам отношения религии и власти в исламе и построена вокруг толкования термина *хакимиййа* в классической исламской философии, в рамках современного политического ислама, а также салафизма. В целом и в этой книге, и вообще Шахрур предстает как сторонник демократии, полагая, что ее базовые принципы (например, свобода и совещательность) уже заложены в исламе; главное – не допустить монополии какого-либо из современных движений на толкование мусульманских первоисточников.

В качестве своих основных идеологических оппонентов Шахрур рассматривал тех, кого он сам называет «либералами» и «исламскими фундаменталистами»¹⁷⁸. В то время как первые предлагали отделить религию от государства и, по сути, идти по пути вестернизации, другие стремились к тому, чтобы сделать религию служанкой государства. Исламское возрождение, последовавшее после кризиса арабского национализма, по мнению Шахрура, не оправдало возлагавшихся на него надежд. Исламисты не могли ничего предложить взамен таким принципам современного мира, как гражданское общество, свобода слова, выборы, конституционализм, индивидуализм и пр. Вместо того чтобы пропагандировать религию через добрые дела, они взяли на вооружение военное насилие. Оправданием их методов для них служил Коран, а точнее, их извращенные толкования первоисточника. Отсюда Шахрур пришел к выводу, что необходимо дать новое прочте-

ние Корана, причем такое, которое будет отвечать потребностям нынешнего времени.

«Мы должны сделать то же, что и наши предки, которые первыми начали толковать Коран и Сунну в свете своей эпохи и своего мира. Нам нужно свое толкование этих первоисточников, чтобы они послужили основой для юриспруденции и законодательства», – писал Шахрур. Основа эта, по его мнению, должна зиждиться, в свою очередь, на следующих принципах:

– высшие этические и моральные идеалы (уважать родителей, не совершать самоубийство, держать обещания и пр.);

– обряды и ритуалы, причем государство должно поддерживать их многообразие (вместе с мечетями должны существовать также церкви и синагоги);

– шариат подвижен с точки зрения его толкования и применения (за исключением монотеизма и ритуалов)¹⁷⁹.

Последние годы жизни в Объединенных Арабских Эмиратах

Отношение к его творчеству в Объединенных Арабских Эмиратах оказалось более благосклонным, нежели на родине. Как пишет Андреас Кристманн, Шахрур в Сирии стал такой же персоной нон грата, как, например, Салман Рушди в Египте и Индии/Пакистане*. Кристманн объясняет это тем, что нетрадиционный подход Шахрура к толкованию священного текста угрожал подорвать авторитет религиозных государственных институтов, которые пестовались сирийскими властями и рассматривались как официальный противовес несистемному исламу¹⁸⁰.

В середине 1990-х гг. его «Послание и Коран» было изъято из продажи и запрещено к распространению также в Египте, Саудовской Аравии и ОАЭ. Однако сам Шахрур продолжал жить в Сирии и даже выступал там с публичными лекциями по официальному приглашению государственных организаций¹⁸¹. Продолжали подпольно распространяться и копии его книги, что, в свою очередь, провоцировало появление все новых и новых опровержений его теории и критических отзывов. Тем не менее известность его росла, критика его подхода становилась все более качественной и структурированной, и по мере того, как он издавал новые работы, у него появился и свой круг сторон-

* И в Иране.

ников, считавших, что Шахрур выступает с позиции рационального модернизма и сциентизма. В последние годы он довольно активно выступал в публичном пространстве, хотя и в довольно ограниченном его сегменте – в основном на базирующихся в ОАЭ арабских телеканалах «ал-Арабийя» и «Скай Ньюз Арабия». В 2017 г. Шахрур также получил премию шейха Заида в области развития и государственного строительства за свою книгу «Ислам и человек: предварительные выводы по итогам современной интерпретации вопроса» (*ал-Ислам ва-л-инсан: мин натаидж ал-кираа ал-муасира*), изданную в 2017 г.

Несмотря на то, что Шахрур был в целом обласкан эмиратскими властями, в местном сообществе отношение к его славе оставалось противоречивым. Это проявилось особенно ярко после выхода первой передачи с участием Мухаммада Шахрура на национальном «Канале Абу-Даби» в 2018 г. Передача называлась «Возможно, они познают» (*Ла‘аллахум йа‘калун*) и вышла в первые дни священного для мусульман месяца рамадана. Месяц поста – особый период в арабо-мусульманском мире, когда семьи, как правило, собираются на вечернюю трапезу после многочасового воздержания от еды и питья и смотрят популярные телесериалы и передачи, традиционные для этого времени. Выход же цикла передач с участием Шахрура, приуроченный к месяцу рамадан, впрочем, не объединил семьи в Эмиратах, а, скорее, расколол их на две группы – одни ожидаемо недоумевали по поводу неоднозначного выбора спикера для этого времени, другие же благосклонно напоминали о том, что многоголосие всегда было отличительной чертой ислама и что Шахрур заслуживает, чтобы его услышали¹⁸².

Почему же эмиратские телевизионщики предоставили публичную платформу для столь противоречивой фигуры и почему в целом отношение к творчеству Шахрура в ОАЭ поменялось в последние годы его жизни в Абу-Даби? Дать однозначный ответ на этот вопрос непросто. Не последнюю роль, возможно, здесь могло сыграть информационное и идеологическое соперничество ОАЭ и соседнего Государства Катар. В последнем, как известно, базируется популярный в арабском мире телеканал «ал-Джазира», который каналы других аравийских монархий, в т.ч. Эмиратов, воспринимают как основного конкурента на арабском рынке телевизионных услуг. При этом Катар и его информационные ресурсы довольно открыто симпатизируют движению «Братья-мусульмане», находящемуся под запретом в ОАЭ. В частности, много лет на «ал-Джазире» транслируется передача «Шариат и

жизнь», одним из ведущих которой является известный проповедник и сторонник «Братьев-мусульман» Юсуф ал-Кардави. Не исключено, что, пригласив Шахрура, «Канал Абу-Даби» намеревался таким образом противопоставить его известному катарскому проповеднику и представить Эмираты в выгодном, по сравнению с Катаром, свете как страну, поддерживающую плюрализм мнений и выступающую против монополии какого-то одного исламского течения на модернистский взгляд.

Скончался Мухаммад Шахрур 21 декабря 2019 г. в возрасте 81 года в Абу-Даби. День спустя арабский сайт телеканала CNN опубликовал сообщение о смерти сирийского инженера, приложив к нему по случаю цитаты из нескольких арабских аккаунтов в Twitter. В целом настроения пользователей известной социальной сети по случаю кончины Шахрура отразили общее неоднозначное отношение к его идеям, ярко проявлявшееся и при его жизни. Вместе с тем некоторые признавали, что, несмотря на общее отторжение подхода сирийского мыслителя, его идеи все же оказали на них сильное влияние: «Несколько лет назад я перестал следить за его выступлениями. Хотя его подход – довольно мягкий и гибкий, я больше не нахожусь под его влиянием, предпочитая доверять логике. Несмотря на это, Мухаммад Шахрур навсегда останется тем человеком, который зажег во мне свет знания»¹⁸³.

Шахрур глазами исследователей

Есть несколько англоязычных монографий, где подход Шахрура к толкованию Корана обсуждается в контексте общего развития современного исламского реформизма и модернизма. Здесь можно назвать, в частности, работу Ваэля Халляка, посвященную истории исламских теорий права – как традиционных, так и современных. Мухаммад Шахрур вместе с американо-пакистанским мыслителем Фазлуром Рахманом и египетским правоведом Мухаммадом Саидом ал-Ашмави упоминается в разделе под названием «Религиозный либерализм». Под религиозными либералами Халляк понимает современных мусульманских мыслителей, которые отказываются от буквалистской герменевтики в пользу толкования духа Корана и других первоисточников¹⁸⁴. В целом он высоко оценивает идеи Шахрура, называя их «самыми убедительными». Он также сочувствовал сирийскому инженеру по поводу обрушившейся на него критики, но в то же время признавал, что «все они (религиозные либералы. – *И.Ц.*), а в особенности

Рахман и Шахрур, выдвигали новые концепции права и правовой методологии, по своей природе глубоко чуждые большинству мусульман»¹⁸⁵.

Андреас Кристманн, посвятивший несколько статей Шахруру, в т.ч. материал, в котором подробно разобрал полемику вокруг работ сирийского инженера, также акцентирует внимание на его маргинальном положении в мире коранической экзегетики и называет «аутсайдером в области исламского учения». Вместе с тем, как и Халляк, Кристманн указывает на «уникальность и оригинальность подхода Шахрура к толкованию Корана», что «заключается в его очевидном отказе от тех инструментов работы с текстом, также лингвистических и методологических наработок, которые относятся к жанру тафсира»¹⁸⁶. Критики, как пишет Кристманн, часто игнорируют главную заслугу Шахрура, а именно то, что он предлагает «всесторонний проект исламского возрождения в умах: оно берет начало в новой философской антропологии и космологической диалектике, развивается в обновленном прочтении Корана и исламского фикха и доходит до основ исламской экономики, политики, этики и эстетики, что в конечном счете должно привести к реформированию текущей арабо-мусульманской “действительности”»¹⁸⁷.

Кристманн также называет подход Шахрура к толкованию Корана «абстрагированным». Понятие «абстрагирование» исследователь заимствует из сферы искусствоведения и подразумевает под ним восприятие объекта так, будто он видим впервые. Цель абстрагирования – увидеть нечто необычное, что ранее не было доступно обычному зрению. Так же и Шахрур, как пишет Кристманн, предлагает читать Коран, будто он был только-только ниспослан, и нет ни уточняющих его хадисов, ни иных источников, при помощи которых раскрывались ранее тайны толкования этого источника. Кристманн называет Шахрура продолжателем идей русских формалистов (ОПОЯЗ) и Пражского лингвистического кружка¹⁸⁸.

Оппоненты Шахрура считают одним из его ключевых недостатков отсутствие классического богословского образования; западные же исследователи, пытающиеся анализировать феномен популярности сирийского инженера и не занимать при этом судейскую позицию, выделяют это как один из ключевых признаков новой формации мусульманских модернистов и реформаторов. В частности, Френсис Робинсон упоминает о Шахруре в числе других самоучек в области исламских наук, таких как школьный учитель Рашид ал-Ганнуши из Туниса,

юрист Хасан ат-Тураби из Судана и инженер Мехди Базарган из Ирана: «Все эти люди, в числе других прочих, говорили на языке представителей образованных классов внутри секулярных систем; они продолжали расшатывать позиции традиционных улемов»¹⁸⁹.

Русскоязычных работ, в которых упоминалось бы имя Шахрура, мало. В первую очередь, пожалуй, стоит упомянуть диссертационное исследование Д.В. Мухетдинова, посвященное обновленческому движению в исламе, где взгляды Мухаммада Шахрура рассматриваются наравне со взглядами таких фигур, как Мухаммад Аркун, Фазлур Рахман и Наср Хамид Абу Зайд. Автор диссертации причисляет Шахрура к группе «неомодернистов», под которыми имеет в виду сторонников сочетания традиционных и модернистских подходов, и характеризует его взгляды как «наиболее революционные» в сравнении со взглядами других рассмотренных в исследовании мыслителей¹⁹⁰. Вместе с тем, по мнению Д.В. Мухетдинова, Шахрура не стоит обвинять в разрыве с исламской традицией, поскольку «Шахрур не претендует на реконструкцию какого-то раннего “правильного” понимания Писания» и при этом для него «подлинная традиционность обеспечивается не принадлежностью к конкретной школе фикха или калама, а приверженностью этическим установкам ал-ислам»¹⁹¹.

В целом можно сказать, что интеллектуальное наследие Шахрура вызывает не только интерес у исследователей, но и относительно позитивные отклики, связанные с оригинальностью его подхода, систематическим и доступным характером его изложения. Примечательно, что среди тех, кто анализирует взгляды Шахрура с научной точки зрения, позиции исследователей мусульманского происхождения по сути совпадают с интерпретацией немусульманских ученых. Что же касается обсуждения фигуры и работы Мухаммада Шахрура вне академического поля, то в нем очевидно наличие двух противостоящих друг другу лагерей сторонников и противников подхода сирийского инженера к «исламским наукам».

«Иссушение источников терроризма»

Свой подход к интерпретации Корана Шахрур применил к обсуждению вопроса о связи между исламом и терроризмом и подробно изложил в работе под названием «Иссушение источников терроризма», впервые вышедшей в 2008 г. и несколько раз переизданной (последний раз – в 2017 г.).

Написать эту книгу автора, как следует из введения, побудила извращенная интерпретация идеологами радикальных исламских движений ключевых коранических терминов, в частности, таких как «терроризм» (*ирхаб*) и «деспотизм» (*истибдад*). Рассуждая о том, что стоит за каждым из этих понятий, Шахрур проводит семантический анализ этих слов с опорой на Коран и приходит к выводу, что лучшим вариантом перевода английского слова *terrorism* будет арабское слово «ارهاب», что можно было бы перевести на русский как «устрашение», а вместо слова استبداد – в том смысле, в котором оно употребляется современными политически мотивированными лидерами и группами, – лучше подойдет طغيان, с которым в русском языке связано значение вышедшей из-под контроля стихийной силы (основные значения, согласно «Арабско-русскому словарю» Х.К. Баранова, – разлив, произвол, беззаконие, притеснение и т.д.). Впрочем, поскольку термины *ирхаб* и *истибдад* уже устоялись и читатель успел к ним привыкнуть, то именно их, по словам Шахрура, он и будет далее использовать.

Итак, «эпохой деспотии» (*истибдад*) он называет исторический период, который пришелся на конец правления Омейядов и начало правления Аббасидов. Характеристика этого периода в целом дается неутешительная: «Мусульманское право не сказало ни слова в защиту уважения свободы человека в выборе его убеждений, обрядов, свободы слова и свободы совести... в угоду власти не предпринималось никаких попыток провести границу между мученичеством (*шахада*), смертью и убийством»¹⁹².

Шахрур возложил вину на «мусульманскую культуру» за то, что в ней связались такие понятия, как «убийство», «смерть» и «мученичество», которые, по мнению инженера, на самом деле вовсе не обязательно должны идти бок о бок. В ходе семантического анализа термина *ирхаб* и основываясь на Коране как на основном источнике, он настаивает на том, что корень *рхб* в арабском языке вообще в принципе не несет смысла какого-то насилия. Общая идея здесь такова, что настало время взглянуть на, казалось бы, привычные вещи другими глазами.

Далее Шахрур пишет, что существуют разные способы работы со священным писанием – языковой и смысловой. Теория права (*усул ал-фикх*) была разработана людьми в первые века ислама и не наделена каким-то священным статусом (здесь автор, похоже, намекает на необходимость реформы). История человечества, на его взгляд, делится на два этапа – до пророчества Мухаммада и после. Не стоит оплаки-

вать стародавние времена, поскольку «мы сейчас находимся на более совершенном уровне с точки зрения наших когнитивных способностей, развития права, морали и ритуала»; к тексту откровения можно и нужно подходить с позиции современного человека.

«Наш мир и его законы – это слово Божье... Они являются самодостаточными, и чтобы их постичь, не нужно обращаться к чему-то внешнему по отношению к ним»¹⁹³. Божественное откровение – это тоже слово Божье, значит, и оно является самодостаточным, и для его понимания также не нужно привлекать ничего извне. Таким образом, настаивает Шахрур, ключ к пониманию откровения необходимо искать в нем же самом. В общем и целом он пытается тем самым сказать, что текст Корана не разъясняется Сунной или какими-то правовыми постановлениями: «Воспринимать божественное откровение следует напрямую (без посредников), не опасаясь этого и не опасаясь за последствия этого, ведь Господь никогда не проигрывает». И далее: «Чтобы понять слово божье, нужно углубиться в понимание терминов»¹⁹⁴.

Как полагает Шахрур, запретить (*тахрим*) что-либо может только бог, и все запрещающие фетвы не имеют никакой ценности, несмотря на их огромное количество. Поскольку право абсолютного запрещения есть только у бога, то все остальные, начиная с посланников и заканчивая правовыми институтами, могут только повелеть сделать что-то или не делать это, и эти повеления могут меняться с течением обстоятельств, времени и места, тогда как абсолютные запреты носят универсальный и вечный характер. В текстах Сунны и пророческих преданий вообще нет абсолютных запретов.

Далее он рассуждает о том, чем религия отличается от веры и чем столпы ислама отличаются от столпов веры, и приходит к выводу, что «важнейшая основа культурной реформы, которая нам так необходима, заключается в том, чтобы уметь отличать столпы ислама от столпов веры». «Поскольку столпы веры были когда-то отождествлены со столпами ислама, это привело нас к глубокому культурному и моральному кризису. Мораль и высокие человеческие ценности изначально не относятся к столпам ислама; ислам – первооснова, а вера – обязанность»¹⁹⁵, – заключает Шахрур.

В своей работе Шахрур также спорит с грамматистами-буквалистами о том, что первичным является Писание, а не правила арабской грамматики. Толковать текст с учетом только тех правил арабской грамматики, которые были разработаны учеными первых веков, не-

возможно. Надо иметь в виду, что науки продвинулись далеко: «Опора на достижения науки и законоведения необходима для современного прочтения текста Корана»¹⁹⁶. Текст Корана невозможно постичь полностью и утверждать, что он истолкован абсолютно правильно. Степень постижения текста священного писания может быть лишь относительной, а полностью его смысл раскроется только в День суда.

Затем Шахрур выделяет несколько ключевых понятий, которые важны для его анализа, и дает им довольно своеобразные определения. Для нашей темы, пожалуй, важны следующие (далее до конца раздела мой перевод. – И.Ц.):

1. Ислам – это вера и признание существования Бога и Судного дня. Эта вера – зерно благочестия, а свидетельство «Нет бога, кроме Бога» – пропуск в мир ислама. Столпы ислама – запреты, выраженные в форме текста в Божественном откровении; среди них – десять заповедей (в Библии), упомянутых в суре «Награда».

2. Вера (ал-иман) – это признание пророчества пророков и посланий посланников, каждому из которых был отведен свой черед. Есть мусульмане, которые признают пророчество Нуха, или Худа, или Мусы, или Исы, или Мухаммада, и все они верят в Бога Всевышнего и Судный день. Главным же пророчеством для них является пророчество Мухаммада, и это подтверждается словами из символа веры: «И Мухаммад Пророк Его». Столпы веры – ритуалы (молитва, милостыня, пост и паломничество).

3. Верующие мусульмане (*ал-муслимун ал-му'минун*) – те, кто дважды произносят символ веры; после первого раза они становятся мусульманами, а после второго – верующими.

4. Преступники (*ал-муджримун*) – все, кто добровольно обрывает связь с Богом и отрицает приближение Судного дня. Сегодня таких называют атеистами (*ал-мулхидун*): «Они скажут: “Мы не были в числе тех, которые совершали намаз”» (74:43).

5. Отречение (*куфр*) – демонстративная и сознательная позиция против чего-либо. В основном это понятие употребляется сегодня в контексте вероубеждений. Отрекающийся от Бога – атеист, отрицающий существование Бога, а отрекающийся от пророчества Мухаммада и его послания – это тот, кто открыто занял враждебную позицию в отношении Пророка, оболгал его и замыслил против него плохое. Отречение относится исключительно к сфере демагогии (*лисан ал-макал*). Во время войны каждая из сторон будет называть противника отреченцем (*кафир*).

6. Многобожие (*ширк*) – обращение человека в вопросах ритуала и молитвы к кому-то еще, кроме Бога. Многобожие не обязательно подтверждается публично; у него есть несколько разновидностей, худшей из которых является антропоморфизм (*ширк ат-таджсид*), о чем Бог предупредил в Коране: «Воистину, Всевышний не прощает, когда к Нему приобщают сотоварищей, но прощает все остальные грехи, кому пожелает. Кто же приобщает сотоварищей к Всевышнему, тот измышляет великий грех» (4:48). Многобожие же чаще обнаруживается в поступках человека, чем на словах.

7. Община (*ал-умма*) – это собрание существ, как разумных, так и неразумных, которых объединяет общий образ жизни, подобный порядку в общине Пророка Мухаммада.

8. Народность (*ал-каумиyyа*) – общность разумных существ, говорящих на одном языке (с лингвистической и культурной точек зрения), благодаря чему достигается и единообразие их образа мышления. Примеры: арабская народность, при которой арабы остаются народом Мухаммада, а сыны Израилевы – народом Мусы. Верующими же считаются члены общины Мухаммада.

9. Народ (*аш-ша'б*) – общность разумных существ, политический и жизненный режимы которых совпадают. Иногда народ может состоять из нескольких общин и различных народностей, имеющих общее отечество и гражданство. Понятие «народ» – более общего порядка, нежели «община» или «народность». Есть община Мухаммада и арабская народность, но при этом же существует двадцать два арабских народа.

10. Свидетель (*шахид*) – тот, кто слышит и видит какое-то событие и присутствует при нем. Тот, кто слышит, как проходит сделка, является свидетелем, но не наблюдателем (*шахид*); тот, кто застал прелюбодеев с поличным – тоже свидетель. Свидетелями могут быть те, кто явился неожиданно, убитые или оставшиеся в живых, верующие или многобожники. Скажем, все журналисты являются свидетелями, так как они наблюдают какое-то событие и передают его нам, и неважно, гибнут ли они при этом или нет. Как сказал Господь: «Не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа» (3:169). Вопреки распространенному мнению, положение свидетеля никоим образом не связано ни с мусульманским символом веры, ни со свидетельством во имя Бога. Слово «свидетель», или «шахид» – форма единственного числа, а форма множественного – «*шухада'*».

11. Наблюдатель (*шахид*) – тот, кто узнал или проведал о чем-то заочно, затем проанализировал это и извлек какие-то полезные выводы. Все журналисты, как мы уже знаем, – это непосредственные свидетели событий, а кто смотрит телевизор или слушает новости по радио – те наблюдатели. Наблюдателей без свидетелей быть не может. Господь изрек: «А наблюдатель из ее семьи сказал: “Если его рубаха разорвана спереди, то она говорит правду, а он один из тех, кто лжет» (12:26)¹⁹⁷.

Заключение

Итак, используя формалистский подход к анализу мусульманского первоисточника, Мухаммад Шахрур попытался указать на наличие принципиального расхождения между тем, что он считает изначальным смыслом ряда исламских терминов, и их современным прочтением, популяризированным, в частности, средствами массовой информации. Но и это еще не все, ведь если кораническое значение таких терминов как *ирхаб* и *шахид* расходится с их нынешней трактовкой, значит, и ислам в массовом сознании (как мусульман, так и немусульман) предстает на самом деле как искаженная идея ислама. При внимательном отношении к оригинальным смыслам слов оказывается, как полагает Шахрур, что они лишены того агрессивного и воинствующего значения, которое им пытаются придать и даже успешно придают радикальные и весьма невежественные, с точки зрения сирийского инженера, толкователи первоисточников.

Книгу «Иссушение источников терроризма» Шахрур издал как раз в разгар волны исламофобии на Западе, и по идее она должна была найти много благодарных читателей среди мусульман, страждущих услышать, как чей-то авторитетный голос снимает с их религии обвинения в тесной связи с насилием и иррациональной жажде возмездия в отношении иноверных обидчиков ислама. И действительно, среди всех арабоязычных работ Мухаммада Шахрура эта монография получила одни из самых высоких оценок пользователей сайта *goodreads.com*. Вот, например, один из восторженных отзывов: «Замечательная книга, в которой приводятся неопровержимые доказательства, которые невозможно игнорировать в отношении значительной части нынешней религиозной субкультуры. Теперь-то мы можем утверждать наверняка, что именно она является причиной распространения терроризма и экстремизма в нашем арабо-мусульманском мире»¹⁹⁸.

Вместе с тем, если взглянуть на не столь многочисленные отзывы, которые оставлены не столь восторженными пользователями портала, можно отметить, что во многих из них прослеживается один и тот же мотив – принципиальное неприятие подхода Шахрура к анализу первоисточников ислама, которое было характерно еще для его самых первых критиков. Несмотря на ощутимый численный рост группы его сторонников по сравнению с 1990-ми гг., часть мусульманского сообщества по-прежнему с недоверием относится к его подходу к коранической экзегетике, даже когда она ведет к по сути правильным и благим результатам, как, например, в случае с попытками представить ислам как нечто чуждое насилию и произволу.

¹ Schmid A., & Price E. Selected Literature on Radicalization and De-Radicalization of Terrorists: Monographs, Edited Volumes, Grey Literature and Prime Articles published since the 1960s // Crime, Law and Social Change. 2011. No. 55(4). Pp. 337–348. <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9287-4> (дата обращения 20.06.2022); Сокрытая Е.Л. Уверенный шаг в будущее? Исследование социально-психологических и адаптационных потребностей членов семей бывших боевиков на Северном Кавказе. Март 2020. <https://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee/> (дата обращения 29.04.2022)

² Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London, Routledge, 2017.

³ Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. London: Routledge, 2009. Pp. 30–48; Feddes A.R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (дата обращения 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In N. Ferguson (Ed.), Post Conflict Reconstruction. New-castle: CSP. 2010. Pp. 151–164.

⁴ Ashour O. The deradicalization of jihadists: Transforming armed Islamist movements. Oxon: Routledge, 2010.

⁵ Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch. Deradicalizing Islamist extremists. 2010. P. 5. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (дата обращения 09.09.2022)

⁶ Demant F., Slooman M., Buijs F. & Tillie J. Decline and disengagement. An analysis of processes of deradicalisation. IMES Amsterdam, 2008. P. 13.

⁷ Braddock K. The talking cure? Communication and psychological impact in prison deradicalisation programmes. In A. Silke (Ed.), Prisons, terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalization and reform. London: Routledge, 2014. P. 60.

⁸ Horgan J. Individual disengagement: a psychological analysis. In Tore Bjørgo and John Horgan, eds., Leaving terrorism behind: individual and collective disengagement. N.Y.: Routledge, 2008. P. 27.

-
- ⁹ *Bjørgo T. and Horgan J.* Introduction. In *Tore Bjørgo and John Horgan*, eds. *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 21.
- ¹⁰ *Horgan J.* Deradicalization programs: recommendations for policy and practice. Washington, D.C.: RESOLVE Network, August 2021. P. 1. <https://doi.org/10.37805/pn2021.18.vedr> (дата обращения 09.09.2022)
- ¹¹ *Ibidem*.
- ¹² *Horgan J. and Braddock K.* Rehabilitating the terrorists? Challenges in assessing the effectiveness of de-radicalization programs // *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22. P. 280.
- ¹³ *Horgan J.* Individual disengagement: a psychological analysis. In *Tore Bjørgo and John Horgan*, eds., *Leaving terrorism behind: individual and collective disengagement*. N.Y.: Routledge, 2008. Pp. 21–27.
- ¹⁴ *Ibidem*. Pp. 20–21.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 24.
- ¹⁶ *Horgan J.* Deradicalization or disengagement? A process in need of clarity and a counterterrorism initiative in need of evaluation // *Perspectives on Terrorism*. February 2008, Vol. 2. No. 4. P. 4.
- ¹⁷ *Horgan J.* Individual disengagement... Pp. 17–29.
- ¹⁸ *Ibidem*. P. 21.
- ¹⁹ *Розанов Д.* «Там гражданская война, как и на Украине». Интервью россиянина, воевавшего на стороне ИГИЛ и вернувшегося к мирной жизни // *Газета.ру*. 05.08.2015. https://gazeta.ru/politics/2015/08/05_a_7669209.shtml?updated (дата обращения 10.09.2022)
- ²⁰ *Horgan J.* Individual disengagement... P. 21.
- ²¹ *Clubb G.* Re-evaluating the disengagement process: The case of Fatah // *Perspectives on Terrorism*. 2009. Vol. 3. No. 3. September 2009. P. 27.
- ²² *Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch.* Deradicalizing Islamist extremists. 2010. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (дата обращения 09.09.2022)
- ²³ *Ibidem*. P. 5.
- ²⁴ *Ibid.* P. 6.
- ²⁵ *Clubb G.* Op. cit. P. 27.
- ²⁶ *Rabasa A., Benard C., Schwartz L.H., & Sickle P.* Building Moderate Muslim Networks 2007. RAND Corporation. <http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg574srf> (дата обращения 01.09.2023)
- ²⁷ *Курбанов P.B.* «Прокрустово ложе» RAND Corporation. Реакция умеренных мусульман на призыв формировать умеренные исламские сети. <http://ansar.ru/person/prokrustovo-lozhe-rand-corporation> (дата обращения 01.09.2023)
- ²⁸ *Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch.* Deradicalizing Islamist extremists. 2010. P. 2–3. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (дата обращения 09.09.2022)
- ²⁹ *Сергеев Н.* Спецназ ФСБ зачехлил меч Аллаха // *Коммерсантъ*. 20.08.2013.
- ³⁰ *O'Brien N.* Interview with a former terrorist: Nasir Abbas' deradicalization work in Indonesia // *CTC Sentinel*. November 2008. Vol. 1. Iss. 12. <https://www.ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2010/06/Vol1Iss12-Art7.pdf> (дата обращения 09.09.2022)

- ³¹ *Renaldi A.* Meet the former mujahideen behind Indonesia's fight against terrorism // Vice Media Group. 05.05.2017. <https://www.vice.com/en/article/nz8beg/meet-the-former-mujahideen-behind-indonesias-fight-against-terrorism> (дата обращения 09.09.2022)
- ³² *Ashour O.* The De-Radicalization of Jihadists Transforming Armed Islamist Movements. Routledge, 2010.
- ³³ *Мухаметзарипов И.А.* Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Центр исламоведческих исследований республики Татарстан. Казань, 2017.
- ³⁴ *Карпачева О.В., Нефляшева Н.А.* Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // Журнал исторических исследований. 2018. Т. 3. № 4. С. 18–32.
- ³⁵ *Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Радикализация: социально-психологический взгляд (Ч. II) // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 214–230.
- ³⁶ *Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д.* Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) // Психология и право. 2021. Т. 1. № 1. С. 181–194. https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n1/Vovin_Vovina_Tikhonova_full.shtml (дата обращения 12.11.2021).
- ³⁷ *Минин А.* Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. М.: Прометей, 2016.
- ³⁸ *Внукова Л.Б.* Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60–69. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.4.23724. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23724 (дата обращения 05.11.2022).
- ³⁹ *Минин А.* Актуальные проблемы...
- ⁴⁰ *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.Y.: Harper and Row, 1954.
- ⁴¹ *Satapathy R.* Religious, political, social and criminal are four major causes of terrorism // The Times of India. 19 August 2011; Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism: A Concise Report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. Brussels, European Commission. 15 May 2008.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Ashour O.* De-radicalization of Jihad? The impact of Egyptian Islamist Revisionists on al-Qaeda // Perspectives on Terrorism, 2(5). Pp. 11–14.
- ⁴⁴ *Kruglanski A.W., Gelfand M., Gunaratna R.* Detainee Deradicalization. Association for Psychological Science. Observer. January 1, 2010. <https://www.psychological-science.org/observer/detainee-deradicalization>. (дата обращения 06.11.2022).
- ⁴⁵ Очарованный дервиш. Как в тюрьмах Марокко дерадикализуют бывших боевиков. <https://islamofera.ru/kak-v-tyurmax-marokko-deradikalizuyut-byvshix-boevikov/> (дата обращения 04.11.2022)
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Минин А.* Актуальные проблемы...
- ⁴⁸ *Veldhuis T., Staun J.* Islamist Radicalisation...
- ⁴⁹ *Satapathy R.* Religious, political, social...
- ⁵⁰ *Bakker E.* Jihadi terrorists in Europe. The Hague: Clingendael, 2006. P. 56.
- ⁵¹ Alex P. Schmid, ICCT, 2013. <https://capve.org/ru/dokumenty/issledovaniya-i-stati/product/view/6/444> (дата обращения 07.11.2022)
- ⁵² *Nesser P.* Jihadism in Europe after the Invasion of Iraq: Tracing Motivational Influences from the Iraq War on Jihadism in Western Europe // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. Vol. 29. No. 4. P. 327.

⁵³ *Nesser P.* Joining jihadi terrorist cells in Europe: Exploring motivational aspects of recruitment and radicalization // *Understanding Violent Radicalisation: Terrorist and Jihadist Movements in Europe*. L.: Routledge, 2010. Pp. 108–109.

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ *Bjørge T.* Strategies for preventing terrorism. Lecture by Tore Bjørge Professor of Police Science Norwegian Police University College; Senior Research Fellow Norwegian. <https://slideplayer.com/slide/3994073/> (дата обращения 07.11.2022)

⁵⁶ *Dalgaard-Nielsen A.* Studying violent radicalization in Europe. Part II. The potential contribution of socio-psychological and psychological approaches // *DIIS Working Paper*. Copenhagen: 2008. № 3. P. 17.

⁵⁷ *Азеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

⁵⁸ *Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.* Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

⁵⁹ *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М., 2000.

⁶⁰ *Пайнс Э., Маслач К.* Практикум по социальной психологии. 4-е международное издание. СПб.: Питер, 2001. 528 с.

⁶¹ *Баширов С.* Что такое стигматизация, какой она бывает и откуда берется. <https://trends.rbc.ru/trends/social/632cb5aa9a794739baa4c0ab> (дата обращения 23.09.2022)

⁶² *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Touchstone; Reissue edition, 1986.

⁶³ *Харитонова Е.В.* Африканцы в России глазами социального психолога (к вопросу о методах исследования) // *Труды Института Востоковедения РАН*. М.: Ин-т Востоковедения РАН. 2018. № 9. С. 68–90.

⁶⁴ *Поринев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

⁶⁵ Интеграция радикальных борцов, которые возвращаются домой, не легка, но может быть сделана. <https://rus.line-magazine.com/integrating-radical-fighters-who-return-home-isnt-easy-can-be-done-692335> (дата обращения 15.10.2022)

⁶⁶ *Харитонова Е.В.* О некоторых критериях международных сопоставлений (на примере региона Африки к Югу от Сахары): опыт эмпирического исследования. https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/o_nekotoryh_kriteriyah.pdf (дата обращения 01.11.2022)

⁶⁷ *Смелзер Нейла Дж.* О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии. Выступление на XV Международном социологическом конгрессе (Брисбен, 2002 г.). <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-11/Smelser.pdf> (дата обращения 04.11.2022)

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Карпачева О.В., Нефляшева Н.А.* Опыт дерадикализации...

⁷² Интеграция радикальных борцов...

⁷³ *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Африканская традиционная этика в контексте современности // *Восток (Oriens)*. 2015. № 6. С. 64–75.

⁷⁴ *Баева Л.В.* Молодежный экстремизм в условиях современного кризиса культуры // 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом / Под ред. Д.П. Пискарева. Т. 2. М.: «Авантитул»,

2010. С. 143–147; *Кисельников А.А.* Профилактика терроризма с помощью социально-психологического инструментария // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Т. 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма». М.: МЦНМО, 2009. С. 168–173; *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008; Экстремизм и его причины / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Логос, 2011. 288 с.

⁷⁵ *Coleman P.T., Bartoli A.* Addressing Extremism. Position paper. N.Y.: Columbia University, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution, 2003. P. 2.

⁷⁶ *Яхьяев М.Я.* Феномен экстремизма: методологические проблемы исследования // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 2011. № 1 (5). С. 14–20.

⁷⁷ *Муращенкова Н.В.* Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме // Современные исследования социальных проблем IV. 2012. № 12 (20). <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/murashchenkova.pdf> (дата обращения 19.04.2022)

⁷⁸ *Муращенкова Н.В., Гриценко В.В.* Экстремизм как социально-психологическое явление // Человек и гражданин в системе безопасности. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.10881

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Меркурьев В.В., Аганов П.В.* Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 26–35.

⁸¹ *Орел Е.В.* Исламский терроризм в свете психологии религии: возможные направления исследования // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Т. 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма». М.: МЦНМО, 2009. С. 119.

⁸² *Величковский Б.Б.* Диагностика уровня индивидуальной устойчивости к стрессу как фактор снижения террористической опасности // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Т. 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма». М.: МЦНМО, 2009. С. 157–162.

⁸³ *Павлова О.С.* Психологические причины и профилактика вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России [сборник] / Правительство Москвы, Департамент нац. политики и межрегион. связей г. Москвы, Московский дом национальностей. М.: ГБУ «МДН», 2019. С. 132–140.

-
- ⁸⁴ *Wakefield M.A., Rice C.J.* The Impact of Cyber-Communication on Today's Youth // *Professional Counseling Digest*. 2008. P. 8.
- ⁸⁵ *Кузнецов И.М., Хужлаев О.Е.* Риски межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы // *Социальная психология и общество*. 2014. № 2.
- ⁸⁶ *Кружкова О.В., Воробьева И.В., Никифорова Д.М.* Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде интернет // *Образование и наука*. 2016. № 10 (139). С. 84.
- ⁸⁷ *Корнилова О.А.* Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2012. 43 с.
- ⁸⁸ *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // *Социс*. 2008. № 5.
- ⁸⁹ *Saucier G., Akers L.G., Shen-Miller S., Knežević G., & Stankov L.* Patterns of thinking in militant extremism // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. No. 4(3). Pp. 256–271. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2009.01123.x>
- ⁹⁰ *Webber D., Kruglanski A.W.* Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach // *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. 2017. No. 1. Pp. 33–46.
- ⁹¹ *Roy O.* Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. Oxford. Oxford University Press. 136 p.
- ⁹² *Павлова О.С.* Религиозная идентичность и этнонациональные установки мусульманской молодежи Северного Кавказа // *Религии и радикализм в постсекулярном мире* / С. Амгар, А.М. Ахунов, И.Л. Бабич и др.; Под ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2017. С. 153–171.
- ⁹³ *Рыжова С.В.* Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие*. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. 1 CD-ROM. М.: РОС, 2012. С. 2549–2557. <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf/> (дата обращения 19.04.2022).
- ⁹⁴ *Webber D. et al.* The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 114. No. 2. P. 270–285.
- ⁹⁵ *Webber D., Kruglanski A.W.* Op. cit. Pp. 33–46.
- ⁹⁶ *Webber D. et al.* Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. February. Pp. 107–111.
- ⁹⁷ *Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R.* The Three Pillars of Radicalization // *The Three Pillars of Radicalization*. 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001
- ⁹⁸ *Ozer S., Bertelsen P.* Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective // *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 40.
- ⁹⁹ *Stankov L., Saucier G., Knežević G.* Militant Extremist Mind-Set: Proviolence, Vile World, and Divine Power // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22. No. 1. Pp. 70–86.
- ¹⁰⁰ *Bélanger J.J. et al.* Radicalization leading to violence: A test of the 3N model // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. Vol. 10. FEB. Pp. 1–12.
- ¹⁰¹ *Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R.* Op. cit.

¹⁰² Hogg M.A., Kruglanski A., Bos K. van Den. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. Pp. 407–418.

¹⁰³ Kruglanski A. et al. The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. 2018a. Vol. 22. No. 1. Pp. 107–120; Kruglanski A.W. et al. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No. 3. Pp. 217–230.

¹⁰⁴ Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / Eds. M.A. Hogg, D.L. Blaylock. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35; Hogg M.A. Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / Ed. P.J. Burke. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. Pp. 111–136.

¹⁰⁵ Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. Pp. 407–418. DOI:10.1111/josi.12021

¹⁰⁶ Подробнее об этом на русском языке можно прочитать в статьях: Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания // *Современная зарубежная психология*. 2020. Т. 9. № 3. С. 97–107. DOI:10.17759/jmfp.2020090309; Тихонова А.Д., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть II) // *Психология и право*. 2020. Т. 10. № 4. С. 214–230. DOI:10.17759/psylaw.2020100415; Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) // *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 1. С. 181–194. DOI:10.17759/psylaw.2021110114

¹⁰⁷ Hogg M.A. Self-uncertainty... Pp. 19–35.

¹⁰⁸ Webber D. et al. The road to extremism... Pp. 270–285.

¹⁰⁹ Federico C.M., Hunt C.V., Fisher E.L. Uncertainty and Status-Based Asymmetries in the Distinction Between the “Good” Us and the “Bad” Them: Evidence That Group Status Strengthens the Relationship Between the Need for Cognitive Closure and Extremity in Intergroup Differentiation // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. P. 473–494. DOI:10.1111/josi.12025

¹¹⁰ Brienza J.P., Chao M.M. Wise reasoning, intergroup positivity, and attitude polarization across contexts // *Nature Communications*. 2021. Pp. 1–11.

¹¹¹ Zmigrod L. et al. The psychological roots of intellectual humility: The role of intelligence and cognitive flexibility // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 141. September 2018. Pp. 200–208.

¹¹² Jost J.T. et al. Political Conservatism as Motivated Social Cognition // *Psychol Bull*. 2003. Vol. 129. No. 3. P. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339

¹¹³ Leary M.R. et al. Cognitive and Interpersonal Features of Intellectual Humility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. No. 6. Pp. 793–813.

¹¹⁴ McElroy S.E. et al. Intellectual Humility: Scale Development and Theoretical Elaborations in the Context of Religious Leadership // *Journal of Psychology and Theology*. 2014. Vol. 42. No. 1. Pp. 19–30.

¹¹⁵ Krumrei-Mancuso E.J., Rouse S.V. The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale // *Journal of Personality Assessment*. 2016. Vol. 98. No. 2. Pp. 209–221.

¹¹⁶ Zhang H. et al. Intellectual Humility and Forgiveness of Religious Conflict // *Journal of Psychology and Theology*. 2015. Vol. 43. No. 4. Pp. 255–262.

-
- ¹¹⁷ *Rodriguez D. et al.* Religious intellectual humility, attitude change, and closeness following religious disagreement // *The Journal of Positive Psychology*. 2019. Vol. 14. No. 2. Pp. 133–140.
- ¹¹⁸ *Stanley M.L., Sinclair A.H., Seli P.* Intellectual humility and perceptions of political opponents // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. No. 6. Pp. 1196–1216.
- ¹¹⁹ *Krumrei-Mancuso E.J. et al.* Links between intellectual humility and acquiring knowledge // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 155–170. DOI:10.1080/17439760.2019.1579359
- ¹²⁰ *Leary M.R. et al.* Op. cit.
- ¹²¹ *Leary M.R. et al.* Op. cit.; *Marriott R.J., Hall M.E. L., Decker L.A.* Psychological correlates of reasons for nonbelief: tolerance of ambiguity, intellectual humility, and attachment // *Mental Health, Religion and Culture*. 2019. Pp. 1–20.
- ¹²² *Хухлаев О.Е., Павлова О.С.* «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–102. DOI:10.17759/sps.2021120307
- ¹²³ *Roets A., Hiel A. Van.* All port's prejudiced personality today: Need for closure as the motivated cognitive basis of prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. No. 6. P. 349–354.
- ¹²⁴ *Leary M.R. et al.* Op. cit.
- ¹²⁵ *Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // *Социальная психология и общество*. 2013. Т. 4. No. 1. С. 104–113.
- ¹²⁶ *Webber D. et al.* The road to extremism... Pp. 270–285.
- ¹²⁷ *Jasko K., LaFree G., Kruglanski A.* Quest for Significance and Violent Extremism: The Case of Domestic Radicalization // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. No. 5. Pp. 815–831.
- ¹²⁸ *Webber D., Kruglanski A.W.* Psychological Factors...
- ¹²⁹ *Webber D. et al.* Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. February. Pp. 107–111.
- ¹³⁰ *Dugas M. et al.* Group-centric attitudes mediate the relationship between need for closure and intergroup hostility // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. Vol. 21. No. 8. Pp. 1155–1171.
- ¹³¹ *Bélangier J.J. et al.* Do Counter-Narratives Reduce Support for ISIS? Yes, but Not for Their Target Audience // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. June. Pp. 1–11.
- ¹³² *Leary M.R. et al.* Op. cit.; *Marriott R.J., Hall M.E. L., Decker L.A.* Psychological correlates of reasons for non-belief: tolerance of ambiguity, intellectual humility, and attachment // *Mental Health, Religion and Culture*. 2019. Pp. 1–20.
- ¹³³ *Zhang H. et al.* Intellectual Humility and Forgiveness of Religious Conflict // *Journal of Psychology and Theology*. 2015. Vol. 43. No. 4. Pp. 255–262.
- ¹³⁴ *Kossowska M., Dragon P., Bukowski M.* When need for closure leads to positive attitudes towards a negatively stereotyped outgroup // *Motivation and Emotion*. 2014. Vol. 39. No. 1. Pp. 88–98. DOI:10.1007/s11031-014-9414-5
- ¹³⁵ *Kossowska M. et al.* Disparate roads to certainty processing strategy choices under need for closure // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29. No. 1. Pp. 161–211.
- ¹³⁶ *Marsden S.V.* Conceptualising 'success' with those convicted of terrorism offences: Aims, methods, and barriers to reintegration // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2015. No. 2 (7). С. 143–165.

¹³⁷ «Эксперт назвал теракт в Вене следствием неэффективности спецслужбы Австрии» // РИА Новости. 07.11.2020. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9936427> (дата обращения 07.04.2022)

¹³⁸ *Horgan J., Altier M.B.* The Future of Terrorist De-Radicalization Programs // Source: Georgetown Journal of International Affairs. 2012. No. 2 (13). Pp. 83–90.

¹³⁹ *Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В.* Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы // Социальные науки и детство. 2020. № 1 (1). С. 8–26.

¹⁴⁰ Там же. С. 13.

¹⁴¹ Об этом подробнее см. *Хухлаев О.Е., Павлова О.С.* Доказательный подход к профилактике экстремизма и дерадикализации в молодежной среде // Вестник российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 102–115.

¹⁴² Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства. Версия 2.1. от 23 ноября 2018 г. <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/11/Standart-dokazatelnosti-praktik.pdf> (дата обращения 07.04.2022).

¹⁴³ Специалист в сфере национальных и религиозных отношений. https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyu-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=74578 (дата обращения 7.04.2022)

¹⁴⁴ Федеральный научно-методический центр в области психологии и педагогики толерантности. Повышение квалификации. <https://tolerancencenter.ru/education/> (дата обращения 07.04.2022)

¹⁴⁵ *Аруин С.Е., Чиркина Р.В.* Оценка эффективности проектов дерадикализации подростков и молодежи в интернете (на примере технологии street work-online в ФРГ) // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2020. С. 236–239.

¹⁴⁶ Программа повышения квалификации «Современные технологии дерадикализации подростков и молодежи в сети интернет (международная)». <https://dpo.mgppu.ru/programs/elements/ppp-216>; Программа повышения квалификации «Профилактика присоединения к группам с экстремистскими взглядами в подростково-молодежной среде (вводный курс)». <https://dpo.mgppu.ru/programs/elements/vse-215/> (дата обращения 04.03.2021)

¹⁴⁷ *Павлов В.В.* Исламские банки в исламском финансовом праве. М.: Анкил, 2003.

¹⁴⁸ *Kimani M.* Small loans widen horizons for the poor // Africa Renewal. January 2009. Vol. 22. No. 4. Pp. 8–9, 20.

¹⁴⁹ *Laishley R.* After war, creating jobs for peace // Africa Renewal. April 2009. Vol. 23. No. 1. Pp. 10–12.

¹⁵⁰ *Hanbon J., Smart T.* Do bicycles equal development in Mozambique? Oxford, UK, 2008. Pp. 231–240.

¹⁵¹ *Laishley R.* After war, creating jobs for peace. P. 12.

¹⁵² *Fleshman M.* Does financing benefit African women // Africa Renewal. April 2009. Vol. 23. No. 1. Pp. 16–18.

¹⁵³ *Garcia M., Fares J.* Youth in Africa's Labor Market. Directions in Development; Human Development. Washington, DC: World Bank, 2008. Pp. 210–214.

-
- ¹⁵⁴ *Константинова О.В.* Сможет ли Африка воспользоваться демографическим дивидендом? // Экономические отношения. Т. 10. № 2. М., 2020. С. 322–327. DOI: 10.18334/eo.10.2.100906.
- ¹⁵⁵ *Finnstroms S.* Living with Bad Surroundings: War, History and Everyday Moments in Northern Uganda. Durham, Duke University Press, 2008. Pp. 291–304.
- ¹⁵⁶ *Political Islam in West Africa: State-Society Relation Transformed.* Lynne Rienner Publishers, 2007. Pp. 210–221.
- ¹⁵⁷ *Creating Decent Jobs: Strategies, Policies and Instruments.* Policy Research Document No. 2. African Development Bank. Tunis – Abidjan. 2019. Pp. 2–12.
- ¹⁵⁸ *Strategies for Eradicating Poverty to Achieve Sustainable Development for All.* <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2018/07/CSocD56-HighlevelPanel-Priority-Theme.pdf> (дата обращения 15.10.2021)
- ¹⁵⁹ *Laishley R.* After war, creating jobs for peace. P. 21.
- ¹⁶⁰ *Laishley R.* World downturn squeezing Africa // *Africa Renewal.* April 2009. Vol. 23. No. 1. P. 21.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² См. Африканский рынок. М.: ИАФР РАН, 1996. № 1. С. 11–13.
- ¹⁶³ *Laishley R.* After war, creating jobs for peace. P. 22.
- ¹⁶⁴ *Olonisakin F.* Peacekeeping in Sierra Leone: The Story of UNAMSIL Boulder, USA: Lynne Rienner Publishers, 2007. Pp. 182–190.
- ¹⁶⁵ *Scott S.A.* Laurent Nkunda et la revellion du Kivu: Au Coeur de la guerre congolaise. Karthala, 2008. Pp. 162–165.
- ¹⁶⁶ *Harsch E.* Africa braces for global shockwaves // *Africa Renewal.* January 2009. Vol. 22. No. 4. Pp. 6–7, 20.
- ¹⁶⁷ *Christmann A.* “The Form is Permanent, but the Content Moves”: The Qur’anic Text and Its Interpretation(s) in Mohamad Shahrour’s ‘Al-Kitāb wa ‘l Qur’ān’ // *Die Welt des Islams, New Series, Vol. 43, Iss. 2 (2003).* Pp. 143–172.
- ¹⁶⁸ Ас-Сира аз-затиййа // Ал-Маука‘ ар-расми ли-д-дуктур Мухаммад Шахрур. (На араб.). https://shahrour.org/?page_id=2
- ¹⁶⁹ *Bamyeh M.A.* Dialectics of Islam and Global Modernity // *Social Analysis, Vol. 46, Iss. 2, Summer 2002.* P. 84.
- ¹⁷⁰ *Saeed A.* Some Reflections on the Contextualist Approach to Ethico-Legal Texts of the Quran // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 2008, Vol. 71, No. 2, Scripture and Modernity: A Tribute to Professor John Wansbrough (2008).* Pp. 221–237.
- ¹⁷¹ *Халляк В.* Истрия исламских теорий права. Введение в суннитскую теорию права. М., 2020. С. 394–395.
- ¹⁷² Там же. С. 395.
- ¹⁷³ *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII-XV вв. (курс лекций). Л., 1966. С. 121.
- ¹⁷⁴ *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб., 2001. С. 278–280.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 280.
- ¹⁷⁶ *Christmann A.* ‘73 Proofs of Dilettantism’: The Construction of Norm and Deviancy in the Responses to Mohamad Shahrour’s Book al-Kitāb wa‘l-Qur’ān: Qirā’a Mu’ āšira // *Die Welt des Islams, 2005, New Series, Vol. 45, Iss. 1 (2005).* Pp. 20–73.
- ¹⁷⁷ Нахв усул джадида ли-л-фикх ал-ислами. Фикх ал-мар’а by Мухаммад Шахрур // Goodreads. (На араб.). <https://www.goodreads.com/book/show/8874858>

¹⁷⁸ Voices within Islam: Four Perspectives on Tolerance and Diversity // Current History, Vol. 104, No. 678, The Middle East. January 2005. P. 39–43.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ *Christmann A.* ‘73 Proofs of Dilettantism’... Pp. 23–25.

¹⁸¹ Там же. P. 37.

¹⁸² Зухур Мухаммад Шахрур ‘абра тилифизийун Абу Заби йусир ал-джадл байна ал-имаратийин // Erem News. 21.05.2018. (На араб.). <https://www.erehnews.com/news/arab-world/gcc/1340328> (дата обращения 20.10.2021)

¹⁸³ Вафат Мухаммад Шахрур ал-ма’руф би-назратихи ал-мугайира ли-ш-шари’а ал-исламиййа... ва-тадавул тасрихат сабика лаху би-твитер // CNN Arabic. 22.12.2019. (На араб.). <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2019/12/22/mohammad-shahrouh-death-social-reactions>

¹⁸⁴ *Халляк В.* Указ. соч. С. 372.

¹⁸⁵ Там же. С. 406–407.

¹⁸⁶ *Christmann A.* “The Form Is Permanent, but the Content Moves...” P. 171.

¹⁸⁷ Там же. P. 172.

¹⁸⁸ Там же. P. 143.

¹⁸⁹ *Robinson F.* Crisis of Authority: Crisis of Islam? // Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, Vol. 19, No. 3. July 2009. Pp. 352.

¹⁹⁰ *Мухетдинов Д.В.* Исламское обновленческое движение конца XX – начала XXI века: идеи и перспективы. Дисс. доктора теологии: 26.00.01. СПб.: 2019. С. 243.

¹⁹¹ Там же. С. 243–244.

¹⁹² Шахрур М. Таджфиф манаби’ ал-ирхаб. Бейрут: 2008. С. 19. (На араб.).

¹⁹³ Там же. С. 27.

¹⁹⁴ Там же. С. 28.

¹⁹⁵ Там же. С. 29.

¹⁹⁶ Там же. С. 32.

¹⁹⁷ Там же. С. 49–50.

¹⁹⁸ Books by Мухаммад Шахрур // Goodreads. <https://www.goodreads.com/author/list/3090477>

Глава 2

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

2.1. Потенциал исламского радикализма в современной Африке: салафитский проект переустройства общества

Введение

Сложность и глобальные исторические масштабы подъема современных движений за возрождение, обновление и усиление ислама нельзя в полной мере понять и оценить, не учитывая быстрое укрепление позиций этих движений в регионах Северной, Северо-Восточной, Западной и Центральной Африки. Связанные с историческим и политическим разделением этих регионов по этнополитическим признакам, эти движения тем не менее выходят за рамки этнических, клановых или узкополитических интересов, выступая – на уровне обоснования и пропаганды своих идей – за полную реализацию высших, сакральных принципов Корана и Сунны как воплощающих «веление неба (Бога)», путь объединения и спасения истинных мусульман. В той степени, в какой сами исламские движения и их лидеры следуют этим принципам, соотнося их с другими важнейшими компонентами социальной жизни: политикой, экономикой, культурой, социальными отношениями, идейные установки сторонников исламского возрождения приобретают черты цивилизационного проекта, ориентированного на приобщение постколониальной, раздираемой острыми противоречиями и конфликтами Африки к миру возрождающегося ислама.

В данном разделе мы рассмотрим одно из главных радикальных движений современного суннитского ислама, идеи и деятельность которого в африканских странах приобретают черты масштабного целенаправленного цивилизационного проекта, соотносимого с постколониальными идеалами окончательного освобождения континента от наследия колониального господства Запада, - движение салафизма (*салафия*). Мы попытаемся установить, в каком идейном формате и при наличии каких людских ресурсов ведет свою деятельность салафитское движение в Тропической Африке. Мы попытаемся также понять, по-

чему в последние годы салафизм активно укрепляет свои позиции в культурно-цивилизационном пространстве исламизированных стран Африки, где на протяжении многих веков успешно действовали, расширяя свое влияние, сторонники мистического и аскетического ислама (суфизма), объединенные в канонизированные религиозные ордены – братства (суфийские *тарикаты*). Мы постараемся выяснить, какую альтернативную цивилизационную модель мирового порядка предлагает салафизм всему миру, включая страны Тропической Африки. Салафизм объявляет суфизм *бидъой* – «неверным исламом» и поэтому активно борется с ним по всему миру, в т.ч. в Тропической Африке.

Мировой подъем салафитского движения. Идейные принципы и устремления салафизма

В период «арабской весны» в мировых СМИ стали больше писать о салафитах, подъеме салафитских движений, формировании салафитского цивилизационного проекта не только на Ближнем Востоке и в Африке, но и во всем мире. Интерес к этой теме возрос после того, как салафитское движение впервые включилось в политическую борьбу за власть в Египте и Алжире. Новые политические организации салафитского толка формировались в основном из числа молодых и энергичных людей. По сути они являлись радикальными молодежными организациями, которые не только участвовали в митингах и шествиях под руководством «Братьев-мусульман», но и самостоятельно боролись за власть под лозунгами салафитских партий «Ан-Нур», «Аль-Ватан» и «Фронт реформ»¹. Салафиты также являются активными членами таких широко известных террористических организаций (запрещенных в России), как «Аль-Каида», «Талибан», «Хизб ут-Тахрир», «Братья-мусульмане», «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Селека», «Ансар ад-Дин» и т.д. Салафизм стал распространяться по всему миру, прежде всего, в результате активной деятельности вышеназванных организаций. В Тропическую Африку салафизм проник при поддержке «Аль-Каиды», «Селеки», «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Ансар ад-Дин» и т.д.²

Салафизм (от арабского слова *салаф* – «предшествование») – идейное направление ислама, возникшее в начале IX в. среди учеников и последователей исламского ученого-богослова, великого имама Ибн Ханбалы, основателя одной из правовых школ суннитского ислама – ханбалитского мазхаба. Как идейное движение суннизма направление

возродилось в конце XIII – начале XIV в. под влиянием трудов шейха уль-ислама («старейшины ислама») Ибн Таймии, жившего в период упадка халифата Аббасидов и заложившего теоретические основы салафизма. Название течения происходит от арабского «ас-салаф ас-салих» - «праведные предки»³.

Ибн Таймия (1263–1328 г.), выдающийся исламский богослов, оратор, общественный деятель, был улемом (ученым-клириком) и последователем (теоретиком) школы ханбалийя. Он открыто выступал практически против всех попыток реформировать мусульманскую *умму*, воспринимая и представляя такие попытки как отступление от заложенных Пророком Мухаммадом священных основ ислама. Мишенями для нападков Ибн Таймии были шииты, суфии, закостенелые приверженцы различных школ мусульманского права и даже халифы, отступавшие от принципов устройства исламского государства на основе шариата. Противники Ибн Таймии пользовались его же оружием, заявляя, что его реформаторские идеи, основанные на буквальном прочтении Корана, привели его к «ереси антропоморфизма» - приписыванию Богу человеческих качеств. Уйти от этого обвинения было трудно, поскольку в Коране используются такие выражения, как «рука Аллаха» (например, в суре 3 «Семейство Имрана»), что означает действительное присутствие в Коране характерных антропоморфических образов. Известно, что в ходе пятничных молитв в Дамаске Ибн Таймия говорил, что «Аллах сходит на землю так же, как я спускаюсь с кафедры». Такая интерпретация принципов ислама не раз навлекала неприятности на проповедника. Среди многочисленных трудов Ибн Таймии – книга «Минхай ал-Сунна» («Путь традиции»), которая много позднее стала важным идейным источником взглядов радикального реформатора Абдал-Ваххаба, утвердившего крайнюю, непримиримую версию школы ханбализма – возвращения к Корану и «неповрежденной» Сунне, «братства» мусульман, без погружения в сложные религиозно-философские проблемы (ваххабизм). И в наши дни идеи Ибн Таймии разделяют и ценят члены организации «Братья-мусульмане». Подобно хариджитам VII в., Ибн Таймия отстаивал идею эгалитаризма, которую исповедовал Пророк Мухаммад: от нее он не отступил и под усиленным давлением властей халифата. Принято считать, что в его похоронах участвовали 20 тыс. человек, в т.ч. множество женщин, помнивших о том, что первое тюремное заключение Ибн Таймии было вызвано его выступлениями в защиту права женщин на развод, записанному в Коране. Ибн Таймия был похоронен на суфийском клад-

бище, а его усыпальница стала мусульманской святыней. Человек, выступавший против признания исламом святых, сам стал фактически одним из них⁴.

В трудах исламских теоретиков-салафитов обращается внимание на то, что доктрина Божественного единства состоит из трех основных положений:

- 1) Божественное господство над всем мирозданием;
- 2) исключительное право Бога быть единственным предметом религиозной веры и религиозного служения;
- 3) единство Бога при наделении его различными именами и категориями, подразумевающими наличие у Бога различных атрибутивных качеств⁵.

Салафиты утверждают, что единственными источниками «истинного», т.е. салафитского, вероучения являются Коран и Сунна. Отличительной особенностью салафизма является отрицание самой возможности философских рассуждений в вопросах толкования текста Корана и Сунны. Салафиты считают важнейшим принципом своего учения понимание всех вероучительных аспектов религии в точном соответствии с традицией сподвижников Пророка Мухаммада – сахабов Пророка и следующего поколения его учеников – табиитов. Обосновывается этот принцип несовершенством человеческого разума. Разум в салафитском учении полностью подчиняется религиозной традиции и положениям Откровения, которое принимается в том виде, в каком оно выражено в текстах Корана и Сунны, и не подвергается никаким рациональным трактовкам⁶.

Салафиты считают доктрину Единобожия (*таухид*) основой ислама, утверждения единства в обществе, цивилизационного по своей сути преодоления ограниченности разных локальных, этнических и сословных интересов, связей более низкого уровня. Введение любых посредников в отношения между Богом и людьми рассматривается как крайне вредное отступление от истинного ислама. Отсюда недопустимо введение института священнослужителей, сакральных или духовных авторитетов. Кроме того, отступлением от принципов Единобожия считается молитва, обращенная к могилам умерших праведников, или обращение к их именам в качестве посреднического звена в доведении этой мольбы до Всевышнего. Любые подобные действия расцениваются салафитами как проявление язычества (*ширка*). Ширк – приписывание Аллаху других сущностей, что всегда однозначно осуждалось и осуждается во всех классических течениях ис-

лама. В Коране говорится, что Аллах создал мир, в котором связь между явлениями существует не только в абсолютной трактовке каждого акта бытия как результата Божественного промысла, но и в относительной, утверждающей, что одно явление может порождать другое; салафиты отрицают акт экзистенциального, автономного существования мира⁷.

Атрибутивные признаки, свойства Бога салафиты принимают, но только те, которые описываются в Откровении, отвергая в то же время аллегоризацию признаков присутствия Аллаха. Ибн Таймия и его последователи признали все описанные в Коране и Сунне качества Аллаха, такие как способность гневаться, говорить, возноситься (*истива*) на трон (*арш*). Также салафиты утверждают, что у Аллаха имеются руки и лик, как об этом говорится в Коране, и не допускают иносказательности в отношении понимания этих моментов. За это салафитов часто обвиняют в буквальном понимании Корана⁸.

Проблему предопределения и свободы воли салафиты решают через признание божественного всемогущества абсолютным: ничто не может произойти в мироздании вне воли Всевышнего. Но в то же время рассматривают человека как наделенного Богом свободой воли и поэтому ответственного за свои деяния и поступки. Однако эта свобода имеет определенные рамки: Бог одобряет совершение человеком разрешенных и добрых деяний и не облегчает, не одобряет совершение им запретных и злых поступков. В своей власти над миром Бог создает причинно-следственные связи, при реализации которых человек делает выбор в соответствии с предоставленной ему Богом свободой действий. Причем Бог дает человеку силу для совершения тех или иных поступков. Также, в отличие от ряда исламских богословов, отделившихся в VIII в. от официального исламского вероубеждения (мутазилитов), Ибн Таймия считал, что Божественная воля может и не совпадать с повелениями Бога. Однако предпочтения и пожелания Бога совпадают с Его приказами и запретами⁹.

Помимо почитания единства Аллаха в помыслах и актах служения необходимо, считают салафиты, совершать служение в точном соответствии с примером Пророка Мухаммада, не привнося в эти акты ничего иного. Любое отступление от ритуалов является в доктрине Ибн Таймии ересью – *бид'а*. Бид'а (буквально «нововведение») – действие, явление, которые внимательно анализируются представителями всех течений ислама (шиитами, суннитами и суфистами) на предмет соотношения положительных и отрицательных аспектов новаций. По мне-

нию салафитов, подлинный ислам – это ислам эпохи VII в., что означает буквальное понимание Корана как строго канонического, не подлежащего переводу и истолкованию текста. Поэтому любые действия, понятия, выходящие за рамки мировоззрения салафитов, подвергаются жесткой критике, а порой рассматриваются и как законное основание для применения насилия в отношении инакомыслящих. В результате изначально мирный ислам в трактовке салафитов превращается в поле открытой внутриисламской борьбы, войны с несогласными, что становится главной – радикальной – новацией самого салафитского движения и бедой всего мусульманского мира¹⁰.

Салафиты уверены, что ислам нуждается в «очищении», понимая под ним освобождение как от новшеств, внесенных в изначальное исламское вероучение, так и от различных толкований Корана и Сунны. Отсюда непримиримость салафитов в отношении любого вероучительного положения, не соответствующего их позиции, и в целом нетерпимость к взглядам, отличающимся от салафитских. Повышенная экзальтированность, с какой эта непримиримость проявляется в поведении салафитов, доводит до крайности реализацию их радикальных идейных установок и взглядов. Идеи «чистого ислама» предлагается распространять путем бескомпромиссного отрицания иных позиций, поскольку лживой, отклоняющейся от Божественной воли считается любая мысль, не разделяемая салафитами.

В результате в последнее время все чаще высказываются мнения о том, что салафизм может стать опасным идеологическим инструментом. Если изначально салафиты отказывались от участия в политике, то сегодня они направляют свою деятельность в различных странах мира на сугубо политические цели. Например, Саудовская Аравия тратит громадные деньги на распространение по всему миру салафизма как политико-идеологического фактора. Многие критики современной формы салафизма приводят следующий аргумент против радикализации и политизации салафитского учения и его теологических основ: в Коране неоднократно говорится о том, что если бы Всевышний действительно хотел, чтобы все люди были мусульманами, то немусульман не было бы. Если есть другие люди другой веры, иной религии, значит, так было угодно Аллаху: «Все вы – дети Адама, а Адам был создан из праха. Пусть люди прекратят похваляться своими предками» (Абу-Дауд); «Ваш род не является поводом для оскорбления кого-либо. Все вы дети Адама. Никто не имеет превосходства над другим, кроме как в вере и благочестии» (Ахмад)¹¹.

Политизация салафитского цивилизационного проекта. Принципы и цели реализации проекта в Тропической Африке

Изначально салафизм складывался и развивался как путь, способ, проект формирования высшего, трансцендентного уровня ислама, преодоления разрыва между трансцендентным и мирским порядками мусульманского общества. Это придавало салафизму ясно выраженные черты духовного, выходящего за рамки существующей, посюсторонней реальности и развитого на уровне философско-богословской мысли цивилизационного проекта. Однако политические потрясения, которым подвергся арабский мир после возникновения Османской империи, – сначала завоевание османами части Аравии (XVI в.), а затем подъем ваххабитского религиозно-политического движения за освобождение Саудовской Аравии от Османского халифата (XVIII в.) – заметно изменили восприятие соотношения политических и цивилизационных начал в среде салафитов. Появление и быстрое укрепление позиций ваххабитского движения выдвинули на первый план интересы и задачи религиозной легитимизации «правильной», а именно – саудовской государственной власти, придав им смысл и значение политического проекта в идейных рамках салафизма. После распада Османского халифата ваххабизм как геополитическая проекция салафитского проекта стал официальной религиозно-идеологической доктриной Саудовской Аравии¹².

Сегодня связи между религиозно-идеологическими направлениями салафизма и ваххабизма приобрели значительно более сложный характер, не исключаяющий их близости и взаимовлияний, но и не означающий их полного единства в вопросах взаимодействия религии и политики, политической радикализации идеалов «чистого ислама» и готовности осуществлять «экспорт» радикальных идеологических взглядов в другие мусульманские страны. Объединенные исторически, салафиты и ваххабиты придерживаются практически идентичных принципов мусульманской религиозной веры – поклонения Всевышнему, признания Бога Творцом всего и вся, принадлежности всей власти Создателю мира. В то же время большинство современных приверженцев салафизма разделяют радикальную идею обязательного создания богоугодного общества в рамках всемирного исламского государства (халифата), а самые крайние допускают применение насилия для достижения этой цели (салафиты-джихадисты), тогда как ваххабиты и сегодня сохраняют лояльность королевской власти в Саудовской Аравии.

О современных отличиях салафизма и ваххабизма стали много писать и говорить в СМИ, на социальных сайтах интернета под влиянием эха событий «арабской весны», ясно и масштабно продемонстрировавшего новые ракурсы политизации салафитских идей и салафитского цивилизационного проекта в целом. После провала «исламской революции» в Египте – отстранения от власти в 2013 г. египетскими военными происламской «Партии свободы и справедливости» М. Мурси и последовавшего за этим запрещением в 2014 г. этой партии и стоявшей за ней группировкой «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), многие салафиты переместились в раздираемую гражданской войной Сирию, где в результате политизации ислама возникла террористическая организация «Исламское государство»¹³. Очень быстро салафиты-джихадисты стали главной военной и политической силой в «Исламском государстве». США и их союзники по НАТО в 2014 г. объявили войну «Исламскому государству». В ноябре 2015 г. Российская Федерация включилась в эту войну по просьбе правительства Сирийской республики¹⁴.

В Саудовской Аравии, которая в течение многих лет выступала основным союзником США в регионе Ближнего Востока, власть и духовенство начали отмежевываться от радикальных салафитов-джихадистов. В связи с этим (возможно, по инициативе официальных кругов Саудовской Аравии) начала распространяться идея отсутствия каких-либо связей между саудовским ваххабизмом и широкой международной политизацией современного салафизма. Однако нельзя не отметить, что власти Саудовской Аравии на протяжении XX в. не только вырастили огромную армию радикально настроенных салафитов, но и успешно экспортировали политический салафизм по всему миру.

В Африке южнее Сахары (АЮС) салафизм начал быстро распространяться с конца XX в. под влиянием ряда мусульманских неправительственных организаций, таких как «Мировая мусульманская лига», «Всемирная ассамблея для мусульманской молодежи», «Федерации МЭБ и исламских школ», финансируемых салафитскими правящими группировками в странах Ближнего Востока и базирующихся в основном в Саудовской Аравии. Указанные просалафитские организации активно продвигают консервативный и классический салафизм в Африке к качеству императивного пути политического и культурно-исторического (цивилизационного) переустройства местных мусульманских обществ, представляя традиционный африканский (суфийский) ислам как неверный, ненастоящий ислам¹⁵.

Быстрое распространение салафизма как проекта масштабного переустройства общества на началах салафитского вероучения, причем не только в мусульманских странах Северной Африки, но и в прилегающих странах и регионах АЮС, отмечено в ходе и после событий «арабской весны». Помимо активного участия в террористических организациях, таких как «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Ансар ад-Дин», «Селека» и др., многие салафиты включились в мировой сетевой ислам. Самыми активными и посещаемыми исламскими сайтами стали салафитские. В отличие от «Братьев-мусульман», которые непосредственно включились в политическую борьбу в Египте и Тунисе, салафиты начали свою борьбу в виртуальном пространстве социальных сайтов интернета. Более того, именно салафиты смогли первыми подключиться к потенциальным информационным и коммуникационным ресурсам мирового сетевого ислама, поскольку агитацию и пропаганду «чистого ислама» они вели на протяжении всего XX в. Появление интернета и социальных сетей открыло салафитам новые важные трибуны для продвижения своих идей уже в мировом информационном пространстве.

В отличие от старшего поколения идейных салафитов, которые мирно распространяли свои идеи в мечетях, в религиозных школах, медресе и университетах, молодые салафиты в социальных сетях объединяются не только идейно, но и политически, занимая враждебную позицию по отношению к другим религиозным партиям и организациям во всем мусульманском мире. Таким образом, в онлайн-пространстве достаточно быстро сформировалось джихадистское направление салафизма, его сторонники часто были готовы выходить на улицу, чтобы реализовать идеи и цели салафитского проекта вооруженным путем. Для немедленной реализации своих планов джихадисты выбрали две страны – Тунис и Египет, правда, в этом им помешали «Братья-мусульмане», которые пришли к власти в Египте и попытались отмежеваться в ближайшей перспективе от принципов всего салафитского движения, перейдя на позиции либерально-демократической модели власти в ее исламском толковании¹⁶. В Тропической Африке салафиты начали реализовывать свои идеи в ходе вооруженной борьбы в составе радикальных и экстремистских исламских организаций: в Нигерии – «Боко Харам»¹⁷, в Сомали, Кении, Танзании – «Аш-Шабаб»¹⁸, в Мали – «Ансар ад-Дин»¹⁹, в Центральноафриканской Республике – «Селека»²⁰ и т.д. Основную борьбу в странах Тропической Африки салафиты развернули против светских государств, против христианского

населения, суфийского ислама и его исторического наследия: святых и культовых сооружений, мазаров, медресе, библиотек с архивными рукописями и т.д.

В качестве основных особенностей, приоритетных задач и направлений деятельности по реализации салафитского проекта в Тропической Африке ясно выделяются следующие основные предпочтения салафитов: создание отделенных от других мусульман салафитских общин; отказ от традиционных африканских форм почитания старших и уважения марабутов; отказ от культов святых; обращение исключительно к Корану и Сунне Пророка в качестве источников веры; демонстративно выражаемое недоверие к любым (за исключением исламской) правовым системам; враждебное отношение к суфийским общинам – тарикатам, которые расцениваются «пуританами ислама» как новаторские и еретические секты, искажающие смысл и содержание подлинной исламской веры. В то время как все мировые религии, включая классический ислам, призывают верующих к самосовершенствованию, к «работе над собой», приверженцы салафизма априори «безгрешны», их основная задача – «исправить других». Там, где получают распространение подобные формы ислама, возникают свои собственные органы самоуправления, имущественные, семейные и уголовные проблемы решаются лидером местной мусульманской общины только на основе норм шариата. Представители действующей светской власти встречаются с членами салафитских общин только на свадьбах и похоронах. Салафитские проповедники всегда находятся среди простых людей²¹.

Религиозное учение салафитов делит существующий африканский мир на «дар аль-ислам» – «мир ислама», территорию, где действует религиозный закон и где политически господствуют мусульмане, и «дар аль-харб» – «мир войны», территорию, где исламский закон не действует, где мусульмане подвергаются притеснениям, а ислам как основа общественной жизни еще не утвердился. Главная задача мусульманской уммы, с точки зрения салафитов, – стремиться к тому, чтобы «дар аль-харб» превратился в «дар аль-ислам». Пути к этой цели могут быть разными – военные завоевания, проповеди истинной религии – ислама и добровольное обращение населения в эту религию.

Другим важнейшим принципом и направлением реализации салафитского проекта в Тропической Африке является джихад, который трактуется как усердие, старание, любая форма деятельности мусуль-

ман (индивидуальная или коллективная), направленная на следование человека по пути Аллаха. Соблюдение этого принципа обязательно абсолютно для всех мусульман. Джихад разделяется на большой и малый. Большой джихад – борьба со своими собственными отклонениями от пути Аллаха. Малый – «джихад меча» – может проявляться в двух формах. Наступательный джихад – распространение ислама на территории «дар аль-харб». Оборонительный джихад объявляется при угрозе исламу или нападении на «дар аль-ислам». Принцип джихада отвергает все законы старого мира неверных и призывает к революционной борьбе за торжество ислама. При этом джихад трактуется салафитами как применение насилия в разных формах для достижения религиозного идеала²².

Такова цивилизационная модель общественного устройства, которую салафиты предлагают в Тропической Африке, придавая ей мотивы, требования, задачи проекта политического. Основная политическая цель проекта – путем непримиримой, вооруженной борьбы с противниками и врагами ислама (джихада) построить исламское государство в странах региона. Главным врагом в регионе объявляются не христиане, а представители суфизма, которые исповедуют, по мнению салафитов, неверный, неподлинный ислам. Традиционные мусульманские объединения африканцев – духовные ордены (тарикаты) мирно сосуществуют с христианами и местными правителями, не хотят бороться за исламское государство. Поэтому салафиты для реализации своего глобального цивилизационного и политического проекта, создания Всемирного халифата, выдвигают главную задачу – вытеснить и уничтожить суфийский ислам в регионе как таковой. Идеальный радикализм политических установок и программ салафитских группировок определяется присутствием в их вероучении, которое они расценивают как единственно правильную трактовку веры и доктрины ислама, двух непеременных системообразующих и присущих салафизму положений: о такфире (обвинение в неверии – куфр – всех мусульман, кто не согласен с салафитами) и о джихаде, который преподносится как вооруженная борьба, вменяемая в обязанность каждому мусульманину, против неверных (кяфилов). Необходимо при этом иметь в виду, что данные термины – не просто оценочные характеристики, а шариатско-правовые категории. Их использование по отношению к тому или иному мусульманину или группе мусульман предполагает обязательность применения конкретных санкций. Под эти санкции, конечно, попадают представители традиционного ислама – суфизма.

Противник салафитского проекта в Тропической Африке – традиционный (суфийский) ислам

Каковы же особенности суфийского ислама в Тропической Африке, против которого выступают салафиты? Суфийские тарикаты, как правило, лояльно относятся к нарушению многих запретов в исламской религии. Например, практически во всей Тропической Африке не соблюдаются запреты на изображение живых существ. Скульптурные изображения людей и животных и другая мелкая пластика являются неотъемлемым атрибутом традиционных религиозных культов у подавляющего большинства африканских народов, в практике современной массовой культуры – основным видом туристических африканских сувениров. А ритуальные церемонии с использованием масок предков, духов и демонов проходят даже в мечетях. В мусульманских африканских семьях девочкам разрешают играть в куклы, изображающие людей. Также часто нарушаются пищевые запреты. Например, среди мусульман *темне* в Сьерра-Леоне свинья почитается как тотемное животное. Там, где в доисламский период тотемными животными были собаки, их продолжают почитать и в настоящее время. Не считается из ряда вон выходящим и употребление во время поста еды, напитков, табака, алкоголя и наркотических веществ. Сами африканские мусульмане часто говорят об «исламизации» без «арабизации».

Провозглашая равенство в вере, аскетизм, суфийские тарикаты постепенно становились активными и самостоятельными участниками экономической жизни, продолжая миссионерскую деятельность первых мусульманских купцов, сочетавших духовные и мирские цели и выполнявших от имени Аллаха требования просветительского, этического и социально-экономического рода. В результате устанавливался новый характер социальных связей – кровнородственные и общинно-родовые отношения, бывшие многие века основой единства общества, заменялись культурно-цивилизационными отношениями духовной близости и институциональной подчиненности руководителям тарикатов. Марабуты («живые святые», ранее – аскеты, готовившие себя для войны за веру), мудрецы и знатоки Корана, обладавшие харизмой и барака, одновременно были и удачливыми бизнесменами. Необходимо учитывать и длительную временную протяженность деятельности тарикатов в ряде стран Тропической Африки. Старейший тарикат Кадирия был основан еще в XII в. За прошедшее время от него отпочковалось до сотни самостоятельных тарикатов.

Соблюдение достаточно строгой иерархической дисциплины и послушание главам тарикатов позволили некоторым из них со временем занять сильные позиции в торговле, сельском хозяйстве и даже банковском деле во многих странах Западной Африки, особенно в Сенегале. Сегодня африканские тарикаты – это не только религиозные институты, но и влиятельная политическая, экономическая, социальная сила, которая оказывает непосредственное влияние на функционирование и развитие многих западноафриканских государств, их место в мировом цивилизационном порядке²³.

Для африканцев, сильно тяготеющих к традиционным культам и обрядам, влияние и деятельность религиозных лидеров и учителей-марабутов компенсируют безликость монотеистического божества. Они считаются своего рода посредниками между богом и человеком, на них смотрят как на людей, наделенных благодатной силой – барака. В Африке существует убеждение, что она может передаваться при непосредственном контакте людей. Поэтому могилы особенно известных при жизни марабутов, а также руководителей тарикатов, которым приписываются такие же качества марабутов, становятся местом паломничества, а предметы, которыми они пользовались, приобретают ценность сакральных реликвий. Власть в тарикатах, которые были основаны марабутами, наделенными баракой, передается по наследству. Марабуты одновременно воспринимаются как колдуны, ясновидящие, целители. Значительная часть их религиозной активности посвящена изготовлению амулетов, талисманов, которые считаются непременным атрибутом религиозного культа в представлениях подавляющего большинства верующих. Среди сенегальских мусульман распространена поговорка: «Обеспечить безопасность двумя способами лучше, чем одним»²⁴.

Эти и другие черты суфийского ислама в Тропической Африке, конечно, сильно раздражают салафитов и, согласно такфиру, дают им основание объявлять не соблюдающих нормы ислама неверными. Салафитский джихад – это и есть борьба против неверных.

Нарастание салафитского радикализма в Тропической Африке

Итак, цивилизационный проект салафизма в Тропической Африке направлен не только против местных христиан, существующих там государств и правителей, но и против мусульман, которые являются последователями различных суфийских тарикатов.

Нигерийские салафиты из группировки «Боко Харам» исходят из положения об абсолютной власти Аллаха над всем сущим на Земле и над людьми. Власть в обществе должна принадлежать религиозным деятелям, разделяющим идеи «истинной веры», т.е. халифу исламского государства и его приближенным. Настоящие лидеры не назначаются и не избираются, даже внутри уммы, а выделяются самим Аллахом. Власть исходит из ниспосланной свыше некоей божественной сверхидеи, существующей независимо от людей и помимо их воли. Истинным верующим является тот, кто правильно ее понимает, т.е., говоря современным языком, обладает монополией на истину. Все остальные, включая подавляющее большинство местных мусульман, объявляются язычниками, так как им не хватает истинной религиозности. Считается, что они лишь внешне копируют обряды поклонения Аллаху, но не понимают истинную природу его божественности. Именно поэтому, утверждают салафиты, в настоящее время человечество вернулось в период доисламского невежества (джахилийя), которое опаснее и греховнее предыдущего. Подлинное предназначение «Боко Харам» в этой логике – помочь «заблуждающимся» и «язычникам» обрести истинную веру. Для этого приемлемы любые пути, а цель оправдывает средства ее достижения²⁵.

Члены группировки «Ансар ад-Дин» («Защитники веры»), удерживающие под своим контролем обширную территорию на севере Мали, разрушили в древнем городе Томбукту памятники архитектуры, культуры и истории ислама, внесенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этот перечень были включены, в частности, три мечети, главное медресе Томбукту и 16 из 333 захоронений шейхов, которых почитают как аулия («приближенные к Аллаху»). Одно из захоронений – Сиди Махмуда (Бен Амара) – существовало с 1548 г. Следует отметить, что разрушение гробниц – не первый акт вандализма со стороны ансаров в Мали. Весной 2012 г. они подожгли одну из мечетей и разграбили основанный в 1973 г. Центр сбора архивных документов и исследований имени Ахмеда Бабы. По данным министерства культуры Мали, в библиотеке Центра хранилось от 60 до 100 тыс. средневековых рукописных свитков, содержащих бесценную информацию о развитии и истории ислама в Западной Африке. Вообще в Томбукту хранится около 300 тыс. манускриптов мусульманской цивилизации в Африке. Город, который был основан еще в XI в., благодаря таким «защитникам» ислама, оказался под угрозой полной утраты своего великого исторического наследия.

В Сомали между 2004 и 2006 гг. образовалась салафитская вооруженная группировка «Аш-Шабаб» («Молодость»). На тот момент страна уже около 15 лет находилась в состоянии тяжелой гражданской войны. «Аш-Шабаб» борется за создание исламского государства в районе Африканского Рога. Ее радикально-джихадистская идеология не знает государственных границ. В настоящее время группировка совершает нападения на территории всей Восточной Африки, например, в столице Кении Найроби во время налета на торговый центр в 2013 г. было убито более 60 человек. «Аш-Шабаб» контролирует территорию в центре и на юге Сомали. Лидеры организации подчеркивают, что сотрудничают с «Аль-Каидой» при подготовке боевиков. Кроме того, группировка имеет связи с радикальными исламистами из группировки «Боко Харам»²⁶.

Религиозный конфликт в Центральноафриканской Республике имеет довольно сложную конфигурацию: с одной стороны находится правительственная власть ЦАР, с другой – повстанческие группировки, представляющие христианскую и мусульманскую общины страны. Салафитский альянс повстанцев «Селека» включает в себя несколько террористических группировок, базирующихся на северо-востоке страны. Именно этот альянс совершил в 2013 г. государственный переворот, захватив сначала несколько городов, а затем и президентский дворец в столице ЦАР – городе Банги. После переворота глава «Селеки» Мишель Джотодия провозгласил себя президентом страны. Власть практически была захвачена только в Банги, а на остальной территории страны, по свидетельству наблюдателей ООН, «государства фактически не было». Иными словами, за пределами столицы не было никакой безопасности и законности: не было ни полицейских, ни прокуроров, ни судей. В стране стали орудовать бойцы «Селеки», которые занимались грабежам и вымогательством, причем только в отношении христианского населения. Затем салафиты «Селека» начали выступать против суфизма во всех его проявлениях²⁷.

Наш анализ показывает, что в последние годы джихадистский салафизм все больше распространяется в Тропической Африке, имея четко определенные цели и задачи. «Аль-Каида» и ее подразделения хорошо финансируют салафитов по всей Африке. Но для достижения главной цели исламских радикалов – создания исламского государства – нужны не только финансовые, но и людские ресурсы. Поэтому салафитские группировки пытаются объединиться, чтобы иметь более сплоченную структуру для захвата власти в странах региона. В последние

годы часто к салафитам присоединяются молодые ученики суфийских тарикатов, таким образом они пытаются уйти от жесткого преследования воинствующих салафитов. Здесь мы видим растущую роль салафизма в интеграционных, религиозно-политических процессах в мусульманских обществах региона. Эти процессы имеют принудительный и насильственный характер, но темпы, организационно-политическая динамика интеграционного тренда хорошо ощутимы в странах Тропической Африки, как и его непосредственная обусловленность гегемонистскими целями радикального салафизма: с одной стороны, объединиться под знаменем джихада для создания исламского государства, с другой стороны, бороться против суфиев и христиан, которые, по мнению салафитов, не являются настоящими представителями истинной веры. Таким образом, салафизм в последние годы не только контролирует, но и активно претендует на руководящую роль в цивилизационных по своим историческим рамкам процессах интеграции мусульманских обществ Тропической Африки.

Подъем салафитского цивилизационного и политического проекта в Тропической Африке впервые отметил в начале XXI в. известный российский исламовед-африканист А.Д. Саватеев, связавший подъем исламского фундаментализма в регионе с системным и духовным кризисом традиционного суфийского афроислама. По его мнению, этот кризис спровоцировал активизацию салафизма как движения за «чистоту ислама»²⁸.

Государства Тропической Африки, конечно, не готовы к приходу на их территории салафитского джихада. Не готовы, прежде всего, христиане и суфии. Еще сравнительно недавно правящие светские режимы в странах с преобладающим мусульманским населением опирались на поддержку тарикатов и их шейхов, пользовавшихся огромным авторитетом среди местных мусульман. Теперь суфийские шейхи опасаются салафитов-радикалов и не торопятся поддерживать руководителей своих стран. Диалог и спор между салафитами и тарикатами по многим политическим, экономическим и религиозным вопросам сегодня, как правило, заканчивается в пользу салафитов. Никакого мирного и конструктивного диалога между представителями правящих режимов и салафитами не происходит, идет настоящая война «Аль-Каиды», «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Селеки», «Ансар ад-Дин» и т.д. против местных властей на протяжении многих лет. Процессы радикализации ислама и вытеснение мирного суфийского ислама в регионе исключают на сегодняшний день возможность ка-

кого-либо диалога между воюющими сторонами и наступление мира в странах, охваченных тяжелыми религиозно-политическими конфликтами. Неутешительны и прогнозы дальнейшей динамики этих конфликтов, джихадистское направление салафизма – явление относительно новое, и оно, возможно, еще долгие годы будет наращивать свой радикальный потенциал, пока радикальный салафизм не вступит в период кризиса и не уйдет из политической и религиозной жизни общества.

Вместе с тем в последние годы стала более заметной реакция международного сообщества на конфликтную динамику роста в странах Тропической Африки радикального салафизма. Создаются различные программы по дерадикализации исламистских группировок в странах региона. Военные рейды со стороны разных стран против пиратов «Аш-Шабаб» в Сомали проводятся регулярно, иногда успешно. Страны региона создают объединенные вооруженные формирования для борьбы против воинствующих салафитов в Сомали, Нигерии, Мали, Камеруне и Чаде, однако подавить и уничтожить боевиков салафитского джихада им пока не по силу. Приходится признать, что контролируемое радикалами движение салафитского ислама утвердилось в Тропической Африке всерьез и надолго. Это начинают понимать даже руководители тех стран Африки, где еще не так давно не было значительных групп мусульманского населения. Например, руководители Анголы в соответствии с действующим законодательством страны в 2015 г. запретили ислам и распорядились снести все мечети в стране²⁹. Даже если будут ликвидированы главные салафитские группировки «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Ансар ад-Дин», «Селека» и др., им на смену, вероятнее всего, в сегодняшней Африке придут организации аналогичного толка. Идеологию невозможно победить с помощью оружия. Она может утратить свое влияние на массы только в том случае, если они воспримут иные, альтернативные радикализму взгляды и убеждения.

Заключение

Современное возрождение ислама, экспансия его религиозно-политических учений и течений выходит далеко за рамки исторических центров зарождения и распространения исламской цивилизации. В последние десятилетия ислам стал важной составной частью социально-экономической, политической и культурной жизни многих стран Аф-

рики, и рост его влияния может существенно изменить цивилизационный облик и статус многих из них. Мусульманские социально-политические институты не только воздействуют на сложившиеся государственные структуры, но и выступают иногда как наиболее действенная альтернатива. Все активнее становятся силы, ратующие за построение общества, основанного на исламских законах и духовных ценностях. Радикальный потенциал салафизма и его вызовы африканским националистическим режимам, светской модели государственной власти могут изменить баланс социально-экономических, политических, религиозных сил и усилить цивилизационный кризис в Тропической Африке. Широкая и успешная дерадикализация салафизма в этих условиях возможна лишь как достаточно длительный культурно-исторический (цивилизационный) процесс, связанный с упрочением медиативных (посредничающих) факторов социальной регуляции и разрешения общественных противоречий и конфликтов, восстановлением и использованием позитивного культурно-исторического наследия африканских народов, в т.ч. африканского религиозного синкретизма, развитием коммуникации и единства ведущих духовных компонентов африканских культур.

2.2. Возможность межрелигиозных диалогов в современной Африке и проблема дерадикализации исламистов

Введение

В наше время, время невиданного напряжения и активизации на мировой арене сил деструкции, зла и агрессии, трудно говорить о диалоге. И тем не менее диалог – это единственная разумная альтернатива разобщению и ожесточению людей. Одновременно необходимо иметь в виду, что межрелигиозные отношения всегда предполагают различия (более или менее глубокие). Эти различия проявляются в мировоззренческих принципах, ценностях, установках, образах жизни и жизнеустроения, нормах нравственности, навыках и стереотипах поведения, общественных интересах, надеждах и устремлениях, определяющих различия целей и задач религиозных сообществ. Это значит, что межрелигиозные отношения могут развиваться в форме противостояния и при определенных условиях перерастать в конфликт. При благоприятных же обстоятельствах наилучшей формой межрелигиоз-

ных отношений является диалог как коммуникация, как многостороннее общение.

Африка пережила различные формы межрелигиозных отношений: агрессию, монолог при обращении в христианство, постепенное развитие диалоговых отношений³⁰.

В данном разделе рассматриваются межрелигиозные отношения и возможности для диалога в следующих направлениях: во взаимоотношениях и диалоге ислама с традиционными религиями; в исламо-христианских отношениях и формировании различных форм диалога; в сложных отношениях радикального исламизма (салафизма) с христианством и суфийским исламом. Последнее направление рассматривается в контексте поиска возможных путей дерадикализации радикального исламизма, не способного развиваться без поддержки населения. Предложенные направления рассматриваются в рамках региона Африки южнее Сахары (АЮС), называемого также Субсахарской Африкой.

Взаимоотношения ислама с традиционными религиями в АЮС

Для сопоставления двух религиозных традиций и выявления возможностей их диалоговых отношений необходимо сравнение их образов (картин) мира, основ миропонимания.

Традиционные религии в Субсахарской Африке выступают во множестве этнических вариаций, но, как правило, имеют следующие общие системообразующие принципы.

Основой мироздания является верховное существо – Бог-творец, вечный, всемогущий и всезнающий. Бог един, но у разных народов имеет различные наименования и проявления атрибутов. Акт творения мироздания представлен в космогонических мифах (народов догон, фанг, бамбара и др.), часто имеющих эзотерический характер.

В религиозных системах африканцев главной функцией верховного Бога является функция наделения всего сотворенного жизненной силой (жизненной энергией). Жизненная сила распределяется неравномерно, и существенная роль в динамике и гармонизации жизненных сил принадлежит человеку. Динамика жизненных сил представлена в виде иерархической лестницы, кругов или сферы.

Так, у ряда южноафриканских народов иерархия существует в виде сферы, в которой циркулирует жизненная сила как фундаментальная реальность бытия. Центром этой сферы и источником жизненной силы является Бог. В ближайшем к Богу круге находятся люди, обла-

дающие наибольшей жизненной силой. Но этот круг – круг людей – неоднороден, он состоит из «живых мертвецов» – предков, имеющих больше жизненной силы, старейшин, вождей, мужчин, женщин. Далее располагаются животные, растения, реки, камни, озера, скалы. Жизненной силой Бог наделяет всех, но ее количество и качество неодинаковы. Например, вожди и старейшины имеют больше силы, чем рядовые общинники, мужчины – больше, чем женщины, люди – больше, чем животные. Чем шире круги и дальше от центра сферы – тем меньше жизненной силы. В то же время все круги сферы и все ее компоненты соединены гармоничными, партиципальными связями и могут воздействовать друг на друга³¹.

Интересно понимание роли Бога и человека в этой африканской схеме мироздания. Высшее божество выполняет главную роль распределителя жизненной силы, после чего оно нечасто вмешивается в дела людей. Как правило, с ним не связаны основные обряды и ритуалы, которые могут проводиться в честь других, более мелких божеств и духов, воздействующих на жизнь людей постоянно. Более того, в африканском мировидении существует твердое убеждение о невозможности обращаться к Богу непосредственно, напрямую. Молитвы, просьбы, ритуалы могут быть обращены только через посредников. Эти посредники – локальные божества и духи природы, а также духи предков – не только могут передавать Богу послания людей, но и способны по воле Бога корректировать жизни людей, помогать им или, наоборот, наказывать их. Роль таких посредников иногда берут на себя «пророки» в мессианских движениях.

Важная роль отводится человеку. Он не только приумножает жизненную силу, создавая семьи и производя потомство; он, по словам африканского богослова Г. Сетилене, образует как бы магнитное или радиолокационное поле, распространяя свое влияние, и, будучи сопричастен к жизненным силам мира, способствует их увеличению. Он выращивает злаки, ухаживает за скотом, обрабатывает камни и т.д.³² Роль человека в мироздании понимается очень широко. Во всеобщих взаимосвязях в мире участвуют не только ныне живущие, но и ушедшие в мир иной предки, способные помогать своим сородичам, делиться с ними присущей им жизненной энергией, ибо они несут ответственность за ныне живущих. Ответственность несут друг за друга все члены сообщества. Жизненная сила, полученная от Бога, усиливается не только сверху. Все члены сообщества помогают друг другу и этим способствуют приумножению жизненной силы³³.

Итак, в африканское общество, обладающее культурой, основанной на принципах вышеизложенного миропонимания, пришел ислам – мировая религия и культура, основанные на ином видении мира. Понимание мира в исламе, его доктрина (вероучение) основаны на фундаментальных принципах, определяющих архитектуру мировоззрения – религиозной картины мира.

Первые два фундаментальных принципа: «Бог – вечный, безначальный и бесконечный» и «то, что кроме Бога». Эти два принципа дихотомичны, и на них основывается третий принцип – принцип «обеспечения единства», то есть принцип строгого *единобожия*. Принцип «то, что кроме Бога», определяется как все, что сотворено Богом, то есть мир, который начален и конечен.

Какова же роль человека в исламской доктрине? С позиции первых двух фундаментальных принципов человек попадает в категорию «того, что кроме Бога», то есть в мир начальный и конечный, сотворенный Богом и полностью от него зависимый. Однако в исламской доктрине представлено иное место человека: между человеком и Богом устанавливаются некие договорные отношения, ибо человек, единственный из всего мироздания, принял «залог веры», то есть взял на себя ответственность за соблюдение Закона. Приняв «залог веры» и вступив в договорные отношения с Богом, человек уже не может быть причислен к «тому, что кроме Бога». Он приобретает особый онтологический статус. Этот особый статус подтверждается и тем, что Бог дарует человеку, единственному из всего им сотворенного, посмертную участь.

Необходимо отметить, что исламское вероучение базируется на Коране и Сунне, но конкретизация доктринальных принципов, динамика вероучительных положений представлены в авторских текстах исламских ученых. Поэтому возможны некоторые разночтения и противоречия в формулировках, что порождает терпимость, гибкость ислама и его способность приспосабливаться к конкретной ситуации. Этот факт отметил африканский ученый и писатель Амаду Ампате Ба*, сказав: «В Африке ислам был окрашен не более, чем вода; этим объясняется его успех; он принимает цвета почв и камней»³⁴.

* А.А. Ба (1901–1991 гг.) получил начальное исламское образование под руководством известного малийского суфия Терно Бокара, с которым поддерживал связь всю жизнь. Получил и французское светское образование. Был этнологом, изучал народные традиции в различных африканских странах; в 60-х годах создал и возглавил Институт гуманитарных наук в Бамако (Мали).

Единственный не изменяющийся текст в вероучении ислама – это формула исповедания веры, то есть произнесение формулы инициации «свидетельствую, что нет божества, кроме Бога и Мухаммад – Пророк Его». Развитие ислама в диалогах заложено в основах исламской мысли. В одном из хадисов Мухаммад говорит: «Различие во мнениях общины моей – знамение Божией милости». Этими словами факты различия взглядов получают божественную санкцию³⁵.

Итак, встретились два различных миропонимания, две различные картины мира, представляющие различные культуры, родившиеся на разных континентах у разных народов в различные эпохи. Встретились же эти разные культуры на Африканском континенте в первом тысячелетии нашей эры. Как же сложились отношения этих культур? В Субсахарскую Африку ислам проникал, очевидно, ранее каких-либо других мировых религий – с X до XIX в.

Африканский ученый, кениец Али А. Мазруи (1933–2014), философ, культуролог, образно определил роль ислама для культуры Африки в словах: мудрость Африки имеет двух родителей – африканство и ислам, и одного опекуна, Запад, амбивалентного по своей природе³⁶.

Значение ислама для Африки, которое определяет африканский ученый, хорошо знакомый с факторами проникновения ислама и его восприятия африканцами, даже с учетом метафорического преувеличения, свидетельствует о том, что ислам как новая религия и культура не травмировал и не унижал африканцев. Ислам «наплывал» постепенно, не навязывал своих ценностей и не возражал против африканских, относясь к африканским ценностям и традициям с уважением и пониманием. Существенным было то, что в АЮС ислам распространился в основном в форме суфизма.

Суфизм является одной из самых популярных и представительных форм исламской культуры и одновременно широким духовным и философским течением исламской мысли. Суфизм возник примерно в VIII в., но как зрелое учение, представленное в настоящее время, был доработан исламским ученым Ибн Араби-Мухейн ад-Дином (XIII в.) – философом, мистиком и поэтом, «Великим шейхом», родившимся в Испании (Андалузия).

Суфизм – очень сложное духовно-нравственное и философское движение, включающее различные аспекты. Прежде всего, суфизм – это самое толерантное и гибкое направление в исламе. После формирования суфийских общин как орденов-тарикатов в XIII в. суфизм превратился в четко организованное движение, неоднократно высту-

павшее в поддержку народа, борющегося с угнетателями, и завоевал право называться «народным исламом»³⁷.

Четкая организованность суфийских тарикатов основана на принципе строгого подчинения мюридов – учеников, находящихся на низшей ступени посвящения и духовно-нравственного совершенствования, своим наставникам – мюршидам. Мюрид (им может быть как крестьянин-мусульманин, так и ученый), избравший свой путь (тарикат) самосовершенствования, мистического богопознания, выбирает себе наставника – шейха или имама. Этот выбор пути по законам суфизма означает беспрекословное подчинение наставнику и исполнение любых его приказаний. Известный и авторитетный шейх, как правило, имеет большое количество мюридов и может направить их активность в любом направлении – во благо или во зло. Потенциально суфийское «воинство» способно играть различные роли в зависимости от личности наставника. И такие случаи в истории бывали.

В Африке суфийский ислам, в основной своей части, завоевал огромное уважение и авторитет. Африканцев в суфизме, прежде всего, привлекала духовно-нравственная целеустремленность, стремление к самосовершенствованию. При этом духовные лидеры были требовательны к самим себе, на себе демонстрировали духовные практики воздержания, самоограничения, самоконтроля, стремления к знанию.

Исламская культура в Африке сумела найти точки соприкосновения с традиционной культурой африканцев. Уже упоминавшийся африканский ученый Али А. Мазруи сформулировал семь столпов африканской мудрости, в каждом из которых он постарался выявить взаимодействие африканских и исламских ценностей. Это взаимодействие выступает в форме диалога. Следует подчеркнуть, что анализ семи столпов мудрости подчинен очень важной, по определению Мазруи, задаче. Суть этой задачи Мазруи обосновывает «потребностью человечества в новой глобальной этике перед лицом международного неравновесия, спровоцированного “Рах Америгана”». Существует настоятельная необходимость в новом критерии добра и зла во всех цивилизациях», – пишет Мазруи³⁸.

Первым столпом мудрости Мазруи называет толерантность. При этом он замечает, что и Африка, и мусульманский мир демонстрируют конфликтность. Однако поведение людей каждого из этих миров лишь частично обусловлено этическими нормами своей культуры, значительно чаще конфликты провоцируются внешними факторами и влияниями, конструирующими основные причины столкновений людей.

Мазруи ставит важнейший вопрос о процессе выхода из конфликта и об отношении к его последствиям. Ислам, считает он, рекомендует компенсацию и прощение как лучший вариант по сравнению с местью.

В этических кодексах Африки терпимость, в частности, выражается в короткой памяти ненависти. Африканцы могут бороться глубоко и страстно, защищая свои интересы, но, когда борьба закончилась, африканская этика, выработывавшаяся веками и встроенная в коллективную ментальность, предлагает снижение уровня ненависти, взаимное прощение и совместное восстановление разрушенного.

Мазруи приводит примеры, а их множество, из новейшей истории Африки: последствия гражданской войны в Нигерии 1967–1970 гг. без репрессий; геноцид в Руанде и совместное восстановление страны вчерашними врагами – народами тутси и хуту; политика Нельсона Манделы после 27-летнего заключения, организованного режимом апартеида, и после свержения антинародного режима, политика удержания от гражданской войны с помощью действий Комиссии истины и примирения и т.д. На основе изложенных фактов Мазруи считает, что Африка может внести свой вклад в глобальную этику³⁹.

Второй столп мудрости Африки – забота об экономическом благосостоянии народа.

Характеризуя современный ислам, Мазруи констатирует, что нефтяные богатства исламского мира не всегда обеспечивают благосостояние мусульман, непричастных к этим богатствам и испытывающих нужду. Один из столпов ислама – закят (религиозный налог) и милостыня садака (благотворительность), очевидно, должны быть преобразованы в свете нефтяных богатств.

Обращаясь к африканской ценности заботы о благосостоянии народа, Мазруи говорит о древней норме общинности – коллективной ответственности общины за сирот, инвалидов, престарелых, нуждающихся. Исторически сложилось, что африканцы никогда не бросают в беде своих соплеменников и коллективно ухаживают за больными, ранеными, помогают семьям, потерявшим кормильца⁴⁰.

Третий столп мудрости – социальная справедливость. В данном разделе Али А. Мазруи говорит о несправедливости неравенства этнического, национального, но акцентирует внимание на самой болезненной для Африки форме неравенства – расовой – и расовой дискриминации. Народы Субсахарской Африки в течение нескольких веков

страдали от различных форм расизма со стороны «непрощеного опекуна» – Запада, а последствия расизма сказываются и поныне.

А как же «родители» африканской мудрости – африканство и ислам – относятся к ценности социальной справедливости в зависимости от этнических, национальных, расовых, религиозных различий? В традиционной африканской этике, например в этике народов *банту*, называемой *Убунту*, центральным является принцип «человечности», иногда «всечеловечности», то есть равенства независимо от этнических, национальных, расовых, конфессиональных и иных различий.

Что касается ислама, то из трех авраамических религий ислам, считает Мазруи, является самой эгалитарной религией. Пророк Мухаммад в своей прощальной проповеди во время хаджа говорил своим последователям: «Араб не превосходит неараба, белый не превосходит чернокожего человека, черный не имеет преимущества перед белым, никто не имеет превосходства над другим, кроме как в благочестии и хорошем нраве».

В Коране говорится, что человечество было создано народами и племенами для того, чтобы люди узнали друг друга. Известно, что среди учеников Мухаммада были представители разных культур, в т.ч. чернокожий эфиоп Билал, широко почитаемый как первый чернокожий, принявший ислам⁴¹.

Четвертый столп мудрости Африки – равенство мужчин и женщин. В этом вопросе диалоговые отношения ислама с традициями Субсахарской Африки складываются временами напряженно. Мазруи отмечает, что в Африке женщины играют более активную роль в обществе – в семье, в общине. Женщины могут вступать в разговор мужчин, высказывать свое мнение. Более свободны женщины в одежде. Принята одежда, оставляющая открытыми шею, верхнюю часть груди, плечи и руки, в отличие от мусульманок, традиционно закрывающих все тело и лицо. Свободнее воспитание и общение юношей и девушек до брака.

В то же время ислам дает женщинам больше прав, что касается прав наследования и семейной собственности в больших и различных по типу семьях Африки (патрилинейных и матрилинейных). Али А. Мазруи отмечает, что мусульманские традиции заставляют африканцев, принявших ислам, несколько ограничивать свободы женщин, что вызывает недовольство в обществе. В то же время терпимость этики суфизма помогает найти в этом вопросе золотую середину.

В исламском мире в XX–XXI вв., при сохранении многих традиционных обычаев, улучшилось образование женщин, расширились его сферы, а также увеличились права женщин на участие в общественной жизни. В связи с этим во многих исламских государствах женщины стали занимать крупные государственные должности, вплоть до глав государств или правительств, что особенно характерно для исламских государств в Азии. В Африке также увеличиваются права и роль женщин в общественной жизни, даже независимо от исламизации⁴².

Пятый столп мудрости Африки – это стремление к экологическому балансу и защите планеты Земля от чрезмерной эксплуатации и разрушения. Мазруи обращает внимание на парадоксальное противоречие в исходных объективных экологических условиях раннего ислама и существования традиционных религий доколониальной Субсахарской Африки. Еще более парадоксально радикальное и трагическое для Африки изменение этих условий. Экологическое наследие двух «родителей» как бы поменялось местами. Бесплодные аравийские земли с сухим климатом и песчаными бурями в наше время стали цветущими и богатыми благодаря доходам от нефтяных месторождений, а зеленые тропические леса с ценными породами древесины были бесконтрольно вырублены колониальными оккупантами, в результате чего стали высыхать реки и началось опустынивание богатейших земель.

В постколониальной Африке южнее Сахары стоят острейшие задачи «зеленой революции» – защита лесов, посадка новых взамен вырубленных, защита животного мира от варварства туристов, охотников и браконьеров. Не менее важной является задача сохранения и защиты популяций людей, охрана материнства и детства⁴³.

Шестой столп мудрости – межконфессиональные отношения. Али А. Мазруи, рассматривая шестой столп мудрости Африки, большое внимание уделил истории исламского мира в XX столетии в его отношениях с иудейской конфессией, точнее, причинам и бенефициарам израильско-мусульманского (палестинского) конфликта. По мнению Мазруи, самую высокую цену за злодеяния и зверства нацистов против евреев, то есть за Холокост, заплатили мусульмане-палестинцы. Мазруи анализирует роль США как «нового глобального опекуна», создающего новую американскую империю, прежде всего империю всеобщего контроля и пользователя всем лучшим, что есть в других странах.

Исламо-христианский диалог в Африке южнее Сахары будет рассмотрен в следующем разделе с использованием материалов Али А. Мазруи⁴⁴.

Седьмой столп мудрости – это понимание мира и жизни, синтезированное из всех источников обучения и познания. Синтез может происходить между этикой и знаниями, религией и наукой или между одной культурой и другими культурами. Ислам был, очевидно, самым творческим из всех «учеников». Он в своем раннем варианте был готов учиться у всех культур: математике у Индии, философии у Древней Греции, архитектуре у Персии, юриспруденции у наследия Рима. Первые слова Аллаха к Пророку Мухаммаду были о знании. Ранние коранические суры и аяты посвящены обучению и чтению. Эта мусульманская готовность учиться у других культур, обобщать и использовать все лучшее снизилась к XVIII в., а в XIX в. «коррупция мусульманских правительств, сопротивление богословского законничества новшествам, – говорит Мазруи, – привели к тенденциям подражать Западу, а не учиться всему лучшему».

Что касается африканского наследия для XXI в., то лучшее, что есть – это богатейшие культурные ценности Африки, сформированные веками социального опыта и затронувшие все стороны африканской жизни»⁴⁵.

В статье Али А. Мазруи дан оригинальный, метафорический по форме анализ диалогического взаимодействия двух религий – ислама и традиционной религии АЮС, представляющих две культуры – исламскую и традиционную африканскую. Этот анализ африканского ученого демонстрирует пример гармоничного сочетания двух различных по типам ценностей без попыток давления и унижения. Сравнительный анализ африканских и исламских ценностей может помочь поискам конструктивных путей дерадикализации исламизма.

Мазруи заключает свой анализ следующими словами: «Мудрость начинается тогда, когда мы понимаем себя. Мудрость созревает, когда мы стремимся к более высоким человеческим стандартам... Как африканцы, мы должны опираться на наших древних родителей – африканство и ислам. Мы также должны учиться у непрошеного опекуна – Запада, к лучшему или к худшему»⁴⁶.

Исламизм, исламо-христианские взаимоотношения и возможность исламо-христианского диалога в Субсахарской Африке

С конца XX – начала XXI в. Африка все больше походит на бушующий котел с кровавыми конфликтами, безжалостными террори-

стическими акциями, похищениями людей и разрушениями. Большинство конфликтов производят впечатление религиозных столкновений, религиозной враждебности мусульман-фундаменталистов, радикалов по отношению к христианам, а также к мусульманам-суфиям. Это впечатление не обманывает, вспомним слова Али А. Мазруи об эволюции ислама. Характеризуя современный ислам, Мазруи сетовал, что «тяжелая рука культурного обскурантизма, поразившая часть мусульманского мира, продолжает мешать развитию мусульманского стремления к новым знаниям»⁴⁷.

Однако все не так просто, когда речь идет об исламизме. Исламизм как политическая и социальная идеология – явление сложное, многоплановое и многоликое. География исламизма очень широка. Его проявления обнаруживаются в Европе и Азии, в Африке и на Ближнем Востоке, в России и США, и в каждом регионе он проявляется, при общей сущности, в различных, специфических для региона и страны формах, использует разные стратегические принципы и тактические приемы.

Исламизм не только распространен во всем мире, но и является частью, компонентом глобального мегатренда, касающегося основных религиозных систем. Этот мегатренд или мега явление неудачно называют фундаментализмом, стремящимся к обновлению через удаление из религии «хитросплетений лжи» и всего «западного», чужеродного, «привнесенного извне»⁴⁸. Однако термин «обновленный фундаментализм» – это оксюморон. В то же время стремление вернуться к истокам, одновременно с импульсом самообновления и политизации, характерно со второй половины XX в. для основных религий мира (для индуизма, буддизма, христианства, иудаизма и т.д.).

Так, в христианстве после Второй мировой войны появилось такое течение как «Новая политическая теология», представленная в Германии, например, католическим богословом Иоганном Баптистом Мецем⁴⁹ и протестантом Юргеном Мольтманом⁵⁰. В «Новой политической теологии» звучат идеи о необходимости реабилитации духа христианских ценностей, о «Второй Реформации», вызревшей снизу, в церквях «бедных наций мира».

В этом мировом явлении политизации и обновления религий самым громким и значимым был выход на мировую арену исламизма. Именно в исламе особенно остро и болезненно оформился общий ответ религий мира на вызовы глобализации и перестройки мирового порядка⁵¹. Внимание научных сообществ и мировой общественности

привлекают реформаторские процессы, характеризующиеся не только как обновление, но и как «реисламизация»⁵², как «исламское возрождение», сравнимое с европейской Реформацией⁵³.

Обновленный, склонный к реформированию ислам, ратующий одновременно за чистоту учения времен Пророка Мухаммада, – это форма ислама, исключительно гибкая, способная приспосабливаться и менять конфигурацию в зависимости от обстановки. И это особенно ярко обнаруживается в Субсахарской Африке с ее полиэтничностью и поликонфессиональностью; в Африке, испытавшей сильнейшее колониальное и постколониальное воздействие коллективного Запада и немало воспринявшей от него; в Африке с ее сложнейшими социальными связями и все еще сильным традиционным фактором, в т.ч. религиозным.

Особенно надо подчеркнуть, что эта новая форма политизированного ислама – исламизм – в АЮС столкнулся с другой формой ислама – с суфийским исламом, очень авторитетным и уважаемым и очень давно успешно укорененным. Суфизм не менее гибок и адаптивен, ему удалось без принуждения и давления найти точки соприкосновения с традиционными верованиями и ценностями африканцев, вписаться в их культурный контекст.

Суфизм не был политизирован, но всегда поддерживал власть, отвечающую потребностям народа, выступая медиатором между народом и властью. Исключительно важным фактором религиозной ситуации в Субсахарской Африке является исторически сформировавшаяся интеллектуальная элита мусульман-суфиев из этнических африканцев, представленная целыми династиями. Такова, например, династия героя антиколониальной борьбы Сенегала шейха и основателя суфийского братства мюридийа, отпочковавшегося от тариката кадирийа, Амаду Мбамба Мбаке, о деятельности которого будет сказано далее.

В обширной родословной Амаду Мбамба были праведы, улемы, известные кади, шейхи, марабуты. Потомство Мбамба представлено известными учеными и общественными деятелями Сенегала; их работа, кроме духовной, включала и светскую – организацию школ, предприятий, развитие образования в Сенегале.

Необходимо обратить внимание на то, что Субсахарская Африка, пережив множество сокрушительных ударов (работоторговля, колониализм, испытания модернизации по западным стандартам, разрушение культурных кодов), оказалась не готова к активизму исламистской пассионарности. Однако и суфийский ислам с его этической доминан-

той не удовлетворял обедневшие, отчаявшиеся массы, особенно молодежь, не находившую перспектив в своем настоящем и будущем. Именно эта молодежь, как сельская, так и городская, стала основной социальной базой радикального исламизма. Радикалистские устремления оказались привлекательными и для части образованных слоев, недовольных засилием Запада во всех сферах жизни. Если в других африканских странах (в Египте, Тунисе) был воспринят исламизм в умеренном выражении, то в Субсахарской Африке развитие получил салафитский ислам в его радикальной версии.

Как и где сформировалась идеология радикального исламизма? Этот вопрос осветил руководитель программ международной безопасности Центра Никсона (Вашингтон, США) З. Бэран в своей статье «Война идей»⁵⁴. Он пишет, что организация «Хизб ут-Тахрир» (ХТ, Партия освобождения) не участвует в террористических действиях, но является идеологическим авангардом радикального исламизма и готовит для него кадры⁵⁵.

ХТ была создана в 1953 г. в Восточном Иерусалиме палестинцем, членом организации «Братья-мусульмане» шейхом Такиуддином ал-Набхани. Недовольный умеренным курсом «Братьев-мусульман», Набхани решил создать более радикальную организацию. Основные идеологические принципы ХТ он определил как отказ от капитализма как эксплуататорской системы, отказ от демократии как безбожного института. Он утверждал, что единственный путь создания исламского общества по образу и подобию того, что проповедовал Мухаммад, – это освободить мусульман от идей, систем и законов «неверных» и заменить систему наций-государств единой уммой, управляемой новым халифом.

После смерти Набхани ХТ стала развиваться в сторону все большей агрессивности. Так, ХТ предложила для создания нового халифата простой путь – разрушить существующий порядок⁵⁶. Подготовка кадров для решения основной задачи – создания нового халифата – проходит в несколько этапов. После первого этапа, направленного на то, чтобы «вычистить» все неисламские идеи и внедрить исламскую идеологию, человек приносит клятву и становится членом организации ХТ. Очень важный этап подготовки кадров – обучение и подготовка к внедрению в общину, в трудовой коллектив, желательно в органы власти. Необходимо «слиться» с населением, быть незаметным и при этом решать поставленные задачи, учитывая конкретные условия. Лозунг ХТ: «Думай глобально, действуй локаль-

но». Одна из важных задач, помимо рекрутирования в радикальные группировки, – старание создать трения и конфликты между народом и властью⁵⁷. Таким же путем, очевидно, проникают посланцы организации ХТ в Африку.

Религиозные конфликты часто бывают формой и конденсатом глубоких противоречий. Клубок разнообразных противоречий, обострившихся в последние годы, является глубинной причиной тяжелейшей нестабильности современной Африки. Можно назвать наиболее существенные из этих групп противоречий, специфически проявляющихся в отдельных регионах и странах.

Прежде всего необходимо выделить глобальные противоречия стран Африки (как и многих других стран) с американской империей не только как с доминирующей мировой державой, но и как с государством, осуществляющим всемирный контроль и беззастенчивое использование наиболее важных ресурсов всех стран, прежде всего людских интеллектуальных ресурсов⁵⁸.

Вторая группа противоречий – общеафриканская. Это экономические противоречия, связанные с бедностью населения, коррупцией власти, зависимостью от бывших метрополий – Британии, Франции, Португалии, зависимостью от иностранной финансовой и технологической помощи как европейских, так и арабских и других стран. Социально-политические проблемы связаны с организационно-управленческими противоречиями между традиционными управленческими порядками и ценностями и навязываемыми Западом формами управления обществом. Это и культурно-образовательные противоречия, суть которых в дисгармонии культуры и ценностей Африки с западными ценностями; в существовании трех религиозно-этических традиций; в образовании, особенно высшем, – это продолжающееся навязывание западных стандартов в программах преподавания, приоритет западных специалистов и т.д.

Третья группа противоречий – местные противоречия, региональные или страновые, имеющие экономический, политический или социо-этнический характер.

Обострение одного или нескольких из перечисленных противоречий может принимать религиозную форму или, скорее всего, сливаться с религиозной напряженностью. Это объясняется ролью религии в африканском обществе как важнейшего компонента духовной жизни африканцев. Нигерийский исследователь Л. Оджо так определил роль религии: «Не будет преувеличением сказать, что религия является не

просто неким комплексом африканской культуры, но и катализатором других комплексов»⁵⁹.

Одним из напряженных противостояний в конфликте с радикальным исламом является противостояние ислама и христианства в Субсахарской Африке. Необходимо отметить, что в мирной жизни на бытовом уровне не было противоречий между африканцами-христианами и мусульманами. Мусульмане и христиане жили в одной деревне, были добрыми соседями. В больших африканских семьях часто были и христиане, и мусульмане.

На портале *Legit.ng*, где происходит обмен мнениями в различных сферах, было задано несколько вопросов о взаимоотношениях мусульман и христиан в Нигерии⁶⁰. Интересен краткий обзор мнений нигерийцев по этим вопросам.

Вопрос 1. Могут ли мусульмане и христиане мирно жить в Нигерии?

Ответы:

Дебо Кайоде Огунранди: Я христианин, но трое моих двоюродных братьев – мусульмане, а четверо верят в традиционных богов и поклоняются предкам. Отношения на семейном уровне – отличные. Члены многих нигерийских семей имеют разные исповедания. Нигерийские дети растут с достаточным знанием обеих религий. Для взрослого нигерийца нет ничего необычного в том, что он цитирует как Библию, так и Коран, чтобы подкрепить свою точку зрения. Мы уважаем религиозные обряды обеих религий. Христиане часто празднуют вместе с мусульманами исламские праздники, а мусульмане – христианские.

Борис Эзому: В нашей стране Север в основном мусульманский, а Юг – в основном христианский. Мы также на сто процентов верим в африканских богов и чтим предков, как бы мы этого ни скрывали. Это религиозный факт Нигерии, и это нас всех объединяет.

Вопрос 2. Почему возник вооруженный конфликт в Нигерии и является ли он исламо-христианским?

Ответы:

Узегбу Чибузор Эзенва, архитектор на самозанятости: В Нигерии существует вопиющее неравенство Севера и Юга. В южной части страны большое количество богатых людей и живущих комфортно людей, имеющих не менее трех автомобилей и дома в городских районах. На Юге самый высокий уровень грамотности и образования. Средний мужчина или женщина из племени *игбо* имеет по крайней мере среднее школьное образование, в то время как средний северя-

нин беден, необразован и с трудом выживает за счет натурального хозяйства.

Эммануэль-Френсис Нваолиса Оготегбунам: Абсолютная бедность в Нигерии сосредоточена на севере страны. Для молодежи это усугублялось отсутствием образования, занятости и жизненных перспектив. С этого началась поддержка мятежа «Боко Харам». Сейчас организация и ее деятельность вызрела, ее деятельность связана с ИГИЛ, ее антизападная направленность переросла в организованную преступность, терроризм.

Франклин Чидера: Конфликт, развязанный «Боко Харам», нельзя рассматривать как христианско-мусульманский. Повстанцы являются мусульманами, но ведь вооруженные силы государства также в основном состоят из мусульман.

Вопрос 3. Что можно сделать, чтобы остановить насилие мусульман против христиан?

Ответы:

Ахмед Абдельхак Зайдан: Это насилие вызвано не враждой на основе религиозной принадлежности, а глубоким социальным противоречием. В Западной Африке есть мусульманское большинство – народ фулани, скотоводы. Они традиционно кочевали со скотом по пастбищам. В последнее время из-за изменения климата и вырубки лесов с ценной древесиной изменились природные условия (засуха, обмеление рек и т.д.). В связи с этим фулани потеряли пастбища и оказались на территории оседлых фермеров, как христиан, так и мусульман. Возникла ожесточенная конкуренция за доступ к земле и рекам. Чтобы прокормить скот, фулани вынуждены были выпускать коров на земли фермеров бером – христиан на севере Нигерии. В ответ молодежь бером стала угонять и убивать скот. В отместку фулани напали на деревни бером, сожгли их и убили 120 человек.

Алах Миетти: В Мали фулани также вторгаются на земли фермеров мусульман-догонов. Догоны защищаются, убивают пастухов-фулани и их скот.

Нигерийский журналист: Правительственные структуры, прежде всего, должны обеспечить сильную экономику во всей стране, поскольку бедные и голодающие люди будут верить кому угодно и чему угодно, хватаясь за соломинку, чтобы выжить. Для этого они даже готовы поменять мир, демократию и терпимость на войну, тиранию и массовую жестокость. Сначала накормите людей, дайте им работу и ощущение, что их жизнь улучшается, следите, чтобы ни одна группа

не осталась в бедности, потому что эта группа обеспечит благодатную почву для экстремизма⁶¹.

Эти живые голоса и мнения нигерийцев разных исповеданий свидетельствуют, что исламо-христианские отношения сами по себе не являются причинами радикальных конфликтов, экстремизма и терроризма. Они могут быть только формой, скрывающей глубокие причины дестабилизации Субсахарской Африки. Эти причины – социально-экономические, политические – могут провоцировать исламо-христианское напряжение, усугубляя внутриконтинентальный фаворитизм и случаи религиозной дискриминации.

Для выяснения вопроса о возможностях межконфессионального диалога, понимаемого как общение и коммуникация, необходимо выяснить наличие общих факторов в исламо-христианских отношениях. И мусульмане, и христиане в Африке – носители широко понятой африканской культуры: африканской ментальности, африканской исторической памяти, общих языков, фольклора, африканских ценностей солидарности, коллективизма, общих обычаев, форм жизнеустройства. В жизни африканских мусульман и христиан присутствуют (иногда актуализируясь) элементы автохтонных религий и обрядов, прежде всего, связанных с культом предков.

Особое значение для исламо-христианского диалога имеют такие африканские ценности, как терпимость, справедливость, дружелюбное отношение к чужим, обратившимся за помощью. И, наконец, и мусульмане, и христиане Субсахарской Африки имеют общее колониальное прошлое, выступают против западного экспансионизма и являются сторонниками афроцентризма.

Диалог как коммуникация и общение между мусульманами и христианами Субсахарской Африки существует постоянно на бытовом уровне на основе взаимной терпимости. Характерно, что ситуация конфронтации между исламом и христианством вызывает у большинства населения осуждение. Все чаще организуются совместные акции по защите от проявлений экстремизма. Так, католики, протестанты и мусульмане Северного Камеруна молились вместе об окончательном прекращении религиозной войны. Эта встреча была поддержана авторитетным традиционным вождем. Участники встречи заявили о своем стремлении к справедливости и миру в стране при взаимном доверии и поддержке. В Камеруне созданы «группы бдительности», объединившие мусульман и христиан для совместной защиты от экстремистов мечети в пятницу и церкви в воскресенье.

Совместное патрулирование мечетей и церквей организовано в Нигерии и в Центральноафриканской Республике. В ЦАР мусульмане в столице – Банги – организовали защиту от экстремистов церкви и лагеря вынужденных переселенцев, в основном христиан.

Все сказанное подтверждает, что экспансия радикального исламизма встречает сопротивление как христиан, так и мусульман. Совместными усилиями они стремятся сохранить хорошие отношения религиозных общин. В Камеруне существует ассоциация «Агадира», состоящая из христиан (католиков, протестантов, православных) и мусульман. Ее цель – поддерживать хорошие отношения между верующими двух религий, помогать распространению знаний друг о друге и взаимному уважению и этим способствовать ведению межконфессионального диалога⁶².

Важным вопросом для успешного диалога мусульман с христианами является знание друг о друге и доктринально-ценностные точки соприкосновения и несовпадения. В основе доктрины ислама лежит положение о существовании «Бога, безначального и вечного» и «того, что кроме Бога», что сотворено, что имеет начало и конец. Первая часть этой формулы является общей и для ислама, и для христианства. В Коране говорится: «И наш Бог, и ваш Бог един, и мы ему предаемся» (Коран, 29:45).

Однако принцип строгого единобожия, отделение Бога от всего остального отличает ислам от двух других авраамических религий – христианства и иудаизма, ибо в исламе подчеркивается, что между Богом и миром нет «никаких соучастников», других богов. Вот почему первое мировоззренческое различие между исламом и христианством – это непризнание Иисуса Христа Сыном Божиим. В исламе Иисус (Иса) определяется как великий пророк и почитается таковым после Мухаммада.

Вторым важным доктринально-ценностным различием является понимание человека и его ценностной сути. В христианстве человек понимается как изначально греховное существо, унаследовавшее первородный грех. Отсюда совершенствование человека понимается как ежедневное преодоление своей греховной природы, всего материального, телесного в пользу духовного. Это ценностная ось, помещающая духовность, совершенство в горнем мире, а материальность, телесность, несовершенство – в земном.

В исламе нет идеи первородного греха, нет ценностной вертикали. Прегрешение Адама и Евы не наследуется человеком, он рождается

безгрешным, его природа правильная и ее суть – в двуединстве тела и души. Отсюда важнейшей ценностью для ислама является совершенствование человека как гармоничного двуединства внутреннего и внешнего, души и тела.

Эти два ценностно-мировоззренческих различия иногда проявляются в повседневных спорах, но не имеют решающего значения и не мешают развитию исламо-христианского диалога. Гораздо важнее глубинные сущностные противоречия. В мировой истории было много трагических событий, субъектами которых выступали как мусульмане, так и христиане. И те, и другие боролись за свои территориальные, экономические, политические интересы. Однако в любых случаях исторические события осмыслялись как войны за веру, против «неверных», в категориях священной войны или джихада, закрепляя тем самым в сознании сторон идею исторического противоборства ислама и христианства.

В христианстве важным событием стал II Ватиканский Вселенский Собор (1962–1965 гг.), впервые в истории Церкви обсудивший проблему отношения церкви к нехристианским религиям. Особое внимание на Соборе было уделено исламу. Собор 28 октября 1965 г. утвердил декларацию «О взаимоотношениях Церкви с нехристианскими религиями» («*Nostra Aetate*»). Третий раздел декларации посвящен исламу, и в нем говорится: «Церковь с уважением относится к мусульманам, которые поклоняются единому Богу... Они, хотя и не признают Христа Богом, почитают его как пророка... Хотя в течение веков между христианами и мусульманами не раз возникали раздоры и вражда, Святой Собор призывает всех забыть прошлое и искренне стремиться к взаимопониманию, к защите и осуществлению на благо всего человечества общественной справедливости, моральных ценностей, мира и свободы»⁶³.

Идеи Ватикана в Африке были доброжелательно восприняты как мусульманами, так и христианами. Но главное, разумеется, – это практика дальнейшего развития диалога в Субсахарской Африке и совместные поиски путей дерадикализации мусульманских террористических групп.

Направления, программы и методы дерадикализации исламистов в Субсахарской Африке

Рассмотренные в предыдущих разделах особенности Субсахарской Африки свидетельствуют, что проблемы дерадикализации необходи-

мо рассматривать только с учетом этих особенностей. Прежде всего, надо иметь в виду, что в Субсахарской Африке развитие получил радикальный исламизм в форме салафизма, имеющего в регионах и отдельных странах мощную подпитку в виде острейших локальных противоречий.

В современном международном сообществе для Африки создаются многочисленные программы дерадикализации исламизма, как для мусульман-иммигрантов, так и для мусульман – жителей Африки. Однако применять их можно только с учетом местных условий.

Первым и очень важным направлением дерадикализации исламизма является улучшение материальных условий жизни людей, прежде всего молодежи, по программам самоорганизации. Опыт такой деятельности в Африке накоплен большой.

Одним из знаменитых и почитаемых организаторов ненасильственного антиколониального сопротивления был шейх из тариката кадирия Амаду Мбамба Мбаке в Сенегале. В противовес жестокому колониальному режиму французской эксплуатации, культурной ассимиляции и насильственной христианизации он решил создать зону самоорганизованного экономического сообщества на основе суфийского братства мюридов (учеников, последователей). Амаду Мбамба объявил Великий джихад, то есть борьбу со всем негативным в человеке, самосовершенствование духовного и физического, то есть предложил сочетать молитвы, изучение Корана и упорный физический труд.

В 1883 г. в городе Туба были организованы плантации арахиса (основного экспортного товара), и мюриды начали самоотверженную работу. Арахис продавали, вырученные деньги вкладывались в расширение хозяйства, и вскоре город Туба и его окрестности стали процветающим краем, где жили люди трудолюбивые, с надеждой на будущее своих семей. Со временем с помощью тариката мюридия были организованы плантации по всему Южному Сенегалу.

Несмотря на то что суфии во главе с Амаду Мбамба не выступали открыто против колониальных властей, колонизаторы увидели опасность в деятельности Мбамба, и в 1895 г. он был арестован и выслан в глухой район Габона, где провел семь с лишним лет и вернулся в Сенегал в 1902 г., но был снова арестован и выслан в Мавританию. Вернувшись, он был снова арестован и помещен под домашний арест. Таким опасным показалось ненасильственное сопротивление этого человека (ученого, поэта), организовавшего всего лишь основу для материального благополучия угнетенных людей и вселившего в них надеж-

ду. Амаду Мбамба Мбаке – это герой не только Сенегала, но всей Африки. На его могилу в городе Туба совершаются паломничества как к святому⁶⁴.

В постколониальной Африке различные формы экономической самоорганизации населения получили широкое распространение. В основном такие формы образуются в зонах неблагополучия, возникших по разным причинам и у разных групп населения. Феномен общинности как основа образа жизни африканцев встроена в их ментальность и определяет их поведение. Необходимо отметить, что группы радикальных исламистов типа «Боко Харам», «Селека» и других возникли на основе самоорганизации так же, как и группы, организованные для борьбы с ними, например, «Антибалака» в ЦАР.

Тем не менее значение экономической самоорганизации не уменьшается, и программы дерадикализации, основанные на улучшении благосостояния людей, потенциально способных оказаться среди сторонников радикалов, представляются весьма важными.

Существуют яркие примеры, имеющие потенциал стать образцами для программ дерадикализации в Субсахарской Африке. Так, в последние десятилетия XX в. на Мадагаскаре, где в связи с экономическим кризисом образовались большие группы безработной молодежи, возникло снизу самоорганизованное движение «Безработные, сознающие свою ответственность». Суть движения в том, что в столице Антананариву и в других городах возникли бригады безработных, самостоятельно выбирающие и выполняющие необходимые общественные работы, например, прокладку и ремонт дорог. Дороги – большая проблема на Мадагаскаре. Поэтому жители окрестных сел, где работали бригады безработной молодежи, всеми силами помогали им, снабжали инвентарем – лопатами, кирками, тачками для вывоза выкорчеванных кустов и деревьев, приносили им еду⁶⁵. После окончания работы бригада обращалась в местные органы власти с отчетом о работе и просьбой ее оплатить, хотя бы частично. Как правило, просьба выполнялась⁶⁶.

Вторым примером является деятельность сельских мигрантов в африканских городах. Переселившись в город, сельские жители сталкиваются с большими трудностями – поисками жилья, работы, выживанием семей. В этом случае сельские общинники проявляют множество инициатив: организуют кассы взаимопомощи, земляческие ассоциации. Самой главной формой экономической самоорганизации стал неформальный сектор экономики, ставший массовой формой африкан-

ской экономики и образом жизни в условиях выживания для миллионов горожан.

В то же время в каждом регионе, а точнее, в каждой стране существуют свои особенности, провоцирующие возникновение и деятельность радикальных группировок. В качестве примера возьмем Нигерию – одну из самых крупных и сложных стран Субсахарской Африки. Появление и деятельность жестокой радикальной группировки «Боко Харам» произошло в Нигерии на изломе XX и XXI вв. В стране к этому времени уже несколько десятилетий зрели острейшие противоречия и недовольство многих этнических групп, что было связано с неравноправным распределением доходов от продажи нефти. Эти доходы распределяли представители транснациональных корпораций и коррумпированные правительственные круги. В стране еще до появления радикальной группировки возникали региональные молодежные объединения, вспыхивали массовые протесты, даже с применением силы, что объяснялось необходимостью «противостоять сговору крупных этнических групп с нефтедобывающими компаниями»⁶⁷. Группировка «Боко Харам», возникшая сначала как протестное объединение мусульманской молодежи, созрела, определила свою идеологию (создание исламского государства на основе шариата, отказ от западных ценностей и вестернизации) и со временем присягнула «Исламскому государству» (ИГ). В Нигерии и сегодня существует недовольство продолжающимся неравенством в распределении доходов от продажи нефти, особенно на севере и северо-востоке страны, в самых бедных штатах. Существуют протестные молодежные группы, особенно в этнических меньшинствах, способных поставлять рекрутов для «Боко Харам».

Вторым направлением в многообразной деятельности по дерадикализации салафитского исламизма является широкая и многоаспектная гуманитарная помощь населению, подвергшемуся и регулярно подвергающемуся нападению радикальных исламистов. Примером по-прежнему является Нигерия, где действует, очевидно, самая жестокая террористическая группировка «Боко Харам». Эта гуманитарная помощь включает и материальную помощь беднякам, и пропагандистскую работу, направленную на то, чтобы выявить и провести работу с потенциальными рекрутами «Боко Харам». Измученные постоянной опасностью люди и жертвы нападений от отчаяния готовы обратиться к террористам и встать в их ряды.

Предлагаемые программы дерадикализации чаще всего не работают в этих сложнейших условиях. Внушает надежды ширящееся дви-

жение волонтеров в Нигерии, а также в странах, где действует «Боко Харам» и другие радикалы, например, в Камеруне. Волонтерское движение возникает вместе с деятельностью международных гуманитарных организаций или как инициативы снизу.

Так, в Нигерии широкую деятельность развернул Международный комитет Красного Креста, основав Нигерийское сообщество Красного Креста со штаб-квартирой в Абудже. В сообществе работают 300 постоянных сотрудников и 500 000 волонтеров. Волонтерские отделения Красного Креста возникли в разных районах страны. Деятельность как центрального сообщества, так и его волонтерских отделений многообразна. Прежде всего, оказывается помощь жертвам террора и насилия: врачебная, психологическая, гуманитарная. Организуются лагеря для внутренне перемещенных лиц – жителей сожженных деревень, освобожденных заложников, беженцев из районов повышенного риска. Волонтеры – молодежь из различных этнических групп, мусульмане и христиане – работают вместе и оказывают помощь всем, кто в ней нуждается. Волонтеры Красного Креста участвуют в тушении пожаров в деревнях, переживших нападения боевиков, оказывают помощь раненым, детям, оставшимся без родителей. Отделения Красного Креста оказывают также материальную помощь бедным общинам, христианским и мусульманским. Финансовые средства, продовольствие, одежду, лекарства выделяют как Международный Красный Крест, так и спонсоры из богатых южных штатов Нигерии⁶⁸.

Боевики «Боко Харам» в последнее время относятся к суфиям как к своим врагам и не делают различия между христианами и мусульманами, в большинстве практикующими суфийский ислам, маркируемый радикальными исламистами как «неверный».

Кроме объединений по линии Красного Креста, в Нигерии действует множество других самоорганизованных объединений, работающих в сфере охраны и защиты населения. В Нигерии более 2 млн человек пострадали от внутреннего переселения после нападения боевиков. 80% лагерей для внутренне перемещенных лиц являются самоорганизованными, их принимают различные общины, и только 20% организованы государством и частными лицами. Помощь общинам оказывают волонтеры, организуя сбор средств путем обращения к международным организациям и к нефтедобывающим компаниям.

Огромная работа ведется общественными организациями по охране жизни населения от нападений боевиков «Боко Харам». Надо отметить деятельность негосударственной организации «Гражданская со-

вместная целевая группа», сформированной из добровольцев в городе Майдугури для защиты от боевиков. Подразделения группы охраняют лагерь внутренне перемещенных лиц, дежурят на контрольно-пропускных пунктах, выявляют подозрительных лиц – скрытых боевиков или сочувствующих им. С сочувствующими проводят беседы, вовлекают их в волонтерскую деятельность. В этих организациях активно участвуют женщины. Женщины действуют также в рамках «Федерации ассоциаций женщин-мусульманок».

Интересная гуманитарная инициатива осуществлена на севере Камеруна, в области действия террористов «Боко Харам». Этот регион Камеруна, запуганный террористами и истощенный голодом в связи со стихийными бедствиями и нападениями боевиков «Боко Харам», нуждался для выживания хотя бы в минимальной поддержке. Поддержка пришла со стороны католической церкви. Отец Данило Фенароме основал и возглавил центр «Вифлеем» в деревне Моуда в Северном Камеруне. Сегодня это крупная организация, где работают христиане и мусульмане – врачи, медсестры, учителя, психологи и другие специалисты, мужчины и женщины. Центр принимает раненых, пострадавших от нападений боевиков, людей, лишенных крова, детей, потерявших родителей, а также инвалидов, детей с дефектами слуха и речи, аутистов. Всем оказывают медицинскую помощь, психологическую поддержку, дают кров и еду. Лечение проводится как в стационаре на 200 мест, так и амбулаторно для проходящих на прием из окрестных деревень.

При центре работают годовичные курсы для обучения профессиям плотников, строителей, красильщиков, швей и др. На курсах обучается молодежь – юноши и девушки, как христиане, так и мусульмане, без различия вероисповедания, пола и этнической принадлежности. На курсах проводится и воспитательно-разъяснительная работа, прежде всего об опасности радикализма, о равенстве всех людей и о необходимости взаимопомощи.

Организация не могла бы так активно действовать без помощи добровольных помощников в окрестных районах. Деятельностью «Вифлеема» заинтересовались имамы во многих деревнях Северного Камеруна. Состоялась их встреча с работниками «Вифлеема» и знакомство с его работой. Имамы были впечатлены и высказали желание создать подобные группы при мечетях. В некоторых из них уже созданы такие группы при поддержке мусульман и христиан, проживающих в одной деревне. Они организуют многообразную помощь населению, напри-

мер, еженедельную раздачу продуктов бедным семьям, а также пострадавшим от нападений, дают приют семьям, оказавшимся без крова после сожжения деревень террористами «Боко Харам». Характерно, что группы, организованные имамами, при оказании помощи также не различают людей по их вероисповеданию. Центр «Вифлеем» связан с камерунской ассоциацией «Агадира», ее национальное отделение расширяет свою деятельность в округе Мароуа, где действует «Вифлеем». Обе организации сотрудничают в области обучения молодых людей принципам мирного сосуществования и стремления к строительству сплоченных братских общин⁶⁹.

Третье направление – это пропагандистско-разъяснительная работа как с потенциальными рекрутами радикальных группировок, сочувствующими им, так и с бывшими и настоящими членами радикальных группировок. Эта работа – самая сложная и, судя по имеющимся материалам, недостаточно развитая. Если работа с сочувствующими радикализму людьми и с потенциальными рекрутами радикальных группировок является частью рассмотренных двух направлений, и в ряде случаев весьма активной, то работа с членами этих группировок явно недостаточна.

Однако эта работа совершенно необходима, тем более потому, что вербовщики радикального исламизма ведут очень активную работу по привлечению сторонников и участников своих действий, о чем уже упоминалось в предыдущем разделе. Поучительный урок пропаганды радикализма дает ИГИЛ. Деятельность этой организации в информационном пространстве блестяще проанализировал ученый из Санкт-Петербурга К.А. Панцеров⁷⁰.

Радикальные группировки в Африке также используют информационное пространство, интернет. Известно, например, что лидеры «Боко Харам» используют видеообращения к населению Нигерии, активно пользуются социальными сетями.

Можно было бы предложить проекты с выступлениями теологов, особенно мусульманских, так как радикальные исламисты не признают, например, суфийский вариант ислама, считая его «неправильным».

Среди множества программ, опубликованных на Западе, составленных, прежде всего, для мигрантов-мусульман, проживающих в Европе и США, привлекает внимание программа, представленная Религиозным обществом Друзей (квакерами)⁷¹. В этой программе одним из пунктов является «обучение проконфликтному поведению...». Такая

постановка вопроса созвучна менталитету африканцев с их традицией, в которой принято не замалчивать зреющие или существующие конфликты, не гасить и приглушать их, а выносить на общее обсуждение. В книге камерунского философа Жана Годфруа Бидимы «Палабра» говорится о палабре-диалоге, то есть общем собрании общины, где подробно обсуждается конфликт и пути его решения⁷².

Подобные обсуждения конфликтов, дискуссии о них, организованные по радио, телевидению, а особенно в соцсетях, в которых могли бы принять участие молодые люди, сочувствующие радикальным группировкам, а возможно, и члены этих группировок, были бы полезны.

2.3. Опыт дерадикализации исламистов в Египте и Марокко

Введение

Египет является одной из 15 самых густонаселенных стран мира: по состоянию на май 2022 г. официальная численность населения составляла 103 млн человек⁷³. Комментируя символическую отметку в 100 млн человек, египетские власти назвали рост населения самой большой проблемой государства, к которой следует подходить как к «вопросу национальной безопасности»⁷⁴. Расчетный годовой прирост населения равен 2,28%, и этот показатель остается стабильным с 1990-х гг. В 2022 г. почти каждый третий египтянин (32,7%) был моложе 15 лет, а более половины (51,63%) – моложе 25 лет⁷⁵.

В июле 2019 г. в официальном отчете Центрального агентства по общественной мобилизации и статистики Египта утверждалось, что в 2018 г. 32,5% египтян жили за чертой бедности (определяемой как живущие менее чем на \$1,45 в день), по сравнению с 27,8% в 2015 г. и 16,7% в 2000 г.⁷⁶

В официальных статистических отчетах практически все население страны обозначено как «египтяне», так как ни одна этническая группа официально не признана властями. Что касается религиозной принадлежности, то в стране зафиксировано всего три группы: мусульмане (сунниты), христиане и иудеи. В то же время актуальной информации об относительной и абсолютной численности этих групп, а также других групп, неформально присутствующих в стране (шииты, бахаи и др.), не существует. По неофициальным оценкам, христиане составляют от 5 до 10% населения Египта, но в некоторых районах вдоль доли-

ны Нила, к югу от Каира, их доля превышает половину местных жителей⁷⁷.

Что касается исторических, социально-экономических и политических факторов формирования исламской оппозиции в стране, как радикальной, так и умеренной, то они подробно описаны в работах многих отечественных и зарубежных ученых. Поскольку рамки данного исследования ограничены текущей ситуацией в Египте, анализ будет сосредоточен на периоде с революции 2011 г. по настоящее время.

Следует отметить, что в условиях почти полного запрета на свободу слова в риторике государства отсутствует разница между такими понятиями, как «радикализация», «экстремизм» и «терроризм». Под радикализацией в данном случае следует понимать идеологическое и социальное явление, включающее потенциальную, но не исключительную, связь с религией и политическим насилием. Терроризм в данном контексте следует понимать как достижение насильственным путем политических, идеологических, экономических и религиозных целей.

Начиная с 2011 г., по наблюдению ряда исследователей, в Египте параллельно развивались две тенденции⁷⁸.

Первую можно назвать усилением процессов радикализации несогласных с существующим режимом. В годы, предшествовавшие революции 2011 г., исламская оппозиция все больше и больше вовлекалась в политические процессы, уходя от радикальной стратегии. Даже «Аль-Гамаа аль-исламийя», участвовавшая ранее в террористической деятельности, подверглась формальным процессам дерадикализации, санкционированным и контролируемым государственными властями. После событий на площади Тахрир радикальная исламская оппозиция даже сформировала политические партии, которые формально признавали правила избирательной демократии. Однако события 2013 г. обратили вспять этот процесс, путем жестоких репрессий исламскую оппозицию убрали с политической арены, что привело к возобновлению террористической активности по всей стране. Синайский полуостров, где исторически централизованная власть была слабее местных общин, пострадал больше всего.

Вторую тенденцию западноевропейские исследователи называют диверсификацией. Если раньше в Египте речь шла об одной-двух группировках, устраивающих террористические атаки, то сейчас в стране действует несколько организаций, внутренние программы которых разительно отличаются друг от друга, несмотря на некоторые

общие идеологические черты. Таким образом, если бы египетское руководство озаботилось наличием дерадикализационных программ, ему пришлось бы рассматривать более широкий спектр инициатив, чтобы организовать работу с учетом их идеологии и наметить варианты решения политических претензий⁷⁹.

Все радикальные группировки, действующие в Египте, исследователи делят на три условных типа:

1. Организации Синайского полуострова, так или иначе связанные с ИГИЛ и пользующиеся активной поддержкой местных бедуинских общин. Эти группировки ведут постоянную войну против египетских сил безопасности. Например, группировка «Ансар Бейт аль-Макдис» действовала с 2011 г. по 2013 г. относительно самостоятельно. С 2013 г. она примкнула к ИГ и стала называться «Вилайат Сина» – «Провинция Синай». Именно эта организация могла быть причастна к печально известному крушению российского самолета А321 31 октября 2015 г.

2. Организации, действующие в Каире и Западной пустыне, связанные с «Аль-Каидой» и группировками, базирующимися в Ливии. К сожалению, мало что известно об их организационной структуре и идеологической повестке. К ним относятся «Ансар аш-Шариа», «Аль-Мурабитун», «Ансар аль-Ислам».

3. Организации, действующие в Каире, Гизе и Александрии, которые выросли из местной исламской оппозиции под давлением политических репрессий. Власти Египта утверждают, что эти группировки напрямую связаны с «Братьями-мусульманами» и «Аль-Гамаа аль-исламийя», однако достоверно это неизвестно, так же как и их организационная структура и идеологическая составляющая. К ним относятся «Бригады Хелуана», «Аджнад Мыср» и др. «Аджнад Мыср» заявляла, что мстит за убийство 500 с лишним гражданских лиц войсками Ас-Сиси 14 августа 2013 г., которое произошло во время разгона сидячего лагеря сторонников Мурси*.

4. Разобщенные гражданские лица, примкнувшие к ИГИЛ. К сожалению, данных об их количестве не существует в открытом доступе. Сведения в СМИ разнятся – от нескольких десятков до нескольких тысяч.

* По данным министерства здравоохранения Египта, было убито 595 гражданских лиц, не менее 3994 получили ранения. По данным «Хьюман Райтс Вотч», было убито не менее 904 человек. По данным «Братьев-мусульман», погибло 2600 человек.

Занимаясь исследованием данной проблематики, необходимо отметить, что в случае с Египтом существует определенная сложность с источниками, необходимыми для анализа программ дерадикализации. Дело в том, что всю информацию, связанную с внутренней безопасностью страны, исследователи могут получить только из официальных правительственных источников. Журналистам запрещено вести репортажи с Синайского полуострова, и независимое от правительства Египта освещение любых событий, связанных с терроризмом, в стране также запрещено.

Центр политических и стратегических исследований аль-Ахрама проводит в Египте исследовательскую работу, связанную с противодействием радикализации в стране. Несмотря на прямую связь Центра с государственными структурами, он сохраняет определенную независимость в своей деятельности и суждениях. Касательно концепций общественной безопасности по противодействию радикализации в стране, аналитики предлагают использовать жесткие силовые методы в таких регионах, как Синайский полуостров, и комплексный подход, основанный на сотрудничестве общества и государства, на остальной территории страны⁸⁰.

Еще одной организацией, проводящей условно независимые исследования, посвященные радикализации и дерадикализации, является Каирский международный центр по разрешению конфликтов, поддержанию и строительству мира. Центр напрямую связан с Министерством иностранных дел Египта, и его деятельность не имеет прямого влияния на внутреннюю политику Египта.

Безусловно, в стране существуют независимые, с точки зрения западных авторов, аналитические центры и университетские проекты, занимающиеся вопросами экстремизма, радикализации и дерадикализации. К ним можно отнести известный Тахирский Институт ближневосточной политики. Однако институт напрямую управляется из Вашингтона, следовательно, он независим только от официальных государственных структур Египта. Тем не менее его проекты и доклады по вопросам безопасности тщательно изучаются властями страны. Тахирский Институт регулярно рекомендует отказаться от применения репрессий и политики «коллективных наказаний» на Синайском полуострове, указывая на необходимость прозрачности работы органов безопасности. Он также призывает обеспечить профессиональное обучение и последующее трудоустройство молодого населения Северного Синая⁸¹.

Таким образом, отсутствие независимых данных, первичного материала и полевых исследований, опросов как заключенных по обвинению в терроризме, так и других исламских активистов являются основным препятствием для эффективного исследования на данную тематику.

Некоторое исключение из этой тенденции – отчет *Human Right First*, опубликованный и Каирским Институтом исследований прав человека (*Cairo Institute for Human Rights Studies*) «*Like a Fire in the Forest: ISIS Recruitment in Egypt's Prisons*», посвященный вербовке ИГИЛ в египетских тюрьмах. Он был опубликован в 2019 г. на основе интервью с несколькими египетскими заключенными. Специалистами организации был сделан не удивляющий своей новизной вывод о том, что условия содержания в тюрьмах Египта способствуют вербовке в ИГИЛ, а также что радикализации в египетских тюрьмах способствует применение пыток и других форм жестокого обращения с заключенными⁸².

Говоря о стратегиях и практиках дерадикализации в Египте, следует отметить, что власти страны не дают четкого ответа на вопрос, что они считают насильственным экстремизмом и радикализацией. Попытка была сделана в отчете Центра политических и стратегических исследований Аль-Ахрам в 2019 г., где авторы попытались провести различие между терроризмом и радикализацией. Радикализация была определена как многоплатформенный процесс, возникающий под влиянием различных факторов, создающих тенденцию к насилию как в психологическом, так и в оперативном плане. Создавшиеся условия позже порождают терроризм, но причины и основания возникновения терроризма и радикализации различны. Радикализация – это процесс, направленный на изменение менталитета в сторону принятия насильственных форм действий, тогда как терроризм, прежде всего, связан с наличием логистических и организационных возможностей⁸³.

В то время как некоторые другие страны, например, Саудовская Аравия или Марокко, используя опыт мирового сообщества, разработали свои собственные национальные программы по противодействию распространению насильственного экстремизма, власти Египта опираются на:

- репрессивные контртеррористические меры и усиление армии и полиции;
- широкое толкование антитеррористического законодательства;
- передачу контроля над религиозными дискурсами в стране исламским религиозным авторитетам, подконтрольным правительству⁸⁴.

Современная официальная стратегия Египта по вопросам дерадикализации заключается в крупномасштабных военных операциях против ИГИЛ на Северном Синае и подавлении силами безопасности «Братьев-мусульман». Все это достаточно сильно отличается от стратегий конца 1990-х гг., когда совместно с лидерами «Аль-Гамаа аль-исламийя» власти активно способствовали процессу массовой дерадикализации членов организации.

Как известно, в 1997 г. «Аль-Гамаа аль-исламийя», крупнейшая египетская радикальная организация, неожиданно для многих изменила свой политический курс и начала процесс коллективной дерадикализации. Поначалу скептически настроенные египетские власти вскоре решили активно способствовать этому процессу и стали смягчать меры в отношении членов организации, уже находящихся в тюрьме. Были разрешены посещения заключенных и организованы «тюремные туры» для бывших лидеров организации, которые решили распространить свои вновь обретенные умеренные идеологические взгляды среди остальных участников группировки.

Вслед за этим, начиная с 2007 г., вторая по величине радикальная группировка в стране «Аль-Джихад» также провела ряд собраний и лекций для рядового состава организации. Процесс дерадикализации «Аль-Джихада» возглавил бывший глава группы Сайид Имам аль-Шариф, написавший книгу «Рационализация джихада в Египте и мире», рассказывающую об изменении идеологии движения⁸⁵.

Что касается государственной политики, то она в первую очередь была направлена на финансовую поддержку проправительственных имамов и введение их в состав руководства радикальных организаций, которое бы затем контролировало своих последователей.

Из процессов дерадикализации, описанных выше, и политики противодействия радикализации, развернутой в то время Египтом, можно сделать вывод, что интернационализация всегда является самым опасным развитием джихада. Транснациональный проект исключает всякую возможность дерадикализации, при которой группировка может эффективно вести переговоры с государством. Основными и непосредственными целями египетских группировок были локальные цели. В первую очередь группы были озабочены свержением т.н. «отступнических» режимов Анвара ас-Садата и Хосни Мубарака, что и позволило впоследствии провести локальную, касающуюся только Египта дерадикализацию.

Подразделения «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихада», которые не удалось подвергнуть дерадикализации, впоследствии присое-

динились к «Аль-Каиде». Это произошло после того, как Айман аз-Завахири перешел от ближнего к дальнему врагу, перестал утверждать, что «дорога в Иерусалим проходит через Каир», и сосредоточился на глобальном джихаде.

Также следует отметить демонстрационный эффект, который может возникнуть между двумя крупными радикальными организациями. По утверждению некоторых исследователей, «Аль-Джихад» вступил в фазу дерадикализации во многом благодаря примеру «Аль-Гамаа аль-исламийя»⁸⁶.

Какова же была роль государства в процессе идеологической и организационной дерадикализации двух самых крупных экстремистских группировок в Египте? О том, что дерадикализация состоялась, говорит тот факт, что ни одна из группировок с тех пор больше не участвовала в терактах и не предпринимала иных насильственных действий. Террористические атаки других группировок представители «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихада» открыто осуждали.

Власти Египта утверждают, что у государства была целевая программа. Между тем многие исследователи, как и сами представители данных организаций, уверены в том, что курс на дерадикализацию был инициирован изнутри, а государство просто на это отреагировало. Однако если вопрос о том, кто запустил дерадикализацию, остается открытым, то роль государства в успешности этого процесса бесспорна. Основное внимание властей было практически полностью сосредоточено на поддержке осужденных участников группировок, а также некоторых членов их семей. Были приостановлены казни по приговорам военных судов, пытки, отменено одиночное заключение, и в целом уровень жестокости в обращении с осужденными со стороны тюремщиков снизился.

Все, кто не представлял значительной угрозы, были освобождены. Для остальных улучшили условия содержания, разрешили посещения родственниками, стали практиковать перевод в места заключения, находящиеся недалеко от родной деревни или города задержанного. Помимо этого, заключенным предлагали посещать образовательные курсы и поощряли их в этом, предоставляли доступ к газетам и телевидению.

Важнейшей частью государственной информационной работы в тюрьмах стало сотрудничество с лидерами и руководителями «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихада» – им предложили активно проповедовать идею умеренной политической борьбы и предать гласно-

сти изменения в своих взглядах. Делать это предлагалось посредством «туров» по тюрьмам и интервью на телевидении и радио. Все описанные выше меры, безусловно, способствовали дерадикализации участников группировок.

Помимо того, что лидеры организаций были едины в своем призыве к прекращению огня, государственная поддержка процессов дерадикализации начала активно обсуждаться в СМИ и обществе в целом. В 1993 г. правительством Египта был создан специальный комитет по борьбе с экстремизмом, который состоял из чиновников и ученых Университета Аль-Азхара. СМИ тогда расценили эту попытку диалога как уступку государства террористам и подвергли жесткой критике работу комитета, а участники радикальных группировок не верили имамам Аль-Азхара, сочувствующим государству.

Таким образом, пример Египта демонстрирует основные меры, которые можно принять для облегчения идеологической переориентации экстремистских групп. И если деятельность египетских властей в тюрьмах была достаточной, то за пределами мест заключения какие-либо мероприятия по дерадикализации практически не проводились. Например, власти не поощряли выпуск и распространение религиозной и иной литературы по борьбе с экстремизмом и делегитимизации терроризма и насилия. Помимо этого, не было создано никаких специальных программ реабилитации освобожденных заключенных⁸⁷.

Несмотря на успешный опыт в прошлом, когда в местах заключения происходила идеологическая переориентация экстремистских группировок, в настоящее время правительство Египта снова сосредоточено на репрессивных мерах, в очередной раз превратив египетские тюрьмы в очаги радикализации и распространения теперь уже идеологии ИГИЛ.

Как было сказано ранее, в Египте нет общепринятого определения насильственного экстремизма и радикализации. В официальных заявлениях «экстремизм» и «радикализм» в качестве социального и идеологического явления, а также «терроризм» в качестве разновидности политического насилия обычно упоминаются вместе, как часть одной и той же угрозы и проблемы, с которой сталкивается Египет, без четкого различия между этими двумя понятиями⁸⁸.

«Отсутствие четкого разграничения между этими понятиями усугубляется широким и всеобъемлющим определением терроризма, включенным в статью 2 египетского «Закона о борьбе с терроризмом» № 94/20153. В соответствии с этим законом слишком широкий круг

субъектов при отстаивании своих конституционных прав, включая профсоюзы, может быть подвергнут судебному преследованию»⁸⁹.

Согласно закону, террористический акт означает:

– любое применение силы, насилия, угроз или запугивания внутри страны или за рубежом с целью нарушения общественного порядка или создания угрозы интересам или безопасности общества;

– причинение вреда отдельным лицам и терроризирование их, ставящее под угрозу их жизнь, свободы, публичные или личные права или безопасность либо иные свободы и права, гарантированные Конституцией и законом;

– нанесение ущерба национальному единству, общественному миру или национальной безопасности либо нанесение ущерба окружающей среде, природным ресурсам, древностям, финансам, зданиям, государственной или частной собственности, занятие или захват их;

– препятствование работе государственных органов, агентств или судебных органов, правительственных учреждений или местных органов управления, молитвенных домов, больниц, институтов, дипломатических и консульских представительств или региональных и международных организаций в Египте, не позволяющее им выполнять свои функции, препятствование исполнению любых положений Конституции, законов или постановлений.

Террористический акт также означает любое действие, совершенное с намерением достичь одной из целей, указанных выше, если оно как таковое направлено на причинение вреда средствам связи, информации, финансовым или банковским структурам, народному хозяйству, энергетической инфраструктуре, системам обеспечения запасами товаров, продовольствия и воды или их сохранности, сфере оказания медицинских услуг при стихийных бедствиях и кризисах⁹⁰.

Таким образом, стратегии дерадикализации и программы противодействия экстремизму рассматриваются в Египте как вопросы национальной безопасности, в сферу которых гражданское общество традиционно не допускается либо его участие крайне ограничено. До сих пор в Египте не удалось выявить какую-либо гражданскую инициативу в области дерадикализации. Исключением может быть лишь Каирский международный центр по разрешению конфликтов, поддержке и строительству мира*, который работает в тесном сотрудничестве

* Cairo International Center For Conflict Resolution. Website: <https://www.cccpa-eg.org/home>

ве с Министерством иностранных дел Египта по программам дерадикализации и предотвращения экстремизма, а также «разоружения, демобилизации и реинтеграции» – *Disarmament, Demobilization and Reintegration (DDR)*. Все инициативы Центра, созданного для проведения миротворческих операций в Африке и на Ближнем Востоке, ориентированы на другие африканские страны, хотя косвенно они могут оказывать то или иное влияние на боевые группировки внутри Египта.

Наряду с репрессивными мерами, о которых говорилось ранее, в основе египетской стратегии дерадикализации и противодействию экстремизму также лежит религиозный дискурс, к обновлению которого неоднократно призывал президент Абдель Фаттах ас-Сиси. Обновлением дискурса занимаются Министерство вакуфов (Министерство религиозных пожертвований), Аль-Азхар и Дар аль-Ифта аль Мысрийя (исламский консультативный и судебный орган, выносящий фетвы). Главным участником этого процесса, естественно, является Министерство вакуфов, которое имеет право:

- контролировать все мечети и иные культовые сооружения,
- устанавливать единый и обязательный сценарий пятничных проповедей по всей стране,
- одобрять заявки на разрешение проповедовать (такие заявки могут подавать только выпускники Аль-Азхара).

Вместе с тем инициативы Министерства вакуфов в основном сосредоточены на политическом и идеологическом контроле религиозного дискурса, а не на его обновлении. Об этом свидетельствует также тот факт, что ни Аль-Азхар, ни Министерство вакуфов так и не предложили четкой концепции обновления.

Иные стратегии и программы дерадикализации, проводимые египетскими гражданскими и религиозными властями, обнаружены не были. И. Ибрагим, сотрудник Института ближневосточной политики Тахрир, справедливо полагает, что процесс обновления религиозного дискурса был подорван на институциональном уровне дублированием функций государственных организаций и, как следствие, конфликтом полномочий. Помимо этого, в рамках борьбы с радикализацией населения Аль-Азхар продвигает «консервативный закон о личном статусе, ограничивающий права женщин и укрепляющий патриархальные нормы»⁹¹.

Таким образом, на территории Египта, который является одной из ключевых стран арабского мира, действует несколько воинствующих группировок. Тем не менее подход государственных органов к поли-

тике противодействия насильственному экстремизму и программам дерадикализации связан в основном с вопросами безопасности и носит скорее военный характер – власти заняты отслеживанием и арестом лиц, причастных к тому, что считается насильственным экстремизмом, согласно широкой трактовке закона о борьбе с терроризмом.

Что касается религиозно-идеологических инициатив, связанных с обновлением религиозного дискурса в среде египетских мусульман, то они реализуются в политической и социальной среде, где за их эффективность государственные и религиозные власти ответственности не несут и не ориентированы на результат. Но даже в случае успешной реализации этих инициатив, будучи навязанными обществу сверху, они не способны решить социально-экономические и политические проблемы, приводящие к идеологической и религиозной радикализации.

В этой связи интересно рассмотреть опыт Марокко, правительство которого после терактов в 2003 г. разработало государственную стратегию дерадикализации и противодействия терроризму. В отличие от египетского подхода, важная роль во внутренней политике Марокко была отведена решению политических, экономических, социальных и религиозных проблем общества. Стратегический курс на дерадикализацию населения сочетал в себе вопросы улучшения социально-экономических условий в стране, определенные религиозные реформы, пропаганду умеренного ислама и ряд антитеррористических мероприятий. Финансовые и материально-технические возможности в стране были достаточно ограничены, однако политика дерадикализации достигла своей цели: с апреля 2011 г. в Марокко не было террористических атак. Именно поэтому эксперты по борьбе с терроризмом часто выделяют Марокко как государство, применившее успешный подход в борьбе с терроризмом⁹². Многомерная стратегия этого государства включает превентивные, проактивные и ответные меры в борьбе с экстремизмом. Цель стратегии – оказать воздействие на наиболее подверженную влиянию террористов и маргинализованную часть марокканского общества.

Три наиболее важных компонента политики государства в области дерадикализации и предотвращения распространения экстремизма описал в своих исследованиях доктор М. Резрази, директор Африканского центра азиатских исследований в Рабате:

1. Традиционные силовые методы, вплоть до ликвидации террористических ячеек.

2. Религиозные реформы, способствующие дерадикализации общества.

3. Реабилитация осужденных и их реинтеграция в общество.

Дерадикализация рассматривается в Марокко как трехуровневый процесс: она выявляет противоречия в экстремистской идеологии и структурирует религиозную доктрину, подразумевает отказ от экстремистского мышления и удаление соответствующего контента из учебных программ, мест собрания верующих и средств массовой информации. Для религиозных деятелей разработан специальный курс обучения по противостоянию экстремистской идеологии в различных духовных, социальных и виртуальных пространствах.

Выстраивание когнитивно-эмоциональных связей с заключенными, осужденными за экстремистскую деятельность, с целью их реинтеграции в общество, является третьим компонентом марроканской стратегии дерадикализации. Таким образом, основные составляющие программы можно охарактеризовать так: разоружение, дерадикализация (и демобилизация) и реинтеграция⁹³. В рамках данного исследования представляется целесообразным рассмотреть их более подробно.

Разоружение

Даже если бы удалось уничтожить ИГИЛ, терроризм все равно останется актуальной международной проблемой, так как доктрина Исламского государства сохранится, несмотря на потерю определенной территории. Боевики, возвращающиеся из горячих точек, традиционно представляли и продолжают представлять угрозу для многих стран, в т.ч. для Марокко. Власти страны для предотвращения этих угроз работают по шести направлениям.

1. Усиление мер безопасности

Здесь в первую очередь речь идет о создании специальной службы безопасности «Хадар», которая объединяет представителей Королевских вооруженных сил, Королевской жандармерии, полиции и вспомогательных войск. Цель «Хадара» – предупреждение атак на инфраструктуру Марокко: стадионы, торговые центры и учебные заведения. Помимо этого, власти усилили пограничный контроль и военное присутствие в Западной Сахаре.

2. Разведывательная деятельность

Отличительной чертой тактики Марокко в сборе разведанных является то, что в стране в полной мере используются не столько техно-

логии, сколько людские ресурсы. Разветвленная сеть информаторов помогает властям вовремя предвидеть атаки, ликвидировать террористические ячейки и бороться с радикализацией без финансирования технологического оснащения служб безопасности. По данным Министерства внутренних дел, в период с 2002 по 2015 г. марокканские службы безопасности устранили 132 террористические сети. За тот же период власти раскрыли 276 террористических заговоров и арестовали 2720 предполагаемых террористов. Хотя эти достижения впечатляют, необходимость изменений марокканской службы разведки в соответствии с тенденциями технологического прогресса очевидна.

3. Противодействие финансированию террористов

Как известно, террористы ведут деятельность при содействии скрытых структур, используя недостатки легальной финансовой системы. В 2007 г. правительство Марокко приняло закон о борьбе с отмыванием денег, предназначенных для финансирования террористов.

В стране был создан специальный отдел по борьбе с отмыванием незаконных доходов, который помогает получать материалы о характерных способах и методах отмывания денег и дальнейшего финансирования терроризма. Отдел обработки финансовой информации Марокко ведет работу с данными о несанкционированной и полуправильной финансовой деятельности внутри страны. Он получает запросы от международных организаций о замораживании активов лиц, связанных с террористическими преступлениями. В 2013 г. правительство Марокко внесло поправки в закон о борьбе с отмыванием денег, включив в него положения, регламентирующие препятствование финансированию терроризма за пределами Марокко.

4. Противодействие кибертерроризму

Одно из стратегических достижений властей Марокко – создание в стране ряда государственных органов по защите важнейших объектов инфраструктуры от киберугроз. В результате крупного совместного проекта в стране начали функционировать нескольких министерских департаментов:

- Главное управление по безопасности информационных систем – структура под управлением сил национальной безопасности.
- Стратегический комитет по безопасности информационных систем – структура при государственном департаменте сил национальной безопасности. В его задачи входит формирование стратегической политики в области систем информационной безопасности Марокко в

целях обеспечения сохранности и неприкосновенности важнейших объектов инфраструктуры страны⁹⁴.

5. Укрепление правовой базы

В соответствии с резолюциями 1368 и 1373 Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом в Марокко был принят ряд законов о противодействии терроризму. Правительство страны 14 октября 2001 г. ратифицировало Арабскую конвенцию по борьбе с терроризмом, принятую Лигой арабских государств 22 апреля 1998 г. 13 ноября 2001 г. власти Марокко ратифицировали четыре международных договора, и после нападений в 2003 г. парламент одобрил два законопроекта: один – посвященный борьбе с терроризмом, второй – регулирующий въезд иностранцев в Марокко. Затем в 2015 г. Палата депутатов Марокко одобрила проект закона № 86.14, вносящий поправки в закон о борьбе с терроризмом и предусматривающий уголовную ответственность за вступление в террористическую организацию. В законопроекте расширено толкование понятия «террористический акт», а также увеличены полномочия национальных судов по преследованию за террористические преступления, совершенные на территории Марокко и за его пределами.

Несмотря на либеральную внутреннюю политику правительства, в стране в 2011 г. происходили волнения, ставшие слабыми отголосками «арабской весны». Волнения закончились референдумом 1 июля 2011 г. и последующим принятием новой Конституции. В статье 20 право на жизнь определено как «первое право каждого человека». А статья 21 детализирует право «на личную неприкосновенность, неприкосновенность семьи человека и защиту его собственности», а также обязанность властей обеспечивать «безопасность населения и территории страны». Конституция запрещает причинение физического или морального вреда, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение. Главный закон страны запрещает пытки, незаконное задержание или тайное содержание под стражей, похищение, презумпцию виновности, неправовые судебные решения и другие принудительные меры воздействия на человека⁹⁵.

6. Централизация системы управления безопасностью

После принятия законопроекта о борьбе с терроризмом парламент проголосовал за осуществление конкретных шагов по криминализации пыток, последовательно выдерживая гуманитарный курс в противодействии терроризму. Было назначено проведение судебных и дисциплинарных расследований в отношении нарушителей.

Беспрецедентное увеличение числа боевиков, стремящихся присоединиться к ИГИЛ или другим террористическим группировкам, послужило причиной для принятия последних поправок к закону о борьбе с терроризмом 2015 г.

Было учреждено Центральное бюро судебных расследований (ЦБСР), которое является координационной структурой между службой разведки и правоохранительными органами. ЦБСР помогает сотрудникам службы безопасности отслеживать и контролировать террористические ячейки и защищать общественные места от потенциальных нападений. Координационная группа способствует объединению агентурных данных с информацией, полученной с помощью технологических и электронных средств наблюдения. Затем собранный материал используется соответствующими органами для разработки плана действий против террористических ячеек⁹⁶.

Дерадикализация

1. Борьба с причинами бедности

В 2005 г. власти Марокко приступили к осуществлению национальной политики в области борьбы с бедностью и социальной изоляцией неимущих слоев населения, направленной на то, чтобы обеспечить молодежи из маргинализированных районов приемлемый уровень жизни. Согласно докладу, опубликованному Всемирным банком в 2015 г., с момента запуска «национальной инициативы развития человеческого потенциала» предоставляемыми ею возможностями воспользовались примерно 4,6 млн марокканцев.

В рамках национальной политики по всей стране было запущено беспрецедентное количество проектов, направленных на создание рабочих мест и установление экономического и социального баланса между различными районами королевства. Марокканские власти инвестировали значительные средства в инфраструктуру и социальную сферу с целью борьбы с нищетой и сокращения регионального неравенства. Согласно исследованию, опубликованному Ближневосточным центром Карнеги в 2010 г., за 2000–2010 гг. получилось вывести из нищеты 1,7 млн марокканцев. Это же исследование показывает, что уровень бедности в стране за тот же период снизился более чем на 40%⁹⁷.

2. Контроль над религиозными убеждениями

Восстановление контроля над религиозными институтами является важным шагом в борьбе с насильственным экстремизмом. Для дости-

жения этой цели правительство внесло ряд изменений в деятельности религиозных организаций:

- видоизменены функции Министерства по делам религии;
- усилена роль Высшего Совета улемов и его региональных отделений;
- общественный фонд, известный под названием «Рабита Мухаммедия улемов», наделен правом вырабатывать стратегию борьбы с экстремизмом;
- усовершенствованы средства коммуникации и каналы, часто используемые для охвата наиболее подверженных влиянию террористов групп населения, особенно молодежи.

Все вышеназванные реформы проводились под лозунгом обеспечения лучшего понимания марокканцами исламских ценностей и религиозных традиций, основанных на принципах умеренности и терпимости.

В октябре 2004 г. правительство учредило телеканал «Мухаммед VI» и радиостанцию «Мухаммед VI». Также была запущена крупномасштабная программа по превращению мечетей в места для борьбы с неграмотностью и преподавания умеренного ислама на основе маликитского мазхаба. Летом 2014 г. начала действовать государственная программа поддержки мечетей в противодействии экстремизму, в рамках которой в Марокко и соседних странах проводится обучение имамов специальной риторике, помогающей им противостоять экстремистской идеологии.

Частью стратегии стало создание в 2015 г. Института по подготовке имамов им. Мухаммеда VI и Фонда африканских улемов им. Мухаммеда VI. С момента их появления несколько европейских и африканских стран, таких как Мали, Сенегал, Нигерия, Гвинея, Кения, Ливия, Тунис, Испания, Франция и Бельгия, обратились за помощью по вопросам обучения имамов. Кроме того, марокканские власти начали повышать значимость Университета Аль-Каравийин в Фесе в целях внедрения в образование понятий веротерпимости и умеренности в исламе. «Рабита Мухаммедия улемов» также инициировала собственные образовательные программы. Роль этого фонда в контроле над умеренностью религиозных взглядов сложно переоценить.

Заявленная на сайте организации (*Arrabita.ma* 2020) миссия преследует такие цели:

- пропагандировать предписания шариата, придерживаясь принципов золотой середины и умеренности;

– способствовать оживлению научной и культурной жизни в области исламоведения путем укрепления сотрудничества и партнерских связей с университетами и другими научными учреждениями, преследующими те же цели.

Реализуя свою миссию, организация:

– проводит лекции и семинары, учебные дни и другие научные мероприятия;

– ведет исследования в различных областях исламских наук;

– работает над продвижением и развитием научных изысканий в области сравнительных доктринальных исследований, уделяя особое внимание маликитской доктрине и популяризируя ее наследие;

– участвует в разработке образовательных программ и учебных планов в различных секторах образования и профессиональной подготовки;

– способствует оживлению социальной и благотворительной деятельности.

Следует отметить, что проведение религиозных реформ было начато еще в 1980 г. Хасаном II. Мухаммед VI подхватил эстафету, постоянно и последовательно продвигая идеи веротерпимости в исламе и используя активную работу в сфере образования.

Реабилитация и реинтеграция

Феномен вербовки потенциальных террористов в тюрьмах обуславливает необходимость борьбы с насильственным экстремизмом в местах заключения. По всему миру применяют различные подходы в противодействии тюремной радикализации. В одних странах экстремистов, совершивших насильственные действия, помещают вместе с остальными осужденными на основании общего законодательства, а в других изолируют от прочих заключенных. Однако обе стратегии не могут решить проблему тюремной радикализации.

Борьба с насильственным экстремизмом в местах заключения требует ликвидации каналов связи осужденных с террористическими группировками за пределами тюрем. Оказавшийся под стражей «экстремист, совершивший насильственные действия», отличается от «лица, осужденного за преступление насильственного характера», тем, что первый оправдывает насилие религией. Чтобы остановить экстремистов, совершающих насильственные действия, необходимо наладить с ними диалог, и тюрьмы играют в этом вопросе важную роль.

На текущий момент, как было сказано ранее, тюрьмы во многих арабских странах объединяют осужденных и тем самым становятся местами вербовки новых последователей экстремистов.

Кроме того, по-прежнему важно учитывать ту роль, которую тюрьмы играют в концепции радикальных и воинствующих движений. Египетские исламисты, немецкие марксисты и ирландские республиканцы использовали заключение под стражу и негативное отношение к членам своих движений для их сплочения.

Тюрьмы и в Египте, и в Марокко способствуют тому, чтобы заключенные узнавали о новых верованиях и идеологиях, включая радикальные концепции. Столкнувшись с экзистенциальными вопросами и лишённые социальных сетей и других источников информации, осужденные становятся уязвимыми для вербовки и последующей радикализации.

Ученые уже не один год анализируют социально-психологические особенности джихадистов с целью выработки если не единого образа, то выявления по ряду параметров тех, кто уязвим для экстремистской идеологии, кого террористы выбирают для вербовки. Изучается и то, как происходит сам этот процесс. Для понимания закономерностей культурно-психологического портрета следует принять во внимание большое количество факторов: образовательные, социальные, профессиональные и социально-экономические условия в стране, а также психологические особенности таких людей. Оценка уязвимости человека перед экстремистской идеологией проводится на основании пяти теорий:

- коллективного нарциссизма;
- социальной принадлежности (которая более важна, чем экономическая принадлежность);
- подавления, порождающего насилие;
- поддержки окружающей среды;
- культурно и субкультурно маргинализированных групп;
- а также теории о том, что экстремизм ассоциируется с бедностью.

В Марокко выделили три типа личностей, подверженных влиянию идеологов насильственного экстремизма. К ним относятся люди, которые:

- стремятся отомстить;
- предпочитают военные столкновения;
- проявляют суицидальное поведение.

Результаты исследования, проведенного в 2007–2014 гг. среди 150 марокканских джихадистов, показали, что 39% экстремистов стра-

дают от социальной неустроенности, 29% – от эмоциональных расстройств, 7% – от когнитивных расстройств. Таким образом, напрашивается вывод, что у экстремистов, склонных к насильственным действиям, нет психических заболеваний, однако они все же психологически уязвимы.

В тюрьмах Марокко содержатся 966 заключенных, 768 из которых связаны с ИГИЛ и другими сирийскими и иракскими джихадистскими организациями, тогда как только 198 связаны с салафитами (организация, близкая к «Аль-Каиде»). Согласно официальным источникам, 936 задержанных – взрослые и только 30 – несовершеннолетние. Марокканские программы реабилитации и реинтеграции осужденных включают контроль над религиозными убеждениями, психологическую помощь, обучение грамоте и профессиональное развитие. Результаты некоторых из этих программ за последние несколько лет показывают положительную динамику⁹⁸.

Власти Марокко выделяют существенные ресурсы на искоренение радикализации среди уязвимых для экстремистской идеологии заключенных. Пенитенциарная администрация Марокко сотрудничает с организацией «Рабита Мухаммедия улемов» для установления связи между религиозными лидерами и заключенными с целью вовлечения последних в религиозные беседы. Она также реализует программу реинтеграции осужденных, разработанную для их эффективного встраивания в общество после освобождения. Фонд Мухаммеда VI, созданный для этих целей, проводит работу с бывшими заключенными, представителями гражданского общества и религиозными лидерами.

Ключевым компонентом программы является экономическое и социальное обеспечение заключенных после их реинтеграции в общество. В рамках экспериментального проекта в Марокко созданы семь профессиональных центров для четырех тюрем, в которых 400 мужчин и 100 женщин проходят профессиональную подготовку – это поможет им найти работу после освобождения. Чтобы увеличить шансы на нормальную социализацию заключенных, «Рабита Мухаммедия улемов» создала программы наставнического обучения в тюрьмах Мекнеса, Сале, Агадира, Сафи, Кенитры и Феса. Обучающие семинары включают подготовку тюремного персонала, психологов, консультирующих по религиозным вопросам, и специалистов, занимающихся вопросами международного права по условиям содержания в тюрьмах⁹⁹.

После событий в Рифе в июле 2017 г. в Марокко в рамках тюремных программ были организованы центры дистанционного и дополни-

тельного профессионального обучения. Правительство стремится рационализировать управление местами заключения. Частью государственной стратегии на 2016–2020 гг. становится программа реинтеграции заключенных, направленная на улучшение условий содержания в тюрьмах. В широком комплексе реформ, проводимых королем Мухаммедом VI, внимание уделяется системе уголовного права в королевстве в целом. Помимо реинтеграции заключенных, стратегия направлена на гуманизацию условий содержания под стражей, обеспечение безопасности заключенных и модернизацию управления тюрьмами.

Помилование осужденных за террористическую деятельность тоже входит в практику реабилитации экстремистов в тюрьмах. Например, в 2018 г. король помиловал более 400 человек накануне 64-й годовщины дня революции в Марокко¹⁰⁰.

Программа «Мосалаха», созданная администрацией пенитенциарных учреждений, была разработана для заключенных, осужденных за насильственный экстремизм и террористическую деятельность (*Maroc.ma* 2019). Она нацелена на то, чтобы привести экстремистов к примирению с самими собой, с основами ислама, этикой и ценностями мирной жизни. Значительную роль в реализации программы играют «Рабита Мухаммедия улемов», Национальный совет по правам человека, Министерство юстиции, Министерство по делам хабусов и ислама, Генеральная прокуратура, Судебный департамент и профильные эксперты.

Программа «Мосалаха» включена в новую стратегию пенитенциарной системы, объявленную в марте 2017 г. Цель стратегии – пропаганда культуры терпимости, которая поможет в борьбе с насильственным экстремизмом в тюрьмах. Стратегия подразумевает индивидуальный подход к назначению наказаний и предусматривает только содержание под стражей. Пенитенциарная администрация поручила научно-исследовательскому комитету системы разработать действенную методику реализации программы.

Программа включает шесть составляющих:

1. Религиозные учения и семинары, направленные на вскрытие противоречий в экстремистской интерпретации религиозного текста.
2. Семинары по правам человека.
3. Правовые лектории.
4. Социальное наставничество и профессиональное обучение.
5. Свидетельские показания жертв терроризма, записанные на видео.

6. Дискуссионные группы¹⁰¹.

Марокко долгие годы расценивалось западными государствами как наиболее стабильная страна в Северной Африке. Несмотря на прокатившиеся волны протестов и террористических атак в начале века, страна удержала это звание. Правительство Мухаммеда VI смогло учесть мировые тенденции развития и осложняющие факторы в виде Исламского государства и его экстремистской политики. Марокко по-прежнему расценивается экспертами как самое устойчивое государство, планомерно продвигающее социальные реформы и тем самым противостоящее развитию экстремистских настроений.

Сравнительный анализ египетского и марокканского подходов к предотвращению радикализации политически активного населения показывает, что при достаточно ограниченном бюджете и целенаправленной непрерывной внутренней политике можно добиться устойчивых результатов, что и произошло в Марокко. Однако главенство армии на политической арене Египта и, как следствие, превалирование силовых методов решения проблем над социально-экономическими и психологическими не дает Египту выйти из замкнутого круга радикализации общества.

2.4. Программа дерадикализации исламистов в Саудовской Аравии

Введение

Программа дерадикализации исламистов в Саудовской Аравии признается специалистами комплексной и успешной. К ней уже длительное время приковано внимание экспертов и журналистов: на фестивале документальных фильмов «Сандэнс» в 2022 г. состоялась премьера фильма «*Jihad Rehab*», в котором рассказывается о пребывании 4 бывших террористов в Реабилитационном центре Эр-Рияда¹⁰². Правительства некоторых стран Юго-Восточной Азии и Северной Африки, а также США строят концепции своих программ дерадикализации, принимая во внимание саудовскую модель вовлечения семей и друзей заключенных в процесс дерадикализации.

Критически осмысленный опыт программы дерадикализации Саудовской Аравии может быть полезен и в Российской Федерации, для которой исламизм является одной из угроз государственной безопас-

ности и где только формируются теоретические подходы к проблеме дерадикализации осужденных боевиков и складываются практики их применения. В 2018 г. в Казани состоялась международная научно-практическая конференция «Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий», участники которой подчеркнули, как важно критически осмыслить опыт других стран и обсудить программы реабилитации участников и сторонников радикальных сообществ, способы деконструирования и опровержения радикальной пропаганды, наиболее успешные международные практики ресоциализации и адаптации в отношении данной категории лиц¹⁰³.

На рубеже XX–XXI вв. Королевство Саудовская Аравия (КСА) вступило на путь эволюционных реформ, определяемых известным специалистом Г.Г. Косачем как «движение по пути консервативной модернизации, усложнявшей политическую систему и содействовавшей ее структурной дифференциации», секуляризации и трансформации ваххабитской версии ханбалитской правовой школы в умеренный салафизм¹⁰⁴. Академик РАН А.М. Васильев отметил, что «для выполнения намеченных реформ было необходимо отказываться от некоторых наиболее жестких форм ваххабизма. Принципы ислама оставались основой жизни, но воплощались в новых законах, решениях, делах»¹⁰⁵.

В апреле 2016 г. Мухаммед ибн Сальман Аль Сауд, наследный принц КСА, представил проект социально-экономической перестройки «Видение: 2030», призванный превратить Королевство, при ведущей роли государства и монарха, в современную открытую качественно изменившуюся страну с прозрачными законами, вернувшуюся к «умеренному исламу», избавившуюся от нефтяной зависимости и развивающую свой «образованный класс».

На этом пути КСА столкнулось с серьезным вызовом внутреннего терроризма, обусловленным в целом дестабилизацией региональной ситуации и появлением антисистемных исламистских группировок, выступающих за создание основанной на религии государственности.

Со времени нападения 11 сентября 2001 г. на башни Всемирного торгового центра, самого резонансного террористического акта в мире в начале XXI в., в котором 15 из 19 участников были гражданами Саудовской Аравии, Королевство приняло жесткие меры противодействия терроризму: ряд ключевых лидеров «Аль-Каиды» был ликвидиро-

ван; по всей стране проведены контртеррористические операции, демонтированы ячейки «Аль-Каиды», арестованы тысячи людей, допрошены тысячи подозреваемых. В период с сентября 2001 г. по май 2003 г. в КСА было арестовано более 300 человек, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, из которых 100 человек предано суду. Кроме того, свыше 1000 человек, подозреваемых в терроризме, объявлено в розыск¹⁰⁶.

В 2003–2007 гг. Саудовская Аравия пережила масштабную террористическую кампанию. Серия атак началась в 2003 г.: в Эр-Рияде 13 мая боевики на грузовиках с взрывчаткой атаковали три жилых комплекса столицы, где проживали не только саудовцы, но и иностранные граждане. Было убито 27 человек, из них 9 американцев, 160 человек были ранены. Это был самый масштабный акт терроризма за всю историю Эр-Рияда. С мая 2003 г. по декабрь 2004 г. в Королевстве произошло более 30 инцидентов*, в которых 91 человек (саудовцы и иностранцы) был убит, 510 ранены; был убит 41 сотрудник силовых структур и 218 ранены¹⁰⁷.

Всего за период 2001–2006 гг. в разных частях Королевства произошло 80 террористических актов – взрывов, нападений, угонов самолетов, в результате которых погибли 247 человек и 518 получили ранения, погибло 39 сотрудников силовых структур, материальный ущерб оценивается в более чем 1 млрд риалов¹⁰⁸.

После событий мая 2003 г. до 2005 г. саудовские силы безопасности добились успеха в предотвращении потенциальных террористических атак, ликвидировав физическое присутствие «Аль-Каиды» в стране. Наиболее крупные контртеррористические операции были проведены в Эр-Рияде, Медине и Мекке. После полномасштабных контртеррористических операций атаки «Аль-Каиды» в КСА в последующие годы резко сократились вплоть до августа 2009 г., когда снова произошел значительный инцидент. В период с 2007 по 2009 г. зафиксировано только три террористических акта, в ходе которых трое боевиков, находящихся в розыске, и три сотрудника службы безопасности были убиты¹⁰⁹.

* Например, в ночь на 9 ноября 2003 г. в жилом комплексе Эр-Рияда взрывы боевиков «Аль-Каиды» уничтожили 10 vill, было повреждено 100 зданий. В результате теракта погибли 18 человек, более 120 получили ранения. Пострадали граждане более 10 стран. 29 мая 2004 г. в городе Эль-Хубар террористы напали на жилой комплекс «Аль-Ваха» и офисы ряда нефтяных компаний, в заложники было взято около 50 человек. В результате теракта погибли 16 человек, из них 7 иностранных граждан.

О масштабе террористической угрозы свидетельствует тот факт, что Саудовская Аравия арестовала более 7000 подозреваемых в терроризме за последнее десятилетие, причем около 3200 человек были заключены в тюрьму по обвинению в терроризме (17% из них были иностранцами). Однако правозащитные организации указывают на неясность того, сколько из этих заключенных были террористами, а не политическими диссидентами. После разгона ячеек «Аль-Каиды» в период с 2003 по 2007 г. боевики перенесли свою активность в Йемен, где они действуют как «Аль-Каида на Аравийском полуострове»¹¹⁰.

«Мягкая сила» в борьбе за «умы и сердца»

Однако практика показала, что бороться с насильственным экстремизмом только силовыми методами невозможно. Кроме силовых мер власти КСА предложили антитеррористическую стратегию, основанную на т.н. «мягких мерах», предполагающих интеллектуальную борьбу с оправданием насильственного экстремизма. Стратегия борьбы Саудовской Аравии с лицами, вовлеченными в исламистские группировки, с использованием «мягких мер» признана экспертами в целом успешной¹¹¹.

Схожие программы дерадикализации, направленные на то, чтобы осужденные террористы и подозреваемые отказались от идеологии и практики насилия и реинтегрировались в общество, действуют в Индонезии, Сингапуре, Египте, Марокко, Малайзии, Йемене, Нигерии.

Саудовская Аравия разработала стратегию *PRAC (Prevention, Rehabilitation and Aftercare)*, частью которой является Программа для осужденных исламистов, преследующая цель изменить их убеждения (т.е. дерадикализировать их) и поведение (т.е. гарантировать, что в дальнейшем они откажутся от применения практик насилия). Если этап профилактики (*Prevention*) направлен на противодействие радикальной идеологии через мониторинг интернет-пространства и продвижение умеренного ислама через религиозный диалог, систему образования, СМИ, два других этапа – реабилитация (*Rehabilitation*) и поддержка после прохождения Программы (*Aftercare*) – нацелены на людей, уже осужденных.

Демография Саудовской Аравии

Анализируя стратегию *PRAC* Саудовской Аравии, важно принимать во внимание уникальную демографическую структуру страны.

Общая численность населения КСА согласно переписи 2022 г. составила около 32,1 млн человек*. Всего в стране мужского населения 61,2% (20,9 млн человек), женщины составляют 38,8% (15,4 млн). Саудовцы составляют 58,4% (18,8 млн) от общей численности населения страны**.

Особенностью КСА является значительное число мигрантов, они составляют 41,6% (13,4 млн) населения***. По сведениям за 2020 г. *Migrants & Refugees Section*, одного из офисов Ватикана, помогающего беженцам, помимо африканских мигрантов в Саудовской Аравии находилось 1,8 млн йеменцев, три крупнейшие группы иммигрантов составляли выходцы из Индии (2,4 млн), Индонезии (1,7 млн) и Пакистана (1,4 млн)****. По данным переписи 2022 г., этническая конфигурация мигрантов изменилась, в настоящее время среди мигрантов преобладают жители Бангладеш (2,12 млн), Индии (1,88 млн), Пакистана (1,81 млн), Йемена (1,8 млн), Египта (1,47 млн), Судана (0,82 млн) и других стран Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, стран Африки южнее Сахары*****.

По разным подсчетам мигранты составляют 70–80% экономически активного населения Саудовской Аравии¹¹², они выполняют ручную работу, заняты на стройках, в розничной торговле, а также в логистической сфере и сфере услуг (81,3% из них работают в частном секторе и 5,1% – в государственном). В государственном секторе занято 49 тыс. несаудовцев, в негосударственном – почти 6,2 млн человек*****.

Хотя подавляющее большинство иностранных рабочих отличается законопослушностью, службы безопасности Саудовской Аравии считают мигрантов группой риска и внимательно следят за возможными всплесками радикализма и преступности в их среде. Власти Саудовской Аравии неоднократно заявляли об угрозе, исходящей от мигран-

* Saudi Arabia population statistics 2023 [infographics]. <https://www.globalmediain-sight.com/blog/saudi-arabia-population-statistics/#byyear> (дата обращения 02.07.2023).

** Ibidem.

*** Ibid.

**** Migration Profile Saudi Arabia. <https://migrants-refugees.va/country-profile/saudi-arabia/> (дата обращения 01.03.2022).

***** Saudi Arabia population statistics 2023 [infographics]. <https://www.globalmediain-sight.com/blog/saudi-arabia-population-statistics/#byyear> (дата обращения 02.07.2023).

***** Saudi Central Bank. 57th Annual Report 1442H. 2021. Pp. 37–38. https://sama.gov.sa/en-US/EconomicReports/AnnualReport/ANNUAL_Report_57th_2021.pdf (дата обращения 02.07.2023).

тов, проникающих в страну под предлогом совершения хаджа или по рабочей визе. Согласно прежнему саудовскому трудовому законодательству при уходе от работодателя мигрант автоматически терял право на работу и должен был покинуть Королевство. Часто мигранты, потерявшие работу или просрочившие свои визы и не имеющие вида на жительство, необходимого для устройства на работу, предпочитали оставаться в стране. О реформах трудового законодательства в КСА было объявлено в ноябре 2020 г., перед саммитом G20 2020 г. Реформа предполагает увеличение мобильности рабочей силы и отмену выездных и (повторных) въездных виз (в настоящее время выдаваемых с разрешения работодателя) для трудящихся-мигрантов в частном секторе (они вступили в силу в марте 2021 г.).

Саудовские власти в рамках политики «саудизации» регулярно проводят миграционные амнистии, предлагая нелегалам либо упорядочить свой статус, либо выехать из страны без наложения штрафов. Первая масштабная, по оценкам журналистов, «хаотичная депортация» произошла в 2013–2014 гг.¹¹³: власти предложили нелегалам покинуть территорию страны в течение четырех месяцев, а после этого устроили рейды для выявления и выдворения нелегалов. В результате в Саудовской Аравии был скорректирован статус более 3 млн нелегалов¹¹⁴, в течение первых четырех месяцев были высланы и уехали добровольно 1 млн человек¹¹⁵.

В марте – ноябре 2017 г. в Королевстве началась кампания «Нация без нарушений», по которой нелегальным мигрантам была дана амнистия на 90 дней для выезда из страны без наложения штрафов с возможностью в дальнейшем легального возвращения¹¹⁶. С 2013 по 2017 г. добровольно покинуло страну и было депортировано более 5,5 млн нелегальных экспатов¹¹⁷, среди которых самые большие группы – йеменцы, эфиопы, пакистанцы, индийцы, египтяне. С января 2017 г. по сентябрь 2018 г. страну покинули 1,1 млн рабочих-мигрантов, не менее 2 млн иностранных рабочих уехали из страны с 2017 г. по апрель 2020 г.¹¹⁸

Население Королевства – мусульмане. По данным *World Population Review* на 2023 г., 93% граждан Саудовской Аравии исповедуют ислам, примерно 85–90% составляют сунниты, а 10–12% – шииты*. Другие конфессии представлены православными христианами, протестан-

* Saudi Arabia population (Live). <https://worldpopulationreview.com/countries/saudi-arabia-population> (дата обращения 02.07.2023)

тами, католиками, иудеями, буддистами и др. Большинство шиитов живет в восточной провинции страны, не столь экономически развитой, как суннитские регионы.

Население страны характеризуется быстрым ростом и большой когортой молодежи. По данным *Kingdom's General Authority for Statistics* в 2020 г., молодые люди в возрасте 15–34 лет составляли 36,7% населения КСА*. Согласно переписи 2022 г. в Королевстве проживает молодое население, средний возраст которого составляет 29 лет, а саудовцы моложе 30 лет составляют 63% общей численности населения**. Люди в возрасте 15–24 лет составляют 13,10% общей численности населения (2,46 млн мужчин / 2,23 млн женщин), люди среднего возраста, 25–54 лет, составляют 51,8% населения (11,4 млн мужчин / 7,20 млн женщин)***.

По данным Всемирного банка, в 2019 г. около 30% молодежи в возрасте 15–24 лет были безработными. Молодежь представляет собой особый демографический сегмент со специфическими экономическими и политическими запросами, которые власти имеют в виду с учетом опыта политических потрясений по сценарию «арабской весны».

Стратегия PRAC – «саудовское решение для саудовской проблемы»

Политика Саудовской Аравии по борьбе с экстремизмом и радикализацией изложена в стратегии PRAC (*Prevention, Rehabilitation and Aftercare*), предусматривающей профилактику экстремизма, возвращение исламистов к мирной жизни и последующую помощь им после освобождения. В стратегии изложены цели и задачи, стоящие перед саудовскими властями, и определены пути борьбы с распространением и привлекательностью экстремистских идеологий.

Подход Саудовской Аравии к осужденным исламистам состоит в том, чтобы предложить им альтернативы, дать им социальные и психологические инструменты для реинтеграции в общество. Программа

* Saudi Youth in Numbers. A report for International Youth Day 2020. https://stats.gov.sa/sites/default/files/saudi_youth_in_numbers_report_2020en.pdf (дата обращения 14.03.2022)

** Saudi Arabia's population crosses 32 million, census results show // Saudi Gazette. 31.05.2023. <https://saudigazette.com.sa/article/632956> (дата обращения 02.07.2023).

*** Saudi Arabia population statistics 2023 [infographics]. <https://globalmediainsight.com/blog/saudi-arabia-population-statistics/#byyear> (дата обращения 02.07.2023)

направлена на то, чтобы осужденный отказался от своей радикальной идеологии в результате цикла психологических консультаций и активного диалога с улемами.

Саудовский подход опирается на исторические прецеденты, культурные нормы и опыт других стран в борьбе с терроризмом. В то же время программа представляет собой уникальную саудовскую технологию, включающую традиционные для КСА методы разрешения конфликтов и управления конфликтами. «Это саудовское решение для саудовской проблемы», – так охарактеризовал стратегию Королевства по дерадикализации боевиков известный эксперт по теме Кристофер Бучек¹¹⁹.

Стратегия состоит из трех отдельных, но взаимосвязанных программ, направленных на то, чтобы удержать людей от экстремизма; содействовать возвращению к мирной жизни исламиста и его окружения; обеспечить содействие его реинтеграции в общество после освобождения из заключения.

Контртеррористическая кампания Королевства до 2017 г. курировалась принцем Мухаммедом ибн Наифом Аль Саудом*, сыном министра внутренних дел Наифа ибн Абдул-Азиза Аль Сауда. Наиф проходил подготовку в Скотланд-Ярде в Англии и в ФБР в США и считался самым «проамериканским» из высших принцев¹²⁰. Именно он руководил борьбой с террористами «Аль-Каиды» с 2003 до 2007 г. В 2011–2017 гг. Мухаммед ибн Наиф служил министром внутренних дел. С 2017 г. реализацию стратегии *PRAC* взял под контроль Мухаммед ибн Сальман Аль Сауд, наследный принц Саудовской Аравии, отеснивший своего предшественника на этом посту от всех должностей.

* Мухаммед ибн Наиф Аль Сауд – член королевской фамилии, сын министра внутренних дел крон-принца Наифа ибн Абдул-Азиза, занимавшего должность министра в 1975–2011 гг. При своем отце он занимал пост заместителя. Будучи третьим лицом в министерстве с 1999 г., принц Мухаммед отвечал за службы внутренней безопасности, в т.ч. за подразделения спецназа Королевства по борьбе с терроризмом. С 2004 г. Мухаммед ибн Наиф уже в ранге министра отвечал за вопросы безопасности. На Мухаммеда ибн Наифа было совершено 4 покушения. В 2015 г. 55-летний принц Мухаммед ибн Наиф, уже будучи главой МВД, был назначен правящим королем Сальманом ибн Абдул-Азизом аль Саудом на пост наследного принца и стал первым в списке претендентов на престол, получив и положенную по рангу должность премьер-министра. В 2017 г. король поменял свое решение: Мухаммед ибн Наиф был лишен титула кронпринца и смещен с поста министра внутренних дел Саудовской Аравии. Ибн Наиф был смещен и с поста главы Совета по делам политической безопасности. Этот пост занял Ибн Сальман.

21 июля 2017 г. был создан новый орган – Управление государственной безопасности, которое напрямую подчинялось монарху через Королевский диван и, соответственно, через Мухаммеда ибн Сальмана. Оно приняло на себя почти все функции полиции (в т.ч. борьбы с терроризмом) и внутренней разведки, оставив Министерству внутренних дел ответственность за нарушение правил движения, паспорта, пожарную безопасность. Новое агентство возглавил генерал Абдель Азиз аль-Хоувайрни (он в свое время тесно работал с Наифом)¹²¹.

Программы *PRAC* реализуются в пяти специализированных тюрьмах в окрестностях Эр-Рияда, где отбывают срок осужденные террористы, и обходятся казне в сумму 1,7 млрд риалов.

Центральным элементом стратегии реабилитации Саудовской Аравии является «Программа консультирования» (далее – Программа), комплексные усилия по реабилитации и перевоспитанию исламистов через религиозные дебаты и работу с психологами. Сначала Программа была рассчитана на заключенных, не принимавших участие в террористических актах, позднее она охватила заключенных из тюрьмы Гуантанамо, переданных США Саудовской Аравии, и саудовцев, возвратившихся из Ирака. «Программа консультирования» включает три уровня: религиозные дискуссии и дебаты; широкую социальную поддержку; вовлечение в процессы реинтеграции семьи осужденного.

Использование религиозных деятелей в исправительной системе Королевства практикуется достаточно давно. Еще до введения Программы в КСА существовал ряд государственных социальных программ и организаций, основанных на устоявшихся традициях исламской правовой мысли, призванных помочь социальной реинтеграции. Улемы и имамы успешно используются для переговоров с подозреваемыми, чтобы побудить их к признательным показаниям или сотрудничеству с властями. Такая тактика используется со времен взрывов в Эр-Рияде в мае 2003 г. Местный имам, вовлеченный в систему родственных и внутриобщинных коммуникаций, имеет право посещать заключенных. «Программа консультирования» не стала исключением, она также привлекла религиозных деятелей к работе в саудовских тюрьмах.

Наконец, государство стремится продемонстрировать, что оно не распространяет наказание на семью заключенного, напротив, заявляет о том, что готово поддержать родственников в процессе ресоциализации заключенного, таким образом возлагая на семью ответственность

за поведение боевика, вышедшего из тюрьмы. Это важный аспект Программы и центральный аргумент правительства при обосновании программ реабилитации и реинтеграции. В этой части стратегии власти апеллируют к традиционным устоям, таким как ответственность, семейные ценности, семейная иерархия. Правительство стремится замкнуть на себе социальную помощь семье заключенного террориста, перехватив эти возможности у членов экстремистской группы, в которую он входил.

«Программа консультирования» курируется специально созданным Консультативным комитетом при Министерстве внутренних дел КСА. Штаб-квартира Консультативного комитета находится в Эр-Рияде и имеет постоянных представителей в семи крупных городах. Консультативный комитет состоит из четырех подкомитетов: психолого-социального, религиозного, подкомитета по безопасности, медиа-подкомитета.

В психолого-социальном подкомитете работают около 60 психологов, психиатров, социологов и ученых. Персонал этого подкомитета занимается диагностикой психологических проблем заключенных и оценивает их поведенческую динамику в ходе прохождения Программы. Психологи и психиатры встречаются с заключенными, чтобы подготовить их к консультативным сессиям, объяснить им цели и задачи Программы и убедиться, что они психологически и психически готовы к участию в диалоге. В процессе консультаций члены подкомитета участвуют в некоторых сессиях, предусмотренных Программой для заключенных, особенно в длительных учебных сессиях. Подкомитет также оценивает участие заключенных в Программе, чтобы определить, насколько реабилитация является реальной, а не мнимой. Психолого-социальный подкомитет определяет, какая именно помощь может понадобиться заключенному и его семье во время отбывания срока наказания и после освобождения, чтобы члены семьи не оказались вовлеченными в процессы радикализации. Сам принц Мухаммед ибн Наиф придавал важное значение именно взаимодействию с семьями заключенных, он неоднократно заявлял, что чем больше семья вовлечена в процесс реабилитации, тем более вероятен успех Программы. Подкомитет также предоставляет осужденным возможность получить образование. На примере работы подкомитета правительство КСА показывает, что экстремистам нет дела до проблем конкретного человека, что они используют молодежь для продвижения своей повестки, основанной на применении насилия.

Религиозный подкомитет является самым многочисленным из четырех, в нем работают примерно 160 священнослужителей, ученых и университетских профессоров, они непосредственно участвуют в диалогах с заключенными и религиозных дебатах. После психологических и социальных оценок консультанты подкомитета проводят беседы о таких важных исламских концепциях и понятиях, как помощь немусульманам, доктрина такфира, законы государства (в отличие от Божественного закона), джихад в Ираке, шахиды и мученики, верность правителю и правильный правитель. Основные цели подкомитета состоят в том, чтобы помочь заключенным преодолеть «ошибочное понимание» шариата; напомнить о важности покаяния и сплоченности общества, сохранении ценностей страны и необходимости консультироваться с людьми, обладающими знаниями. Отдельные улемы часто сами обращаются в подкомитет и проявляют инициативу в плане участия в его работе. Улемы и имамы оценивают свою роль как необходимую в том, чтобы помочь молодым мужчинам вернуться на правильный путь, от которого их увело «искаженное понимание» и «неправильное толкование правильной доктрины»¹²².

Подкомитет по безопасности – самая закрытая структура, укомплектованная сотрудниками МВД, многие направления ее деятельности неизвестны. Наиболее важная задача подкомитета – оценить, насколько участник Программы представляет угрозу для безопасности страны, и дать рекомендации о его освобождении на основе данных, предоставленных остальными подкомитетами Программы. Лица, совершившие террористические акты или находящиеся под следствием, не имеют права на досрочное освобождение.

Медиа-подкомитет выпускает материалы, используемые в Программе, а также учебные материалы для школ и мечетей. Работа подкомитета сосредоточена на пропаганде и образовании и ориентирована на молодых саудовских мужчин. Базовая идея, которую продвигает медиа-подкомитет, заключается в том, что экстремисты используют своих последователей и что рядовые члены террористических групп примкнули к ним в силу того, «неправильно поняли» основные принципы ислама.

«Программа консультирования» работает как внутри, так и за пределами тюрем. Реабилитация начинается в тюрьме, и в конечном итоге участники переводятся в Реабилитационный центр. Важно подчеркнуть, что сначала Программа распространялась не на всех, а только на тех, кто сочувствовал террористам, предоставлял исламистам жилье,

транспорт и материальную помощь. Лица, «на руках которых кровь» (по терминологии авторов Программы), первоначально не подпадали под действие «Программы консультирования». Инициаторы Программы также подчеркивали, что не все, кто участвовал в Программе, досрочно освобождались.

Консультативный комитет осуществляет в тюрьмах две программы. Первая состоит из коротких сессий, каждая продолжительностью около двух часов. Вторая – это курсы длительностью 6 недель, рассчитанные на 20 человек. Курсы включают 10 предметов и разбор таких тем, как такфир (обвинение в неверии), валах (верность мусульманской общине), байа (верность, договоренность), терроризм, легальные нормы джихада и самооценка. Дается информация о понятиях религиозного лидерства, роли исламской юриспруденции, важности авторитета, необходимости распознавать законные источники знаний, а также наставления о том, как избежать «вводящих в заблуждение» и «развращающих» книг и влияний. Таким вопросам, как государственная измена, мятеж и недопустимость насилия, уделяется особое внимание.

В конце курса заключенный сдает экзамен; те, кто сдал экзамен, переходят к следующему этапу Программы и получают рекомендации по освобождению (при условии, что они принадлежат к категории заключенных, имеющих право на освобождение); те, кто не сдал экзамен, повторяют курс.

Первоначальные сессии, особенно в тюрьме, проводятся один на один между заключенным и членом подкомитета по религии. Это могут быть формальные и неформальные дискуссии. Позже, после того как заключенный переехал в Реабилитационный центр, сессии не просто принимают форму религиозных лекций – поощряются неформальные дискуссии и диалоги. Некоторые занятия проводятся в классных комнатах, другие – в неформальной обстановке, в форме диалога о повседневных делах. Участники Программы все время находятся под пристальным вниманием консультантов.

Реабилитационный центр – проект принца Мухаммеда ибн Наифа Аль Сауда

Осужденных, успешно прошедших первый этап Программы, переводят в Реабилитационный центр, расположенный в окрестностях Эр-Рияда. Заключенные находятся в центре от 8 до 12 недель и заверша-

ют второй этап Программы с помощью экспертов, которые по окончании этого срока дают заключение, возможен ли «выпуск» из Центра или осужденного следует отправить обратно в тюрьму.

Реабилитационный центр («*The Prince Mohammed bin Naif Center for Counseling and Care*») был создан в 2006 г. по инициативе принца Мухаммеда ибн Наифа и является первым в мире центром для реабилитации людей, вовлеченных в террористическую деятельность, а также для членов их семей. Принц Мухаммед ибн Наиф планирует построить в Королевстве пять таких центров, где бывшие исламисты будут проходить «идеологическую детоксикацию». В настоящее время уже открыты два центра – в Эр-Рияде и Джидде.

«Здесь мы сосредоточены на исправлении их мыслей, неправильных представлений, отклонения от ислама», – говорит о своей работе директор центра Яхья Абу Магайд¹²³. Заключение изучают ислам, чтобы вернуться «истинному пониманию религии», занимаются арт-терапией и спортом, с ними работают психологи.

Кристофер Бучек описывает обстановку в центре: «Этот жилой реабилитационный центр предлагает среду, отличную от обычной тюрьмы. Заключение живут вместе в общежитии, совместно готовят еду и имеют открытый доступ к внутренним дворикам, отдыхают под открытым небом. Кроме того, охранники в центре не носят форму и часто общаются с участниками Программы, играют с ними в футбол и волейбол. Многочисленные виды отдыха и другие виды досуга также доступны для заключенных»¹²⁴. Журналист «*Time*» Скотт Маклауд, посетивший центр осенью 2007 г., назвал его уютным шале, похожим на кампус колледжа или загородный клуб, где заключенные играют в пинг-понг и пьют пепси¹²⁵.

Хотя участники Программы ограничены в своих передвижениях территорией центра, они могут временно покидать ее под ответственность своих семей. Например, когда участника Программы освобождают для участия в семейных мероприятиях, таких как свадьбы или похороны, трое членов семьи должны гарантировать его возвращение. Участников Программы могут навещать супруги и родственники, телефоны доступны круглосуточно.

Если по решению экспертов участнику Программы продлевается пребывание в Реабилитационном центре, он имеет право на получение компенсации от МВД \$267 в день.

Проживающие в Центре делятся на три группы: совершившие преступления внутри страны; лица, арестованные при попытке выехать в

Ирак или въехать из Ирака в КСА; выданные США заключенные из Гуантанамо. Каждая группа содержится отдельно и проходит разные программы «восстановления». Например, работа с возвращающимися из Гуантанамо сосредоточена на их реинтеграции в саудовское общество, тогда как в двух других группах уделяется больше внимания религиозным дискуссиям, консультациям и учебе.

В свою очередь, в Центре существует и другая классификация участников Программы: те, кто планировал, способствовал или участвовал в террористических актах; те, кто не помогал террористам, а только сочувствовал им и, возможно, публично высказывался в их поддержку; те, кто оказывал лишь незначительные услуги террористам¹²⁶.

Важный компонент саудовской «Программы консультирования» – это социальная помощь семье осужденного. В отношении каждого участника принимаются меры поддержки членов его семьи. Например, когда глава семьи отбывает наказание в тюрьме, семья получает денежную компенсацию. Детям оказывается помощь в получении школьного образования, семьям предоставляется возможность получить медицинскую помощь. Министерство внутренних дел выплатило заключенным и их семьям 115 млн риалов, чтобы погасить их долги, компенсировать расходы на здравоохранение и т.д.¹²⁷

Поддержка оказывается государством участнику программы и после того, как он покинет Реабилитационный центр. Заключенные, завершившие процесс реабилитации и, по оценкам экспертов, не представляющие больше угрозы для общества и безопасности страны, получают помощь в поиске работы и другие льготы, в т.ч. государственные стипендии; им покупают автомобили и жилье.

Министерство внутренних дел также помогает тем, кто ранее занимал государственные должности, вернуться на свои позиции, открыть собственный бизнес.

Реабилитированным осужденным рекомендуется остепениться, жениться и иметь детей, так как авторы стратегии считают, что вероятность того, что женатые молодые мужчины снова вернутся к террористической деятельности, меньше. Правительство содействует этому процессу, выделяя на проведение свадеб до \$20 тыс.¹²⁸, покрывая другие важные расходы до вступления в брак, такие как подготовка и обустройство квартир. Если освобожденный совершает новые преступления, правительство может отказать в поддержке его близким. Высокоставленные чиновники из Министерства внутренних дел и Консультативного комитета часто посещают свадьбы бывших участников

Программы. Все это является частью стратегии Саудовской Аравии, предусматривающей для участников Программы замену одного социального окружения на другое, что способствует тому, чтобы участник Программы порвал с терроризмом.

После освобождения участники Программы находятся под контролем, явным и скрытым, они должны зарегистрироваться в соответствующих органах и продолжать консультации с теми экспертами, с которыми общались, находясь в тюрьме.

«Программа консультирования»: успехи и провалы дерадикализации

Саудовская Программа дерадикализации исламистов получала восторженные отзывы на пике своего развития в 2005–2014 гг. Аналитики, официальные источники в США и пресса не скупилась на похвалы саудовским «мягким мерам» в борьбе с терроризмом¹²⁹.

Доктор Абдулла Ансари, старший научный сотрудник Института политики национальной безопасности (*HSPI*) университета Джорджа Вашингтона, со ссылкой на арабскую прессу писал, что уже через два года после начала работы Программы в 2007 г. около 500 молодых людей прошли «Программу консультирования» и были освобождены¹³⁰. Шейх ас-Садлан, консультант Программы, объявил, что 90% заключенных, прошедших Программу, отреклись от своих взглядов¹³¹. В 2007 г. 1500 из 3200 заключенных, на которых распространялась «Программа консультирования», отказались от своих прежних радикальных убеждений и были освобождены¹³². По данным экспертов Нидерландского института международных отношений, в 2009 г. 297 заключенных прошли Программу в Реабилитационном центре, из них более 220 было выпущено¹³³.

Несмотря на столь оптимистичные оценки, не обошлось без рецидивов. В ноябре 2007 г. принц Мухаммед бен Наиф заявил, что 35 человек, менее 2% от общего числа прошедших Программу, были освобождены, но вернулись к террористической деятельности. Принц подчеркнул, что все это произошло уже вне Саудовской Аравии¹³⁴.

За 12 лет с 2005 по 2017 г. из Реабилитационного центра вышло более 3300 заключенных, в т.ч. 122 особо опасных террориста, выданных США властям КСА из тюрьмы Гуантанамо¹³⁵. 11 бывших заключенных в Гуантанамо, прошедших Программу, возобновили террористическую деятельность¹³⁶. Показатель успешности Программы со-

ставляет 80%, оставшиеся 20% возвращаются к насилию¹³⁷. Показатель 20% включает задержанных, отказавшихся участвовать в Программе; тех, кто «провалил» Программу; тех, кто впоследствии был арестован.

По оценкам экспертов, примерно 10% идеологически мотивированных т.н. «жестких» джихадистов, заключенных в тюрьму Гуантанамо и тюрьмы в Ираке, отказались сотрудничать с властями в рамках Программы, не принимая авторитет улемов из подкомитета по религии, считая их проправительственными, ангажированными прозападным правительством Саудовской Аравии¹³⁸.

Наиболее ярким примером является история террориста-рецидивиста Саида аль-Шихри: после возвращения в КСА из Гуантанамо в 2007 г. он прошел Программу дерадикализации, был отпущен, но вскоре стал вторым человеком в «Аль-Каиде на Аравийском полуострове» в Йемене, организовал взрыв в американском посольстве в Сане в 2008 г.

Не менее красноречив теракт, произошедший в ноябре 2014 г.: террористы ИГИЛ расстреляли шиитов в мечети района аль-Ахса на востоке Королевства, в результате чего погибли пять человек. Саудовское издание *Saudi Gazette* со ссылкой на члена Шуры* Саудовской Аравии сообщило, что 47 из 77 человек, задержанных за предполагаемую связь с нападением ИГИЛ на саудовскую шиитскую мечеть, были выпускниками Реабилитационного центра¹³⁹. Один из саудовских граждан, переданных из Гуантанамо саудовским властям, Абдулла Аль-Шарби, подверг публичной критике Реабилитационный центр в Эр-Рияде, где, по его мнению, пленных боевиков просто перевербовывают. «Они учат тебя быть верным не Аллаху, а королю, – объяснил Аль-Шарби. – Это не настоящий джихад. После подготовки тебя отправляют воевать в Йемен или Сирию, и возможности отказаться у тебя нет»¹⁴⁰.

Несмотря на очевидность инновационных подходов и успех саудовской «Программы консультирования», вопросы к Программе остаются.

Одна из проблем – сможет ли программа дерадикализации в Саудовской Аравии «дерадикализовать» тот самый насильственный экс-

* Шура – Консультативный совет, подчиненный монарху как высшему органу законодательной власти КСА, был создан в 1992 г. Его решения носят рекомендательный характер.

тремизм, экспортом которого страна занималась многие годы. А. Коротаев и Л. Гринин со ссылками на некоторых исследователей указывают, что «Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно \$70 млрд на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов (включая создание тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников) примерно в 20 странах мира»¹⁴¹.

Ваххабизм, официальная идеология Саудовской Аравии до конца XX в., ориентируется на строгое единобожие, возврат к первоначальному исламу, буквальное толкование Корана, а его самые последовательные приверженцы стигматизируют как врагов и немусульман, и мусульман, не разделяющих их взгляды. Смогут ли государственная программа и духовенство дерадикализовать свое собственное население? Как будет сочетаться концепция «умеренности ислама», возвращения к «истинному учению ислама, к образу жизни Пророка и четырех праведных халифов, к открытому и мирному обществу», о которых заявил наследный принц в программном интервью¹⁴² журналу «*The Atlantic*», с десятилетиями ваххабитского прозелитизма?

Нидерландские ученые, авторы масштабного труда, посвященного анализу программ реабилитации исламистов в разных странах, указывают, что другая, не менее серьезная проблема, – отсутствие релевантных данных об участниках Программы¹⁴³. Правительство Саудовской Аравии не дает подробной информации о них. И хотя в открытых источниках есть данные о том, сколько человек прошло Программу и сколько было досрочно освобождено, неясно, каков был характер вовлеченности этих людей в террористическую активность и как сложилась их судьба после освобождения. За пределами отчетности, доступной в открытых источниках, остается информация о тех, кто не прошел Программу. Насколько вероятно, что эти люди окажутся в группе риска и могут быть подвержены повторной радикализации после освобождения?

Продукция медиа-подкомитета, религиозные книги, написанные специально для Программы, недоступны для исследовательского анализа, поскольку подкомитет практически не распространяет их. Для закоренелых религиозно мотивированных террористов религиозные аргументы неубедительны¹⁴⁴, поскольку, по их мнению, Программа выстроена вокруг дискурса «послушания правителю». Наконец, для тех осужденных, которым важно досрочно освободиться из заключе-

ния, идеологическое содержание этих книг вообще не имеет значения, а сама Программа не более чем инструмент решения социальных проблем.

Программа подвергается критике и за то, что социальный аспект (получение пособий, квартир и автомобилей) Программы становится для ее участников более привлекательным, чем идеологический. Участники программы часто «раскаиваются» не под влиянием изменения своих убеждений, а из-за личных доверительных отношений с консультантами¹⁴⁵.

Заключение

Программа дерадикализации членов исламистских организаций и групп, предложенная в Саудовской Аравии в широком контексте контртеррористических мер, принятых в Королевстве с 2003 г., была реализована в сложный для страны период. Саудовская монархия вступила на путь модернизации и секуляризации, распространения все большего контроля государства над ключевыми сферами социально-культурной жизни, предусматривающего ограничение роли корпуса улемов культовой практикой. На этом пути страна столкнулась с вызовами внутреннего терроризма, отвечая на которые, саудовские власти приняли не только комплекс беспрецедентно жестких мер, но и «мягкие меры», частью которых является «Программа консультирования» для осужденных исламистов. С учетом того, что Саудовская Аравия демонстрирует для всего мира новый образ – «образ государства, далекого от обскурантизма»¹⁴⁶, «мягкие меры» вписываются в новый дискурс КСА как современной, открытой инновациям страны. Символическим воплощением Программы является Реабилитационный центр, личное детище принца Мухаммеда ибн Наифа Аль Сауда, где исламисты продолжают «идеологическую детоксикацию», начавшуюся еще в местах заключения, через религиозные дебаты, лекции по исламу, личные консультации с улемами и имамами. Психолог Али аль-Афнани, один из экспертов Программы, говорил, что «только идеи могут бороться с идеями». Эти слова отражают основную идеологическую цель Программы – возвращение к пониманию истинного ислама. Несмотря на критику со стороны аналитиков, Программа является едва ли не единственным инструментом ресоциализации и реинтеграции лиц, отбывших срок наказания и желающих вернуться к мирной жизни.

2.5. Роль «мягкой силы» в противодействии религиозному экстремизму в Йемене

Введение

На сегодняшний день т.н. религиозный терроризм/экстремизм всецело перешел в ранг транснационального явления. Для того чтобы преуспеть в борьбе с ним, любое государство должно придерживаться целостного подхода. Однако это невозможно без поддержания стабильности, безопасности и способности соблюдать верховенство суверенитета и права. В арабском мире терроризм и экстремизм проявляются через деятельность многочисленных исламистских группировок радикального толка.

В Йемене проблема противодействия религиозному экстремизму стоит особенно остро в свете продолжающегося противостояния между силами свергнутого президента М. Хади, поддержанными коалиционными отрядами монархий Залива во главе с Саудовской Аравией, и хуситской группировкой «Ансар Аллах». Важную роль в данном конфликте играют различные террористические движения, такие как «Аль-Каида» и частично уцелевшее «Исламское государство», находящиеся в состоянии войны со всеми основными игроками.

Однако для понимания масштабов проблемы необходимо обратиться к особенностям социально-политического развития Йемена. Современная Йеменская Республика, расположенная в юго-западной части Аравийского полуострова, образовалась 22 мая 1990 г. путем объединения Йеменской Арабской Республики (Северного Йемена) и Народной Демократической Республики Йемен (Южного Йемена).

Северный Йемен (Йеменский имамат, или Йеменское Мутаваккийское Королевство) завоевал независимость в 1918 г. в результате распада Османской империи; в 1962 г. королевская власть была свергнута и провозглашена Йеменская Арабская Республика. Южный Йемен (британская колония Аден и мелкие эмираты-протектораты) находился под властью Великобритании до 1967 г.; в 1967 г. была провозглашена Народная Республика Южный Йемен, с 1970 г. – Народная Демократическая Республика Йемен.

Согласно оценке ООН, до событий «арабской весны» в Йемене сложился следующий этноконфессиональный состав: 92,8% населения – арабы, 3,7% – сомалийцы, 1,1% – афро-арабы, 1,0% – выходцы из Индии и Пакистана, 1,4% – другие. Мусульмане составляют 98,9%

населения, однако мусульманское население неоднородно. Суннитами являются приблизительно 60%, они проживают в сельской местности на юге страны и в пустыне Тихама. Мусульмане-шииты (около 40% населения) составляют большую часть городского населения. В северном Йемене проживают шииты-зейдиты, а в городах южного Йемена – шииты-исмалииты и имамиты. Большая часть политической элиты исповедует шиизм зейдитского толка. Большая часть индусов, проживающих в Йемене, исповедует индуизм (0,7% населения). 0,2% населения являются христианами (последователями англиканской и методистской церквей) и проживают в основном в Адене. 0,2% населения придерживается других верований (иудаизм, зороастризм)¹⁴⁷.

Отличительной чертой политической системы Йемена является высокий авторитет центральной власти у большинства населения страны, независимо от исповедуемой религии. Однако авторитет центральной власти не означает, что она полностью контролирует районы проживания племен, так как отношения между президентом и племенными шейхами строятся на основе традиционных договоренностей. Сама центральная власть отличается персонифицированностью. Политическая элита фрагментирована, в ней существуют шиитские и суннитские, республиканские и роялистские, демократические и социалистические группы. Большая часть йеменского общества остается приверженной традиционной племенной организации и обычаям, а также религиозным традициям. Крупнейшие племенные конфедерации – хашид и бакиль (всего насчитывается несколько сотен племен). На развитие политических процессов в Йемене также оказывали и оказывают влияние соседние государства и Египет. Многие легальные политические силы Йемена являются ответвлениями общеарабских (насеристы, баасисты) или исламистских политических организаций («Братья-мусульмане», которые входят в объединение «Ислах», «Аль-Каида», «Джама'а исламия»). Конституция Йемена в ряде статей копирует конституцию Египта в отношении вопросов государственного устройства. Не менее значимую роль в процессах государство- и нациообразования в Йемене играют вооруженные силы¹⁴⁸.

Угроза радикального исламизма

О мерах по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, проявляющихся в первую очередь через деятельность «Аль-Каиды» и аффилированных с ней группировок, йеменские власти за-

думались после целого ряда террористических атак. Так, еще в декабре 1998 г. группа, возглавляемая Абу аль-Хасаном аль-Мехдаром, лидером т.н. «Аден-Абьянской Исламской армии», участвовала в убийстве четырех британских и австралийских туристов в Йемене. Аль-Мехдара поддержал Абу Хамза аль-Масри, приговоренный впоследствии, в январе 2015 г., американским судом к пожизненному заключению после того, как был признан виновным по 11 пунктам по обвинению в терроризме, в т.ч. на территории Йемена¹⁴⁹. Периодически со стороны «Аль-Каиды» совершались террористические атаки на правительственные учреждения, а также в порту Адена, где в октябре 2000 г., в частности, был взорван американский эсминец «Коул»¹⁵⁰. Вслед за данным инцидентом США и Йемен начали взаимодействовать по вопросам, связанным с безопасностью. Однако только после трагических событий 11 сентября 2001 г. сотрудничество между США и Йеменом в борьбе с терроризмом перешло в практическую плоскость.

С 2002 г. официальные власти Йемена по настоянию и при дальнейшей поддержке со стороны США одними из первых взяли курс на дерадикализацию исламистских групп. Этот политический курс возглавил известный мусульманский священнослужитель, судья Хамуд аль-Хитар¹⁵¹. В 1970-х гг. он входил в ряды транснациональной Ассоциации «Братьев-мусульман», которая придерживается довольно умеренных исламистских взглядов. Знакомство с исламистской идеологией, а также знание норм исламского права послужили хорошей основой для судебной практики аль-Хитара после его ухода из Ассоциации.

С 2000 г. аль-Хитар активно помогал йеменскому правительству бороться с растущим числом радикально настроенных исламистов в стране, которые возвращались в Йемен после участия в боевых действиях в Афганистане, Чечне, Боснии, Сомали в рядах «Аль-Каиды» и других аффилированных с ней группировок.

Созданный им Комитет по религиозному диалогу разработал «программу перевоспитания» боевиков, основанную на трех фундаментальных столпах (атрибутах) исламской веры: Коране, Сунне и хадисах. Программа стартовала с провозглашения девиза: «Противостоять идеологии можно только идеологией». Процесс дерадикализации состоял из двух этапов: первый – диалог и реабилитация осужденных, второй – их социализация после освобождения. Комитет, прежде всего, использовал открытые теологические споры с осужденными терро-

ристами, где каждая сторона могла высказать свою точку зрения¹⁵². Обязательными вопросами в ходе дискуссии были следующие: является ли Йемен исламским государством или нет; признают ли заключенные легитимность правления президента Али Абдаллы Салеха; каково их отношение к немусульманским государствам и допустимо ли насилие против немусульманского населения¹⁵³.

Вовлекая заключенных в то, что называлось «богословскими дуэлями», Хамуд аль-Хитар заставлял их находить оправдания своим деяниям. Поскольку оправдания подсудимого подкреплялись чаще всего отсылкой на религиозные писания, судья выдвигал контраргументы, опровергающие правильность трактовок и поступков подсудимого. Если испытуемый адекватно воспринимал критику и принимал умеренную трактовку религиозных текстов, после нескольких сеансов судья предлагал ему подписать письменное обязательство, в котором тот отказывался от своих радикальных взглядов. Взамен молодой боевик (как правило, это молодежь в возрасте от 26 до 30 лет¹⁵⁴) получал несколько сотен долларов и свободу в виде домашнего ареста, что предполагало беспрепятственное перемещение по городу с условием регулярной регистрации в органах правопорядка¹⁵⁵.

По словам аль-Хитара, первый этап программы был успешным: 364 участника (из 420) были освобождены после того, как отказались от своих радикальных взглядов и практически доказали, что не имеют преступных связей¹⁵⁶. «К существовавшему ранее единственному способу борьбы с терроризмом в виде силы, добавился новый, более эффективный – диалог, который доказал всему миру, что перо и язык могут быть сильнее самого совершенного оружия», – подчеркивал аль-Хитар¹⁵⁷.

Объявленные Хамудом аль-Хитаром успехи были на руку главному спонсору йеменской программы дерадикализации – Америке. Глава США неоднократно заявлял о намерении закрыть тюрьму Гуантанамо. Новая йеменская программа, включавшая строительство реабилитационного центра, позволила бы переместить более сотни йеменских заключенных из Гуантанамо в Йемен. Однако уже 2004 г. появились сообщения о том, что некоторые бывшие боевики «Аль-Каиды», освобожденные после прохождения программы дерадикализации, были пойманы во время боевых действий коалиционных сил в Ираке. Усугубили ситуацию показания бывших участников программы. По их словам, «программа Хамуда аль-Хитара была несерьезной». Многие заключенные просто говорили аль-Хитару то, что он хотел ус-

лышать, чтобы выбраться из тюрьмы¹⁵⁸. Порой заключенные, ранее состоявшие в радикальных группировках и не обвиненные в совершении какого-либо конкретного преступления, освобождались после нескольких сеансов «богословской дуэли», если организаторы видели, что они раскаялись¹⁵⁹. После освобождения паспорта не конфисковались, а органы правопорядка не вели тщательного наблюдения за бывшими осужденными¹⁶⁰, которые могли возобновить свои старые связи с радикальными движениями.

Отметим, что поначалу среди экспертного сообщества выдвигались аргументы, которые показывали слабые стороны дерадикализационной программы:

– «внешняя» поддержка как самих осужденных террористов – членов радикальных группировок (материальная – обеспечение деньгами, отправка посылок осужденным; моральная – создание образа борца с несправедливостью), так и их семей (оказание регулярной материальной помощи и т.д.). Некоторые эксперты отмечали, что заключенные – члены радикальных исламистских организаций приобретают авторитет в обществе, которое одобряет шахидизм, и это являлось значимым фактором, определяющим недостаточную эффективность программ дерадикализации исламизма;

– наличие организованных групп осужденных исламистов, которые следят за поведением своих членов в местах изоляции, оказывают им моральную и физическую помощь в необходимых случаях, но и наказывают за сближение с администрацией исправительного учреждения¹⁶¹.

Даже при исправлении недочетов рецидивы проявлений радикального исламизма по-прежнему вызывали озабоченность в общественных и политических кругах Йемена. Проблема рецидива до сих пор является краеугольной в процессе дерадикализации исламистов, поскольку необходимо иметь в виду, что по статистике более 10% из привлекавшихся ранее к ответственности являются «устоявшимися боевиками, с закоренелыми девиантными убеждениями»¹⁶².

Учитывая все нюансы, комитет, скорее всего, направлял свои усилия в первую очередь на то (по крайней мере, на начальных этапах существования программы), чтобы заставить заключенных признать власть государства и получить от них заверения в том, что никакое насилие с их стороны не будет применяться внутри страны. Такого рода подход не являлся в полном смысле дерадикализационным, поскольку дерадикализация предполагает изменение убеждений. В данном слу-

чае речь, скорее всего, шла о некоем «отстранении» – изменении поведения боевиков.

Периодические действия террористических группировок во главе с «Аль-Каидой», а также начавшиеся в 2004–2005 гг. боевые столкновения между правительственными войсками и движением хуситов, которое добивалось увеличения местной автономии на северо-западе страны и укрепления роли их зейдитской версии ислама^{*}, серьезно осложнили внутреннее положение в стране. Появились проблемы с финансированием программы. Помимо финансовых проблем, вскрылись и другие не менее важные аспекты, в определенной степени дискредитировавшие программу дерадикализации. В частности, фиксировалось преднамеренно неправильное обращение со стороны органов госбезопасности с теми, кто был освобожден после первого этапа программы. Лица, отвечавшие за дальнейшую социализацию и установление жесткого контроля над бывшими осужденными, не выполняли в должной мере возложенных на них обязанностей. Еще одним аспектом стало нежелание правящей верхушки во главе с Али Абдаллой Салехом принимать стратегию развития программы, а также финансировать ее, ссылаясь на отсутствие денежных средств¹⁶³.

Как выяснилось, проблема с финансированием не стояла так остро. По некоторым данным, львиная доля средств, выделяемых зарубежными партнерами, в первую очередь США, направлялась не на совершенствование «мягких» подходов по предотвращению проявлений радикального исламизма, а на укрепление силовой составляющей: аппарата госбезопасности и контртеррористических структур, контролируемых должностными лицами, тесно связанными родственными узами с президентом А. Салехом. В частности, сын главы государства Ахмед Али Салех возглавлял Республиканскую гвардию и курировал силы специального назначения. Племянник президента Амар Мохаммед Салех был первым заместителем созданного в 2002 г. Бюро национальной безопасности, занимающегося в числе основных вопросах борьбы с «Аль-Каидой». Другой племянник президента – Яхья Мохаммед Салех – занимал пост начальника штаба Центральных сил безопасности, в ведении которого до событий «арабской весны» нахо-

^{*} Зейдизм представляет собой одно из направлений в шиизме, обычно характеризуемое как достаточно умеренное. Во многих отношениях зейдизм был традиционно ближе к шафиитскому суннизму, чем к иснаашаритскому иранскому шиизму (см. например: *Robinson F. Atlas of the Islamic World Since 1500.* N.Y.: Factson File, 1984).

дилось около 50 тыс. бойцов¹⁶⁴. Также Яхья Салех руководил созданным в 2003 г. контртеррористическим подразделением, непосредственно занимающимся борьбой с терроризмом, главным образом с «Аль-Каидой»¹⁶⁵.

Будучи крупнейшим спонсором Йемена, США ежегодно направляли в среднем от \$20 млн до \$30 млн на обеспечение государственной безопасности¹⁶⁶. Отметим, что накануне событий «арабской весны» эта помощь составила \$176 млн, что было связано с ростом внутренней нестабильности в стране¹⁶⁷. Зарубежная финансовая помощь главным образом направлялась на развитие силовых методов борьбы с радикальным исламом, в то время как программа дерадикализации финансировалась во многом по остаточному принципу, не получая должного освещения в средствах массовой информации. Это в конечном итоге привело к закрытию программы в конце 2005 г., несмотря на многообещающие успехи.

Вопреки тому, что силовые структуры при А.А. Салехе имели достаточную поддержку в развитии и финансировании, они не смогли в должной мере противодействовать исламистской радикальной угрозе и обеспечить внутреннюю стабильность в стране. Отчасти это было связано с крупными масштабами коррупции во властных структурах, а также прагматичным отношением к проблеме терроризма. В частности, йеменские спецслужбы, в рядах которых, как утверждалось, преобладали представители с консервативными салафитскими взглядами, способствовали в 2006 г. побегу двадцати трех боевиков «Аль-Каиды» из тюрьмы в Сане, включая одного из лидеров – Нассира аль-Вахайши. По некоторым данным, «Аль-Каида» в 2008 г. получила военную помощь от отдельных силовых структур Йемена¹⁶⁸.

Оказывая поддержку группировкам «Аль-Каиды», йеменские спецслужбы пытались внести раскол в ряды разношерстного исламистского конгломерата, воевавшего против правительственных войск. В частности, они стремились усилить разногласия между суннитскими радикальными движениями и хуситами, чьи зейдистские убеждения далеки от салафитско-ваххабитских взглядов лидеров «Аль-Каиды».

Продолжавшиеся вплоть до событий «арабской весны» боевые столкновения между правительственными войсками и хуситами, непрекращающаяся деятельность «Аль-Каиды», а также сами события «арабской весны» серьезным образом пошатнули внутривосточную ситуацию в стране¹⁶⁹. Ни о каком возобновлении программы дерадикализации не могло идти и речи.

Особенности внутривнутриполитической нестабильности в Йемене в период «арабской весны»

Помимо накопившихся разногласий между центральной властью и хуситами, к 2011 г. обострился внутриэлитный конфликт в племенной конфедерации хашид. Сосредоточение финансовых и административных полномочий внутри одной правящей семьи привело к внутривнутриплеменным противоречиям, переходу в оппозицию сил, контролируемых группировкой аль-Ахмаров, и серьезному недовольству лидеров племенного союза хашид, которые вместе с частью армейского руководства перестали поддерживать президента.

Активными противниками режима стали различные силы Юга, а также заметная часть модернизированных городских слоев Севера (в особенности в Таизе и Сане), выступавших против засилья племенных элит. Первые выступления против правительства начались еще в январе 2011 г., вскоре после революции в Тунисе. Однако сразу после сообщений об отставке египетского президента Х. Мубарака активность протестных волнений на порядок выросла¹⁷⁰.

После предпринятых президентом А. Салехом попыток остановить протесты (как силой, так и путем уступок) на поверхность вышел давний конфликт между двумя группировками йеменской элиты – кланом Салеха и кланом аль-Ахмаров, контролировавших разные боевые вооруженные формирования. Клан аль-Ахмаров на волне протестных выступлений попытался лишиться власти клан Салехов. Для этого аль-Ахмары стали позиционировать себя как борцы за социальную справедливость и свержение тирании А. Салеха. В этой ситуации лидеры крупнейших йеменских племен хашид и бакиль объявили о своем переходе на сторону оппозиции¹⁷¹.

Помимо различных племен, оппозиционную линию заняли представители Единой партийной ассамблеи Йемена, которая была сформирована в 2005 г. Кроме того, ситуация усугублялась деятельностью на юге страны вооруженного сепаратистского движения «Аль-Хирак», добивающегося воссоздания независимого Южного Йемена.

В ходе непрекращающихся протестных движений А. Салеху пришлось подать в отставку. 23 ноября 2011 г. он вылетел в Саудовскую Аравию, чтобы подписать документ о передаче президентских полномочий своему заместителю, вице-президенту Абд-Раббу Мансуру аль-Хади в течение 30 дней и официально уйти в отставку к президент-

ским выборам 21 февраля 2012 г. в обмен на иммунитет от уголовного преследования для него и его семьи¹⁷².

Попытки возобновления программы дерадикализации после А. Салеха

Новая власть во главе с Абд-Раббо Мансуром Хади осознавала необходимость возобновления и развития программы дерадикализации 2003–2005 гг. для обеспечения государственной безопасности. Подход правительства заключался в разработке комплексной стратегии, включающей межсекторальные меры по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом. Предполагалось, что эти меры будут эффективными и, что самое важное, соразмерными имеющимся финансовым ресурсам.

28 августа 2012 г. президент М. Хади поручил правительству пересмотреть и принять комплексную национальную контртеррористическую стратегию, первоначально разрабатывавшуюся еще в 2003 г., с учетом материалов, представленных всеми министерствами, в т.ч. министерствами образования, информации и юстиции. 18 сентября 2012 г. правительство приняло новую стратегию, предполагавшую создание специального органа, который в числе основных непосредственно занимался бы проблемами дерадикализации исламистов. Помимо прочего, контртеррористическая стратегия включала в себя семь основных задач:

- 1) искоренение экстремизма путем устранения основных причин его возникновения, а также источников финансирования во всех провинциях Йемена;
- 2) активизация роли органов безопасности во всех провинциях и создание чрезвычайных подразделений;
- 3) оказание содействия военному комитету, созданному по инициативе Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в осуществлении его миссии по поддержанию стабильности и безопасности в стране;
- 4) повышение осведомленности граждан о негативных последствиях терроризма и экстремизма;
- 5) поощрение граждан за помощь и сотрудничество с силовым и военным аппаратом в противодействии терроризму и экстремизму;
- 6) защита йеменского общества от распространения экстремизма;
- 7) ликвидация террористических организаций вместе с их членами и лидерами¹⁷³.

В 2014 г. подготовка к реализации намеченных в 2012 г. планов была завершена. 14 мая 2014 г. президент Хади издал указ о создании комитета по активизации и дальнейшему развитию йеменской программы реабилитации и реинтеграции боевиков. Комитет, входивший в состав Бюро национальной безопасности, состоял из представителей 12 министерств и ведомств, включая министерства иностранных дел, по делам религий, образования, по правам человека и по правовым вопросам. Опираясь на предыдущие усилия, предпринятые в 2003 г., и опыт других подобных центров (в т.ч. Реабилитационного центра им. Мухаммеда ибн Наифа в Саудовской Аравии), комитет осуществлял разработку комплексных программ для будущего центра, таких как программы идеологического консультирования, оценки физического и духовного здоровья, образования и профессиональной подготовки, а также реинтеграции после освобождения и семейного благополучия. Комитет при содействии и поддержке международных партнеров, включая США, Саудовскую Аравию и ООН, готовился к запуску пилотного проекта в Сане.

Позднее в 2014 г. он несколько раз пытался организовать официальные визиты в Сану представителей Организации Объединенных Наций (Межрегионального научно-исследовательского института ООН по вопросам преступности и правосудия, базирующегося в Италии) и других международных партнеров для завершения оценки программы и начала строительства реабилитационного центра. Однако намеченные планы реализовать не удалось. Боевые успехи хуситов привели к тому, что в сентябре 2014 г. они захватили Сану, а к марту 2015 г. – большинство населенных пунктов на северо-западе страны¹⁷⁴. Помимо этого, они захватили большую часть правительственных запасов бывших советских зенитно-ракетных комплексов и связанных с ними радаров, а также переносные ЗРК.

Заключение

Революционные события в сентябре 2014 г. в Йемене внесли существенные коррективы в планы по реализации программы дерадикализации исламистов. На сегодняшний день т.н. противодействие религиозному экстремизму и терроризму оказывается в рамках отдельных контртеррористических операций при поддержке спецподразделений США. Для возобновления программы необходимо прекратить кровопролитие, начать мирный диалог между противоборствующими сто-

ронами, восстановить государственную систему управления и оживить экономику.

Даже если принять во внимание восстановление в ближайшей перспективе государственности и экономики, Йемен, как самая бедная страна на Ближнем Востоке, вряд ли сумеет реализовать на должном уровне программу реабилитации террористов по примеру соседней Саудовской Аравии. Несмотря на относительный успех и эффективность саудовской программы дерадикализации, обладание огромными богатствами позволяет саудовским властям покупать лояльность радикальных исламистов, не прибегая порой к реабилитационным и силовым методам. Серьезная финансовая зависимость Йемена от зарубежных партнеров, требующая выполнения определенных обязательств, также не позволит в полной мере реализовать применение несиловых методов борьбы против религиозного экстремизма.

2.6. Дерадикализация исламистов в современной Индонезии: участники и программы идеологических дебатов и «войн памяти»

Введение

Особое место в мире современного ислама принадлежит Индонезии – стране с самым большим процентом мусульман в структуре населения. Индонезийский ислам обладает набором формальных характеристик. На территории Индонезии распространен ислам суннитского толка. В стране активно действуют мусульманские политические партии и общественные организации. Индонезия принадлежит к числу государств с развитой системой мусульманского религиозного образования на уровне как средней, так и высшей школы. Подобно другим государствам с численным доминированием мусульман, в рамках ислама Индонезии мы можем выделить умеренное и радикальное течение. Наиболее заметную роль в жизни общества играют сторонники умеренного ислама, которые определяют основные векторы, траектории и направления развития уммы.

Доминирование умеренных трендов вовсе не исключает отсутствия радикальной альтернативы, вынуждающей власти и правящие элиты мусульманских стран разрабатывать и реализовывать комплексные программы дерадикализации¹⁷⁵. Развитие радикального ислама в Ин-

донезии связано с рядом факторов. После установления режима «нового порядка» в середине 1960-х гг. Сухарто использовал исламистов для ликвидации левой угрозы, что привело не только к активизации политического ислама, но и к его превращению в системный вызов действующей власти. Таким образом, элиты Индонезии начиная с середины 1960-х гг. воспринимали исламизм в качестве основного вызова. В такой ситуации значительные усилия репрессивной политики властей, стремившихся к ослаблению оппозиции со стороны ислама, были направлены против политически активных и оппозиционно настроенных мусульман, что привело к обратным результатам, стимулируя не только консолидацию уммы, но и усиление радикальных тенденций в функционировании индонезийского ислама.

Кризис режима Сухарто и его отстранение от власти в 1998 г. привели не только к началу процессов демократизации индонезийского общества, но и фактическому возрождению политического ислама не только в умеренной, но и в экстремистской форме. Факторы, которые содействовали появлению радикального ислама, в политической жизни Индонезии были различны¹⁷⁶, отражая преимущественно незавершенность и противоречия авторитарной модели модернизации. Практически сразу после начала демократизации в 1998 г. был институционализирован «Фронт защитников ислама» (*Front Pembela Islam*), ставший в последующие годы крупнейшей официально зарегистрированной исламистской организацией в Индонезии¹⁷⁷. С Фронтом были связаны и другие радикальные группы, включая «Индонезию без либерального ислама» и «Национальное движение против алкоголя»¹⁷⁸. Активность радикалов на протяжении 2000–2010-х гг. была относительно разнообразной, включая борьбу против общественных активистов, феминистского движения, либералов, христианских и других меньшинств¹⁷⁹, что вынуждало власти реагировать, принимая меры, ограничивающие усиление радикалов¹⁸⁰. Лидером исламистов в Индонезии был Мухаммад Ризик бин Хуссейн Шихаб, пока в декабре 2021 г. он не был арестован (формально за нарушение антиковидных ограничений), а Фронт не был запрещен и юридически ликвидирован¹⁸¹.

Несмотря на формальное завершение деятельности крупнейшей исламистской организации в Индонезии, угроза радикального ислама в обществе продолжает оставаться актуальной. В 2022 г. сторонники радикального ислама предпринимают попытки перегруппировки и институционализации новой политической партии, которая смогла бы

объединить исламистов и содействовать консолидации экстремистских течений. В такой ситуации элиты вынуждены проводить политику, направленную на дерадикализацию ислама, что характерно не только для Индонезии, но и для других мусульманских стран¹⁸².

Дерадикализация ислама в Индонезии связана с активностью правительства, специальных служб, силовых структур, системой мусульманского образования, деятельностью крупнейших общественных организаций мусульман, к которым относятся «Мухаммадия» и «Нахда-тул Улама» («НУ»). Кроме этого, элиты активно в рамках дерадикализации используют и историческую политику, что существенно отличает индонезийские формы дерадикализации ислама от аналогичной активности элит в других мусульманских странах. Таким образом, целью исследования является анализ индонезийской формы дерадикализации, а в число задач входит:

1) изучение участия мусульманских общественных организаций и связанных с ними образовательных учреждений в профилактике распространения среди верующих радикальных настроений и

2) анализ политики памяти как компонента в борьбе с экстремистскими течениями в современной индонезийской умме.

Дерадикализация исламистов в Индонезии: акторы, программы, особенности реализации

Политика дерадикализации в Индонезии имеет свои особенности, отличающие ее от аналогичных мер в других мусульманских странах. В 2010 г. Индонезия создала Национальное агентство по искоренению терроризма, призванное бороться с радикальными течениями в исламе и содействовать дерадикализации тех сегментов уммы, где умеренные настроения не оказали такого влияния, как идеи радикалов. К 2013 г. Агентство выработало свои методы дерадикализации сторонников не-системного ислама, отбывающих тюремное заключение, включающие выявление степени вовлеченности осужденного и его семьи в деятельность радикальных исламистов; идеологическую обработку заключенных с целью сделать их воззрения более умеренными; участие заключенных в программах переобучения и профессиональной подготовки с целью избежать их возвращения к радикалам; интеграцию в общество после отбытия срока наказания¹⁸³. По мнению российского историка и политолога А.Ю. Другова, дерадикализация в Индонезии основана на «личном убеждении, контрпропаганде и идеологическом воздейст-

вии»¹⁸⁴. В такой ситуации основными акторами дерадикализации становятся органы власти (Министерство внутренних дел), силовые структуры (Государственное разведывательное управление) и мусульманские организации («Мухаммадия» и «НУ»), лояльные светскому режиму. На современном этапе дерадикализация проводится в соответствии с Законом о мерах по борьбе против терроризма, принятым 25 мая 2018 г.

Для современной Индонезии, по мнению Мохаммеда Ильяса и Райвиндера Атвала, дерадикализация «означает идеологическую трансформацию, при которой происходит отказ от экстремистского понимания ислама и принятие умеренного, в ряде случаев государственно-центристского»¹⁸⁵ понимания этой религии. Принимая во внимание то, что юридическая сторона процессов борьбы с экстремистскими тенденциями в индонезийском исламе¹⁸⁶, правовой уровень дерадикализации описаны в современной историографии, в центре авторского внимания в представленном разделе будут две стороны дерадикализации, удачно определенные А.Ю. Друговым как «контрпропаганда» и «идеологическое воздействие» на современном этапе. Необходимость анализа именно этих форм дерадикализации в актуальных условиях стимулируется незначительной степенью их изученности в современной российской историографии.

Индонезия активно реализует программы дерадикализации¹⁸⁷ начиная с 2010 г. Первая волна дерадикализации была направлена на бывших членов радикальных исламистских групп, арестованных и осужденных за терроризм. Программа, реализованная в первой половине 2010-х гг., решала две задачи: собственно дерадикализация и последовательное размежевание умеренных и радикальных мусульман, отделение первых от вторых. Среди целей программы был сбор информации о религиозных экстремистах, их окружении и связях для предотвращения и недопущения новых террористических актов¹⁸⁸. Основными объектами дерадикализации в рамках этой программы являлись заключенные, осужденные за участие в исламистских террористических организациях¹⁸⁹. Среди методов, которые применялись властями, особую роль играла идеологическая обработка, направленная на отказ от радикализма в пользу принятия культурных особенностей ислама региона Нусантара, с одной стороны, и принципов панчасилы – с другой. Основным пространством реализации первой программы по дерадикализации стала тюрьма Сурьядхарма, а куратором – *Densus 88*, одна из индонезийских специальных служб, созданная для борьбы с тер-

роризмом. В целом программа дерадикализации первой половины 2010-х гг. была мягкой: например, офицеры охраны совершали намаз и разделяли ифтар вместе с задержанными.

В рамках программы дерадикализации особое внимание уделялось работе с лидерами исламистов, которые в начале 2010-х гг. оказались в заключении. Среди них выделяются две фигуры – Насир бин Абас и Али Имрон. Первый известен как активист «Дар аль-Ислам» и участник военных действий в Афганистане в 1980-е гг., а второй как участник этнических конфликтов на территории Индонезии. Оба исламиста имели боевой опыт, и их перевоспитание воспринималось как успех программы дерадикализации в целом, так как они пользовались авторитетом среди индонезийских исламистов¹⁹⁰. Власти использовали Абаса и Имрона для агитации среди рядовых исламистов с целью их отказа от радикальных убеждений. Вместе с тем использование лидеров исламистов в программе дерадикализации не может быть определено как ее успех в силу того, что инициаторы ставили иные задачи, будучи заинтересованными в получении в первую очередь информации¹⁹¹. И все же некоторые члены радикальных групп после отбытия срока наказания не вернулись к применению насилия, хотя большая часть вынужденных участников программы только имитировала раскаяние, не меняя своих идеологических предпочтений.

Во второй половине 2010-х гг. власти Индонезии внесли коррективы в программы дерадикализации. С одной стороны, они по-прежнему направлены как на дерадикализацию, так и на разделение мусульман на умеренных и радикальных. С другой – были существенно изменены акценты программы. Если ранее главными объектами программы были исламисты, которые действовали на территории Индонезии, то начиная с середины 2010-х гг. основное внимание было направлено на индонезийских граждан, участвовавших в деятельности радикальных групп и ведении боевых действий на территории Ближнего Востока. По данным индонезийских экспертов, начиная с 2014 г. из стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь из Индонезии и Малайзии) в военных действиях на Ближнем Востоке принимало участие более 1000 боевиков¹⁹², что указывает на возможные масштабы будущей радикализации в случае их возвращения на родину. Индонезийское общество отнеслось к перспективе их повторного прибытия в страну без энтузиазма¹⁹³, опасаясь роста радикальных настроений среди мусульман.

Трансформация и изменение внутренней структуры радикального ислама, его новые характеристики в Индонезии привели к тому, что

власти были вынуждены внести коррективы в политику дерадикализации. Необходимость пересмотра более ранних подходов была связана и с гендерно-ролевыми трансформациями радикального ислама. Чаула Рининта Аниндя, комментируя новые социокультурные признаки исламского радикализма, подчеркивает, что «терроризм больше не является исключительно мужской прерогативой в Индонезии... Роль женщин в террористических сетях Индонезии до сих пор диктовалась их родственными связями через брак, включая содействие логистике и финансированию террористических актов, но прослеживается тенденция к тому, чтобы женщины брали на себя более боевые роли»¹⁹⁴. Таким образом, если на раннем этапе реализации программы основными ее объектами были взрослые мужчины, то во второй половине 2010-х гг. в центре внимания оказались женщины и дети¹⁹⁵. Смена акцентов была продиктована результатами расследования террористических актов 2018 г. и выявлением вовлечения исполнителей терактов в радикальные организации индонезийцами, ранее побывавшими на Ближнем Востоке¹⁹⁶.

Программы дерадикализации недостаточно эффективны в силу ряда факторов, в числе которых слабая согласованность действий различных индонезийских специальных служб и уммы; непродолжительный срок реализации программы для каждого подопечного (в среднем – один месяц); преимущественно религиозный характер программы, так как большинство бесед с задержанными сводится к вопросам ислама; игнорирование политического фактора, так как исламисты могут не принимать современный режим по идеологическим причинам. Таким образом, индонезийскими экспертами подчеркивается необходимость активизации политики дерадикализации. Например, Йоханес Сулайман, преподаватель факультета международных отношений Университета Джендрала Ахмада Яни (Чимах), полагает, что индонезийскому правительству необходимо справиться не только «с растущей нетерпимостью, чтобы выиграть сегодняшнюю битву с терроризмом, но и не проиграть при этом войну с радикализмом»¹⁹⁷, для чего требуется координация как полицейских мер, так и идеологического воздействия на исламистов и их потенциальных сторонников.

Комментируя особенности и проявления дерадикализации, Али Мухаммад и Эрик Хиариэджд полагают, что сам концепт «дерадикализация» может описать процесс, с помощью которого при непосредственном участии властей бывшие активисты и члены радикальных исламских групп способны отказаться и отказываются от своей привер-

женности крайним убеждениям в силу того, что те могут привести их к применению организованного насилия против других мусульман, а также представителей немусульманских сообществ¹⁹⁸. В целом начиная с середины 2000-х гг. в Индонезии наблюдается увеличение числа программ и мероприятий по дерадикализации, которую в реалиях этой страны следует понимать как гегемонистский проект принудительно-го изменения ценностей и предпочтений, стремящийся заменить мировоззрение, основанное на исламском радикализме, идеями гражданской индонезийской идентичности.

Идеологическая полемика и контрпропаганда как формы дерадикализации исламистов в Индонезии

Среди умеренных представителей уммы распространено мнение, что именно «две организации исламского движения, которые родились из чрева архипелага, могут быть солнцем и почвой для прогрессивного исламского просвещения»¹⁹⁹. Подобная точка зрения призвана консолидировать индонезийскую умму, чем и пользуются лидеры «Мухаммадии» и «НУ», фактически являясь единственными легитимными представителями мусульманского сообщества в глазах властей Индонезии. В связи с этим усилия организаций мусульман направлены на формирование и продвижение привлекательного образа ислама, который «не является религией, сковывающей и ограничивающей людей. Ислам также не является утопической религией, относящейся к людям так, как если бы они были ангелами, у которых вообще нет никаких желаний. Ислам относится к людям согласно их человеческой природе. Ислам действительно дает человеку широту и простор для ощущения радостей жизни, пока не нарушаются установленные пределы»²⁰⁰.

В этом отношении «Мухаммадия» и «НУ» как участники дерадикализации²⁰¹ отвечают за распространение умеренного ислама, создавая негативный образ радикализма, показывая его как отступление от норм религиозной морали и их непосредственное нарушение. В этой ситуации представители крупнейших организаций индонезийской уммы апеллируют к ценностям и авторитету Корана²⁰², стремясь закрепить за собой монопольное право на его толкование, что сочетается с их стремлением к общей модернизации ислама и формированию его образа как умеренной и терпимой религии²⁰³ и в целом вписывается в логику дерадикализации. Таким образом, дерадикализация предусмат-

ривает формирование нового образа ислама, интегрированного в структуру современного государства и общества²⁰⁴ как преимущественно светских институтов. В этом контексте дерадикализация ислама в Индонезии в большей степени протекает в рамках идеологической полемики и контрпропаганды, что ведет к активизации мусульманской политической мысли, направленной на модернизацию учения за счет отказа от традиций, являющихся архаичными в современном обществе²⁰⁵.

Подобная активность крупнейших мусульманских организаций стала результатом того, что исторически в Индонезии сложился уникальный тип мусульманского общества, которое, по мнению исследователей, «молчаливо, стабильно, застойно и прагматично»²⁰⁶, что, с одной стороны, делает его удобным пространством для активности радикалов, а с другой – существенно ослабляет возможности радикализации в силу консервативности и закрытости уммы, ее несклонности позитивно реагировать на внешние влияния.

Таким образом, на официальном уровне «Мухаммадия» декларирует преимущественно социальные и гуманитарные цели²⁰⁷, а развитая система среднего образования, связанная с крупнейшими мусульманскими организациями²⁰⁸, интегрируется в механизмы дерадикализации мусульман, основанной на формировании не только религиозной, но и гражданской идентичности. «Мухаммадия» на современном этапе ее истории, как подчеркивает руководство организации, «представляет прогрессивный ислам, сфокусированный на просвещении народа, нации и всего человечества», а в число приоритетных задач движения входит «проповедь мирного, терпимого и благородного ислама»²⁰⁹, в корне отличного от радикальных течений, что свидетельствует о включенности «Мухаммадии» в процессы дерадикализации в качестве младшего союзника или посредника политических элит в их диалоге с уммой.

Позиционируя ислам именно в гуманистическом контексте, лидеры «Мухаммадии» полагают, что основной жертвой радикальных исламистов в Индонезии стал сам ислам, так как радикалы существенно ухудшили его имидж, на борьбу с чем и направлены усилия умеренной части уммы²¹⁰, которая контролирует систему образования²¹¹, формирующую ценности мусульман, основанные на лояльности, в т.ч. светским властям. Хаедар Насир, генеральный председатель «Мухаммадии», полагает, что из-за более широкого освещения в СМИ исламского радикализма в обществе усиливается представление об исламе

как «источнике радикализма, точнее – терроризма»²¹². Другая крупнейшая мусульманская индонезийская организация «НУ» возлагает ответственность за терроризм на радикалов, настаивая, что большинство мусульман не приемлет насилие. Профилактике терроризма как атрибута радикального ислама, по мнению руководства крупнейших организаций индонезийских мусульман, должны служить религиозные школы²¹³, социализирующие новые поколения не только в русле верности умме, но и в контексте лояльности государству. Внося свой вклад в дерадикализацию ислама, «НУ» настаивает на том, что «большинство мусульман не фундаменталисты, а большинство фундаменталистов не террористы, но большинство современных террористов являются мусульманами и гордо называют себя таковыми... но на самом деле это очень негуманно – нести знамя ислама как легитимное право причинять боль и убивать других людей... фактически это удар по мусульманам, потому что в реальности многие террористические акты совершаются людьми, утверждающими, что они мусульмане, но не отстаивающими человеческие ценности в исламе, которые являются неотъемлемой частью этой религии»²¹⁴.

В этом контексте мусульманские организации одну из задач дерадикализации видят в изменении образа ислама и деконструкции стереотипа о его связи с терроризмом²¹⁵, что предусматривает формирование одновременно негативного образа радикального и положительного образа умеренного ислама. Крупнейшие организации мусульман через контролируруемую ими систему образования стремятся формировать традиционные коранические ценности²¹⁶, последовательно маргинализируя радикальные тренды, отсекая последние от ресурсов влияния на большинство верующих. В рамках официального дискурса крупнейших мусульманских организаций Индонезии распространено мнение, что для ислама нехарактерна радикализация, так как он является религией, склонной к преодолению этнических и языковых границ и поэтому подвержен интернационализации. Кроме этого, предполагается, что исламу следует адаптироваться к условиям современного общества и принять то, что «в наши дни религиозная жизнь существует без духовности и содержит только повторение без глубокого понимания учения ислама... Мы не более чем машины, запрограммированные совершать молитвы, не чувствуя последствий. Поэтому в религиозной практике не следует основываться на узком построении мысли, но наполнять ее общечеловеческими религиозными ценностями и отвечать на новейшие вызовы»²¹⁷.

Среди этих угроз более опасной, по мнению крупнейших мусульманских организаций, является не секуляризация, а радикальный ислам. Если первая формально опасна только с той точки зрения, что уменьшает интерес к религии, то второй, как настаивают умеренные индонезийские богословы, опасен своим неверным пониманием ислама и его подменой идеями, исторически несвойственными для этой религии. Поэтому теоретики «Мухаммадии» настаивают, что для индонезийского ислама характерны три системные особенности, которые гарантируют его умеренность и предохраняют умму от радикализации: мирное «распространение исламской идентичности», «интернационализация Мухаммадии» и «исламский космополитизм»²¹⁸. Созвучные идеи выражает и «НУ», теоретики которой настаивают, что она, «как крупнейшая религиозная организация в Индонезии, должна играть более активную роль в минимизации возможности насилия во имя религии»²¹⁹.

Такие характеристики ислама, по мнению, например, лидеров «Мухаммадии», могут быть достигнуты только в условиях диалога между уммой и светским государством, если второе не будет препятствовать религиозному образованию, начиная с самого раннего возраста. Кроме этого, их достижение, по мнению теоретиков «Мухаммадии», возможно только в тех случаях, когда мусульмане будут «рабами Аллаха, продолжающими поддерживать ислам, укреплять веру, заботясь об исламе»²²⁰, что невозможно в случае поддержки со стороны верующих радикальных течений, являющихся, как настаивают представители крупнейших организаций индонезийской уммы, нарушением и отступлением от норм ислама.

Таким образом, в качестве успешного проекта, направленного на формирование мусульманской идентичности в светском государстве²²¹, не отрицающей ценностей светского национализма, воспринимается проект «*Bukulqro*», инициатором которого стал Асад Хумам, воспринимаемый в рамках официальной политической мифологии «Мухаммадии» как один из отцов-основателей организации в XX в. и «*guru revolusionis Muhammadiyah*», то есть «революционный наставник Мухаммадии»²²². Ему в заслугу ставят социализацию нескольких поколений индонезийских мусульман, ставших лояльными гражданами светского государства. В сфере образования «Мухаммадия», как и «НУ», склонна продвигать традиционные ценности умеренного ислама²²³, апеллируя к общеисламской культурной традиции²²⁴, учитывая региональные культурные особенности Индонезии²²⁵, полагая, что

одновременный учет всех этих факторов в рамках социализации может стать основой для противостояния радикальным тенденциям. Политическая программа современной «Мухаммадии» основана на формировании и продвижении образа ислама не просто как привлекательной, но и умеренной, а иногда даже современной и конформистской религии. Например, предполагается, что индонезийский ислам «вообще не запрещает развлечения при условии, что они не содержат вредных элементов, не отображают физические и половые органы, не содержат элементов волшебства, не причиняют вреда животным, не содержат элементов азартных игр, не беспокоят и не оскорбляют других людей»²²⁶.

Все эти атрибуты приписываются умеренному исламу, в то время как его оппонентам из лагеря радикалов приписывается резко негативное отношение как к немусульманам, так и ко всем перечисленным выше атрибутам современного общества. Подобные идеи воспринимаются как нововведения необразованных людей²²⁷, что, по мнению «Мухаммадии», противоречит нормам ислама. Поэтому радикальные тенденции в исламе автоматически относятся к числу нелегитимных. Таким образом, отрицательное отношение к современности в официальном дискурсе крупнейших мусульманских организаций Индонезии воспринимается как проявление радикального ислама, теоретики которого обвиняются в неспособности провести четкие границы между «религиозной ответственностью и личной ответственностью»²²⁸ и фактически легитимируют насилие, оправдывающееся религиозными лозунгами.

Кроме этого, теоретики «Мухаммадии» склонны видеть истоки опасности радикального ислама в крайней идеологической поляризации индонезийского общества, так как, по мнению Х. Насира, «мысли и идеологические течения атеизма, агностицизма и коммунизма продолжают жить и не умирают, сообщество атеистов и агностиков продолжает расти, они получают свободное пространство во имя реализации прав человека»²²⁹, что радикалами воспринимается как угроза исламу и используется ими для придания законного характера своим действиям, фактически не соотносящимся с традициями умеренного индонезийского ислама. Именно поэтому крупнейшие организации индонезийского ислама, «НУ» и «Мухаммадия», склонны активно участвовать в дерадикализации как при помощи системы образования²³⁰, так и в рамках общей полемики с радикалами, их идеологической критики²³¹ и осуждения через свои ресурсы и государственные

средства массовой информации, понимая, что это не только гарантирует их контроль над уммой, но и устраняет опасность появления альтернативных структур. Именно поэтому Х. Насир и выражает свои опасения, что «ветры секуляризма и либерализма дуют все больше и больше, как будто у них есть свободное место среди наших опасений по поводу исламского радикализма»²³².

В подобном отношении лидеров «Мухаммадии» в определенной степени заметно стремление переложить часть ответственности за усиление радикалов на сторонников светского государства и либерализма, воспринимаемых в качестве естественных стимулов для усиления крайних тенденций в исламе. В такой ситуации «Мухаммадия» в своей идеологии в начале 2020-х гг. стала склоняться к исламу как к религии осознанного выбора, но не веры по предписанию, наследству и тем более принуждению. По мнению представителей организации, гарантией от радикализации ислама будет его рациональное понимание, а не простое следование традиции. В такой ситуации лидеры «Мухаммадии» регулярно практикуют издание фетв, посвященных, например, отношениям между мусульманами и немусульманами.

Развивая межконфессиональный диалог и тем самым содействуя усилению умеренного ислама в противовес радикальным настроениям, лидеры «Мухаммадии» фактически участвуют в процессах дерадикализации, став пропагандистами концепции мультикультурного общества²³³. Поэтому они настаивают, что мусульмане должны «общаться и иметь хорошие отношения с немусульманами внутри общины, включая употребление пищи, подаваемой при посещении немусульманских домов, если она не содержит запрещенное или что-то противозаконное»²³⁴. Поэтому умеренная проповедь идей мультикультурализма²³⁵ воспринимается как важный компонент идеологической полемики с радикалами, свидетельствуя о включенности институционализированной части уммы в практики дерадикализации. В такой ситуации теоретиками «Мухаммадии» признается, что «если Индонезия хочет прогресса, то ей необходимо подражать Сингапуру или Западу, где религия ограничивается частными и внутренними делами и не затрагивает общественную и государственную сферы. Именно поэтому уроки религии и джихада должны быть пересмотрены»²³⁶ в направлении большей открытости и актуализации плюралистического характера индонезийского общества, которое именно своим разнообразием противостоит угрозам радикального ислама, проводя тем самым политику дерадикализации уммы.

Таким образом, идея, что «страдания являются мерой качества веры», начинает восприниматься как ошибочная и устаревшая. Кроме этого, уверенность части уммы в том, что «чем больше страданий, тем ближе ты к Богу», признается не совсем верной, а практика, при которой «люди все еще настаивают на посте во время хаджа, совершают многократные молитвы во время путешествия с молитвенными ковриками посреди суеты терминалов», признается ошибочной и не имеющей «ничего общего с качеством веры»²³⁷. На уровне официального дискурса крупнейшие мусульманские организации Индонезии заинтересованы в формировании более современного и, как следствие, привлекательного имиджа ислама и, таким образом, стремятся связать религию с индонезийским национализмом²³⁸. Радикальный ислам в такой ситуации может редуцироваться до одной из угроз проекту индонезийского национализма, так как принципы уммы как примордиальной категории могут быть плохо совместимы с ценностями нации как современного конструкта. Умеренные крупнейшие организации мусульман в ситуации противопоставления нации и радикального ислама актуализируют потенциал первой как воображаемого сообщества. Поэтому националистическая идеология, секулярная в своей основе, воспринимается как система, способная гарантировать индонезийцам защиту от крайностей религиозного самосознания и фундаментализма не только как членам уммы, но и как представителям индонезийской политической гражданской нации.

«НУ», воспринимая национализм²³⁹ в качестве одной из универсалий современной политической культуры²⁴⁰, использует в значительной степени аналогичную риторику, например, апеллируя к опыту Мухаммада Хасима Аси'ари (1871–1947 гг.), который, по мнению идеологов движения, не только стремился «пробудить национализм индонезийского народа, чтобы изгнать захватчиков», но и оказался в состоянии «доказать, что религия и национализм могут усилить друг друга в построении нации и государства. Эти два элемента не могут быть отделены друг от друга. Исламу требуется родина как земля для проповеди и распространения религии, а родине нужен дождь из религиозных ценностей, чтобы она не была бесплодной и сухой»²⁴¹. Таким образом, крупнейшие индонезийские мусульманские организации актуализируют свой вклад в национализм, что стало фактически их вкладом в дерадикализацию, так как для сторонников радикального ислама ценности уммы важнее принципов нации и преимущественно светской идентичности.

В этой ситуации «Мухаммадия» вынужденно оказалась участницей не только формирования и консолидации гражданской идентичности политической индонезийской нации, но и включилась в 2020–2022 гг. в борьбу с пандемией коронавируса. Участие уммы, представленной ее крупнейшими организациями, в противостоянии коронавирусной инфекции стало одной из форм дерадикализации ислама. В этом отношении пропаганда санитарных ограничений и достижений медицины со стороны лидеров мусульманского сообщества воспринималась как вклад в борьбу с радикальными течениями в исламе, сторонники которых отрицали само существование коронавируса. В связи с этим д-р, проф. Хаедар Насир, генеральный председатель «Мухаммадии», подчеркивал, что «ислам действительно богат гуманистической мыслью и ориентирован на жизнь... ислам – это религия, которая учит цивилизованности и благородному характеру в качестве основного своего послания»²⁴², полемизируя тем самым с приверженцами радикального ислама, отрицавшими необходимость коронавирусных ограничений.

По мнению Х. Насира, пандемия дала шанс индонезийской умме консолидироваться, актуализировать свои лучшие качества и противопоставить их радикализму своих оппонентов, «устранив споры, оппортунизм и политическую жестокость, которые усугубляют бремя нации»²⁴³. Ответственность за эти проблемы крупнейшие мусульманские организации возлагают на радикалов, приписывая последним неправильное понимание ислама «как символа», что, по их мнению, «вредит людям как материально, так и нематериально через анархическое поведение». Так, согласно логике официального ислама, радикалы «застражили в символическом понимании веры, которое размывает благородное религиозное учение»²⁴⁴.

В этом отношении линия разделения между «НУ» и «Мухаммадией», с одной стороны, и радикалами – с другой, проходит в сфере притяжения или неприятия модернизма как основы развития доминирующих частей уммы. Поэтому официальный дискурс «Мухаммадии» фактически представляет, изобретает и конструирует индонезийцев как единую нацию вне зависимости от их религии. По сути, аналогичные нарративы преобладают в политическом воображении «НУ», которая воспринимает национализм в качестве гражданской альтернативы исламскому радикализму²⁴⁵. В официальном политическом представлении умеренного ислама мусульманин фигурирует как «благочестивый человек, который может контролировать свой гнев»²⁴⁶, в то время как на радикалов проецируется характеристика нетерпимости.

Декларации руководства «Мухаммадии» о том, что верующие мусульмане могут быть «донорами крови для немусульман или принимать доноров-немусульман, получать денежные средства, одежду и медицинскую помощь по гуманитарным программам от немусульман, поддерживать немусульманских сирот, сожалеть о смерти немусульман, посещать исторические места других религий»²⁴⁷, воспринимаются как шаги, направленные на укрепление общегражданской идентичности, позиционируемой в качестве альтернативы радикальным течениям, которые, наоборот, крайне негативно воспринимают присутствие в индонезийском обществе немусульман, представляя его как исключительно исламское.

В этом контексте мусульманские организации оказываются вовлеченными в процессы дерадикализации, так как они фактически становятся акторами борьбы за права человека²⁴⁸, начиная продвигать в большей степени гуманитарную, нежели исключительно религиозную повестку, что стимулирует фрагментацию уммы, выделяя умеренных реформистов и маргинализируя радикалов. Таким образом, идеи модернизма стали лейтмотивом в современном идеологическом дискурсе «Мухаммадии», руководство которой настаивает на том, что, активно включаясь в сферу образования²⁴⁹, общественные мусульманские организации «должны быть более продвинутыми, если они хотят играть свою роль в движении людей, нации и мира к идеям универсальности человечества»²⁵⁰.

Вместе с тем попытки модернизации ислама сталкиваются с критикой со стороны общественных мусульманских организаций Индонезии, которые последовательно осуждают идеи радикальной секуляризации и массовой культуры, полагая, что, например, продажа маек с надписью «*Kalo Surga Milik Kaummu, Biarkan Kami Di Neraka Dengan Kebhinekaan*» («Если рай принадлежит вашему народу, отпустите нас в ад за разнообразием»)²⁵¹ является не проявлением прогрессивности общества, но обеспечивает радикалов новыми аргументами в их полемике с официальным исламом. Подобные радикальные версии культуры воспринимаются как содействующие радикализации, так как ставят под сомнение вклад крупнейших мусульманских организаций в формирование умеренной версии культурной идентичности²⁵². Склонность к модернизации воспринимается как проявление эффективности организации и ее адаптивного потенциала, способности реагировать на угрозы радикализации ислама, отвечая на них при помощи современной программы.

В рамках подобного понимания ислама идеологи «Мухаммадии» утверждают, что мусульманам необходимо, придерживаясь традиционных моделей образования и социализации²⁵³, «избегать опасностей крайних способов мышления и не причинять вред другим людям, так как ислам призывает мусульман всегда быть посередине и не становиться предвзятыми»²⁵⁴. В такой ситуации дерадикализация ислама в современной Индонезии практикуется в форме поддержки и продвижения подконтрольного государству умеренного ислама и актуализации культурных особенностей уммы²⁵⁵, основанной на ее культурной и языковой гетерогенности, воспринимаемой как гарантия от радикализации ислама, так как рост радикальных тенденций потенциально создаст угрозу для единства страны. Таким образом, теоретики современной «Мухаммадии» полностью разделяют позицию националистов межвоенного периода, которые настаивали на том, что «индонезийская нация будет свободна от колониализма, если она успешно преобразуется в нацию знаний»²⁵⁶. Именно в этой плоскости лидеры «Мухаммадии» склонны проводить разделительные линии между умеренным и радикальным исламом.

С одной стороны, крупнейшие мусульманские организации Индонезии не скрывают своей склонности к модернизму, подчеркивая в связи с этим, что «религиозное понимание не может использоваться как абсолютная истина, потому что является лишь результатом развития человеческой мысли и откровением, которое более не изменится». С другой, акцентируя стремление модернизировать умму, теоретики «Мухаммадии» полагают, что «религиозные знания будут и дальше совершенствоваться и развиваться. Если этот принцип будет соблюдаться и пониматься всеми мусульманами, между различными исламскими группами установится терпимость»²⁵⁷, достижение которой и является одной из стратегических задач «Мухаммадии» в рамках ее участия в политике, направленной на дерадикализацию современного индонезийского ислама.

В аналогичные практики дерадикализации интегрирована и «НУ», согласно официальной доктрине которой ни одна часть уммы не вправе монополизировать роль продвижения и распространения истины. Таким образом, идеологи «НУ» предполагают, что ислам представляет собой уникальный «образ жизни для каждого человека, который хочет связи с Богом, но люди должны понять, что Божьи стихи предназначены для блага всех людей во вселенной, а не только для собственного блага»²⁵⁸. В рамках такого понимания радикальные тенденции в

исламе воспринимаются как отклонение от правильного ислама. В связи с этим теоретики «НУ» называют опасной ситуацией, когда некоторые богословы «часто неправильно истолковывают ислам, побуждая себя и свои группы чувствовать себя вправе представлять Бога»²⁵⁹, лишая этого права большинство умеренно настроенной уммы.

В рамках политических представлений «Мухаммадии» естественной альтернативой такой логике развития уммы являются радикальные течения в современном индонезийском исламе, которые «порождают конфликт и насилие как антитезу жизни»²⁶⁰. В подобной ситуации крупнейшие мусульманские организации фактически солидаризируются с государством, подчеркивая, что если оно «выступает против крайних действий, не проводя крайней и нетерпимой политики... касающейся религиозных вопросов»²⁶¹, то и умме следует придерживаться умеренных тенденций и солидаризироваться со светскими элитами как в их неприятии радикального ислама, так и в участии в мероприятиях, направленных на дерадикализацию.

В этом контексте крупнейшие мусульманские общественные организации стремятся быть не только силами, консолидирующими умму, но и стараются сохранить свое место в индонезийской системе образования и сложившейся расстановке политических сил. Они поддерживают светские элиты и призывают верующих избегать как активной политизации веры, так и идеологических дискуссий вокруг Панчасилы²⁶², признавая тем самым ее роль в консолидации современной индонезийской государственности более весомой, чем ценность ислама. Контроль над средним и высшим религиозным образованием со стороны «Мухаммадии» и «НУ» гарантирует, что оно будет в большей степени соотноситься с потребностями Индонезии как светского государства, а радикальные тренды окажутся маргинальными.

«Мемориальная политика» и «войны памяти» как формы дерадикализации исламистов в Индонезии

Особенностью политики радикализации ислама в современной Индонезии является использование такого символически значимого для общества ресурса, как прошлое. Поэтому политика памяти интегрирована в механизмы борьбы с радикальными течениями в индонезийском исламе. Активными участниками дерадикализации в такой ситуации оказываются средства массовой информации, которые не только вовлечены в актуализацию и большую визуализацию в современ-

ном обществе моментов, связанных с историей ислама, но и фактически втянуты в полемику с исламскими радикалами, склонными обвинять элиты в игнорировании фактора ислама.

СМИ активно участвуют в «проработке истории», что проявляется в их попытках внести вклад в формирование нового мемориального канона, популяризацию истории индонезийской уммы, в «возвращение» имен интеллектуалов, которые в силу политической и идеологической конъюнктуры были маргинализированы в предшествующих версиях исторической памяти. Индонезийские СМИ регулярно актуализируют историческую тематику, связанную с исламом, предлагая его умеренные интерпретации, что фактически свидетельствует об интеграции в механизмы дерадикализации на уровне идеологии. Например, 23 августа 2020 г. в рамках памятных событий, посвященных 75-й годовщине независимости, подчеркивалась особая роль ислама как «самого ценного дара Аллаха для Индонезии»²⁶³, что стало призывом к ревизии новейшей истории индонезийского ислама и определению его нового места среди других индонезийских политических и исторических гранд-нарративов.

Кроме этого, признание такой роли ислама фактически было попыткой перехватить инициативу у критиков современного светского режима, склонных обвинять власти в игнорировании ислама. Мухаммад Субарка, один из современных индонезийских интеллектуалов, дает ответ на вопрос относительно возможности отделения религии от идеологии и политики, указывая на то, что это фактически невозможно²⁶⁴. Таким образом, признавая центральную роль ислама, сторонники его умеренной версии стремятся перехватить инициативу представления интересов уммы у радикалов. В такой ситуации индонезийские историки, осознавая роль ислама в истории своего государства, также приходят к пониманию, что содержательно и концептуально новая версии исторической памяти без истории ислама будет неполной. Поэтому проявлением легитимации исламского фактора в истории Индонезии стало то, что в начале 2020-х гг. индонезийские СМИ оказались активно вовлеченными в кампанию по ревизии образов отцов-основателей современной индонезийской государственности.

Это проявилось в продвижении нарративов, актуализировавших причастность Сукарно, Хатты и других политиков к умме²⁶⁵, что фактически усиливало тенденции к реабилитации ислама как фактора политики в Индонезии, несмотря на стремление элит поддерживать секьюлярную модель развития. Рост радикальных течений в исламе и то,

что «исламизм как идеологическая позиция чаще трансформируется в политические идеи и стратегии – от демократических до недемократических»²⁶⁶, стимулирует современных индонезийских интеллектуалов рефлексировать относительно исторического опыта уммы в Индонезии. Это превращает их в участников политики дерадикализации, так как достижение компромисса между различными течениями в сообществе верующих невозможно без достижения нового мемориального канона, который учитывал бы роль ислама, но продвигал бы преимущественно его умеренные формы.

В рамках такой политики идеологической дерадикализации исламизма в конце 2010-х – начале 2020-х гг. интернет-издание «*Tirto*», желая начать ревизию некоторых спорных моментов, инициировало серию публикаций, приуроченных к юбилеям событий, имеющих отношение к истории уммы. Усилиями индонезийских СМИ предприняты попытки акцентировать внимание на фигуре второго министра религии Мохаммада Расджиди, который в 1945–1946 гг. много сделал для институционализации индонезийской модели отношений между светским государством и уммой. Обсуждая «проводника духа современности» Харуна Насутиона, другой не менее спорной фигуры в истории уммы, интеллектуалы подчеркивают, что его репутация как «реформатора ислама в Индонезии, который выдвинул на первый план разум и мысли, а не обычаи, традиции или ритуалы, по его мнению, тормозившие прогресс мусульман»²⁶⁷, привела к его забвению традиционалистами. Поводом, содействовавшим его маргинализации в каноне исторической памяти 1970–1990-х гг., было то, что он фактически стал «наставником реформаторов ислама», и это вынудило значительную часть уммы выразить несогласие с предлагаемыми им проектами реформ.

Современные СМИ в рамках представления образов политиков-мусульман подчеркивают их вклад в развитие идентичности и в одинаковой степени «приверженность принципам ислама и нации», в чем заметна полемика с радикалами, отрицающими национализм в его западном понимании. Причиной социальной и культурной амнезии в отношении М. Расджиди стала его критика «секуляризации в дискурсе национализма»²⁶⁸, что противоречило канону памяти 1980–1990-е гг. Идеологическая дерадикализация ислама в рамках политики памяти проявляется и в обращении к наследию Нурчолиша Маджида, трудности интеграции которого в канон исторической памяти связаны с тем, что благодаря его деятельности индонезийские мусульмане оказались

в «ловушке идеологического абсолютизма и потеряли динамику своего развития»²⁶⁹.

В отношении Нурчолиша Маджида, «идеологического дитя “Машуми”», индонезийским интеллектуалам крайне сложно достичь компромисса касательно его вклада в модернизацию ислама и того, что возглавляемая им Исламская студенческая ассоциация была не просто «влиятельной модернистской исламской организацией», но фактически оказалась «одним из приводных колес режима Сухарто». Идеи Маджида «нельзя отделить от языка власти, используемого технократией Сухарто для проектов развития»²⁷⁰, что вынуждает интеллектуалов искать компромисс между наследием авторитаризма и мусульманским активизмом, который соотносится с демократическими и гражданскими тенденциями. Подобные фигуры в современном каноне памяти относятся к числу центральных героев уммы, а их наследие воспринимается исключительно в прикладном плане – с точки зрения его применения для проведения символических границ между традиционализмом и модернизмом в культурном и политическом опыте нации²⁷¹, то есть для выявления исламских радикалов и противостояния им.

Вмешательство интеллектуалов в политику «проработки прошлого» в современной Индонезии носит ревизионистский характер, что позволяет либеральному течению уммы предлагать новые интерпретации светского опыта, последовательно продвигая секуляризацию как идеологию обновления, не только критикуя секуляризм как, на их взгляд, «закрытую» идеологическую модель²⁷², но и последовательно отвергая его альтернативу, представляемую сторонниками радикального ислама. Таким образом, принимая участие в дерадикализации ислама, индонезийские интеллектуалы стремятся в актуальной политике памяти синтезировать историю уммы с историей левых²⁷³, одновременно реабилитируя социально ориентированный ислам и критикуя радикальных фундаменталистов.

Спорным моментом в опыте индонезийского политического ислама в XX в., который получил диаметрально противоположные оценки в различных версиях исторической памяти, является деятельность партии «Машуми», одновременно актуализирующая участие уммы в националистическом движении и моменты коллаборационизма мусульман в период японской оккупации²⁷⁴, что, впрочем, в индонезийском случае не отягощено политически, как это имеет место в исторической памяти европейских стран. Идеологически «Машуми» вос-

принимается некоторыми теоретиками радикального ислама как потенциально «своя» партия, историю которой можно конструировать в категориях радикального ислама и фундаментализма. Поэтому для умеренных мусульман принципиально важно привязать исторический опыт «Машуми» к истории Индонезии как государства и не позволить радикалам использовать ее образы для продвижения альтернативных нарративов.

Именно для этого предпринимаются попытки сформировать компромиссный канон исторической памяти, в рамках которого «Машуми» представлена как «символ единства мусульман и единственный политический форум для мусульман, десятилетиями пытавшихся преодолеть противоречия, конфликты и разногласия»²⁷⁵. Новая версия истории «Машуми», претендующая на универсальность, фактически является попыткой сформировать новый нарратив, заменив им более ранние интерпретации. Кроме того, тенденции к реабилитации «Машуми» отражают и изменившуюся политическую динамику, связанную с ростом исламистских тенденций в жизни индонезийского общества. Манипуляции с наследием «Машуми» в индонезийской политике памяти отягощены и наличием левых тенденций в идеологии этой мусульманской партии²⁷⁶, что автоматически актуализирует коллективные травмы, связанные с репрессиями против коммунистов в середине 1960-х гг. и ответственностью за это мусульманских радикалов. Новый образ «Машуми», представляемой в качестве индонезийской мусульманской партии вообще, а не только партии сторонников радикального ислама, в исторической памяти призван лишить радикалов их аргументов в полемике с умеренными мусульманами.

Другим стимулом для фрагментации исторической памяти в Индонезии и дальнейших манипуляций историей стала попытка создания в 1949 г. исламского государства, что в современных реалиях отягощено не только историческими, но и политическими противоречиями, которые генерируют в среде интеллектуалов различные версии памяти. История Исламского государства в современной Индонезии стала пространством символической конфронтации и «войн памяти» между умеренными мусульманами и фундаменталистами, что в целом вписывается в логику проводимой политики дерадикализации.

Так, в СМИ заметны тенденции к интеграции образа Картосовирью²⁷⁷, провозгласившего в Индонезии Исламское государство, в исторический индонезийский нарратив в целом, что является попыт-

кой лишить радикальных исламистов монополии на интерпретацию его наследия. Некоторые современные индонезийские авторы пытаются подвергнуть ревизии образ исламского государства в истории Индонезии, так как само понятие «исламское государство», по их мнению, отягощено неуместными ближневосточными арабскими аллюзиями. В этом контексте дерадикализация истории ислама соответствует стремлению элит лишить исламистов монополии представлять Картосувирью и его деятельность как часть исключительно «своей» истории. Кроме того, в рамках полемики с радикалами выдвигается тезис, что Исламское государство было глубоко демократическим²⁷⁸, так как именно ислам был препятствием на пути к институционализации авторитарного режима, против которого не смогли ничего предпринять ни националисты, ни коммунисты, ни либералы.

В свете коррекции современной исторической памяти попытка провозглашения в Индонезии Исламского государства воспринимается как исторически неизбежный и прогрессивный факт, который содействовал национальной освободительной борьбе. Первые серьезные попытки ревизии роли Картосувирью, инициатора провозглашения Исламского государства, и его фактической реабилитации в индонезийской политике памяти были предприняты в середине 2010-х гг., когда Азюмарди Азра публично объявил негативные оценки его деятельности неправильными, указав, что поражение радикального исламского проекта к началу 1960-х гг. было предопределено только политическими факторами²⁷⁹, но не вытекало из предшествовавшей логики развития индонезийского ислама.

Размышляя о специфике исторической памяти, современные индонезийские интеллектуалы пытаются подвергнуть ревизии более ранние интерпретации, полагая, что Исламское государство стало «попыткой Картосувирью помочь суверенитету Республики Индонезия». Поэтому в современных «битвах за историю» в Индонезии становится заметным желание представить Картосувирью не как маргинала и религиозного фанатика, но как политика, который «обладал довольно сильной харизмой, придерживаясь антиколониальной исламской политической идеологии, воспринимая ислам в качестве единственно возможного пути вперед»²⁸⁰. В целом интеллектуалы, интерпретируя историю Исламского государства, стремятся пересмотреть образ этого политического образования, освободив его возможные интерпретации от политических и идеологических клише, интегрировав его восприятие в общую логику дерадикализации.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует принять во внимание ряд факторов.

Во-первых, процессы демократизации в Индонезии не привели к ослаблению и эрозии власти, что позволило элитам контролировать политическое пространство на уровне его светских и мусульманских сегментов. Таким образом, политика дерадикализация предусматривает прямое вмешательство государства, представленного полицией и специальными службами, во внутренние дела уммы, если возникает угроза ее радикализации или роста политического участия мусульман в контексте, нежелательном или неприемлемом для политических элит.

Во-вторых, несмотря на демократизацию, процессы демилитаризации и сокращения роли вооруженных сил во внутренней политике Индонезии не получили значительного распространения по сравнению с развитием других демократических институтов и тенденций. Фактически силовые структуры продолжают оставаться факторами, определяющими характер современного политического режима, включая сохранение светскости как одной из основ индонезийской государственности. Именно полиция, армия и специальные службы играют ведущую роль в предотвращении радикализации уммы.

В-третьих, наряду с политическими элитами и силовыми структурами свой вклад в дерадикализацию вносят крупнейшие мусульманские общественные и религиозно-просветительские организации. Для последних борьба с радикализмом в умме входит в число системных задач, так как поддержание мусульманского сообщества в состоянии внутреннего компромисса и консенсуса с политическими элитами непосредственно отвечает интересам руководства мусульманских организаций. Лидеры «Мухаммадии» и «НУ» отдают себе отчет, что вероятная радикализация уммы почти автоматически будет означать сокращение их влияния. Поэтому появление альтернативных центров силы, способных создать свои формальные организации, сопоставимые по влиянию на верующих с уже существующими умеренными движениями, на уровне лидеров уммы воспринимается как угроза, которой следует противостоять.

В-четвертых, активными участниками процессов дерадикализации в современной Индонезии оказались как исламские университеты, так и светские учебные заведения. Если первые заинтересованы в недопу-

щении роста радикальных идей, так как их усиление несет угрозу сложившейся модели среднего и высшего образования мусульман, то вторые видят в активизации радикального ислама системную и экзистенциальную угрозу сложившейся фактически секулярной модели индонезийского общества, для значительной части которого западный интеллектуальный и культурный дискурс является идеальной моделью. В этой ситуации индонезийские светские и мусульманские интеллектуалы в рамках стратегий, используемых для дерадикализации ислама, актуализируют набор методов, не совсем обычный для подобных практик в других странах, где доминирующей религией является ислам.

Таким образом, важным компонентом дерадикализации в Индонезии стала политика памяти, в меньшей степени применяемая в других странах для решения фактически аналогичных задач. В рамках исторической политики, проводимой светскими интеллектуалами и представителями уммы, формируется не только компромиссный мемориальный канон, содействующий консолидации общества, но и последовательно делегитимируются радикальные идеи, которые вытесняются на периферию культуры коллективной памяти. На современном этапе роль политики памяти в дерадикализации ислама изучена в наименьшей степени, хотя ее потенциал представляется не менее важным, чем другие традиционные меры административного и политического воздействия элит на умму. Вместе с тем злоупотребление «проработкой прошлого» чревато развитием исторической и культурной амнезии в отношении радикальных трендов в истории индонезийского ислама, что не исключает ответной реакции, которая может состоять в повышенном интересе к ним со стороны той части сообщества верующих, которая не смогла в силу тех или иных причин интегрироваться в официальный мемориальный канон.

Современной Индонезии удалось предложить относительно эффективный и действенный механизм дерадикализации ислама и профилактики радикальных и экстремистских трендов и тенденций в рамках функционирования уммы. В целом опыт Индонезии может быть признан относительно успешным, хотя не все формы и возможности дерадикализации применяются равномерно. Фрагментированность мусульманского сообщества в этой стране, продолжающаяся политика борьбы с религиозным экстремизмом в комплексе с активно практикуемой элитами «проработкой прошлого», в т.ч. истории уммы, указывает на важность и актуальность дальнейшего изучения индонезийского ислама в контекстах как роста радикальных тенденций, так и

возможных траекторий реализации мер, направленных на дерадикализацию сообщества верующих.

2.7. Программы дерадикализации исламистов в Великобритании: успехи, неудачи и перспективы

Введение

После теракта 11 сентября 2001 г. вопросы противодействия террористической угрозе заняли особое место в повестке дня западных государств, в т.ч. Великобритании. Корни террористической угрозы видят в радикализации, или «процессе, посредством которого люди начинают поддерживать терроризм и насильственный экстремизм, а в некоторых случаях затем присоединяются к террористическим группам»²⁸¹.

Угрозу для национальной безопасности Великобритании представляют не только иностранные боевики-террористы, но и граждане Великобритании, которые прониклись идеями радикального исламизма. Они уезжают в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГИЛ, и возвращаются уже с боевым опытом и еще более радикально настроенными. Отдельно стоит отметить угрозу, исходящую от «исламизированных» британцев, которые отбыли тюремный срок за террористическую деятельность и связи с террористическими организациями, но не отказались от своих убеждений. Об угрозе внутреннего терроризма, исходящей от радикализированных британцев, говорил, в частности, и бывший премьер-министр Дж. Камерон на заседании Совета безопасности ООН в 2014 г. Среди прочего он подчеркнул опасность таких террористических группировок, как «Аш-Шабаб», «Боко Харам», «Аль-Каида»²⁸² (запрещенные в России террористические организации). В 2010-х гг. наибольшую угрозу безопасности Великобритании представляло ИГИЛ. Даже по самым скромным подсчетам, на британцев приходилось большинство иностранцев в рядах ИГИЛ²⁸³. По состоянию на октябрь 2016 г. около 850 британских граждан отправились воевать на стороне джихадистских организаций в Ираке и Сирии. В январе 2016 г. министр иностранных дел Ф. Хэммонд сообщил, что за период 2012–2016 гг. благодаря сотрудничеству с турецкими властями «600 британских граждан были перехвачены при попытке добраться до Сирии»²⁸⁴.

Глава британской спецслужбы МИ-6 (службы, работающей над подавлением угроз из-за рубежа) А. Янгер заявил в декабре 2016 г., что ИГИЛ «разрабатывает способы применения насилия против Великобритании и наших союзников, даже не покидая Сирию». В октябре 2016 г. лондонская полиция сообщила, что службы безопасности Великобритании предотвратили по меньшей мере 10 терактов в период с осени 2014 г. по октябрь 2016 г. За тот же период было вынесено 294 обвинительных приговора за преступления, связанные с терроризмом. В ноябре 2014 г. тогдашний министр внутренних дел Т. Мэй сообщила, что после взрыва в Лондоне в 2005 г. было предотвращено 40 терактов, включая «нападение с применением огнестрельного оружия, убийство военнослужащих, попытку сбить самолет и убийство посла»²⁸⁵. Как следствие, значительно возросло число граждан, осужденных за террористическую деятельность. Доля заключенных-мусульман, содержащихся под стражей в Англии и Уэльсе, увеличилась с 8% в 2002 г. до 16% в 2018 г.²⁸⁶

К сожалению, не все теракты удалось предотвратить. Так, в декабре 2014 г. поддерживающий ИГИЛ британец нанес смертельные ранения трем пассажирам метро в Восточном Лондоне. В июне 2015 г. сочувствующие ИГИЛ убили 30 британских туристов в Тунисе²⁸⁷. Среди наиболее известных терактов, с которыми столкнулась Великобритания, можно назвать инцидент на лондонском мосту: трое террористов на грузовике врезались в толпу, в результате чего 8 человек были убиты и 48 ранены. Другой теракт произошел в 2017 г.: гражданин Великобритании Х. Масуд врезался в толпу на автомобиле рядом с Вестминстерским дворцом, потом ударил ножом в живот полицейского, после чего застрелился сам²⁸⁸.

Угроза терактов на территории Великобритании остается высокой. Только 25 марта 2022 г. официальный уровень угрозы международного терроризма в Великобритании был понижен с «высокого» (*severe*) до «существенного» (*substantial*)*, что все еще является тревожным показателем. Высоким уровень угрозы был объявлен после того, как Имад ас-Свилмин, живший ранее в ОАЭ, Сирии и Турции, привел в действие взрывное устройство на парковке возле больницы в Ливерпуле 14 ноября 2021 г.²⁸⁹: никто при этом не пострадал. Ранее в октяб-

* Решение об уровне террористической угрозы принимается Объединенным центром анализа терроризма (JTAC), входящим в МИ-5, службу, отвечающую за разведусилия внутри Великобритании.

ре 2021 г., депутат парламента от Консервативной партии Д. Эймс был убит в депутатской приемной на встрече с избирателями. До этого, в 2016 г., Дж. Кокс, парламентарий от лейбористской партии, была убита неонацистом Т. Мэйром в Западном Йоркшире²⁹⁰. Убийцу Д. Эймса, 25-летнего сомалийца Али Харби Али, арестовали на месте происшествия, и 21 октября 2021 г. ему уже было предъявлено обвинение в убийстве и подготовке теракта. 21 марта 2022 г. прокурор Т. Литтл сообщил присяжным в Олд-Бейли, что Али готовился к теракту «в течение нескольких лет».

Проблема противодействия террористической угрозе долгое время находится в сфере интересов широкого круга экспертов. Исследователи сходятся во мнении, что борьба с терроризмом должна начинаться с мер, нацеленных на предотвращение преступлений²⁹¹. С 2003 по 2010 г. правительства разных европейских государств начали разрабатывать программы по предотвращению террористической угрозы. Особое внимание в этих программах уделяется не только предупреждению непосредственно терактов, но и работе с террористами, а также с теми, кто потенциально может вступить на путь терроризма. Другими словам, акцент во многом делается на «дередикализацию» потенциальных террористов, а также тех, кто уже совершил теракт²⁹².

Во многом под программами дередикализации понимается борьба с экстремистской идеологией. Как заявил бывший премьер-министр Д. Камерон, «экстремистская идеология является основной угрозой, с которой мы сталкиваемся»²⁹³.

Различают два понятия: «разъединение» (*disengagement*) и «дередикализация» (*deradicalization*). Под разъединением понимаются внешние перемены, не включающие, однако, кардинальный пересмотр основных убеждений: изменения в поведении, разрыв с экстремистской организацией, отказ от насилия²⁹⁴. Дередикализация же подразумевает более глубокие трансформации в мировоззрении и базовых идеологических установках²⁹⁵. Составители этих программ предполагают, что эффективные программы по глубинной дередикализации способны помочь в борьбе с террористической угрозой внутри страны и убедить граждан отказаться от радикальных идей.

В начале XXI в. правительство Великобритании начало разработку и внедрение программ по дередикализации, нацеленных на выявление радикально настроенных граждан, а также тех, кто находится в зоне риска²⁹⁶. С этого момента правительство реализовыва-

ло разные проекты. Среди наиболее крупных и заметных стоит назвать зонтичную программу *Prevent* («Предотвратить») и связанную с ней *Channel* («Канал»), а также более поздние дополнительные программы, такие как *Healthy Identity Intervention (HII)* («Программа формирования здоровой идентичности») и *Desistance and Disengagement Programme (DDP)* («Программа сопротивления и разъединения») ²⁹⁷.

Проект *Prevent* является одним из компонентов комплексного пакета *Contest. Prevent* – зонтичная программа, в рамках которой реализуются различные проекты по дерадикализации. В 2018 г. их насчитывалось около 30 ²⁹⁸. Программа *Channel* является продолжением проекта *Prevent* и нацелена лишь на находящихся в зоне риска радикализации. Программы *HII* и *DDP* разработаны для тех, кто сидит в тюрьме или уже освобожден, но еще на испытательном сроке. В большинстве программ по дерадикализации отдельная роль отводится психологическим тренингам и диалогу с религиозными лидерами ²⁹⁹. Остановимся на каждой из этих программ более подробно.

Prevent* как часть программы *Contest

В 2003 г. правительство Великобритании утвердило программу по противодействию терроризму под названием *Contest*. Однако публично правительство признало ее существование только после терактов в Лондоне в июле 2005 г., когда четыре террориста-смертника, поддерживавшие Аль-Каиду, взорвали себя в транспорте, в результате чего погибли 56 пассажиров.

Contest включает четыре компонента: 1. *Prevent*; 2. *Pursue*; 3. *Protect*; 4. *Prepare*. Вопросы дерадикализации и предотвращения втягивания граждан в террористическую деятельность призвана решить программа *Prevent*. *Contest* в целом (и *Prevent* в частности) курировалась Отделом по безопасности и противодействию терроризму (*Office for Security and Counterterrorism – OSCT*), входящим в структуру МВД. В 2007 г. в результате внутренних перестановок контроль над программой *Prevent* перешел Министерству по делам общин и местного самоуправления (*DCLG*), но в 2010 г., после прихода к власти консервативно-либерального демократического правительства, был снова передан в *OSCT*.

Конечными заявленными целями проекта являются идеологическое противодействие террористической угрозе; предотвращение вовлече-

ния людей в террористическую деятельность и предоставление соответствующей поддержки; борьба с террористическими идеями в интернет-пространстве³⁰⁰.

Среди основных видов деятельности, предусмотренных *Prevent*, можно отметить следующие:

1) предотвращение проникновения террористов и экстремистов в Великобританию;

2) консультирование местных органов власти по вопросам экстремизма и их полномочий в противодействии ему;

3) финансирование специального полицейского подразделения, занимающегося удалением онлайн-контента, нарушающего законодательство о терроризме;

4) поддержка кампаний и деятельности на уровне общин, способных эффективно противостоять террористической и экстремистской пропаганде;

5) межведомственное сотрудничество по поддержке лиц, находящихся в зоне риска радикализации, в т.ч. по обеспечению доступности услуг здравоохранения и образования³⁰¹.

Идеологической основой *Prevent* служит теория «конвейерной ленты» (*conveyer belt theory*). Согласно ей радикализация представляет собой ряд следующих друг за другом этапов, которые индивид проходит последовательно, прежде чем совершить акт насилия. Как следствие, если этот «конвейер» будет «остановлен» на любом из этапов, то и индивидум будет условно «исцелен».

На протяжении нескольких лет программа наращивала масштаб. После того как в 2017 г. в поле зрения *Prevent* попали 7318 граждан³⁰², количество участников программы стабилизировалась примерно на уровне 7000 человек³⁰³. По заявлениям правительства, к 2019 г. благодаря программе *Prevent* удалось предотвратить радикализацию около 1200 британцев³⁰⁴.

Примечательно, что не все граждане, попадающие в поле зрения программы как потенциально опасные, оказываются таковыми. В 2017 г. только 5% были признаны представляющими угрозу и перенаправлены для участия в программе дерадикализации *Channel*, а остальные 95% были признаны не представляющими угрозы³⁰⁵. Другими словами, несмотря на изначально широкий охват программы, большая часть «подозреваемых» попадала в поле зрения случайно, что приводило к необоснованной трате ресурсов и возможному росту недовольства.

Channel

После передачи программы *Prevent* Министерству по делам общин и местного самоуправления (*DCLG*) Министерство внутренних дел запустило еще одну программу – *Channel*, задача которой состоит в предотвращении вовлечения граждан в террористическую деятельность³⁰⁶. Как объяснил чиновник Министерства внутренних дел, *Channel* запустили, чтобы сохранить контроль над антитеррористическими программами после передачи *Prevent* в другое министерство. Изначально пилотную версию программы *Channel* запустили в 2007 г. в южном Лондоне и г. Престон на Северо-Западе Англии. Официально программа начала работу в апреле 2012 г.

Задача *Channel* состоит именно в выявлении тех, кто может потенциально оказаться под влиянием террористических идей³⁰⁷. Программа охватывает заключенных и граждан без судимости, находящихся в зоне риска³⁰⁸. Сообщение о гражданине, представляющем потенциальную угрозу, может отправить кто угодно – член семьи, одноклассник, коллега. Далее обращения рассматриваются специальной комиссией, принимающей решение о целесообразности включения кого-либо в программу³⁰⁹, при этом потенциальный участник может как принять предложение об участии в программе, так и отклонить его.

В рамках программы *Channel* правительство стало сотрудничать более чем с 50 религиозными организациями и 250 мечетями³¹⁰. Программа включает целый ряд индивидуально разработанных мероприятий, которые могли бы снизить ценность радикального ислама в глазах участника программы. К таким мероприятиям относятся образовательные курсы, профессиональные тренинги, занятия спортом, помощь с жильем, поддержка в случае зависимости от наркотических веществ или алкоголя³¹¹.

В 2011 г. программа *Prevent* (и *Channel* как аффилированная с ней) расширила свою зону ответственности. Если ранее программа боролась только с насильственным экстремизмом, представляющим непосредственную угрозу общественной безопасности, то теперь распространилась и на т.н. ненасильственный экстремизм, представляющий угрозу для таких неолиберальных ценностей, как демократия и толерантность.

Тогда же правительство обязало работников бюджетного сектора – учителей и работников сферы здравоохранения – выявлять граждан,

представляющих угрозу британским ценностям (превращение медиков и педагогов в соглядателей едва ли окупится морально. – *Н.В.*)

Хотя официально участие учителей и врачей в программе *Channel* считается добровольным, на деле они сталкиваются с давлением, и у них практически не остается выбора. С. Коул, начальник полиции Лейстерширского участка и один из кураторов программы *Prevent*, утверждает, что граждане, отказывающиеся сотрудничать с представителями программы, могут привлечь внимание отдела по борьбе с терроризмом. На одной из конференций С. Коул заявил следующее: «Сотрудничество с *Prevent* добровольно. Никто вас не принуждает. Не хотите сотрудничать – не надо... Но если отказываетесь от сотрудничества, то мы можем задуматься, почему вы так сделали, и вы можете стать объектом расследования в рамках *Pursue*»³¹² (программа *Pursue* (Преследование) является одним из компонентов зонтичной программы *Contest*. – *Н.В.*).

В 2014 г. в рамках программы *Channel* было около 1680 сообщений о гражданах, находящихся в зоне риска радикализации. В 2015 г. это число выросло до 3955, большая часть заявлений касалась детей и подростков, в т.ч. 415 детей до десяти лет и 1424 детей в возрасте от 11 до 15 лет. В 2016–2017 гг. через программу *Prevent* прошли 6093 человека: дела 1146 из них были впоследствии рассмотрены экспертами программы *Channel* для выявления потенциальной угрозы с их стороны, и 332 были направлены на прохождение дерадикализации по этой программе³¹³. На 2021 г. в программу был включен 7631 человек, большинству из них (4274 человек, или 56%) – 20 лет или меньше. Порядка 12% зачисленных – женщины³¹⁴.

Согласно координатору программы *Prevent* в Лестере У. Балдету, этот проект по противодействию терроризму и удержанию граждан от участия в экстремистской деятельности – одним из наиболее успешных во всем мире³¹⁵. Он также заявил, что программа *Channel* доказала свою эффективность, так как благодаря ей поддержку получили сотни людей. В частности, удалось предотвратить вывоз детей их родителями в Сирию на территории, подконтрольные ИГИЛ, и при этом противопоставить негативным стереотипам о мусульманах позитивные. Большим оптимизмом дышит заключительный отзыв творцов рассмотренной программы дерадикализации: «Большинство подопечных вышли из программы *Channel*, не имея и намека на экстремистские взгляды, что говорит об успехе программы»³¹⁶. Но так ли это, покажет время.

«Программа формирования здоровой идентичности»

В 2010–2011 гг. Исполнительное агентство Министерства юстиции, отвечающее за пенитенциарные службы в Англии и Уэльсе (*Her Majesty's Prison and Probation Service – HMPPS*), запустило пилотную версию «Программы формирования здоровой идентичности» (*Healthy Identity Intervention – HII*) по исправлению поведения отбывающих тюремный срок «экстремистов».

Программа *HII* была разработана небольшой группой психологов совместно с одним из улемов и с сотрудником службы пробации в системе исполнения наказаний, занимающейся подготовкой освобождающихся из тюрьмы к жизни на воле. Эта программа ориентирована на осужденных за нарушения, мотивированные радикальными исламистскими идеями, а также ультраправым радикализмом³¹⁷. Конечной целью *HII* является помощь находящимся в заключении исламистам в поиске своей новой идентичности, и, в частности, в борьбе с такими проблемами, как отсутствие цели и потеря смысла жизни. Если ранее заключенные находили ответы на эти вопросы в экстремистской идеологии, то в программе *HII* делается попытка показать им другой путь.

«Программа сопротивления и разъединения»

В октябре 2016 г. в рамках *HII* был запущен еще один проект по противодействию радикализации (*Desistance and Disengagement Programme – DDP*)³¹⁸, нацеленный на работу с уже осужденными террористами, в т.ч. вернувшимися из Сирии и Ирака. Проект является частью программы *Prevent*. *DDP* дополняет *HII* и включает план реабилитации, разрабатываемый индивидуально для каждого участника³¹⁹.

В этот план входят система наставничества, психологическая поддержка, теологические и идеологические беседы³²⁰. *DDP* распространяется как на заключенных, так и на тех, кто освобожден по УДО (условно-досрочное освобождение)³²¹.

Новая программа задумывалась как дополнение к уже существующей *Channel*³²² и входит в систему *Prevent*. Сотрудникам был предоставлен расширенный доступ к информации, включая медицинскую: о лечении от посттравматического стресса, в т.ч. для разработки индивидуальных планов для вернувшихся из Сирии и других зон военных действий³²³. К 2019 г. программу прошли 230 человек³²⁴.

Цель проекта – убедить отдельных граждан отказаться от участия в деятельности, имеющей отношение к терроризму, а также от радикальных идеологических установок, которые у них могут быть³²⁵. Программа призвана помочь участникам сформировать новую идентичность, согласующуюся с неолиберальными ценностями³²⁶. *DDP* включает в себя три образовательных трека: психологические, теологические и идеологические консультации³²⁷. Она во многом похожа на *Channel*, так как оба проекта предполагают индивидуальные схемы поддержки, включающие психологическую помощь, содействие в поиске работы и жилья. Но, в отличие от *Channel* и *HPP*, *DDP* – обязательная программа, то есть, если координаторы выявляют кого-то в зоне риска радикализации и предлагают ему участие в ней, то человек не может отказаться.

В 2018 г. Министерство юстиции выпустило отчет об эффективности *HII* и *DPP*. И координаторы, и участники оценили результаты как положительные³²⁸, но, как отмечается в отчете, треть из тех, кому было предложено участвовать в добровольной программе *HII*, отказались³²⁹.

Статистика по рецидивам как показатель эффективности

Хотя эффективность программ дерадикализации не так уж просто измерить, одним из возможных подходов может быть обращение к статистике по рецидивам актов терроризма. Когда независимый эксперт по законодательству о борьбе с терроризмом* Д. Андерсон сделал запрос в парламент о количестве рецидивов среди террористов, то предоставленная статистика внушала оптимизм: в период с января 2013 г. по декабрь 2019 г. в Англии и Уэльсе всего 6 человек из отбывших наказание за терроризм были осуждены повторно (3,06% всех осужденных здесь террористов)³³⁰. Однако средний процент рецидива в Великобритании равен примерно 48%³³¹.

Схожие оптимистичные результаты были показаны и в работах Р. Симкокс и Х. Стюарт из американского центра *CTC Sentinel*, проводящего исследования на базе Военной академии США в Вест-Пойнте.

* Независимый эксперт по законодательству о борьбе с терроризмом – независимое лицо, назначаемое министром внутренних дел и казначейством на трехлетний срок с возможностью продления, которому поручено отчитываться перед министром внутренних дел и парламентом о действии закона о борьбе с терроризмом в Великобритании.

Они провели анализ 12 терактов, планировавшихся или совершенных на территории Европы с 2012 г. по апрель 2020 г.³³² Их исследование показало, что среди тех, кто был осужден за терроризм и отбыл срок в тюрьме Великобритании, наблюдается низкий уровень рецидива.

Тем не менее Р. Симкокс и Х. Стюарт отмечают в том же исследовании, что если в статистике учитывать осужденных не за терроризм, а за экстремизм, то процент рецидива гораздо выше³³³. Другие, более поздние исследования тоже показали, что если учитывать не только тех, кто совершил именно теракт, но всех осужденных по идеологическим причинам, то риск рецидива гораздо выше³³⁴, и в целом вероятность повторных преступлений по идеологическим мотивам гораздо выше³³⁵.

Теракт после успешной дерадикализации: умеют ли террористы притворяться?

Об эффективности программ дерадикализации можно судить не только по вышеупомянутым статистическим исследованиям, но и рассматривая отдельные случаи. К сожалению, можно назвать несколько резонансных случаев, когда осужденный за экстремизм гражданин Великобритании был освобожден условно-досрочно после прохождения вышеупомянутых программ по дерадикализации, но вскоре совершил теракт.

Такие ситуации становятся возможными³³⁶, когда радикально настроенные граждане, уже находящиеся в тюрьме за теракт или связи с террористическими организациями, притворяются, что отказались от своих радикальных убеждений, вводят в заблуждение контролирующие органы и выходят условно-досрочно.

Одним из таких британцев, обманувшим контролирующие органы, является У. Хан, член британской террористической группировки «Аль-Мухаджирун», предположительно, ученик и близкий друг лидера этой группы А. Чудари. На членов группировки «Аль-Мухаджирун» приходится около половины терактов, совершенных в Великобритании за последние 20 лет³³⁷. С 2012 г. У. Хан отбывал тюремное заключение по обвинению в терроризме, но в начале 2019 г. в середине срока его освободили из тюрьмы условно-досрочно, так как ему удалось убедить комиссию, что он отказался от радикальных идей.

Но в ноябре 2019 г. У. Хан нанес смертельные ранения двум студентам Кембриджского университета на Лондонском мосту. Когда

Хан сидел в тюрьме, он проходил программу *НII*, после освобождения – *DDP*³³⁸. После повторного задержания У. Хана с ним беседовал автор программы *НII*, психолог Д. Кристофер, позже утверждавший, что экстремистов невозможно вылечить³³⁹.

Вскоре после двойного убийства, совершенного У. Ханом, теракт совершил еще один освобожденный по УДО экстремист: 2 февраля 2020 г. С. Амман заколол ножом прохожего в южной части Лондона³⁴⁰. С 2018 по 2020 г. С. Амман сидел в тюрьме. В 2018 г. ему были предъявлены обвинения в терроризме, но в связи с отсутствием доказательной базы он в итоге был осужден только за распространение террористической литературы.

Теракты, совершенные освобожденными по УДО У. Ханом и С. Амманом, вызвали широкий общественный резонанс. Особое внимание общества привлек тот факт, что оба террориста были освобождены условно-досрочно на ранних сроках заключения, так как предполагалось, что они успешно прошли программы дерадикализации. Эффективность программы дерадикализации была поставлена под вопрос, что подтолкнуло правительство к ее пересмотру и ужесточению курса.

В январе 2020 г. правительство анонсировало пакет дополнительных мер по противодействию терроризму и выделило на их реализацию 90 млн фунтов³⁴¹. В частности, правительство привлекло к сотрудничеству 22 имама, прошедших специальную подготовку, для более эффективной реабилитации находящихся в заключении экстремистов³⁴².

Попытка пересмотреть программу дерадикализации приняла форму нового Закона о противодействии терроризму, вступившего в силу в феврале 2020 г.³⁴³ Согласно ему были ужесточены правила условно-досрочного освобождения осужденных за терроризм, а также увеличилось число прошедших подготовку специалистов, работающих с ними³⁴⁴.

После принятия закона было отменено уже запланированное условно-досрочное освобождение 50 экстремистов³⁴⁵. 26 февраля 2020 г. правительство Великобритании приняло закон об отмене раннего условно-досрочного освобождения для террористов. Теперь, прежде чем выйти из тюрьмы, обвиненные в терроризме должны отбыть по крайней мере две трети срока³⁴⁶. Тем не менее ужесточение правил УДО не могло рассматриваться как решение проблемы. Как отметил член лейбористской партии Д. Лэмми, рано или поздно заключенные все равно

выходят на свободу, но многие из них совсем не «дерадикализированными», а еще более убежденными исламскими радикалами³⁴⁷.

В том же месяце британская газета *The Telegraph* взяла у А. Дина, бывшего члена «Аль-Каиды», впоследствии начавшего работать на МИ-6, интервью, где он несколько тенденциозно утверждал: «Я знаю, что дерадикализация не работает, так как не существует такого явления, как “реабилитированный джихадист”»³⁴⁸. Британский исследователь И. Ачесон отмечает, что в английских тюрьмах сформирована особая культура: отдельные радикально настроенные заключенные-мусульмане провозглашают себя эмирами и индоктринируют других мусульман³⁴⁹.

Такие самопровозглашенные лидеры проводят лекции для других заключенных и пытаются самовольно установить законы шариата. Согласно газете *Times*, радикально настроенные заключенные в британской тюрьме даже разделились на противоборствующие фракции – поддерживающие «Аль-Каиду» и поддерживающие ИГИЛ³⁵⁰.

Для британских исследователей открытым остается вопрос о том, в чем заключается основной недостаток программ и какие меры необходимо принять, чтобы в будущем избежать совершения терактов «выпускниками» этих программ. С нашей точки зрения, этим недостатком является их ориентация на сугубо западные ценности: неолиберальную доктрину, антропоцентрический гуманизм, религиозный релятивизм и т.д.

Критика программ дерадикализации

По мере того как отдельные «выпускники» программ дерадикализации вновь совершали теракты, в адрес программ *Prevent* и аффилированной с ней *Channel* все чаще звучала критика.

Критика программы *Prevent* была озвучена в правительственном докладе Палаты общин от 2010 г.³⁵¹, подготовленном специальным комитетом по предотвращению экстремизма совместно с организациями, представляющими гражданское общество.

Правительство подвергалось критике за неэффективное и непропорциональное распределение средств через *Prevent*. Денежные средства программы через *DCLG* выделялись округам пропорционально доле мусульманского населения в них³⁵². В 2009 г. Институт расовых отношений проанализировал данные о 19 округах, получающих наибольшее финансирование в рамках программы *Prevent*³⁵³. Именно в

этих округах, согласно переписи населения 2001 г., проживало наибольшее число мусульман³⁵⁴. То есть финансирование программы *Prevent* было направлено именно на мусульманское население, что приводит к изначально предвзятому отношению к мусульманам.

Отдельно стоит отметить, что приоритетное финансирование программы *Prevent* приводило к тому, что многим НКО приходилось отказываться от своей основной деятельности и разрабатывать контртеррористические проекты в связи с тем, что на них можно было получить финансирование. В результате ряд НКО искусственно подстраивал свои проекты под контртеррористические задачи. Например, разрабатывались проекты, рассчитанные на мусульманское население, несмотря на то, что их потенциальные участники ни в коей мере не представляли террористическую угрозу. Помимо сказанного, такой подход способствовал стигматизации мусульманского населения Великобритании, а также вызывал недовольство других НКО, занимающихся не экстремизмом, а другими социальными проблемами и испытывающих трудности с финансированием проектов.

Программу *Prevent* также критикуют за избирательное сотрудничество с представителями мусульманского сообщества. Так, например, Мусульманский совет Британии, Мусульманская ассоциация Британии, Исламское общество Британии изначально сотрудничали с программой *Prevent*, но с 2011 г. правительство Великобритании и партнерские исследовательские институты, такие как *Quilliam Foundation* (фонд «Квильям») и *Policy Exchange* («Обмен политическими стратегиями»), стали считать эти организации «исламистскими» и отказались от сотрудничества с ними в рамках программы. Согласно новой позиции, сотрудничество осуществляется только с «умеренными» мусульманами³⁵⁵.

Критика программы связана также с необоснованно предвзятым отношением к детям-мусульманам. В 2015 г. в рамках программы *Prevent* поступили заявки на более чем 4000 подозреваемых в радикальных идеях, треть из которых школьники. Такая большая доля школьников заставила говорить о нарушении прав детей и стигматизации детей-мусульман³⁵⁶. По словам Л. Мухамед, представителя Исламской комиссии по правам человека, «были зафиксированы многочисленные случаи, когда детей привлекали к участию в программе *Channel* без согласия родителей»³⁵⁷.

На эффективности программ дерадикализации сказывается и уровень подготовки менторов. Специалисту необходимо завоевать дове-

рие и уважение участника программы, а для этого надо продемонстрировать глубокое понимание основ ислама. Согласно исследованию, проведенному в 2013–2015 гг., успешные менторы, хорошо знающие ислам, используют доказательный подход, в рамках которого они не просто спорят с участником программы, а приводят различные авторитетные для него источники, чтобы исправить неверно сформированные представления об исламе. К сожалению, придерживаться такого подхода очень непросто в связи с существованием различных толкований содержания Корана и Сунны. Более того, религиозный лидер, уважаемый участником программы, может привести и свою трактовку аятов и сур Корана. Все это приводит к тому, что большинству менторов не удается завоевать доверие и уважение участников программы.

В качестве примера того, насколько сложна работа ментора и насколько высокого уровня профессионализма она требует, можно упомянуть о работе с коллективной идентичностью. Как отмечает американский исследователь вопросов дерадикализации Д. Уикс, идейный исламист способен пожертвовать собой и совершить теракт лишь тогда, когда он ставит коллективную идентичность и некие общие коллективные интересы выше своей идентичности и своих интересов. Таким образом, ментору необходимо сначала проработать коллективную идентичность участника программы и лишь через ее изменение формировать новую персональную идентичность, свободную от установок радикального ислама³⁵⁸. При этом процесс будет успешно завершен не после деконструкции коллективной идентичности, а только после создания новых и индивидуальной, и коллективной идентичностей. Такой подход подразумевает постоянную долгосрочную поддержку и взаимодействие с участником программы.

В 2016 г. парламентский Комитет по правам человека заявил в своем отчете, что стратегия по противодействию терроризму основана на неподтвержденных теориях, и есть риск, что ее дальнейшая реализация может лишь усугубить ситуацию³⁵⁹. Союз учителей также выступил против контртеррористической программы *Prevent* в связи с тем, что она обязывала учителей, преподавателей, социальных работников, сотрудников тюрьмы, сотрудников сферы здравоохранения фактически вести слежку с целью выявления радикально настроенных граждан и оповещения кураторов программы³⁶⁰.

Критики программы *Channel* заявляют, что информаторы передают сведения о множестве людей, большинство из которых не представляют угрозы и не нуждается в дерадикализации. Наиболее яркий при-

мер – сообщение о трехлетнем малыше. Согласно официальной правительственной статистике за 2018–2019 гг. только 10% тех, кто попал в поле зрения *Channel*, в итоге стали участниками программы. Из оставшихся 28% были признаны не представляющими опасности, 49% перенаправлены в другие организации, занимающиеся вопросами образования, здравоохранения, семьи и т.д. Примечательно, что около половины тех, кому было предложено участие в *Channel*, отказались участвовать в программе³⁶¹. Стоит все же отметить, что из тех, кто решил на участие в ней, 85% успешно завершили ее и больше не вызывали опасений, связанных с радикализацией³⁶².

Особенности проведения программы *Channel* вызывают недовольство мусульманского населения. В связи с отсутствием должного опыта полицейские, представители местной власти, учителя, врачи, социальные работники обращают излишнее внимание на молодых мусульман даже тогда, когда повод для беспокойства отсутствует, что дополнительно вызывает ощущение стигматизации³⁶³. Недовольство также вызывает то, что *Prevent* активно использует слежку. Так, в 2010 г. в «мусульманском» округе Бирмингема в рамках программы было установлено 216 камер³⁶⁴. Все это приводит лишь к росту недовольства среди мусульманского населения и способствует стигматизации мусульман в Великобритании, что может усиливать радикальные настроения.

В 2016 г. британский исследователь Я. Андерсон опубликовал отчет по исламскому экстремизму в тюрьмах, в котором он рассказал о росте экстремистских настроений в местах заключения³⁶⁵. В марте 2020 г. член либерально-демократической партии баронесса Хуссейн-Эссе заявила, что тюрьмы Англии и Уэльса «переполнены» и «недоукомплектованы персоналом», что делает невозможным реабилитацию и дерадикализацию находящихся в заключении террористов³⁶⁶.

В 2018 г. аффилированная с правительством организация *Behavioural Insights Team (BIT*, британская команда бихевиористов) провела оценку 33 программ дерадикализации и опубликовала отчет, согласно которому только две из них оказались успешными³⁶⁷. Сами участники подобных программ продемонстрировали пренебрежительное отношение к ним, зачастую сидя на коллективных сессиях в наушниках и даже засыпая³⁶⁸.

В 2020 г. около 100 представителей академических кругов призвали правительство в корне пересмотреть программы *Prevent* и в целом *Channel*³⁶⁹. В открытом письме правительству они заявили, что «про-

грамма провалилась, от нее надо отказаться и с корнем вырвать ее из общества»³⁷⁰. Среди подписавших обращение – член европейского парламента, президент национального союза студентов, президент ассоциации мусульманских адвокатов, а также разные исследователи, работающие над контртеррористической проблематикой³⁷¹. Суть обращения в том, что призванная предотвращать терроризм программа *Prevent* способствовала маргинализации мусульманского сообщества, но не решила основных проблем, связанных с террористической угрозой.

Это коллективное обращение последовало вслед за публикацией отчета британской правозащитной группы *Sage*. В отчете «За пределами *Prevent*» говорится о том, что программа сводится к милитаризации государства и лишь привела к утрате доверия со стороны мусульманского сообщества³⁷². Утверждается, что всем «вместе необходимо не думать о том, как улучшить программу *Prevent*, а о том, как построить здоровое и безопасное общество»³⁷³.

В докладе также содержится критика, связанная с соблюдением прав человека и с международной политикой. В частности, Великобритания критикуется за поддержку Саудовской Аравии, Египта и Израиля³⁷⁴. «Необходима глубокая трансформация внешней политики Великобритании – выход из международной войны, отказ от торговли оружием и прекращение поддержки автократических режимов», – утверждают авторы³⁷⁵.

Понять причины радикализации – решить проблему

Для повышения эффективности программ дерадикализации необходимо более глубокое понимание корней радикализации и факторов, толкающих исламистов на насилие.

Согласно официальной «либерально-радикальной» стратегии дерадикализации, представленной парламенту правительством Великобритании, корни радикализации уходят исключительно в экстремистскую идеологию. Согласно этой стратегии экстремистская идеология «основана на искаженной интерпретации ислама, противоречащей мирным принципам религии, и берет истоки в таких учениях, как учение Сейида Кутба»³⁷⁶. В другом правительственном докладе, посвященном *Prevent*, сказано, что радикализация «движима идеологией, людьми,

* Египетский философ, идеолог организации «Братья-мусульмане».

распространяющими идеологию, и слабостями людей, которые делают их восприимчивыми к идеологии насилия»³⁷⁷. Другими словами, такая интерпретация представляет собой упрощенное понимание проблем радикализации, в рамках которого исламисты представляются как слабые и манипулируемые люди.

В рамках программ, входящих в *Prevent*, исламские террористы рассматриваются как люди, ставшие приверженцами радикальной идеологии без глубинных причин, что едва ли правомерно. Исламский радикализм рассматривается как идеология зла, не имеющая под собой никакой рациональной основы. Как можно утверждать, в эти программы намеренно закладываются определенные западные мировоззренческие и идеологические установки, например, о том, что «ислам – мирная религия» или что «исламский радикализм – зло». Вместе с тем оба эти утверждения одинаково примитивны и не объясняют сути проблемы.

Наряду с исламской идеологией как одной из причин радикализации британцев необходимо рассматривать и другие факторы: социокультурные, экономические, политические и международные. На настоящий момент среди исследователей не существует общепризнанного мнения, что же является основной причиной радикализации мусульман.

Г. Фрейзер³⁷⁸ утверждает, что слабость программы *Prevent* заключается в том, что ее авторы игнорируют политические причины радикализации молодых мусульман. Исследователь заявляет, что Великобритания должна взять на себя частичную ответственность за все те ужасы, которые мы наблюдали и наблюдаем на Ближнем Востоке³⁷⁹. Молодые мусульмане бегут из Великобритании в Сирию, «потому что они считают, что их племя подвергается нападению... так как Запад вторгся в Ирак... так как в Гуантанаму мусульман (именно мусульман, а не иракцев, сирийцев и пр.) подвергают пыткам»³⁸⁰. Из-за того, что борьба с терроризмом стала синонимом войны с исламом (а может, ее намеренно такой сделали путем риторики о столкновении цивилизаций), часть мусульманской молодежи воспринимает ее как войну против всех мусульман. Другой исследователь, С. Аппелбай, не соглашается с Г. Фрейзером и утверждает, что, хотя среди причин распространения радикализма могут быть и политические, нельзя преуменьшать роль идеологии в радикализации мусульман³⁸¹.

Также стоит упомянуть исследователей, считающих, что в основе радикализации среди прочих факторов лежат бедность и безработица

среди исламской молодежи. «Мусульман можно назвать наиболее ущемленной группой на рынке труда в Великобритании»³⁸², так как безработица среди них в три раза выше, чем среди христиан³⁸³. Но делая такие заявления, надо учесть, что мусульмане преобладают среди эмигрантов, а христиане среди аборигенов, при этом эмигранты по определению всегда находятся в лучшем экономическом положении, чем в той стране, откуда они приехали, но худшем по сравнению со средним уровнем жизни в принимающей стране. Более того, почти треть трудоспособных мусульман не имеет нужного образования, что гораздо выше показателей по другим религиозным группам³⁸⁴. Несмотря на все указанные проблемы, средний уровень жизни в Великобритании гораздо выше, чем в развивающихся странах. Тем не менее, как утверждает американский социолог и ученый М. Джергенсмейер, экстремизм порождает не абсолютная бедность, а относительная³⁸⁵. Другими словами, радикальные настроения распространены не в бедных странах, а в странах с большим разрывом между бедными и богатыми.

Не все британские исследователи согласны с утверждением о приоритетности экономического фактора. В качестве контраргумента некоторые отмечают, что мусульмане сталкиваются с теми же проблемами, что и «белые» представители рабочего класса. Просто мусульмане преимущественно проживают в «менее благополучных районах»³⁸⁶. Миллионы людей, и мусульман, и представителей других религий, сталкиваются с трудностями, «но лишь малая доля становится террористами»³⁸⁷. Более того, среди радикальных британцев достаточно молодых мусульман, являющихся представителями среднего класса, не имевших финансовых проблем и тем не менее уехавших в Сирию «на джихад»³⁸⁸.

Чтобы понять глубинные причины, по которым британцы в частности и европейцы в целом вступают в ИГИЛ, немецкий журналист Дж. Тоденхофер отправился в Сирию, где вступил в контакт с бойцами ИГИЛ³⁸⁹. По результатам общения с гражданами западных государств, примкнувших к ИГИЛ, он обнаружил, что многие из них считали, что на родине они подвергались дискриминации. Также они утверждали, что войны западных стран на Ближнем Востоке несправедливы и не могут быть оправданы. Для них участие в ИГИЛ – это участие в борьбе добра со злом, придающее всем их действиям глубинный смысл³⁹⁰.

На основе «данных» Дж. Тоденхофера можно сделать вывод, что огромную роль в радикализации играет исламофобия в широком ее

понимании, которая приводит к тому, что мусульмане «оказываются на самом дне... этнокультурной системы страны»³⁹¹. Из-за этого у них есть ощущение, что они не вписываются в британскую культуру и экономически и социально маргинализированы.

Как можно было ожидать, Дж. Годенхофер подвергся критике за популяризацию взглядов ИГИЛ и прославление радикальных ценностей³⁹². Вместе с тем программы дерадикализации должны быть основаны на понимании основ радикальной идеологии. И именно такие рассуждения являются примером риторики, которая должна подробно разбираться теологами для выявления слабых мест в аргументации. Более того, дерадикализация может быть успешной в долгосрочной перспективе лишь тогда, когда Великобритания сможет предложить подданным свое понимание смысла жизни и свои великие цели взамен предлагаемых ИГИЛ.

На данный же момент мусульманам не то что предлагается, а скорее навязывается антропоцентрический гуманизм и неолиберальная доктрина человека. Но ведь она как раз и является главной целью исламских радикалов. Круг замыкается именно здесь, поэтому дерадикализация исламистов, основанная на этом, не может быть эффективной, а скорее может убедить исламистов в их правоте.

Заключение

Программы дерадикализации в Великобритании развивались и масштабировались на протяжении последних двадцати лет. Несмотря на очевидные провалы, такие как теракты, совершенные выпускниками программ, по заявлению правительства более 1000 граждан отказались от радикальных идей и применения насилия. 10 декабря 2020 г. Министерство внутренних дел (МВД) Великобритании опубликовало статистику, утверждающую, что число подозреваемых в терроризме, арестованных в Соединенном Королевстве, упало до самого низкого уровня за десятилетие: с января по октябрь 2019 г. было произведено 215 арестов, что на 18% меньше, чем в 2018 г.³⁹³

Благодаря участию общества и различных общественных организаций в обсуждении программ вскрываются их негативные аспекты, например, создание в школах атмосферы недоверия и исламофобии. Так, когда учителей фактически принуждают следить за учениками, в первую очередь за мусульманами, и докладывать об их возможных радикальных настроениях, то дети с самого начала своего жизненного пути

могут считать себя чужими, не такими как все, что может порождать отчуждение и агрессию.

В ближайшие годы ожидается корректировка программ дерадикализации, но долгосрочные результаты могут быть получены лишь за счет пересмотра самих основ этих программ. Краткосрочные меры, такие как отмена 26 февраля 2022 г. раннего условно-досрочного освобождения, возможно, приведут к тому, что исламисты, лишь притворяющиеся, что отказались от радикальных идей, не выйдут на свободу раньше срока и не будут совершать теракты. Но рано или поздно их тюремный срок закончится, и они вновь будут представлять угрозу. Как заявил бывший Генеральный прокурор Н. Афзал, «более длительные сроки заключения будут иметь результат, но они только откладывают неизбежное» и не решают проблемы³⁹⁴. Другими словами, хотя общество и готово просто держать радикально настроенных мусульман в тюрьме вместо того, чтобы более глубоко, комплексно решать проблемы, в Великобритании нет возможности делать это вечно.

Альтернативой этим жестким и одновременно неэффективным мерам может стать разработка более эффективных программ по дерадикализации. Но дискуссия об их реформе осложняется тем, что многие эксперты скептически относятся к самой возможности перевоспитать террориста, и с их позицией трудно не согласиться.

В декабре 2020 г. Дж. Холл, в настоящий момент действующий независимый эксперт по законодательству о борьбе с терроризмом, поделился своим пессимистическим взглядом на результаты дерадикализации: «Я понимаю, почему люди пытаются проводить дерадикализацию. Просто невозможно не пытаться, это означало бы потерять надежду. Да и с учетом строгих ограничений, наложенных на нарушителей, стоит дать им возможность измениться. И кто-то сможет измениться. Однако не надо питать иллюзий – это не произойдет автоматически, а во многих случаях просто не работает. Но это не значит, что не надо пытаться проводить дерадикализацию»³⁹⁵. Причина, по которой программа дерадикализации может не сработать, кроется в том, что участников программ призывают отказаться от своих самых важных жизненных ориентиров, называя такой отказ «исцелением». Но с нашей точки зрения сами термины «исцеление», «установки» и другие, которые мы употребляли в данном разделе, отсылают к американскому бихевиоризму, неофрейдизму, отдающим клиницизмом. Тут явно просматривается подход с точки зрения этих американских теорий,

которые предполагают, что человека можно просто «перепрограммировать» (переубедить в том, что он был плохой, а надо быть хорошим).

Несмотря на все сложности как с реализацией программ дерадикализации, так и с их концептуальным обоснованием, утверждать, что террористы совсем не поддаются дерадикализации неверно, так как есть множество примеров, свидетельствующих об обратном. Важно понимать, что в той же мере, в какой разнообразно и разнородно общество, разнообразны и причины радикализации, и каждая история индивидуальна. Пожалуй, это и есть один из самых главных недостатков современных западных программ дерадикализации – отсутствие индивидуального подхода, как и невозможность оторвать программы от западных либеральных ценностей.

¹ *Бобохонов Р.С.* Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. М., 2012. С. 43.

² *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в мире: «Боко Харам» // Центральная Азия. 05.09.2017. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1504600680> (дата обращения 07.07.2023)

³ *Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В.* Ибн Таймийа // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 85–86.

⁴ *Уинтл Дж.* История Ислама с VII века до наших дней. Астрель, 2008. С. 13.

⁵ *Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В.* Ибн Таймийа... С. 85.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Кто такие салафиты? // Международная жизнь. 01.04.2013. <https://interaffairs.ru/news/show/9306> (дата обращения 04.07.2023).

¹² *Бобохонов Р.С.* История исламского фундаментализма // Центральная Азия. 12.11.2015. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1447276380> (дата обращения 07.07.2023).

¹³ *Бобохонов Р.С.* Возникновение ИГИЛ как результат активной политизации ислама // Центральная Азия. 20.12.2014. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1419067980> (дата обращения 07.07.2023)

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Бобохонов Р.С.* Роль и перспективы радикального ислама после арабской весны // Центральная Азия. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1378474380> (дата обращения 07.07.2023).

¹⁶ *Бобохонов Р.С.* Участие радикальных исламистских движений в современных африканских конфликтах: религиозная и нерелигиозная составляющие (на примере

организации «Боко Харам») // Сб. материалов конференции «Религиозные конфликты в Африке южнее Сахары: угрозы нарастания и возможности предотвращения». М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 41–46.

¹⁷ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в мире: «Братья мусульмане» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 8. С. 16–20.

¹⁸ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в мире: «Боко Харам»...

¹⁹ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в Африке: Ансар ад-дин. Мали // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 6/2. С. 8–14.

²⁰ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в Африке: «Селека» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 8. С. 10–15.

²¹ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в Африке: Ансар ад-дин. Мали // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 6/2. С. 6–10.

²² *Бобохонов Р.С.* Участие радикальных исламистских движений в современных африканских конфликтах: религиозная и нерелигиозная составляющие (на примере организации «Боко Харам»). С. 41–46.

²³ *Емельянов А.Л.* Черный ислам // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 44–55.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в мире: «Боко Харам»...

²⁶ Там же.

²⁷ *Бобохонов Р.С.* Радикальные течения ислама в Африке: «Селека». С. 6–16.

²⁸ *Сабатеев А.Д.* Мусульманские духовные ордена в Тропической Африке. М.: Издательский дом XXI век - Согласие, 1999. 152 с.

²⁹ Запрет ислама в Анголе может иметь глобальные последствия. <https://news.rambler.ru/world/31269246-zapret-islama-v-angole-mozhet-imet-globalnye-posledstviya/> (дата обращения 07.07.2023)

³⁰ *Мосейко А.Н., Харитонов Е.В.* Зоны афрохристианского синкретизма как трансфер между двумя цивилизациями // Цивилизации. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций. М.: Наука, 2021. С. 97–137.

³¹ *Shutt A.* Ubuntu as the African Ethical Vision // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. University of Kwa Zulu-Natal Press, 2009. Pp. 90–91.

³² *Setiloane G.M.* African Theology. An Introduction. Johannesburg. Skotavill Publishers. 1986. P. 13.

³³ *Bujo B.* Is There a Specific African Ethic? Towards a Discussion with Western Thought // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics, University of KwaZulu-Natal Press, 2009. Pp. 115–116.

³⁴ Цит. по: *Бейлис В.А.* Традиция и религия. Взаимная адаптация ислама и традиционных религий Тропической Африки // Традиция в современных культурах Африки. М.: Наука, 1986. С. 100.

³⁵ О доктрине (вероучении) ислама см.: *Смирнов А.В.* О подходе к сравнительному изучению культур // Актуальные проблемы культурологии: лекции в СПбГУП. Вып. I. СПб: СПбГУП, 2013. С. 291–296; *Ибрагим Т.* Ислам. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Том 2. М.: «Мысль», 2010. С. 163.

³⁶ *Mazrui Ali A.* Africa' Wisdom has two Parents and One Guardian // Africa Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. University of KwaZulu-Natal Press, 2009. С. 33.

³⁷ См.: *Ибрагим Т.* Указ. соч. С. 164.

³⁸ *Mazrui Ali A.* Указ. соч. Р. 36.

³⁹ Там же. Р. 37.

⁴⁰ Там же. Р. 37.

⁴¹ Там же. Р. 38–40.

⁴² Там же. Р. 40–42.

⁴³ Там же. Р. 43–44.

⁴⁴ Там же. Р. 47–50.

⁴⁵ Там же. Р. 51–54.

⁴⁶ Там же. Р. 54.

⁴⁷ *Mazrui A.* Указ.соч. Р. 53.

⁴⁸ *Brekke T.* Fundamentalism: Prophecy and protest in an age of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Р. 63.

⁴⁹ *Мец И. Б.* Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 83–131.

⁵⁰ *Мольтман Ю.* Теология надежды // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 132–148.

⁵¹ *Brekke T.* Указ. соч.

⁵² *Зеленев Е.И.* Исламский фактор в современной Африке: переходный период и «реисламизация» // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 14.

⁵³ *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база // Исламские движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Афразийская зона нестабильности. М.: ИАФР РАН, 2019. С. 40–41.

⁵⁴ *Baran Z.* Fighting the war of ideas // Foreign Affairs. N.Y.: 2005. Vol. 34. No. 6.

⁵⁵ Там же. Р. 68.

⁵⁶ Там же. Р. 75.

⁵⁷ Там же. Р. 74.

⁵⁸ Там же. Р. 49–50.

⁵⁹ *Ojo J.O.* Yoruba culture: A Geographical Analysis. L., 1966. Р. 158.

⁶⁰ Legit Nigeria News. <https://www.legit.ng/1176923-update-why-herdsmen-killed-120-people-plateau-miyetti-allah.html> (дата обращения 20.05.2023)

⁶¹ Там же.

⁶² Мусульмане и христиане встали на защиту религиозных храмов. Islam today. 05.01.2017. <https://islam-today.ru/novosti/2017/01/05/musulmane-i-hristiane-vstali-na-zasitu-hramov/> (дата обращения 29.11.2022)

⁶³ Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям. NOSTRA AETATE. Провозглашена Его Святейшеством Папой Павлом VI 28 октября 1965 г. Nostra Aetate. 1965. № 3.

⁶⁴ *Мухамеджанов И.* Суфийский шейх Амаду Мбамба – духовный авторитет и борец с колониализмом в Сенегале. <https://islam-today.ru/istoria/sufijskij-sejh-amadu-mbamba-duhovnij-avtoritet-i-bores-s-kolonializmom-v-senegale> (дата обращения 20.11.2022).

⁶⁵ Архив автора.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Dibua J.J.* Citizenship and resource control in Nigeria the case of minority communities in the Niger Delta // *Afrika Spektrum*. Hamburg, 2005. No. 39. P. 14.

⁶⁸ *Авдалян М.Р., Глазкова Х.Ю., Лобашова Е.В.* От становления до раскола: деятельность «Боко Харам» с обзором ликвидации ее последствий (на примере деятельности Красного Креста) // *Африка: интеграция и социальное развитие*. Ежегодник. М.: РУДН, 2019. С. 88–90.

⁶⁹ *Угуччони К.* Камерун: инвалиды сближают христиан и мусульман. *VaticanInsider*. <http://рускаатолик.рф/Kamerun/> (дата обращения 08.12.2022).

⁷⁰ *Панцеров К.А.* Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты // *Исламистские движения на политической карте мира*. Вып. 3. *Афразийская зона нестабильности*. М: ИнАфр РАН, 2018. С. 178–184.

⁷¹ *Лейку Дж.* 8 способов ненасильственной защиты от террора. <https://quakers.ru/wagingnonviolence.org/2015/01/8ways-defend-terror-nonviolently> (дата обращения 19.12.2022).

⁷² *Bidima J.J.* *La Palabre. Une jurisdiction de la parole*. Paris: Ed. Michalon, 1997. Pp. 37–40.

⁷³ Центральное агентство общественной мобилизации и статистики Египта. (На араб.). <https://www.capmas.gov.eg/HomePage.aspx> (дата обращения 10.05.2022).

⁷⁴ *Egypt's population hits 100 million Tuesday* // *Egypt Today*. 11.02.2020. <https://egypttoday.com/Article/1/81522/Egypt's-population-hits-100-million-Tuesday> (дата обращения 10.05.2022).

⁷⁵ *Население Египта*. https://countrysmeters.info/ru/Egypt#age_structure (дата обращения 15.06.2023).

⁷⁶ *Egypt Says Third of Population Lives in Poverty* // *Associated Press*. 30.06.2019. <https://arnews.com/6d1eebc161044d54b7dd24930e0309cb> (дата обращения 15.05.2022).

⁷⁷ *Pinfari M.* National approaches to extremism. *Egypt. Connect Country Report*. European Institute of the Mediterranean, 2020. P. 3. https://h2020connekt.eu/wp-content/uploads/2021/01/Egypt_CONNEKT_Approaches_to_extremism.pdf (дата обращения 15.03.2022)

⁷⁸ *Ibidem*. P. 4.

⁷⁹ *Ibid.* P. 5.

⁸⁰ *Akl Z.A.* Countering Radicalisation in Egypt // *Ahram Online*. 20.11.2019. <http://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/356196/Opinion/Countering-radicalisation-in-Egypt.aspx> (дата обращения 15.04.2022).

⁸¹ *The Tahrir Institute for Middle Eastern Policy (TIMEP)*. Five Years of Egypt's War on Terror. 24.07.2018. <https://timep.org/wp-content/uploads/2018/07/TIMEP-ESW-5yrReport-7.27.18.pdf> (дата обращения 22.04.2022)

⁸² *Like a Fire in the Forest: ISIS Recruitment in Egypt's Prisons*. <https://cihrs.org/like-a-fire-in-a-forest-isis-recruitment-in-egypts-prisons/?lang=en>

⁸³ *Akl Z.A.* Countering Radicalization in Egypt... (дата обращения 20.06.2022)

⁸⁴ *The Tahrir Institute for Middle Eastern Policy (TIMEP)*. Five Years of Egypt's War on Terror. 24.07.2018. <https://timep.org/esw/five-years-of-egypts-war-on-terror/> (дата обращения 20.06.2022)

⁸⁵ *Brzuszkiewicz S.* Counter-radicalization and de-radicalization in Egypt and Libya: Returnees and Foresight // *Firka Forum*. 13.07.2017. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/counter-radicalization-and-de-radicalization-egypt-and-libya-returnees-and>

-
- ⁸⁶ Ibidem.
- ⁸⁷ A New Approach? Deradikalization Programms and Counterterrorism. International Peace Institute, June 2010. NY. P. 5.
- ⁸⁸ *Pinfari M.* National approaches to extremism. Egypt. Connect Country Report... P. 8.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ Ibid. P. 9.
- ⁹¹ *Ibrahim I.* Obstacles to Renewing Religious Discourse in Egypt: Reasons and Results // The Tahrir Institute for Middle East Policy. 31.10.2019. <https://timep.org/commentary/analysis/obstacles-to-renewing-religious-discourse-in-egypt-reasons-and-results/> (дата обращения 15.04.2022)
- ⁹² *Быстров А.А.* О борьбе с террористическим подпольем в Марокко // Институт Ближнего Востока, 16.02.2017. <http://www.iimes.ru/?p=32677> (дата обращения 22.12.2020)
- ⁹³ *El Mostafa Rezrazi.* Insights Into Morocco's Approach to Countering and Preventing Violent Extremism // De-radicalization in the Mediterranean. Comparing Challenges and Approaches. Ed. by Lorenzo Vidino. ISPI, 2018. P. 82.
- ⁹⁴ Ibidem. P. 84.
- ⁹⁵ Ibid. P. 85.
- ⁹⁶ Ibid. P. 86.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Ibid. P. 90.
- ⁹⁹ Ibid. P. 82.
- ¹⁰⁰ Король Марокко помиловал более 400 осужденных за терроризм // РИА Новости. 20.08.2017. <https://ria.ru/20170820/1500701697.html>
- ¹⁰¹ Interior Minister Laftit: Fighting Terrorism is a Long-Term Project // Morocco World News. 04.03.2019. <https://www.moroccoworldnews.com/2019/03/267161/interior-minister-abdelouafi-laftit-tunisia-terrorism/> (дата обращения 22.12.2021)
- ¹⁰² *Oleksinski J.* Inside the rehab center for Guantanamo terrorists // New York Post. 24.01.2022. <https://nypost.com/2022/01/24/inside-the-rehab-center-for-guantanamo-terrorists/> (дата обращения 03.03.2022)
- ¹⁰³ Международная научно-практическая конференция «Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий» 10–11 октября 2018 г. <http://www.antat.ru/ru/news/8547/> (дата обращения 15.11.2021)
- ¹⁰⁴ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия» // Религия и общество на Востоке / отв. ред. А.В. Сарабьев. Институт востоковедения РАН. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2017. С. 7, 11.
- ¹⁰⁵ *Васильев А.М.* Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман // Азия и Африка сегодня. 2023. № 3. С. 15. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
- ¹⁰⁶ *Юрченко В.П.* Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму. <http://www.iimes.ru/?p=3000> (дата обращения 10.10.2021).
- ¹⁰⁷ *Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch.* Deradicalizing Islamist Extremists. RAND Corporation, 2010. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (дата обращения 17.01.2022)
- ¹⁰⁸ *Ahmad Abdullah.* The Force behind Crackdown on Terror // Saudi Gazette. 17.06.2012.

¹⁰⁹ Ibidem.

¹¹⁰ Saudi Arabia. Events of 2019. World Report 2020. <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/saudi-arabia> (дата обращения 10.03.2022)

¹¹¹ Popp G., Canna S., Day J. Common Characteristics of “Successful” Deradicalization Programs of the Past. NSI Reachback Report. February 2020. https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2020/02/NSI-Reachback_B2_Common-Characteristics-of-Successful-Deradicalization-Programs-of-the-Past_Feb2020_Final.pdf (дата обращения 01.03.2022).

¹¹² Гашков И. Выслать мигрантов: как Саудовская Аравия справляется с падением цен на нефть // ТАСС. 15.10.2019. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7001819> (дата обращения 17.10.2019)

¹¹³ Gardner T. Ethiopians Face Beatings and Bullets as Saudi ‘Deportation Machine’ Cranks Up // The Guardian. 16.08.2019.

¹¹⁴ One Million Expats Expected to Leave Saudi Arabia under Amnesty Plan // Arab-News. 18.04.2017.

¹¹⁵ Frouws B. Mass Deportations Looming: Saudi Arabia gears up to expel millions of migrants... again. Mixed Migration Centre. 12.05.2017. <http://www.mixedmigration.org/articles/mass-deportations-looming-saudi-arabia-gears-up-to-expel-millions-of-migrantsagain> (дата обращения 05.03.2021)

¹¹⁶ Saudi Arabia. Events of 2017. WORLD REPORT 2018. <https://www.hrw.org/world-report/2018/country-chapters/saudi-arabia> (дата обращения 02.03.2022)

¹¹⁷ One Million Expats Expected to Leave Saudi Arabia...

¹¹⁸ Migration Profile Saudi Arabia. <https://migrants-refugees.va/country-profile/saudi-arabia/>

¹¹⁹ Boucek Ch. Extremist Re-education and Rehabilitation in Saudi Arabia // Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. Tore Bjorgo and John Horgan, eds. N.Y.: Routledge, 2009. Pp. 212–223.

¹²⁰ Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман // Азия и Африка сегодня. 2023. № 3. С. 8–9. DOI: 10.31857/S032150750024989-9

¹²¹ Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 6. DOI: 10.31857/S032150750025680-0

¹²² Boucek Ch. Saudi Arabia’s “Soft” Counterterrorism Strategy: Prevention, Rehabilitation, and Aftercare // Carnegie Papers. Middle East Program. September 2008. No. 97. https://carnegieendowment.org/files/cp97_boucek_saudi_final.pdf (дата обращения 15.02.2022)

¹²³ Chopra Anuj. Jihadists go to Rehab at ‘5-star’ Saudi Center // The Times of Israel. 29.11.2017.

¹²⁴ Boucek Ch. Saudi Arabia’s “Soft” Counterterrorism Strategy...

¹²⁵ Macleod S. Postcard: Saudi Arabia // Time. 18.10.2007.

¹²⁶ Ansary Abdullah F. Combating Extremism: A Brief Overview of Saudi Arabia’s Approach. <https://mepc.org/combating-extremism-brief-overview-saudi-arabias-approach> (дата обращения 01.10.2021)

¹²⁷ Fielding N., Baxter S. Saudi Arabia is Hub of World Terror // The Times. 04.11.2007.

¹²⁸ Macleod S. Postcard: Saudi Arabia...

¹²⁹ *Fleishman J.* Saudi Arabia Tries to Rehab Radical Minds // Los Angeles Times. 21.12.2007; *Ottaway D.* Saudi Effort Draws on Radical Clerics to Combat Lure of Al-Qaeda // Washington Post. 07.05.2006; *Porges M.L.* The Saudi Deradicalization Experiment. Expert Brief. N.Y.: Council on Foreign Relations, 22 January 2010; *Horgan J. and Altier M.B.* The Future of Terrorist De-Radicalization Programs // Georgetown Journal of International Affairs. Summer/Fall. 2012. Pp. 83–90.

¹³⁰ *Ansary Abdullah F.* Combating Extremism: A Brief Overview of Saudi Arabia's Approach. <https://mepc.org/combating-extremism-brief-overview-saudi-arabias-approach>. (дата обращения 01.10.2021)

¹³¹ *Ibidem.*

¹³² Saudi Frees 1,500 Extremists Who Changed Course: Report // ABC. 25.11.2007. <https://www.abc.net.au/news/2007-11-25/saudi-frees-1500-extremists-who-changed-course/967872> (дата обращения 15.08.2021)

¹³³ Counter-Terrorism Strategies in Indonesia, Algeria and Saudi Arabia. Ed. by Roel Meijer. Netherlands Institute of International Relations "Clingendael", 2012. https://wodc.nl/binaries/1806-volledige-tekst_tcm28-70796.pdf (дата обращения 03.07.2021)

¹³⁴ *Boucek Cr.* "Soft" Counterterrorism Strategy...

¹³⁵ *Bouzayan A.* Rehab Program Helps 3,300 in 12 Years // Saudi Gazette. 21.03.2017; *Moore J.* Five-Star Jihad: Al-Qaeda and Taliban Fighters Receive Luxury Treatment in Saudi Arabia // Newsweek. 29.11.2017.

¹³⁶ *al-Khatti Kamel.* Why Saudi Arabia's Deradicalization Program is Successful. <https://www.rcc.int/p-cve/news/198/why-saudi-arabias-deradicalization-program-is-successful> (дата обращения 05.07.2021)

¹³⁷ *Gardner F.* Inside Saudi Arabia's Rehab Centre for Jihadists // BBC News. 27.05.2017. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-40061550> (дата обращения 05.03.2021)

¹³⁸ *Speckhard A.* Prison and Community Based Disengagement and De-Radicalization Programs for Extremists Involved in Militant Jihadi Terrorism Ideologies and Activities. https://www.researchgate.net/publication/271195266_Prison_and_Community_Based_Disengagement_and_De-radicalization_Programs_for_Extremists_Involved_in_Militant_Jihadi_Terrorism_Ideologies_and_Activities (дата обращения 11.11.2021)

¹³⁹ Saudi Shura Member Spots 'Need' to Revise Terrorist Rehab Program // Al-Arabiya. 16.12.2014. <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/12/16/Saudi-Shura-member-Need-to-revise-terrorist-rehabilitation-program.html> (дата обращения 14.05.2021)

¹⁴⁰ *Osborne S.* Saudi Arabia's Terrorist Rehab actually 'Secret Radicalisation Programme,' Guantanamo Prisoner Claims // Independent. 01.12.2016.

¹⁴¹ *Гринин Л. Е., Коротаев А.В.* Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. С. 94.

¹⁴² Absolute Power // The Atlantic. 03.03.2022. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2022/04/mohammed-bin-salman-saudi-arabia-palace-interview/622822/> (дата обращения 03.03.2022).

¹⁴³ Counter-Terrorism Strategies... (дата обращения 03.07.2021)

¹⁴⁴ *Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch.* Deradicalizing Islamist Extremists. RAND Corporation, 2010. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (дата обращения 17.10.2021)

-
- ¹⁴⁵ *Casptack A.* Deradicalization Programs in Saudi Arabia: A Case Study. <https://mei.edu/publications/deradicalization-programs-saudi-arabia-case-study> (дата обращения 02.04.2021)
- ¹⁴⁶ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: «религиозное государство»... С. 9.
- ¹⁴⁷ Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник. Т. 2. Азия. М., 2012.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ *Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism.* Embassy of the Republic of Yemen. Washington DC: 2017. 10 p.
- ¹⁵⁰ *Саватеев А.Д., Боков Т.А.* Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке // Ученые записки Института Африки РАН. 2017, № 1(38). С. 107.
- ¹⁵¹ *Combating terrorism in Yemen Through the Committee for Religious Dialogue.* Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies Report. 2010. P. 5.
- ¹⁵² *Гордеев Н.С.* Дерадикализация в исправительных учреждениях: российский и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. 2016. С. 173.
- ¹⁵³ *Johnsen G., Boucek Ch.* The dilemma of the Yemeni detainees at Guantanamo Bay // CTC Sentinel. January. 2010. Pp. 1–4.
- ¹⁵⁴ *Саватеев А.Д., Хайруллин Т.Р.* Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире. 2019. № 3. С. 170.
- ¹⁵⁵ *Peraino K.* War on Terror: The Key to Closing Gitmo // Newsweek. 28.05.2009. <https://newsweek.com/war-terror-key-closing-gitmo-80151> (дата обращения 12.10.2020).
- ¹⁵⁶ *Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism...*
- ¹⁵⁷ *Whewell T.* Yemeni anti-terror scheme in doubt // BBC News. 11.10.2005. http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/crossing_continents/4328894.stm (дата обращения 10.10.2020)
- ¹⁵⁸ Ibidem.
- ¹⁵⁹ *Peraino K.* War on Terror...
- ¹⁶⁰ *Johnsen G., Boucek Ch.* The dilemma of the Yemeni...
- ¹⁶¹ *Сысоев А.М.* Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 86.
- ¹⁶² *Ansary A.F.* Combating Extremism: A brief overview of Saudi Arabia's Approach // Middle East Policy. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 119.
- ¹⁶³ *Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism...* P.10.
- ¹⁶⁴ *Knights M.* Strengthening Yemeni Counter-terrorism Forces: Challenges and Political Considerations. The Washington Institute. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/strengthening-yemeni-counterterrorism-forces-challenges-and-political-considerations> (дата обращения 04.07.2020)
- ¹⁶⁵ *Yemen's counter-terrorism unit* // Al-Jazeera. 17.09.2008. <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2007/07/2008525185044972283.html> (дата обращения 10.07.2020)
- ¹⁶⁶ *Sharp J.M.* Yemen: Background and US Relations. Washington DC: Congressional Research Service Report, 2015. 33 p.
- ¹⁶⁷ *European Union to support Yemen Central Security Forces.* Yemen Post. <http://yemenpost.net/Detail123456789.aspx?ID=3&SubID=6595> (дата обращения 14.07.2020)

-
- ¹⁶⁸ Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism... P. 10.
- ¹⁶⁹ *Хайруллин Т.Р.* Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 129–130.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ *Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коптаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2016. С. 104.
- ¹⁷² Saleh, Yemen's great survivor, finally quits power // *Khaleej Times*. 23.11.2011. <https://www.khaleejtimes.com/world/saleh-yemens-great-survivor-finally-quits-power> (дата обращения 27.09.2018)
- ¹⁷³ Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism... P. 10.
- ¹⁷⁴ Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник. Т. 2. Азия. М., 2012.
- ¹⁷⁵ *Нефляшева Н.А., Карпачева О.В.* «Дерадикализация политического ислама как насыщенная задача современного цивилизационного развития: мировой и российский опыт». Круглый стол в Институте Африки РАН // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 116–130.
- ¹⁷⁶ *Nuhriison M.* Faktor-faktor penyebab munculnya paham / gerakan islam radikal di Indonesia // *Jurnal Harmoni: Multikultural dan Multireligius*. 2009. Vol. 8. No. 1. Pp. 36–47.
- ¹⁷⁷ *Кирчанів М.В.* Індонезійський ісламизм як маргінальний випадок розвитку політичного ісламу в мусульманській країні // *Східний світ*. 2021. № 3. С. 107–122.
- ¹⁷⁸ *Кирчанов М.В.* Институционализированные формы радикального ислама в Индонезии 2010-х гг. // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 263–283.
- ¹⁷⁹ *Кирчанов М.В.* «Изобретенные традиции» индонезийского либерального ислама 2000-х – первой половины 2010-х годов // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 1 (47). С. 16–29.
- ¹⁸⁰ *Рогожина Н.* Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 8. С. 27–36.
- ¹⁸¹ *Кирчанов М.В.* Информационная повестка индонезийских исламистов в начале 2021 года: исламизм на распутье // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 2. № 2 (51). С. 130–141.
- ¹⁸² *Карпачева О.В., Нефляшева Н.А.* Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // *Журнал исторических исследований*. 2018. Т. 3. № 4. С. 18–32.
- ¹⁸³ *Ефимова Л.М.* «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии // *Ислам в современном мире*. 2017. Т. 13. № 1. С. 115–132.
- ¹⁸⁴ *Другов А.Ю.* Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии // *Религия и общество на Востоке*. 2020. № 4. С. 230–254.
- ¹⁸⁵ *Ilyas M., Athwal R.* De-Radicalisation and Humanitarianism in Indonesia // *Social Siences*. 2021. Vol. 10, No. 3. Pp. 1–17. <https://doi.org/10.3390/socsci10030087>
- ¹⁸⁶ *Ефимова Л.М.* Исламский экстремизм в Индонезии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2011. Вып. 17. С. 90–105.
- ¹⁸⁷ *Koehler D.* Understanding Deradicalization: Methods, Tools, and Programmes for Countering Violent Extremism. N.Y.: Routledge, 2017. 322 p.
- ¹⁸⁸ *Aslam M.M., Othman I.B., Rosili N.A.K.* De-Radicalization Programs in South-East Asia: A Comparative Study of Rehabilitation Programs in Malaysia, Thailand, Indonesia and Singapore // *Journal of Education and Social Sciences*. 2016. No. 4. Pp. 154–160.

-
- ¹⁸⁹ *Marsden S.V.* Reintegrating Extremist: Deradicalisation and Desistance. London: Palgrave Macmillan, 2016. 147 p.
- ¹⁹⁰ *Anindya C.R.* The Deradicalisation Programme for Indonesian Deportees: A Vacuum in Coordination // *Journal of Deradicalization*. 2019. Vol. 18. Pp. 217–243.
- ¹⁹¹ *Agastia G., Perwita A., Subedi D.B.* Countering violent extremism through state-society partnerships: A case study of de-radicalisation programmes in Indonesia // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2020. Vol. 15. No. 1. Pp. 23–43. <https://doi.org/10.1080/18335330.2020.1722317>
- ¹⁹² *Hussin S.* Lessons learnt from Indonesian and Malaysian approaches to terrorist rehabilitation // *East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 10.05.2019. <https://www.eastasiaforum.org/2019/05/10/lessons-learnt-from-indonesian-and-malaysian-approaches-to-terrorist-rehabilitation/> (дата обращения 10.10.2022).
- ¹⁹³ *Anindya C.R.* Should Indonesia accept Islamic State returnees? // *East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 16.07.2019. <https://www.eastasiaforum.org/2019/07/16/should-indonesia-accept-islamic-state-returnees/> (дата обращения 10.10.2022)
- ¹⁹⁴ *Anindya C.R.* Terrorism no longer a man's world in Indonesia // *East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 12.01.2017. <https://www.eastasiaforum.org/2017/01/12/terrorism-no-longer-a-mans-world-in-indonesia/> (дата обращения 10.12.2022)
- ¹⁹⁵ *Mohammed I.* Critical Reflections on De-Radicalisation in Indonesia // *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. 2020. Vol. 10. No. 1. Pp. 43–57. <https://doi.org/10.26618/ojip.v10i1.3097>
- ¹⁹⁶ *Anindya C.R.* How to reform Indonesia's deradicalisation policy // *East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 25.05.2018. <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/25/how-to-reform-indonesias-deradicalisation-policy/> (дата обращения 05.10.2022).
- ¹⁹⁷ *Sulaiman Y.* No need to get radical about deradicalisation policy in Indonesia // *East Asia Forum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific*. 23.05.2018. <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/23/no-need-to-get-radical-about-deradicalisation-policy-in-indonesia/> (дата обращения 10.08.2021)
- ¹⁹⁸ *Muhammad A., Hiarij E.* Deradicalization program in Indonesia radicalizing the radicals // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7. No. 1. <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1905219>.
- ¹⁹⁹ Saat Pak AR Fachruddin Jadi Imam Tarawih di Masjid NU, Jamaah: “Ala Muhammadiyah Saja” // *Muhammadiyah*. 10.04.2022. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/saat-pak-ar-fachruddin-jadi-imam-tarawih-di-masjid-nu-jamaah-ala-muhammadiyah-saja/> (дата обращения 10.09.2022)
- ²⁰⁰ *Khutbah Jum'at: Bersenang-senang dalam Pandangan Islam* // *Muhammadiyah*. 01.01.2022. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-jumat-bersenang-senang-dalam-pandangan-islam/> (дата обращения 14.05.2022)
- ²⁰¹ *Rubaidi A.* Radikalisme Islam, Nahdatul Ulama masa depan moderatisme islam di Indonesia. Jakarta: Logung Pustaka, 2007. 180 p. (На индонез.)
- ²⁰² *Misrawi Z.* Alquran Kitab Toleransi. Jakarta: Grasindo, 2010. 484 p. (На индонез.).

-
- ²⁰³ *Masduqi I.* Berislam secara toleran: teologi kerukunan umat beragama. Bandung: Mizan, 2012. 310 p. (Ha индонез.)
- ²⁰⁴ *An-Na'im A.A.* Islam dan Negara Sekuler. Bandung: Mizan, 2007. 506 p. (Ha индонез.)
- ²⁰⁵ *An-Na'im A.A.* Dekonstruksi Syari'ah. Yogyakarta: LKiS, 2001. (Ha индонез.)
- ²⁰⁶ *Darmadji A.* Ansari Yamamah, Deradikalisasi Islam Indonesia. Gagasan Pemikiran Islam Transistif // *Analytica Islamica*. 2015. Vol. 4. No. 2. Pp. 312–322. (Ha индонез.)
- ²⁰⁷ Kepribadian Muhammadiyah. (Ha индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/kepribadian-muhammadiyah/> (дата обращения 04.11.2021)
- ²⁰⁸ *Darmadji A.* Pondok Pesantren dan Deradikalisasi Islam di Indonesia // *Millah: Jurnal Studi Agama*. 2016. Vol. 11. No. 1. Pp. 235–252. (Ha индонез.). <https://doi.org/10.20885/millah.vol11.iss1.art12>
- ²⁰⁹ *Haedar Nashir.* Memilih Moderat Berkemajuan // *Republika*. 28.11.2021. (Ha индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/memilih-moderat-berkemajuan/> (дата обращения 29.11.2021)
- ²¹⁰ *Sutrisno E.* Aktualisasi moderasi beragama di lembaga pendidikan // *Jurnal Bimas Islam*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 323–348. (Ha индонез.)
- ²¹¹ *Abidin Z.* Pesantren dan Transformasi Sosial: Mem otrek Peran Pesantren dalam Pembangunan Masyarakat Madam // *Media Nusantara*. Bandung: LPPM Universitas Islam Nusantara. 2008. No. 3. Pp. 95–108. (Ha индонез.)
- ²¹² *Haedar Nashir.* Ke Mana Angin Bertiup // *Republika*. 24.04.2021. (Ha индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/ke-mana-angin-bertiup/> (дата обращения 25.04.2021)
- ²¹³ *Mu'allim A.* Isu Terorisme dan Stigmatisasi terhadap Pondok Pesantren (Meluruskan Kesalahpahaman terhadap Pondok Pesantren) // *Millah. Jurnal Studi Agama*. 2006. Vol. 6. No. 1. Pp. 47–60. (Ha индонез.). <https://doi.org/10.20885/millah.vol6.iss1.art5>
- ²¹⁴ *Fathoni Ahmad.* Substansi Jihad dalam Agama // *Nahdlatul Ulama*. 28.04.2022. (Ha индонез.). <https://www.nu.or.id/opini/substansi-jihad-dalam-agama-AmFMX> (дата обращения 29.04.2022)
- ²¹⁵ *Asroni A.* Radikalisme Islam di Indonesia: Tawaran Solusi untuk Mengatasinya // *Religi. Jurnal Studi Agama-agama*. 2008. Vol. VII. No. 1. Pp. 15–34. (Ha индонез.)
- ²¹⁶ *Al-Munawar S.A.H.* Aktualisasi Nilai-nilai Qur'ani dalam Sistem Pendidikan Islam. Jakarta: Ciputat Press, 2005. (Ha индонез.)
- ²¹⁷ *Ilham Ibrahim.* Empat Nilai Dasar Beragama (Khutbah Jumat) // *Muhammadiyah*. 01.12.2021. (Ha индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/empat-nilai-dasar-beragama-khutbah-jumat/> (дата обращения 02.12.2021)
- ²¹⁸ *Fauzan Anwar Sandiah.* H.M. Farid Ma'roef dan Kisah Melawat ke Jepang 1939 // *Muhammadiyah*. 09.04.2022. (Ha индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/h-m-farid-maroeef-dan-kisah-melawat-ke-jepang-1939-bagian-ii/> (дата обращения 10.04.2022)
- ²¹⁹ *Hasbiyallah.* Deradikalisasi Islam Indonesia. Studi Pemikiran Islam Nahdlatul Ulama. Bandung: Pusat Penelitian dan Penerbitan, 2016. P. 243.
- ²²⁰ *Khutbah Idul Fitri 1443 H, Merengkuh Taqwa Menjadi Muslim Wasathiyah* // *Muhammadiyah*. 26.04.2022. <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-idul-fitri-1443-h-merengkuh-taqwa-menjadi-muslim-wasathiyah/> (дата обращения 27.04.2022)
- ²²¹ *Fahri M., Zainuri A.* Moderasi beragama di Indonesia // *Intizar*. 2020. Vol. 25. No. 2. Pp. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.19109/intizar.v25i2.5640>.

-
- ²²² *As'ad Humam*. Kiai Legendaris Muhammadiyah Penemu Metode Iqro' // Muhammadiyah. 11.01.2022. <https://muhammadiyah.or.id/asad-humam-kiai-legendaris-muhammadiyah-penemu-metode-iqro/> (дата обращения 12.01.2022)
- ²²³ *Ali M.D.* Pendidikan Agama Islam. Jakarta: Raja Grafindo Persada, 2016. 466 hlm. (На индонез.)
- ²²⁴ *Al-Al-Syaibany O.M.* Falsafah Pendidikan Islam. Jakarta: Bulan Bintang, 2009. 649 p. (На индонез.)
- ²²⁵ *Baidhawi Z.* Pendidikan agama berwawasan multikultural. Jakarta: Erlangga, 2005. 134 p. (На индонез.)
- ²²⁶ *Khutbah Jum'at: Bersenang-senang dalam Pandangan Islam* // Muhammadiyah. 01.01.2022. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-jumat-bersenang-senang-dalam-pandangan-islam/> (дата обращения 02.01.2022)
- ²²⁷ *Matan Keyakinan dan Cita-cita Hidup Muhammadiyah*. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/matan-keyakinan-dan-cita-cita-hidup-muhammadiyah/>
- ²²⁸ *Khutbah Idul Fitri 1443 H, Merengkuh Taqwa Menjadi Muslim Wasathiyah* // Muhammadiyah. 26.04.2022. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-idul-fitri-1443-h-merengkuh-taqwa-menjadi-muslim-wasathiyah/> (дата обращения 27.04.2022)
- ²²⁹ *Haedar Nashir*. Ke Mana Angin Bertiup // Republika. 24.04.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/ke-mana-angin-bertiup/> (дата обращения 25.04.2021)
- ²³⁰ *Kisbiyanto K.* Manajemen Kurikulum Dalam Perspektif Anti-Radikalisme // Addin. 2016. Vol. 10. No. 1. Pp. 181–205. (На индонез.). DOI:10.21043/addin.v10i1.1134
- ²³¹ *Karwadi K.* Deradikalisasi Pemahaman Ajaran Islam // Al-Tahrir: Jurnal Pemikiran Islam. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 139–156. (На индонез.)
- ²³² *Haedar Nashir*. Ke Mana Angin Bertiup // Republika. 24.04.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/ke-mana-angin-bertiup/> (дата обращения 25.04.2021)
- ²³³ *Abdullah M.H.S.* Membangun masyarakat multikultural. Jakarta: Taman Pustaka, 2006.
- ²³⁴ *Ilham Ibrahim*. Fatwa-fatwa Majelis Tarjih Seputar Hubungan Antara Muslim dan Nonmuslim // Muhammadiyah. 01.08.2021. <https://muhammadiyah.or.id/fatwa-fatwa-majelis-tarjih-seputar-hubungan-antara-muslim-dan-nonmuslim/> (дата обращения 02.08.2021).
- ²³⁵ *Abdullah M.A.* Pendidikan agama era multicultural-multireligius. Jakarta: Pusat studi agama dan peradaban (PSAP) Muhammadiyah, 2005.
- ²³⁶ *Haedar Nashir*. Ke Mana Angin Bertiup // Republika. 24.04.2021. <https://muhammadiyah.or.id/ke-mana-angin-bertiup/> (дата обращения 25.04.2021)
- ²³⁷ *Khutbah Jum'at: Bersenang-senang dalam Pandangan Islam* // Muhammadiyah. 01.01.2022. <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-jumat-bersenang-senang-dalam-pandangan-islam/> (дата обращения 02.01.2022)
- ²³⁸ *Maarif A.S.* Radikalisme, Ketidakadilan, dan Rapuhnya Ketahanan Bangsa // Maarif. Arus Pemikiran Islam dan Sosial. 2010. Vol. 5. No. 2. Pp. 147–158.
- ²³⁹ *Masykur Musa A.* Nasionalisme di persimpangan: pergumulan NU dan paham kebangsaan Indonesia. Jakarta: Penerbit Erlangga, 2011. 228 hlm.
- ²⁴⁰ *Supriyono*. Dalil-dalil Cinta Tanah Air dari Al-Qur'an dan Hadits // Nahdlatul Ulama. 30.03.2018. (На индонез.). <https://islam.nu.or.id/syariah/dalil-dalil-cinta-tanah-air-dari-al-quran-dan-hadits-TOBPR> (дата обращения 01.04.2021)

-
- ²⁴¹ *Fathoni Ahmad*, Cinta Tanah Airdalam Pandangan Islam // Nahdlatul Ulama. 28.04.2022. <https://nu.or.id/opini/cinta-tanah-air-dalam-pandangan-islam-jFYry> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁴² *Haedar Nashir*. Kredo Kemanusiaan Semesta // Republika. 24.07.2021. <https://muhammadiyah.or.id/kredo-kemanusiaan-semesta/> (дата обращения 25.07.2021)
- ²⁴³ *Haedar Nashir*. Kredo Kemanusiaan Semesta...
- ²⁴⁴ *Fathoni Ahmad*. Substansi Jihad dalam Agama // Nahdlatul Ulama. 28.04.2022. <https://www.nu.or.id/opini/substansi-jihad-dalam-agama-AmFMX> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁴⁵ *Adhi Ayoeyanthy*, Partai dan Kultur Emansipasi // Nahdlatul Ulama. 24.03.2022. <https://www.nu.or.id/opini/partai-dan-kultur-emansipasi-WV2S0> (дата обращения 25.03.2022).
- ²⁴⁶ *Abdul Jalil*. Ramadhan: Membentuk Keshalihan Spiritual dan Sosial // Nahdlatul Ulama. 06.04.2022. <https://nu.or.id/opini/ramadhan-membentuk-keshalihan-spiritual-dan-sosial-f9cyw> (дата обращения 05.04.2022)
- ²⁴⁷ *Ihham Ibrahim*. Fatwa-fatwa Majelis Tarjih Seputar Hubungan Antara Muslim dan Non-muslim // Muhammadiyah. 01.08.2021. <https://muhammadiyah.or.id/fatwa-fatwa-majelis-tarjih-seputar-hubungan-antara-muslim-dan-nonmuslim/> (дата обращения 02.08.2021)
- ²⁴⁸ *Darmadji A.* Islam dan hak asasi manusia dalam pendidikan // Millah: Journal of Religious Studies. 2012. Vol. 12. No. 1. Pp. 60–86. <https://doi.org/10.20885/millah.vol12.iss1.art4>
- ²⁴⁹ *Darmadji A.* Pondok pesantren dan deradikalisasi islam di Indonesia // Millah: Jurnal Studi Agama. 2011. Vol. 11. No. 1. Pp. 235–252. (На индонез.). <https://doi.org/10.20885/millah.vol11.iss1.art12>
- ²⁵⁰ *Haedar Nashir*. Muhammadiyah Hadapi Dinamika Baru // Muhammadiyah. 10.07.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/muhammadiyah-hadapi-dinamika-baru/> (дата обращения 11.07.2021)
- ²⁵¹ *Haedar Nashir*. Negara Berketuhanan // Republika. 27.02.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/negara-berketuhanan/> (дата обращения 20.03.2021).
- ²⁵² *Syaiful A.* Deradikalisasi islam: paradigma dan strategi islam kultural. Koekoesan, 2010. 151 p.
- ²⁵³ *Rofiq M.* Ilmu pendidikan islam pengembangan pendidikan integratif di sekolah, keluarga, dan masyarakat. Yogyakarta: LKiS, 2009. 272 p. (На индонез.).
- ²⁵⁴ *Khutbah Idul Fitri 1443 H, Merengkuh Taqwa Menjadi Muslim Wasathiyah // Muhammadiyah.* 26.04.2022. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/khutbah-idul-fitri-1443-h-merengkuh-taqwa-menjadi-muslim-wasathiyah/> (дата обращения 27.04.2022)
- ²⁵⁵ *Hakim L.* Deradikalisasi pemahaman keagamaan di Indonesia (Mempertimbangkan Wacana Islam Moderat dan Islam Nusantara) // Substantia: Jurnal Ilmu-Ilmu Ushuluddin. 2021. Vol. 23. No. 1. Pp. 39–53.
- ²⁵⁶ *Si Jalak Harupat, Otto Iskandardinata: Guru Muhammadiyah Pejuang Pemberani // Muhammadiyah.* 08.01.2022. <https://muhammadiyah.or.id/si-jalak-harupat-otto-iskandardinata-pejuang-pemberani-asal-muhammadiyah/> (дата обращения 09.01.2022).
- ²⁵⁷ *Azaki Khoirudin.* Memperluas Fahaman Agama // Muhammadiyah. 01.05.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/memperluas-fahaman-agama/> (дата обращения 02.05.2021)

-
- ²⁵⁸ *Fathoni Ahmad*. Substansi Jihad dalam Agama // Nahdlatul Ulama. 28.04.2022. (На индонез.). <https://www.nu.or.id/opini/substansi-jihad-dalam-agama-AmFMX> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁵⁹ *Fathoni Ahmad*. Substansi Jihad dalam Agama...
- ²⁶⁰ *Haedar Nashir*. Muhammadiyah Hadapi Dinamika Baru // Muhammadiyah. 10.07.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/muhammadiyah-hadapi-dinamika-baru/> (дата обращения 11.07.2021)
- ²⁶¹ *Haedar Nashir*. Negara Berketuhanan // Republika. 27.02.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/negara-berketuhanan/> (дата обращения 28.02.2021)
- ²⁶² *Haedar Nashir*. Jauhi Politisasi Pancasila untuk Kepentingan Apapun // Muhammadiyah. 08.06.2021. (На индонез.). <https://muhammadiyah.or.id/haedar-nashir-jauhi-politisasi-pancasila-untuk-kepentingan-apapun/> (дата обращения 09.06.2021)
- ²⁶³ *Joko Sadevo*. Hijrah Islam Indonesia // Republika. 23.08.2020. (На индонез.). <https://www.republika.co.id/berita/qfi70d318/hijrah-islam-indonesia> (дата обращения 24.08.2021)
- ²⁶⁴ *Muhammad Subarkah*. Islamofobia, Antipolitisasi Masjid: Islam Politik dan Ritual // Republika. 25.04.2018. <https://www.republika.co.id/berita/p7ozmz385/islamofobia-antipolitisasi-masjid-islam-politik-dan-ritual> (дата обращения 26.04.2022)
- ²⁶⁵ *Wahyu Suryana*. Soekarno, Negara, dan Islam dalam Pandangan Prof Abdul Mu'ti // Republika. 21.01.2021. <https://www.republika.co.id/berita/qn9mdi430/soekarno-negara-dan-islam-dalam-pandangan-prof-abdul-muti> (дата обращения 22.01.2021)
- ²⁶⁶ *Tujuh Tahun Kekuasaan Jokowi: Mengapa Islamis Kesulitan Menghadapinya?* // Tirto. 20.10.2021. (На индонез.). <https://tirto.id/7-tahun-kekuasaan-jokowi-mengapa-islam-is-kesulitan-menghadapinya-gkzg> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁶⁷ *Iswara N Raditya*. Memadukan Wahyu dan Akal: Berislam ala Harun Nasution // Tirto. 15.05.2018. (На индонез.). <https://tirto.id/memadukan-wahyu-dan-akal-berislam-ala-harun-nasution-cKrv> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁶⁸ *Al-'Alam I*. Modernisme Islam Berasas Filsafat, Warisan H.M. Rasjidi untuk Umat // Tirto. 30.01.2021. (На индонез.). <https://tirto.id/modernisme-islam-berasas-filsafat-warisan-hm-rasjidi-untuk-umat-f9Di> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁶⁹ *Fadrik Aziz Firdausi*. Nurcholish Madjid & Sekularisasi: Dua Sisi yang Kerap Disalahpahami // Tirto. 29.08.2019. (На индонез.). <https://tirto.id/nurcholish-madjid-sekularisasi-dua-sisi-yang-kerap-disalahpahami-eha7> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁷⁰ *Zacky Khairul Umam*. Nurcholish Madjid, Anak Gontor yang Besar sebagai Pembaru Islam // Tirto. 26.05.2018. (На индонез.). <https://tirto.id/nurcholish-madjid-anak-gontor-yang-besar-sebagai-pembaru-islam-cKvy> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁷¹ *Shubhi Abdillah*. Mohammad Natsir: Putra Tulen Modernisme Islam di Indonesia // Tirto. 28.05.2019. (На индонез.). <https://tirto.id/mohammad-natsir-putra-tulen-modernisme-islam-di-indonesia-d7gj> (дата обращения 29.04.2022)
- ²⁷² *Shubhi Abdillah*. H.M. Rasjidi: Modernis Jago Polemik yang Menentang Sekularisasi // Tirto. 01.06.2019. (На индонез.). <https://tirto.id/hm-rasjidi-modernis-jago-polemik-yang-menentang-sekularisasi-d9ig> (дата обращения 29.05.2022)
- ²⁷³ *Beggy Rizkiyansyah*. Goyang Sneevliet: Kisah Sarekat Islam tanpa Islam // Republika. 29.09.2018. (На индонез.). <https://www.republika.co.id/berita/pfma3385/goyang-sneevliet-kisah-sarekat-islam-tanpa-islam> (дата обращения 14.04.2022)

²⁷⁴ *Ivan Aulia Ahsan*. Masyumi dan Ilusi Persatuan Umat Islam // Tirta. 07.11.2017. (На индонез.). <https://tirta.id/masyumi-dan-ilusi-persatuan-umat-islam-czHP> (дата обращения 08.11.2022)

²⁷⁵ *Beggy Rizkiyansyah*. 7 November 1945: Islam Politik dan Lahirnya Partai Masyumi // Republika. 07.11.2018. (На индонез.). <https://www.republika.co.id/berita/phtia8385/7-november-1945-islam-politik-dan-lahirnya-partai-masyumi> (дата обращения 08.04.2022)

²⁷⁶ *Shubhi Abdillah*. Jalan Modern Abu Hanifah, ‘Orang Kiri’ di Partai Masyumi // Tirta. 27.05.2019. (На индонез.). <https://tirta.id/jalan-modern-abu-hanifah-orang-kiri-di-partai-masyumi-dZuj> (дата обращения 28.05.2022)

²⁷⁷ *Petrik Matanasi*. Kekecewaan Kartosoewirjo yang Memicu Proklamasi NII // Tirta. 07.08.2018. (На индонез.). <https://tirta.id/kekecewaan-kartosowirjo-yang-memicu-proklamasi-nii-cQxD> (дата обращения 08.05.2022)

²⁷⁸ *Indira Ardanareswari*. Sirajuddin Abbas dan Jalan Demokratis Negara Islam di Indonesia // Tirta. 24.05.2019. (На индонез.). <https://tirta.id/sirajuddin-abbas-dan-jalan-demokratis-negara-islam-di-indonesia-dK4r> (дата обращения 25.05.2022)

²⁷⁹ *Azumardi Azra*. Kartosuwiryo dan NUU: Kajian Ulang // Republica. 06.03.2014. (На индонез.). <https://www.republika.co.id/berita/1lyw/jy/kartosuwiryo-dan-nuu-kajian-ulang-2> (дата обращения 07.03.2021)

²⁸⁰ *Nurul Diva Kautsar*. Menilik Sejarah Negara Islam Indonesia, Jejak Politik Kartosuwirjo di Tanah Pasundan // Merdeka. 25.08.2021. (На индонез.). <https://www.merdeka.com/jabar/menilik-sejarah-negara-islam-indonesia-jejak-politik-kartosuwirjo-di-tanah-pasundan.html> (дата обращения 26.08.2022)

²⁸¹ UK: Extremism and Terrorism. Counter-Terrorist Project. <https://www.counterextremism.com/countries/united-kingdom-extremism-and-terrorism/report> (дата обращения 04.10.2022)

²⁸² *Dodd V*. Threat of extremist attack in the UK is escalating // The Guardian. 17.10.2010. <https://theguardian.com/uk-news/2014/oct/17/extremist-attack-threat-escalating-uk-isis-syria> (дата обращения 04.10.2022)

²⁸³ *Travis A*. MI-5 report challenges views on terrorism in Britain // The Guardian. 20.08.2008. <https://www.theguardian.com/uk/2008/aug/20/uksecurity.terrorism1> (дата обращения 01.10.2022)

²⁸⁴ *Dodd V*. Op. cit.

²⁸⁵ Ibidem.

²⁸⁶ *Winlow S*. Steve Hall and James Treadwell. The Rise of the Right: English Nationalism and the Transformation of Working-Class Politics. Bristol: Policy Press, 2017.

²⁸⁷ *Grierson J*. Sousse Terror Attack: The 30 British Victims // The Guardian. 28.02.2017. <https://theguardian.com/world/2017/feb/28/sousse-terror-attack-the-30-british-victims> (дата обращения 30.09.2022)

²⁸⁸ *Alati D*. Countering Radicalisation to Violent Extremism: A Comparative Study of Canada, the UK and South East Asia. World Academy of Science, Engineering and Technology // International Journal of Law and Political Sciences. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 89.

²⁸⁹ UK terror threat level lowered a notch to “substantial” // Associated Press. 02.02.2022. <https://abcnews.go.com/International/wireStory/uk-terror-threat-level-lowered-notch-substantial-82773130> (дата обращения 25.09.2022)

²⁹⁰ Ibidem.

²⁹¹ *Striegher J.-L.* The Deradicalisation of Terrorists // *Salus Journal*. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 20.

²⁹² *Hoffman B.* All You Need Is Love: How The Terrorists Stopped Terrorism // *The Atlantic*. December 2001. <http://www.theatlantic.com/magazine/print/2001/12/all-you-need-is-love/2351/> (дата обращения 05.09.2022)

²⁹³ *Cameron D.* Extremism: PM Speech. At Ninestiles School in Birmingham, Prime Minister David Cameron set out his plans to address extremism. 20.07.2015. <https://gov.uk/government/speeches/extremism-pm-speech> (дата обращения 05.09.2022)

²⁹⁴ *Horgan J.G.* Walking Away from Terrorism: Accounts of disengagement from radical and extremist movements. N.Y.: Routledge, 2009. P. 152.

²⁹⁵ *Morton J.* Can Jihadists be deradicalized? // 'The New Syria?' Critical Perspective on the Deradicalization and Reintegration of Islamist offenders. CIVITAS, 2020. P. 12. <https://civitas.org.uk/publications/the-new-syria/> (дата обращения 05.09.2022)

²⁹⁶ *Weeks D.* Lessons Learnt from UK Efforts to Deradicalize Terror Offenders. Combating Terrorism Centre. 2021. Vol. 14. Iss. 3. <https://ctc.westpoint.edu/lessons-learned-from-u-k-efforts-to-deradicalize-terror-offenders> (дата обращения 07.09.2022)

²⁹⁷ Ibidem.

²⁹⁸ *James J.* Preventing Nothing: 95% of UK's Extremists Deradicalisation Programmes Fail // *Politicalite*. 07.06.2018. <https://www.politicalite.com/terror/preventing-nothing-95-uks-extremist-deradicalisation-programmes-fail/> (дата обращения 07.09.2022)

²⁹⁹ *Striegher J.-L.* The Deradicalisation of Terrorists // *Salus Journal*. 2013. Iss. 1. No. 1. P. 27.

³⁰⁰ Contest: the United Kingdom for Countering Terrorism. HM Government the Stationery Office. July 2011. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97995/strategy-contest.pdf (дата обращения 06.09.2022)

³⁰¹ Ibidem.

³⁰² Individuals referred to and supported through the Prevent programme, April 2017 to March 2018. Home Office. 13.12.2018. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/763254/individuals-referred-supported-prevent-programme-apr2017-mar2018-hosb3118.pdf (дата обращения 06.09.2022)

³⁰³ Beyond Prevent. A Real Alternative to Securitized policies // *Cage*. 16.02.2020. P. 7. <https://www.cage.ngo/cage-beyond-prevent-report> (дата обращения 05.08.2022)

³⁰⁴ *Warrek H.* Inside Prevent, the UK's controversial anti-terrorism programme // *Financial Times*. 24.01.2019. <https://www.ft.com/content/a82e18b4-1ea3-11e9-b126-46fc3ad87c65> (дата обращения 06.09.2022)

³⁰⁵ Beyond Prevent. A Real Alternative...

³⁰⁶ *Cobain I.* Revealed: How Government Feud Shaped UK's Counter-Extremism Strategy // *Middle East Eye*. 02.11.2018. <https://www.middleeasteye.net/news/revealed-how-government-feud-shaped-uks-counter-extremism-strategy> (дата обращения 05.08.2022)

³⁰⁷ *Gardham D.* Streatham Terrorist: Sudesh Amman had 'Fierce Interest in Violence and Martyrdom' // *The Times*. 03.02.2020. <https://www.thetimes.co.uk/article/streatham-terrorist-sudesh-amman-had-fierce-interest-in-violence-and-martyrdom-flp68lzfz> (дата обращения 05.08.2022)

³⁰⁸ Factsheet: Prevent and Channel. Home Office. 05.11.2022. <https://homeofficemedia.blog.gov.uk/2019/11/05/factsheet-prevent-and-channel/> (дата обращения 07.09.2022)

-
- ³⁰⁹ Ibidem.
- ³¹⁰ Weeks D. Lessons Learnt from UK Efforts...
- ³¹¹ Ibidem.
- ³¹² Cobain I. Op. cit.
- ³¹³ Ibidem.
- ³¹⁴ В Великобритании рассказали о программе по дерадикализации // РИА Новости. 09.11.2017. <https://ria.ru/20171109/1508484275.html?ysclid=18f2i92xo8992122> 34 (дата обращения 06.08.2022)
- ³¹⁵ Cobain I. Op. cit.
- ³¹⁶ Ibidem.
- ³¹⁷ Dean Ch. The healthy identity intervention: the UK's development of a psychologically informed intervention to address extremist offending // Ed. Sikle A. Prisons, Terrorism & Extremism: Critical Issues in Management, Radicalisation and Reform. Routledge, 2014. P. 92.
- ³¹⁸ Fact sheet: Desistance and Disengagement Programme // Home Office in the media. 05.11.2019. <https://homeofficemedia.blog.gov.uk/2019/11/05/fact-sheet-desistance-and-disengagement-programme/> (дата обращения 07.09.2022)
- ³¹⁹ Contest: the United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism. HM Government. The Assets Publishing Service, June 2018. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/716907/140618_CCS207_CCS0218_929798-1_CONTEST_3.0_WEB.pdf (дата обращения 10.08.2022)
- ³²⁰ Fact sheet: Desistance and Disengagement Programme // Home Office in the media. 05.11.2019. <https://homeofficemedia.blog.gov.uk/2019/11/05/fact-sheet-desistance-and-disengagement-programme/> (дата обращения 07.09.2022)
- ³²¹ Goldberg A., Clifton H. Deradicalisation approach needs "fundamental review". Prison Officers' Association // BBC Radio 4. 10.03.2020. <https://www.bbc.co.uk/news/uk-51801724> (дата обращения 07.09.2022)
- ³²² Contest UK Strategy for Countering Terrorism: Annual Report for 2015. Home Office, 21.07.2016. <https://www.gov.uk/government/publications/contest-uk-strategy-for-countering-terrorism-annual-report-for-2015> (дата обращения 07.09.2022)
- ³²³ Exclusive: UK government to introduce 'mandatory deradicalisation' scheme // Middle East Eye. 23.12.2016. <https://middleeasteye.net/news/exclusive-uk-government-introduce-mandatory-deradicalisation-scheme> (дата обращения 07.09.2022)
- ³²⁴ Weeks D. Lessons Learnt from UK Efforts...
- ³²⁵ Fact sheet: Desistance and Disengagement Programme // Home Office in the media. 05.11.2019. <https://homeofficemedia.blog.gov.uk/2019/11/05/fact-sheet-desistance-and-disengagement-programme/> (дата обращения 07.09.2022)
- ³²⁶ Counter-Terrorism Strategy: Contest. Home Office, 12.07.2011. P. 62. <https://gov.uk/government/publications/counter-terrorism-strategy-contest> (дата обращения 04.10.2022)
- ³²⁷ Fact sheet: Desistance and Disengagement Programme...
- ³²⁸ Dean Ch., Lloyd M., Keane Ch., Powis B., Randhawa K. Intervening with Extremist Offenders. A Pilot Study. London: HM Prison & Probation Service, 2018. P. 1. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/727966/Intervening_with_Extremist_Offenders_A_Pilot_Study.pdf (дата обращения 04.10.2022)
- ³²⁹ Ibidem.

³³⁰ Terrorism: Prisoners' Release // U.K. Parliament, Hansard. 27.01.2020. [https://hansard.parliament.uk/Commons/1977-04-07/debates/b10d1ba6-d35d-40e2-b2d4-882d6cc9d385/TerroristPrisoners\(Release\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1977-04-07/debates/b10d1ba6-d35d-40e2-b2d4-882d6cc9d385/TerroristPrisoners(Release)) (дата обращения 01.10.2022)

³³¹ *Weeks D.* The Impacts of Ending Early Release // Douglasweeks. 18.02.2020. <https://douglasweeks.com/category/de-radicalization/> (дата обращения 01.10.2022).

³³² *Simcox R., Stuart H.* The threat from Europe's Jihadi Prisoners and Prison Leavers // Combating Terrorist Centre. 2020. Vol. 13. Issue 7. <https://ctc.usma.edu/the-threat-from-europes-jihadi-prisoners-and-prison-leavers/> (дата обращения 01.10.2022)

³³³ Ibidem.

³³⁴ End to automatic early release of terrorists. Press release // Ministry of Justice. 11.02.2020. <https://www.gov.uk/government/news/end-to-automatic-early-release-of-terrorists> (дата обращения 20.09.2022)

³³⁵ Ibidem.

³³⁶ *Gardham D., Hamilton F.* Terrorists Fool Prison Staff Into Believing They Have Changed // The Times. 24.07.2020. <https://www.thetimes.co.uk/article/terrorists-fool-prison-staff-into-believing-they-have-changed-rb6tt0s66> (дата обращения 20.09.2022)

³³⁷ *Eleftheriou-Smith L.-M.* Radical Islamist Group al-Muhajiroun linked to half of British Terror Attacks in Past 20 years // Independent. 23.03.2015. <https://independent.co.uk/news/uk/crime/radical-islamist-group-almuhajiroun-linked-to-half-of-british-terror-attacks-in-past-20-years-10128492.html> (дата обращения 04.09.2022)

³³⁸ *Morton J.* Can Jihadists be deradicalized?..

³³⁹ *Dearden L.* London Bridge Attack: Terrorists may not be cured by prison deradicalisation schemes, senior psychologist admits // Independent. 02.01.2020. <https://independent.co.uk/news/uk/home-news/london-bridge-attack-terror-deradicalisation-prison-a9267436.html> (дата обращения 05.09.2022)

³⁴⁰ *Webb E.* Introduction: The need for critical perspectives on the deradicalisation and reintegration of extremist offenders // "The New Syria?" Critical Perspective on the Deradicalization and Reintegration of Islamist offenders. CIVITAS, 2020. P. 4. <https://civitas.org.uk/publications/the-new-syria/> (дата обращения 05.09.2022)

³⁴¹ *Buckland H.P., Patel P.* Tougher Sentencing and Monitoring in Government Overhaul of Terrorism Response. 21.01.2020. <https://www.gov.uk/government/news/tougher-sentencing-and-monitoring-in-government-overhaul-of-terrorism-response> (дата обращения 02.08.2022)

³⁴² Prisons: Radicalisation. UK Parliament Debated // U.K. Parliament, Hansard. 03.03.2020. <https://hansard.parliament.uk/lords/2020-03-03/debates/D88C3569-C88D-4C2F-8F53-C64E630DD2E0/PrisonsRadicalisation> (дата обращения 02.08.2022)

³⁴³ Terrorist Offenders: (Restrictions of Early Release). Bill HL Bill 99 of 2021-21. House of Lords. <https://publications.parliament.uk/pa/bills/lbill/58-01/099/5801099en03.htm> (дата обращения 02.08.2022)

³⁴⁴ Ibidem.

³⁴⁵ End to automatic early release of terrorists...

³⁴⁶ *Weeks D.* Lessons Learnt from UK Efforts...

³⁴⁷ *Morton J.* Can Jihadists be deradicalized?..

³⁴⁸ I was in al-Qaeda, then spied for MI6 – I know deradicalization doesn't work // Daily Telegraph. 08.02.2020. <https://telegraph.co.uk/men/thinking-man/al-qaeda-spied-mi6-know-deradicalisation-doesnt-work/> (дата обращения 04.10.2022)

³⁴⁹ *Acheson I.* Summary of the main findings of the review of Islamist extremism in prisons, probation and youth justice. Ministry of Justice. August 2016. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/547032/acheson-review-summary-aug-2016.pdf (дата обращения 04.10.2022)

³⁵⁰ *Bradley M.* Queen is enemy of Islam and must die, says jail 'emir' // The Times. 23.12.2019. <https://thetimes.co.uk/article/prison-extremism-queen-is-enemy-of-islam-and-must-die-says-jail-emir-7d31l7v0k?ni-statuscode=acsaz-307> (дата обращения 04.10.2022).

³⁵¹ Preventing and countering youth radicalisation in the EU. European Parliament, 2014. P. 28.

³⁵² *Thomas P.* Responding to the Threat of Violent Extremism. Bloomsbury Academic, London, UK, 2012.

³⁵³ *Athwal H., Bourne J.* Dying for Justice. Institute of Race Relations, 2015. https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/wpmedia.outlandish.com/irr/2017/04/26155052/Dying_for_Justice_web.pdf (дата обращения 20.09.2022)

³⁵⁴ Ibidem.

³⁵⁵ *Ragazzi F., Bonelli L., Bigo D., Guittet E.-P.* Preventing and Countering Youth Radicalisation in the EU. Brussels: European Parliament, 2014. P. 29.

³⁵⁶ *Hooper S.* Counter-extremism policies "violating children's rights" // Middle East Eye. 23.12.2016. <https://www.middleeasteye.net/news/uk-counter-extremism-policies-violating-childrens-rights> (дата обращения 17.09.2022)

³⁵⁷ *Hooper S.* Exclusive: UK government to introduce 'mandatory deradicalisation' scheme // Middle East Eye. 23.12.2016. <https://www.middleeasteye.net/news/exclusive-uk-government-introduce-mandatory-deradicalisation-scheme> (дата обращения 07.09.2022)

³⁵⁸ *Weeks D.* Lessons Learnt from UK Efforts...

³⁵⁹ *Hooper S.* Exclusive...

³⁶⁰ *Smith O.* Cameron core deradicalization policy failing Prevent Islamic extremism // Express. 02.02.2016. <https://www.express.co.uk/news/uk/657617/Britain-Cameron-core-deradicalisation-policy-FAILING-Prevent-Islamic-extremism> (дата обращения 15.09.2022).

³⁶¹ Individuals Referred to and Supported Through the Prevent Programme. U.K. Home Office, 2019. P. 6. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/938755/individuals-referred-supported-prevent-programme-apr-2019-mar2020-hosb3620.pdf (дата обращения 04.10.2022)

³⁶² Ibidem.

³⁶³ *Choudhury T., Fenwick H.* The impact of counter-terrorism measures on Muslim communities // International Review of Law, Computers & Technology. 2011. Vol. 25. Iss. 3. P. 175.

³⁶⁴ *Masoumi M.* Spooked! How not to prevent violent extremism // Counterfire. 26.03.2010. <https://www.counterfire.org/interview/4361-spooked-how-not-to-prevent-violent-extremism> (дата обращения 10.08.2022)

³⁶⁵ Summary of the Main Findings of the Review of Islamist Extremism in Prisons, Probation, and Youth Justice. 22.08.2016. <https://www.gov.uk/government/publications/islamist-extremism-in-prisons-probation-and-youth-justice/summary-of-the-main-findings-of-the-review-of-islamist-extremism-in-prisons-probation-and-youth-justice> (дата обращения 10.08.2022)

³⁶⁶ *Brader C.* Extremism in Prisons: Are UK deradicalization programs working? // UK Parliament. 11.06.2020. <https://lordslibrary.parliament.uk/extremism-in-prisons-are-uk-deradicalisation-programmes-working/> (дата обращения 03.10.2022)

³⁶⁷ *James J.* Preventing Nothing: 95% of UK's Extremists Deradicalisation Programmes Fail // Politicalite. 07.06.2018. <https://www.politicalite.com/terror/preventing-nothing-95-uks-extremist-deradicalisation-programmes-fail/> (дата обращения 05.09.2022)

³⁶⁸ *Dearden L.* No proof deradicalisation scheme is working as terrorists 'wear ear-phones and pretend to sleep' in sessions // Independent. 23.03.2021. <https://independent.co.uk/news/uk/home-news/terrorist-prisoners-uk-deradicalisation-ddp-report-b1821228.html> (дата обращения 03.10.2022)

³⁶⁹ *Elmaazi M.* Prevent Programme must be Abolished in order to tackle Politically Motivated Violence // Canary. 20.01.2020. <https://www.thecanary.co/uk/analysis/2020/01/20/prevent-programme-must-be-abolished-in-order-to-tackle-politically-motivated-violence-say-experts> (дата обращения 15.08.2022).

³⁷⁰ Ibidem.

³⁷¹ Ibid.

³⁷² Beyond Prevent. A Real Alternative... P. 7.

³⁷³ Ibidem. P. 6.

³⁷⁴ Ibid. P. 30.

³⁷⁵ *Elmaazi M.* Prevent Programme must be Abolished in order to tackle Politically Motivated Violence // Canary. 20.01.2020. <https://www.thecanary.co/uk/analysis/2020/01/20/prevent-programme-must-be-abolished-in-order-to-tackle-politically-motivated-violence-say-experts/> (дата обращения 15.08.2022)

³⁷⁶ HM Government. Serious and Organized Crime Strategy. London: The Stationery Office. https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/248645/Serious_and_Organised_Crime_Strategy.pdf (дата обращения 20.08.2020)

³⁷⁷ HM Government. The Prevent Strategy. London: The Stationery Office. 2011. <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-strategy> (дата обращения 20.08.2020)

³⁷⁸ *Fraser G.* It's not the religion that creates terrorists, it's the politics // The Guardian. 27.06.2015. <http://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2015/jun/27/its-not-the-religion-that-creates-terrorists-its-the-politics> (дата обращения 20.08.2020)

³⁷⁹ Ibidem.

³⁸⁰ Ibid.

³⁸¹ *Scott Appleby R.* The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence, and Reconciliation. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2000.

³⁸² *Mohdin A., Garcia G.A.* 68% of Muslims in England and Wales live in areas with high unemployment // The Guardian. 24.03.2023. <https://theguardian.com/world/2023/mar/24/two-thirds-muslims-england-wales-areas-high-unemployment> (дата обращения 20.08.2023).

³⁸³ Ibidem.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ *Juergensmeyer M.* Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. 3rd ed. California: University of California Press, 2003. P. 195. <https://archive.org/details/terrorinmindofgo0000juer> (дата обращения 07.09.2022).

³⁸⁶ *Nawaz M.* Prevent double standards // The Guardian. 21.10.2009. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/21/prevent-strategy-islamism-bnp> (дата обращения 07.09.2022)

-
- ³⁸⁷ *Kundnani A.* Radicalisation: the Journey of a Concept // *Race and Class*. Vol. 54. No. 2. 2012. P. 17.
- ³⁸⁸ *Powell L.* Counter-Productive Counter-Terrorism. How is the Dysfunctional of Prevent Failing to Prevent Deradicalisation? // *Discourse Journal for Deradicalization*. 2016. No. 8. P. 61.
- ³⁸⁹ *Todenhofer J.* 'Jurgen Todenhofer' HARD talk // *BBC World News*. 29.06.2015. <https://www.bbc.co.uk/programmes/n3csy4r0> (дата обращения 07.09.2022)
- ³⁹⁰ *Ibidem.*
- ³⁹¹ *Cole M.* 7 Ways the Home Office's Prevent Strategy is Turning Everyday People into Police // *Novaramedia*. 07.07.2015. <https://novaramedia.com/2015/07/07/7-ways-the-home-offices-prevent-strategy-is-turning-everyday-people-into-police/> (дата обращения 15.08.2022).
- ³⁹² *Taylor A.* The strange story of the 'first Westerner' to report from the Islamic State // *Washington Post*. 23.12.2014. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/12/23/the-strange-story-of-the-first-westerner-to-report-from-the-islamic-state/> (дата обращения 03.08.2022)
- ³⁹³ *Dearden L.* Terror Arrests Fell to Almost Lowest Level in Almost a Decade // *Independent*. 10.12.2020. <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/terror-arrests-uk-fall-coronavirus-b1769287.html> (дата обращения 12.09.2022)
- ³⁹⁴ *Grierson J.* Streatam Attacks Show Britain Needs New Ideas on Deradicalisation // *Guardian*. 04.02.2020. <https://theguardian.com/uk-news/2020/feb/04/terror-attacks-show-britain-needs-new-ideas-on-deradicalisation> (дата обращения 12.09.2022)
- ³⁹⁵ *Weeks D.* Lessons Learnt from UK Effort...

Глава 3

ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКИ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМИСТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

3.1. Работа по профилактике насильственного экстремизма на Северном Кавказе (2015–2020 гг.)

Введение

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе, то разгоравшийся, то угасавший с середины 1990-х, в последние годы стих. Вооруженное подполье, более двух десятилетий воевавшее с силовыми структурами РФ, прекратило свое существование. Подполье, первоначально возникшее как военное крыло постсоветского сепаратистского движения в Чечне, постепенно трансформировалось в региональный джихадистский проект «Имарат Кавказ» (ИК, признан террористической и запрещенной организацией в РФ). В июне 2015 г. произошла его третья реинкарнация, когда большая часть сохранившихся к тому времени групп боевиков присягнула на верность «Исламскому государству Ирака и Леванта». К 2016 г. к джихадистам в Сирии и Ираке присоединилось около 3 тыс. радикалов с Северного Кавказа, что привело к значительному снижению числа жертв вооруженного конфликта и боестолкновений на Северном Кавказе.

После разгрома ИГИЛ на Ближнем Востоке выяснилось, что существенная часть уехавших туда мужчин погибла или была захвачена в плен. Деятельность оставшихся группировок и отдельных симпатизантов ИГИЛ была сведена на нет силовыми методами.

В настоящее время как такового вооруженного подполья на Северном Кавказе не существует. Однако риски возрождения ультрарадикальных джихадистских проектов по-прежнему остаются, потому как многие факторы, способствовавшие вовлечению молодежи в ряды джихадистов, не устранены. Именно поэтому профилактическая работа, направленная на предотвращение новых волн радикализации и перехода ее в вооруженный джихадизм, сохраняет свою актуальность.

Цель раздела – проанализировать факторы радикализации и опыт северокавказских республик (Чечни, Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии) в организации работы по профилактике насильственного экстремизма среди молодежи в 2015–2020 гг., представить выводы о том, как можно было бы усовершенствовать эту работу, сделав ее частью эффективной молодежной политики в регионе. Данный период выбран для анализа потому, что деятельность по профилактике радикализации в то время велась наиболее активно, было реализовано множество государственных и независимых инициатив, разработаны методики, шел поиск инновационных подходов. Впоследствии интерес к работе в этом направлении в значительной степени спал.

Полевые исследования для этой публикации проводились автором в Москве, Дагестане, Ингушетии, Чечне, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Стамбуле. Кроме того, дополнительные интервью были взяты по скайпу, телефону и электронной почте в 2015–2020 гг.

Факторы радикализации

Эффективная профилактика предполагает системную работу с факторами и триггерами радикализации. При этом научная литература о радикализации не выработала четких концептуальных рамок, а сам термин «радикализация» в контексте вступления в вооруженные группировки вызывает бурные споры среди ученых из-за своей неточности и расплывчатости. Многие эксперты считают, что радикализация как таковая не обязательно насильственное, криминальное и даже нежелательное явление. Двигателем прогрессивных социальных изменений в истории нередко были радикалы, стоящие на самых разных идеологических позициях. Более того, большинство людей с радикальными взглядами в реальности не прибегают к насилию. Принимая во внимания эти соображения, мы тем не менее в настоящем разделе будем пользоваться термином «радикализация» за неимением лучшего. Мы рассматриваем радикализацию как комплексный нелинейный процесс эволюции сознания, а в некоторых случаях и изменения поведения, когда насилие начинает восприниматься приемлемым и легитимным средством для достижения изменений в обществе¹.

В последнее время эксперты приходят к консенсусу по поводу того, что не существует ни единой траектории, ни типичных характеристик человека, встающего на путь насильственной радикализа-

ции. Вместо этого есть множество факторов, способствующих радикализации, которые могут сочетаться самым непредсказуемым образом.

Хорошим примером в этом плане является ИГИЛ, иностранные боевики которого имели самое разное социальное и этническое происхождение и разный уровень образования. Они происходили из 80 стран, включая развитые демократические государства Запада. Единственным демографическим трендом ИГИЛовской радикализации было непропорционально большое участие молодежи мужского пола, что, впрочем, характерно для большинства террористических групп².

ИГИЛ, пожалуй, искусней большинства других подобных организаций играло на чувствах и эмоциях, предлагая особые аргументы, ориентированные на представителей разного возраста, пола, национальности, манипулировало проблемами и недовольством людей. Привлекательность ИГИЛ была в значительной мере связана и с продвижением его «истории успеха», то есть пропагандируемой им способности построить альтернативное истинно исламское государство, живущее по законам шариата. После разгрома ИГИЛ и утраты им территорий на Ближнем Востоке такая привлекательность испарилась, и масштабы вербовки заметно уменьшились во всем мире.

Индивидуальные факторы

Очевидно, что северокавказские джихадисты, как те, кто примкнул к самоубийственному проекту «Имарат Кавказ», так и те, кто бросил родину, семью, друзей и купил билет в один конец на Ближний Восток, находились в серьезном поиске чего-то, что могло бы восполнить некий фундаментальный пробел в их жизни.

Ученые сходятся в том, что террористы не отличаются от остального населения с точки зрения психопатологии³. Невозможно составить стандартный портрет экстремиста и однозначно определить пути, ведущие к насильственному экстремизму⁴. И хотя единого образа радикала не существует, все они, возможно, проходят через сходные психологические процессы. Изучение этих процессов чрезвычайно важно для понимания насильственного экстремизма и выработки эффективных ответных мер по его профилактике. Большинство людей имеют сильные защитные механизмы, которые ограждают их от влияния экстремистских идей: способность к критическому мышлению, откры-

тость сознания, привитая дома или в школе терпимость, сильные и свободные от насилия социальные и семейные связи.

У тех же, кто наиболее восприимчив к радикализму, такие механизмы защиты либо отсутствуют, либо нарушены. Кризис идентичности, поиск смысла жизни, желание добиться уважения к себе, потеря самооценки в результате собственных провалов или дискриминации делают людей более восприимчивыми к радикальной риторике. Фрустрированная молодежь без конкретной цели в жизни и ясных перспектив на будущее особенно остро реагирует на аргументы об унижении и потере значимости мусульман⁵.

К прочим психологическим условиям, способствующим радикализации, относятся личные связи с уже радикализовавшимся человеком, острое желание сделать нечто значительное, потребность ощущать себя частью группы. Среди факторов, обеспечивающих привлекательность радикализма, также называют сочувствие и обеспокоенность страданиями других людей (обычно со сходной идентичностью), жажда любви, приключений, бунта, желание получить необычный жизненный опыт⁶.

Как показывают наши исследования, в большинстве случаев в процессе радикализации появляется триггер, который подталкивает сознание к переходу от радикального мировоззрения в фазу готовности к насильственным действиям и приводит к когнитивному закрытию (система мировоззрения смыкается и закрывается), после чего становится очень трудно переубедить радикализовавшегося человека. По словам салафитского активиста из Дагестана: «Радикализация – процесс, складывающийся из множества мелких эпизодов, происшествий, случаев несправедливости, унижений достоинства. Такие эпизоды складываются в некую мозаичную картину мира, и в какой-то момент человек решает, что не хочет ее принимать и объявляет ей войну»⁷.

Наши интервьюеры рассказывали, что личные фрустрации и ощущение себя жертвой очень часто определяют индивидуальные мотивы радикализации и выливаются в жажду мести за жестокое обращение с самим человеком или за его убитых родственников и друзей, за то, что он воспринимает как несправедливость по отношению к местной и глобальной мусульманской умме.

Директор дагестанской школы рассказала нам следующее: «По моим наблюдениям, большинство из тех, кто ушли к боевикам, имели проблемы с правоохранительными органами. Сотрудники, которые

должны защищать граждан, чаще других сами совершают преступления... А стоит кому-то совершить мелкое правонарушение – даже в очень юном возрасте, такого ребенка сажают в СИЗО. А в СИЗО вербовка очень активно идет. После двух-трех месяцев оттуда выходит готовый радикал».

Известный исследователь психологии терроризма Ари Круглански утверждает, что в основе самых разнообразных причин для радикализации (оскорбленная честь, унижения, несправедливость, жажда мести, социального статуса, денежные выгоды, лояльность лидеру, желание попасть в рай и пр.) лежит одно – поиск собственной значимости. За всеми вышеперечисленными мотивами стоит фундаментальная потребность человека быть востребованным, желание ощутить собственную ценность и повысить самооценку, и все эти мотивы представляют собой вариации на тему поиска собственной значимости⁸. Круглански утверждает, что террористические организации и повстанческие группировки резко повышают у человека это чувство, создавая вокруг него ореол героя и мученика. Это очень привлекает тех, кто переживает личностный кризис⁹.

Полевые исследования автора подтверждают, что личные неудачи или невозможность реализовать себя явно способствуют радикализации. На Северном Кавказе старшие родственники часто навязывают молодым людям свое видение карьеры, спутника жизни, выбора образования, не понимая серьезности возможных последствий.

Северокавказский адвокат объяснила свое понимание причин, по которым один из ее клиентов сделал выбор в пользу ИГИЛ:

«На его решение сильно повлияло то, что его семья на него сильно давила, чтобы он бросил юридический факультет и перешел в нефтяной институт. Они считали, что юристов и так слишком много, а у инженера больше шансов найти высокооплачиваемую работу. В итоге он перевелся, но не потянул там учебу – он гуманитарий. Как-то три месяца продержался, а потом бросил [и уехал в ИГИЛ]»¹⁰.

Вдова, вернувшаяся из ИГИЛ в Дагестан, рассказала мне, что у нее были жесткие конфликты с родителями из-за ее религиозности, а также выбора профессии. Она хотела стать хирургом или сотрудницей ФСБ, а отец отправил ее в архитектурный институт, где она изнемогла от обиды и скуки. А в результате в 18 лет она оказалась в Ираке.

Ученые, работающие в рамках модели значимости Круглански, объясняют беспрецедентную привлекательность ИГИЛ также и тем, что насилие – один из самых первобытных способов восстановить уяз-

вленную идентичность, добиться доминирования, статуса и «непревзойденный способ утвердить собственную значимость»¹¹. Кроме того, для мужчин нетабуированный секс (с мусульманскими невестами и рабынями) – еще один символ доминирования.

Для женщин любовь и секс тоже были существенными факторами, толкающими их в подполье. Личные связи с действующими террористами всегда играют большую роль в вербовке. Вербовать друзей, возлюбленных, родственников проще и связано с меньшим риском – вероятность того, что люди, с которыми есть сильные эмоциональные связи, предадут, гораздо ниже. У ИК была стабильная женская база поддержки, особенно в Дагестане, среди девушек, которые романтизировали джихад и выходили замуж за боевиков (иногда неоднократно). В одном из женских джамаатов была популярна фраза: «Лучше быть вдовой шахида, чем женой труса»¹². ИГИЛ также чрезвычайно успешно вербовал женщин через романтические отношения с джихадистами. Для некоторых женщин, чьи жизненные перспективы и выбор супруга сильно ограничены местными традициями, брак с джихадистом был своего рода актом освобождения.

Мотивация северокавказских боевиков не всегда проистекала из необходимости дать выход накопившейся агрессии или компенсировать внутренний дисбаланс. В первые годы сирийской войны мощным мобилизующим фактором было чувство сострадания к мирным жителям Сирии, особенно женщинам и детям, и желание защитить их. Эмоциональный контекст жестокой войны в Сирии был невыносимым для впечатлительных людей с обостренным чувством справедливости, чем и манипулировали джихадистские формирования.

Другим доминирующим личным мотивом, часто упоминавшимся в интервью, проведенных автором, было чувство религиозного долга, выражавшееся в стремлении построить альтернативное общество на религиозных принципах, а также чувство вины за свою несправедливую жизнь¹³. Последнее особенно характерно для мужчин среднего возраста, которые присоединились к джихаду в поисках короткого пути в рай. Опасаясь, что просто исполнять все обязанности мусульманина недостаточно, чтобы заслужить прощение за «грехи молодости» и «очиститься», они пытались обеспечить себе гарантированное попадание в рай через джихад.

Возраст – важный фактор для понимания радикализации. Считается, что увлечение радикальными идеями возникает в подростковом возрасте либо среди пассионарных молодых людей, пытающихся най-

ти себя. В период взросления молодые люди экспериментируют с отношениями с различными группами, политическими идеологиями, ищут свое место в мире, вовлекаются в субкультуры¹⁴. И хотя основная база поддержки ИГИЛ – молодежь, его пропаганде оказались подвержены люди самых разных возрастов.

В то же время возраст может способствовать и дерадикализации. По мере того, как человек достигает зрелости и переживает важные жизненные события (брак, рождение ребенка, прочие изменения, укрепляющие его социальные связи), радикальные идеи теряют для него свою привлекательность.

Переход от отождествления себя с радикальным сообществом к прямому участию в вооруженной деятельности обычно происходит постепенно. Как отмечает Круглански, психологически процесс радикализации приводит к заикленности человека на одной-единственной цели и отказу в пользу нее от всех остальных. В ходе радикализации человек отстраняется от своего привычного окружения и сближается с новым сообществом радикалов. Солидаризация с идеологией, оправдывающей насилие, меняет ценности и помогает преодолеть социальные табу. Человек испытывает все большую потребность замкнуть свою систему мировоззрения и перейти к действию¹⁵.

В ИК потенциальный рекрут проходил много мелких проверок, прежде чем ему доверяли войти в действующую группировку и поручали более важные задания. В ИГИЛ ситуация поменялась, и мы наблюдали, как завербованные люди переходили к насилию после минимальных испытаний и часто минуя многие промежуточные шаги¹⁶. Эти изменения в процессах вербовки требуют дополнительного изучения с целью определения наиболее эффективных механизмов вмешательства для предотвращения насилия.

В работе по профилактике радикализации следует учитывать вышеупомянутые факторы и процессы. Необходимо, чтобы профилактика повышала психологическую устойчивость, помогая человеку разрешить его внутренние проблемы и укрепляя его защитные механизмы. Для успеха такой работы нужны специальные навыки. Сегодня все региональные школы имеют штатных психологов; в больших школах психологов должно быть несколько, чтобы специалист имел возможность уделить внимание каждому ребенку, которому необходима поддержка. Школьным психологам было бы полезно пройти курсы повышения квалификации для более эффективной поддержки как детей, так и родителей, сталкивающихся с проблемами воздействия ради-

кальных идеологий. Создание доступных служб психологического консультирования крайне важно для укрепления сопротивляемости радикализму.

Новые возможности для самореализации молодежи, развития критического мышления и толерантного отношения к окружающим, создание безопасных и позитивных альтернатив для удовлетворения потребности в приключениях и риске (в т.ч. через развитие контролируемо опасных видов спорта), создание каналов реализации чувства сострадания невинным жертвам вооруженных конфликтов и желания поддержать их могут также помочь снизить воздействие психологических факторов радикализации, приводящей к вступлению в террористические группировки.

*Микросоциальные факторы:
групповая динамика, друзья и родственники*

Обычно радикализация происходит в малых группах, где все знакомы друг с другом. Принадлежность к группе играет ключевую роль в понимании механизмов как насильственной радикализации, так и выхода из насилия. Исследования в разных странах показывают, что большинство боевиков «Аль-Каиды» и ИГИЛ было завербовано через дружеские сети¹⁷. Терроризм – во многом групповое явление: нападения проще готовить командой, и члены организации больше мотивированы идти до конца. Хотя ИГИЛ очевидно поощрял т.н. волков-одиночек, обычно последующие расследования таких нападений демонстрируют, что у предполагаемых одиночек были сообщники и контакты с террористическими организациями¹⁸.

Наши исследования показывают, что полная саморадикализация через интернет – явление крайне редкое, обычно к решению присоединиться к экстремистской группировке приводит сочетание личных контактов и потребление радикального контента в интернете¹⁹. Близость и открытость радикальных групп – важный фактор для новых рекрутов. ИГИЛ принимало всех желающих без особенной проверки, и в ранний период его существования присоединиться к нему было очень легко, что способствовало успеху вербовки.

Радикальные группы дают человеку сильное чувство братства и помогают поддерживать негативный образ других²⁰. Даже при поверхностном знакомстве с радикальными материалами из интернета становится ясно, что джихадистские группировки конструируют свои нор-

мы и ценности как превосходные по сравнению с нормами и ценностями других групп. Резкий водораздел на уровне «мы» и «они» закладывает основу для легитимизации насилия в отношении других, в которых видят главных виновников страданий членов своей группы. В ИГИЛ для дегуманизации «чужих» эффективно использовался такфир (обвинение в неверии). Джихадистские группировки уверены в действенности насилия и, более того, полагают, что насилие – единственный способ заставить врагов себя слышать и бояться.

Радикальные командиры следуют строгим организационным принципам сект, обеспечивая тем самым идеологическую изоляцию, послушание и повышенную сплоченность группы. Заместитель муфтия Кабардино-Балкарии рассказал: «Как-то я пытался переубедить одного такого 22-летнего радикала. Он попал под влияние 18-летнего парня, тот провел год в Египте, радикализовался и начал создавать свою боевую группу. После первого нашего разговора, когда я изложил свои аргументы, он заявил, что ему запрещено со мной разговаривать [его эмиром]. Он сказал, что я лучше него разбираюсь в исламе и поэтому могу ввести его в заблуждение. Ему и в голову не приходило, что его уже ввели в заблуждение, а я помогу ему выбраться»²¹.

Эмоциональная изоляция очень важна в процессе радикализации. Вербовщики и эмиры заставляли членов своих групп постепенно разрывать связи с семьями. Отец одного бывшего дагестанского боевика рассказал мне, как невестка пыталась уговорить его сына вернуться из небольшой местной группировки: «При любой возможности она посылала ему весточку о детях. Однажды послала фотографию ножки их новорожденного младенца, после этого эмир запретил ему любые связи с домом»²².

Когда вся социальная жизнь человека сводится к нескольким боевым товарищам по группировке или террористической ячейке, сплоченность такого формирования резко возрастает, а социальная ценность группы становится максимальной. Преданность общему делу и товарищам оказывается серьезным препятствием для того, чтобы отказать от насилия и покинуть группу²³.

В качестве социальной среды, где люди знакомятся с экстремистской идеологией, мои собеседники на Северном Кавказе чаще всего называли родственников, сверстников, соседей и места лишения свободы. Нам также известно о случаях, когда несколько членов одной дружеской компании (спортсмены из одного клуба, одноклассники, друзья-соседи, коллеги по рабочей бригаде) мигрировали в Сирию

вместе. Иногда вступление человека в вооруженную группировку было результатом пассивного следования изменившейся идеологической ориентации его группы. Кроме того, в вербовке большую роль играли и существовавшие на тот момент радикальные сети сторонников ИК. К 2015 г. эта среда раскололась: часть поддержала ИГИЛ, другие его отвергли. Однако тема активно обсуждалась, и люди из этой среды нередко уезжали в Сирию вместе или следом друг за другом, иногда семьями.

Тюрьмы печально известны как рассадник радикализации, но на Северном Кавказе места предварительного заключения им в этом не уступали. «В нашем районном СИЗО есть камеры на первом этаже, где держат подозреваемых в терроризме и участии в подполье. Там идет полномасштабная вербовка. Некоторые из моих клиентов, которые раньше даже не молились, заметно радикализировались. Они рассказывали мне о давлении со стороны сокамерников, о промывке мозгов. СИЗО даже больше, чем колонии, служат питательной средой для вербовки», – рассказала нам адвокат из Дагестана в 2017 г.²⁴

Общее мнение, что радикализация происходила в мечетях, не нашла подтверждения. На Северном Кавказе радикализовавшиеся люди, уехавшие в Сирию, ходили в разные мечети региона, и маловероятно, чтобы на их радикализацию повлияли имамы, потому что все здания мечетей прослушиваются и тщательно контролируются спецслужбами.

Респонденты из числа студентов с Северного Кавказа также подчеркивали роль родственных связей²⁵. Автору известно о нескольких семьях, где сначала радикализовался один из родственников, а затем «заразил» идеологией остальных, в результате чего почти все члены семьи радикализовались и впоследствии были убиты, приговорены к тюремным срокам за участие в вооруженных группировках или уехали в Сирию.

От семьи зависит очень многое: с одной стороны, родные могут создать благоприятную для радикализации среду; с другой – не допустить, чтобы их близкие подпали под воздействие деструктивных идеологий. Радикализации способствуют слабые, дисфункциональные и насильственные отношения в семье. Один чеченский наблюдатель отметил: «Неважно, полная или неполная семья. Все зависит от качества общения в семье. Если нет контакта с подростком – это самый важный фактор радикализации»²⁶.

Семьи должны быть достаточно подготовлены к тому, чтобы суметь распознавать признаки радикализации. Родителям нужно помо-

гать развивать умение общаться с взрослеющими детьми и поддерживать их, тем самым повышая их устойчивость к насильственным идеологиям. Однако, как рассказала чеченская журналистка, потерявшая двух двоюродных братьев в ИГИЛ, «это непросто, потому что радикализация редко происходит дома. Чаще всего эти идеи приносит кто-то извне. Пацан с улицы, чувак из спортзала. Это история про подростковые увлечения, про выбор примеров для подражания и лидеров... Это простая потребность кому-то подражать и быть частью группы».

Необходимы дополнительные исследования для улучшения понимания механизмов радикализации молодежных и дружеских компаний и группового давления в процессе радикализации. Сложно переоценить важность конструктивных, безопасных и разнообразных социальных связей для профилактики радикализма. Родителям следует оказывать консультативную помощь в случаях, когда у них есть подозрение, что ребенок оказался под воздействием радикальной среды, и поддерживать их в решении этой проблемы.

Макросоциальные факторы

Радикализация происходит как в процветающих демократических обществах, так и в раздираемых конфликтами бедных странах. Как показывают исследования, в государствах, не способных создать инклюзивную, эффективную и справедливую систему власти, количество за вербованных выше²⁷. Радикальная исламистская идеология предлагает выход уже обозленным молодым людям, которые хотят реализовать свои амбиции или повысить свой статус²⁸.

Существование северокавказского подполья в его разных проявлениях многие годы поддерживалось многочисленными социальными, политическими и экономическими проблемами региона. Вербовщики легко манипулировали этими проблемами и преподносили их в терминах несправедливости, подчинения и унижения. Привлекательность джихадизма увеличивалась и на фоне несоблюдения принципа верховенства права, неподотчетности властей, неразрешенных межэтнических конфликтов, неудовлетворительного качества государственного управления, повсеместной коррупции, экономического отставания и нехватки социальных лифтов для молодежи.

Ислам – главная тема, вокруг которой строится идеологическая конкуренция, особенно в Чечне и Дагестане. И официальная пропаганда, и скрытая оппозиция агрессивно насаждают свое течение ислама.

Чеченские власти вводят дресс-код, практикуют суровые наказания за продажу и употребление алкоголя, поддерживают государственную и негосударственную «полицию нравов». В Дагестане также отмечается давление консервативных групп с целью отменить некоторые культурные мероприятия: показы фильмов, фестивали, концерты, выставки, а на время Нового года наряженные елки приходится охранять полицейским. В Ингушетии движения «Антилирика», «Антисикх», «Антифитна» (защищающие исламские нормы поведения) также ставят своей задачей продвигать шариатскую мораль (подробнее читайте в разделе про Ингушетию).

Светское государство может лишь тогда успешно противостоять радикальной пропаганде, когда предлагает эффективную и честную альтернативу.

Долгое время считалось, что неблагоприятные социально-экономические условия делают людей более восприимчивыми к влиянию экстремистских групп. Однако несколько сравнительных исследований в разных странах не подтвердили гипотезу о влиянии низкого уровня доходов, а ряд научных работ продемонстрировал отсутствие корреляции между низким уровнем образования и склонностью поддерживать насильственный экстремизм²⁹. Наши исследования показывают, что многие из тех, кто был завербован на Северном Кавказе, происходили из среднего класса и вполне образованной среды³⁰.

Более того, ИГИЛ из стратегических соображений вербовало самые «сливки» активной молодежи: известных имамов, предпринимателей, популярных певцов. Из наших интервью с российскими консервативными мусульманами, осевшими в Стамбуле, мы узнали, что многие дагестанские семьи поехали в ИГИЛ, имея очень приличные деньги: они распродали свои дома и машины, чтобы начать новую жизнь на «землях ислама»³¹. Тем не менее социальное неравенство, которое видится сквозь призму несправедливого распределения благ, хищнических практик и коррупции, может сильно способствовать радикализации. Чечня, Ингушетия, Дагестан относятся к республикам с наиболее низкими показателями развития, высокой рождаемостью, плотностью населения и безработицей. Бюджеты этих республик сильно дотационны, государство пытается решить проблему с безработицей среди молодежи, что оказывается очень непросто.

Отсутствие перспектив (в т.ч. для образованной молодежи), ограниченный выбор рабочих мест, чаще всего неудовлетворительных, чувство, что тебя никогда не продвинут без связей и денег, – все это

создает благодатную почву для радикализации. Многие из наших собеседников отмечали, что хотя никто из их знакомых не поехал в ИГИЛ ради денег, факт того, что оно обеспечивало некоторую финансовую поддержку, предоставляло жилье и обещало справедливо распределять ресурсы по законам шариата, имел большое значение для новых рекрутов. Многие искренне верили, что у них появился шанс начать новую жизнь.

Роль несправедливости, применения жестоких силовых мер в борьбе с подпольем и незалеченных военных травм в процессе радикализации на Северном Кавказе очень хорошо описана. На протяжении двух десятков лет борьба с боевиками велась самыми безжалостными методами. После задержаний силовыми структурами в Чечне пропали от 3 до 5 тыс. человек (при том, что население республики тогда составляло менее 1 млн человек). В первые годы Второй чеченской войны (1999–2000 гг.) военные совершали неизбирательные бомбардировки жилых районов, внесудебные казни и пытки. За редкими исключениями, никто так и не был привлечен к ответственности³².

Травмирующий опыт и память о войне до сих пор играют большую роль в радикализации на территории Чечни. Случаи грубых нарушений прав человека копяются в памяти людей, создают чувство незащищенности и виктимизации. На Северном Кавказе, где традиционные кодексы подчеркивают необходимость отстаивания чести и справедливости даже ценой собственной жизни, такие грубейшие нарушения особенно побуждают молодежь поддерживать радикальные сети, которые, в свою очередь, постоянно играют на теме несправедливости.

Нарушения прав человека и другие макросоциальные и политические факторы, способствующие развитию чувства стигматизации, дискриминации и унижения, стимулируют возникновение радикальных сред. В своей большой речи о борьбе с терроризмом Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сказал: «Фундаментальная суть терроризма – это отрицание и разрушение прав человека, [и] если борьба с терроризмом будет сопровождаться таким же отказом и уничтожением, она никогда не станет успешной [...] Защищая права человека, мы устраняем первопричины терроризма»³³. Для того чтобы деятельность по профилактике вооруженного экстремизма была эффективной, необходимо систематически устранять первопричины радикализации, прежде всего, отсутствие верховенства права.

Вместе с тем политические изменения и социальное развитие – это сложные задачи, требующие времени. Параллельно с искоренением

первопричин власти и общество должны искать возможность создать благоприятную среду для личного развития молодых людей, которая может частично компенсировать негативное влияние структурных политических проблем. Эксперты утверждают, что поддержка семьи, возможность увлекательной деятельности, направленной на самореализацию, оперативное решение психологических проблем, качественные отношения со сверстниками, социализация, которая создает ощущение связи с другими, приключения и смысл в жизни помогают человеку успешно прожить переходный период взросления³⁴. Многие из этого можно обеспечить путем реализации мудрой молодежной политики, через систему образования и инициативы гражданского общества.

Подходы к профилактике насильственного экстремизма и терроризма: общая нормативная база

В 2015–2020 гг. профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе проводилась в русле соответствующей общенациональной работы, но при этом имела сильную региональную специфику. Контекст каждой отдельной северокавказской республики диктовал условия и стратегии профилактики, и они во многом зависели от республиканского руководства, а также от истории и интенсивности конфликта.

Профилактическая работа ведется на основе стратегической нормативно-правовой базы по противодействию террористической и экстремистской идеологии. Одним из основополагающих документов здесь является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в котором описаны политические, экономические, социальные и информационные методы решения проблемы. В 2009 г. появилась Концепция противодействия терроризму, где сформулированы основные профилактические меры, такие как политическое развитие и укрепление международного сотрудничества; социально-экономический рост; реализация принципа неотвратимости наказания за преступления террористического характера; идеологическое информационно-пропагандистское обеспечение антитеррористических мероприятий; продвижение социально значимых ценностей; создание условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога³⁵.

Идеологическая работа проводилась в соответствии с Комплексными планами противодействия идеологии терроризма в Российской Фе-

дерации на 2013–2018 гг. и 2019–2023 гг., которые разрабатывались в дополнение к концепции. В планах подчеркивалась необходимость борьбы с радикализацией через систему образования и воспитания детей с упором на нравственные и культурные ценности, а также на патриотизм³⁶.

Другой базовый документ, регулирующий антиэкстремистский аспект профилактики насильственного экстремизма (далее – ПНЭ), – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., которая была утверждена Президентом РФ в конце 2014 г.³⁷ В стратегии выделены два основных направления работы по профилактике экстремизма: идеологическое (например, пропаганда в СМИ, образовательных, культурных учреждениях и пр.) и правоохранительное (уголовное преследование и административный надзор за отдельными подозрительными лицами и группами).

В нормативно-правовую базу входят еще два документа: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³⁸. Кроме того, среди важных тематических документов выделяют Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., поскольку считается, что угрозы межэтнических конфликтов и этнического сепаратизма имеют отношение к профилактике экстремизма и терроризма. Северокавказские программы по ПНЭ на всех уровнях реализации (от общереспубликанского до уровня сельской школы) содержат элемент развития межнациональной терпимости. Другой элемент, который проходит красной нитью через все меры по профилактике, – патриотическое воспитание.

Республики разрабатывают собственные программы по противодействию экстремистской и террористической идеологии. Они направлены на реализацию федеральной политики путем обеспечения скоординированной работы различных государственных учреждений и ведомств, повышения ответственности должностных лиц в республиках, оценки принимаемых мер, развития компетенций исполнителей.

Значительная часть работы передавалась на муниципальный уровень, где действовали местные антитеррористические комитеты, уполномоченные реализовывать различные муниципальные программы³⁹.

В соответствии с подходами, описанными в программных документах, все меры по ПНЭ на Северном Кавказе можно грубо разделить на идеологическую работу (с населением в целом) и репрессивно-надзор-

ную работу (с т.н. группами риска). Методы работы с населением включают в себя массовую информационно-просветительскую деятельность, которая ведется в формате личных встреч, лекций сотрудников правоохранительных органов, педагогов, религиозных лидеров, официозных гражданских активистов, а также через местную прессу, интернет, листовки и брошюры. На эту тему снимаются документальные фильмы и видеоролики.

В дополнение к массовому охвату более точечная работа проводится с подростками из группы риска, особенно из социально неблагополучных, неполных и дисфункциональных семей, а также из семей бывших боевиков, отбывших сроки наказания, или действующих либо погибших боевиков (их вдовы и дети считаются особенно уязвимыми). Целенаправленная работа также ведется с гражданами, которых правоохранители считают симпатизирующими экстремистской идеологии, и с людьми, получившими религиозное образование на Ближнем Востоке. В некоторых муниципальных образованиях берут на заметку всех молодых людей, которые отсутствуют по месту постоянной прописки более 30 дней.

Профилактическая работа регулярно оценивается, причем преимущественно по количественным критериям (количество участников мероприятий, самих мероприятий, плакатов, баннеров, брошюр, буклетов, конференций, публикаций, телепрограмм, видео и т.д.). По мнению местных экспертов, такая система оценки порождает формализм, а действенный инструментарий для оценки реальной эффективности отсутствует⁴⁰.

Идеологическая работа по профилактике насильственного экстремизма

Как и во множестве других стран, антиэкстремистская информационно-просветительская деятельность (в международной терминологии – контрнарративы) считается главной частью идеологической работы по предотвращению радикализации. Под контрнарративом понимают «целенаправленные и прямые усилия, направленные на деконструкцию, дискредитацию и развенчание мифов пропаганды насильственного экстремизма идеологическими, логическими, фактологическими и юмористическими средствами»⁴¹.

Эффективный контрнарратив должен учитывать местный контекст, быть адаптирован под конкретную целевую группу, и, что самое важ-

ное, распространять его должны люди, вызывающие доверие у аудитории. Большое значение имеют и коммуникационные каналы, которые следует выбирать с учетом целевой аудитории. В анализируемый период на Северном Кавказе антиэкстремистская информационно-просветительская деятельность часто велась в форме прямой контрпропаганды. Однако в некоторых республиках постепенно приходило понимание важности того, чтобы не только опровергать радикальную пропаганду, но и создавать альтернативный нарратив.

В период 2015–2020 гг. республиканские власти сотрудничали с гражданским обществом, хотя раньше относились к нему с подозрением, а идеологическая работа в основном была прерогативой правоохранителей. К участию в работе по ПНЭ, как правило, приглашали поддерживаемые государством патриотические и военно-патриотические НКО («Юнармия», поисковые отряды, проправительственные молодежные движения, ветеранские организации) либо создаваемые властями «советы старейшин», комитеты сельских женщин, инициативы «Единой России» и др.

Однако опыт показывает, что независимые НКО подходят к работе более творчески и лучше подготовлены методически, чем не слишком гибкая государственная бюрократия. В ряде республик государственные ведомства сотрудничали с некоторыми из этих НКО и даже поручали им готовить дидактические материалы, пользовались данными их исследований и методическими наработками.

Большой упор делался на развитие в России, и особенно на Северном Кавказе, волонтерского движения. Была создана единая информационная система «Добровольцы России», призванная наладить механизмы сотрудничества между властями, волонтерами и организаторами волонтерской работы.

Государство распределяло средства между волонтерскими организациями в рамках федеральных форумов. Для Северного Кавказа наиболее значим форум «Машук». Он проходит в Пятигорске, и в 2018 г. на него приезжал Президент РФ В.В. Путин. На прочие крупномасштабные мероприятия, такие как престижная «Территория смыслов» и «Добровольцы России», также приглашают представителей северокавказских республик, что дает возможность получить финансирование. В некоторых местах волонтерские организации делали очень ценную работу и действительно вовлекали искренних молодых людей. В других местах волонтерские организации существовали на бумаге и мобилизовались в административном порядке, когда необходимо. Обыч-

но это зависело от уровня личной мотивации и вовлеченности лидеров или педагогов, руководящих такими группами.

Значительная роль в антиэкстремистской информационно-просветительской деятельности отводится духовенству из республиканских муфтиятов. Имамов специально готовят к работе по профилактике экстремизма среди молодежи. В престижной Высшей школе управления регионального Пятигорского государственного университета открылась магистерская программа «Теология» со специализацией «государственно-конфессиональные отношения» (с православным и исламским компонентами).

Чечня

Самая масштабная профилактическая работа проводилась в Чечне. В 2013 г. глава республики Рамзан Кадыров утвердил Единую концепцию духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики, которая призвана координировать деятельность различных государственных учреждений и организаций, занимающихся идеологической работой с молодежью. Среди прочего цели концепции включают в себя «привитие подрастающему поколению основополагающих ценностей, идей и убеждений, отражающих сущность чеченского менталитета и формирование активной гражданской и личностной позиции молодежи»⁴².

К задачам концепции относятся: популяризация традиционных духовных, нравственных и культурных ценностей; воспитание подрастающего поколения на принципе стабильности и неизменности общественного строя, на основе обычаев и традиций народов Чеченской Республики, на основе ценностей, заложенных в Конституции Российской Федерации, обычном праве народов Чеченской Республики и традиционных учениях духовных лидеров.

Для реализации концепции чеченское правительство, парламент, районные власти и официальное духовенство вели массированную пропагандистскую работу в СМИ, интернете и на мероприятиях, обращаясь к людям всех возрастов и профессий и привлекая различные государственные учреждения, сельские сообщества, вузы, колледжи, техникумы и школы. По словам одного чеченского преподавателя, «в обязанности многих министерств входит посещение школ и вузов».

Идеологическая работа начиналась еще в детских садах, где, согласно концепции, чеченские дети должны были узнавать «о подвигах

святых шейхов, устазов [лидеров тарикатов] и национальных героев» и отмечать дни рождения Пророка Мухаммада и первого президента Чечни Ахмада Кадырова – отца действующего главы республики Рамзана Кадырова. Для более взрослых детей государственные учреждения и религиозные организации проводили встречи в учебных заведениях, населенных пунктах, включая самые отдаленные районы республики, «с целью раскрытия таких общественных явлений, как экстремизм и терроризм, их негативного влияния на молодежную среду».

Представители духовенства (члены муфтиятов) играют наиболее заметную роль в идеологической работе. Они подводят религиозную основу под то, что у чеченцев есть все необходимые условия, чтобы исповедовать свою веру в Чечне, восхваляют семью Кадыровых и объясняют, что мусульмане обязаны поддерживать своего правителя.

Со взрослыми также регулярно проводится идеологическая работа в формате аналогичных встреч. Источник автора рассказал, что в одном из министерств, где он работал, имамы совмещали антиэкстремистскую и политическую пропаганду, например, восхваляя сирийского президента Башара Асада и президента Путина за сопротивление западному империализму и «его желанию разрушить Россию и уничтожить мусульман». Муллы превратились в главную идеологическую силу режима, что не способствует укреплению к ним доверия со стороны многих чеченцев с развитым критическим мышлением.

Но главная проблема, которую отмечали все собеседники, – большинства подобных мероприятий скучны. «Это такая тоска, что после этих встреч радикализация лишь усиливается, – пошутила одна из наших собеседниц, сотрудник системы образования, и сравнила эту работу с советской пропагандой. – Помню, во времена моей комсомольской юности к нам в школы приходили замполиты и втирали про вред курения».

Многие из тех, с кем автор провела интервью, указывали на низкий уровень подготовки пропагандистов: «Они вообще не знают предмет. Только кричат: “Террористы! Шайтаны [дьяволы]!” Хотелось бы, чтобы там были специалисты, прошедшие обучение, где бы им объяснили хотя бы основы такой работы. Ну нельзя такие вещи говорить прямо в лоб! Есть другие способы и инструменты сделать так, чтобы аудитория сама пришла к нужным им выводам», – рассказал мне один недавний уволившийся преподаватель вуза⁴³.

Многие из моих собеседников указывали не только на формализм, но и нередко на угрожающую риторику пропагандистов.

Наши собеседники сходятся в том, что такие методы неэффективны. Более того, специалисты, работающие с молодежью, подчеркивали, что агрессивная пропаганда производит эффект, противоположный задуманной профилактике: «Чем больше они винят во всем ИГИЛ, тем больше подогревают интерес к нему у молодежи. Оно становится привлекательным, возникает романтический ореол... А герои им все равно нужны, и находят они их не там, где надо, включая ИГИЛ», – заметила в разговоре с нами бывший преподаватель вуза из Грозного⁴⁴.

Как бы то ни было, несмотря на все недостатки, благодаря самому масштабу и интенсивности пропаганды передаваемые ею послы хотя бы частично усваиваются молодежью.

Чеченское правительство привлекало к работе по профилактике молодежные организации: «Молодую гвардию Единой России», патриотический клуб «Путин», молодежное народно-патриотическое движение «Ахмат» (названо в честь отца Рамзана Кадырова), «Патриотов Чечни».

Несколько чеченских НКО также начали заниматься профилактикой радикализации и обычно делали эту работу более креативно и профессионально, чем государство. Так, женская чеченская НКО «Женщины за развитие» проводила профилактические вебинары и живые дискуссии для женщин, в частности, по теме любовных и романтических отношений через интернет. Кроме того, ингушская НКО «Генезис» вместе с чеченской НКО «Диалог» выполняла проект по профилактике экстремизма и радикализации через тренинги для молодежи (подробнее о «Генезисе» см. в разделе, посвященном Ингушетии).

Две другие организации, агентство «Объектив» и связанный с ним проект «Денал», проводили тренинги для молодежи, приглашали психологов, юристов, людей, вернувшихся с войны в Сирии, и их родственников.

Дагестан

В остальных северокавказских республиках официальная информационно-просветительская деятельность велась более мягкими, тонкими и менее политизированными методами, чем в Чечне. В Дагестане такая работа регулировалась Комплексной программой по противодействию идеологии терроризма в Республике Дагестан на 2018–2020 гг.

В 2017 г. дагестанская молодежная политика была официально признана лучшей на Северном Кавказе.

В Министерстве по делам молодежи работало специальное управление профилактических программ. Оно занималось реализацией собственных методик, а также распределяло средства на профилактику среди местных НКО. Например, в 2018 г. им поступило 20 заявок, и они поддержали 5 проектов, выделив каждому из них по 200 тыс. руб.⁴⁵

Управление разработало обучающий семинар «Мирный Дагестан», который представляло на мероприятиях в различных городах и селах Дагестана⁴⁶. «Мы поняли, что нам нужно вести просветительскую образовательную работу. Поэтому мы привлекаем на госслужбу молодых теологов [...] и отправляем их [в школы] разьяснять, что в этом государстве нет условий для вооруженного бунта», – рассказал мне сотрудник дагестанского министерства по делам молодежи.

Семинары сопровождались презентацией, состоявшей из нескольких десятков красочных слайдов. Она начиналась с демонстрации красот Дагестана, рассказа о его географическом положении и истории. Затем говорилось о стоящих перед республикой проблемах, разьяснялось понятие джихада, то, что он на самом деле значит в исламе, и об отношении Пророка к иноверцам.

«Когда мы только начинали эту работу, мы пришли к выводу, что [в нашем обществе] нет однозначных ответов на вопросы, что такое джихад, где мы живем, почему в Дагестане есть проблемы [с подпольем], почему дагестанцы всегда носили кинжал на поясе. Мы объясняем [молодежи] наше геополитическое положение, объясняем путь наших предков, начиная с имама Шамиля*, сопротивлявшегося ваххабитской идеологии. Мы разьясняем понятие оборонительного джихада. Мы разьясняем процедуру шариатского выбора халифа, что никто не имеет права продвигать свою идеологию под дулом пистолета. Обо всем этом мы говорим простым, доступным языком. И в конце мы подводим людей к выводу, что [для того, чтобы быть хорошим мусульманином] достаточно просто заботиться о своей семье и ближних, иметь моральный стержень», – сказал эксперт дагестанского министерства по делам молодежи Микаил Микаилов в разговоре с автором⁴⁷.

* Имам Шамиль (1797–1871) – дагестанский политический, военный и духовный лидер времен Кавказской войны, предводитель антиколониального сопротивления горцев Чечни и Дагестана, имам Северо-Кавказского имамата.

На разработку семинаров у министерства ушел год, и за свою просветительскую работу они уже получили грамоту от Национального антитеррористического комитета. «Мы старались добиться привлекательности. Старались соответствовать клиповому мышлению молодежи», – отметил другой сотрудник министерства.

По его словам, семинары «Мирный Дагестан» пользовались успехом у старшеклассников, их родителей и учителей и «решали сразу несколько задач». «В Хасавюртовском районе [сначала] мы провели [семинар] в одном месте. Им так понравилось, что нас пригласили выступить с ним еще в десятке сел», – сказал чиновник, добавив, что школам нужна помощь, потому что учителя не могут должным образом реагировать на религиозный интерес молодежи.

По словам сотрудников министерства, семинар не предусматривал времени на вопросы и ответы, чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля: «Поначалу мы отводили полчаса на вопросы и ответы в конце, но теперь мы решили отказаться от этого. Нам стали задавать второстепенные провокационные вопросы об амулетах и музыке. Завязывалась дискуссия, возникала напряженность, и люди просто забывали все, о чем им рассказывали на протяжении 1–1,5 часов. Весь эффект от лекции улетучивался. Поэтому мы говорим им: вот вам сайт с дополнительной информацией, вот ваш местный имам, который ответит на ваши вопросы. И на этом сворачиваем».

Согласно официальным данным, по состоянию на октябрь 2018 г. министерство провело семинары в 28 районах для 20 тыс. человек в возрасте от 14 до 30 лет. Министерство по делам молодежи также подготовило документальный фильм «ИГИЛ. Восточный капкан», у которого почти 555 тыс. просмотров на YouTube.

Кроме того, министерство разработало курсы «Кодекс чести дагестанца» и «ИнтерНЕТбезопасности», которые пользуются популярностью у образовательных учреждений. Эти тренинги включают в программу различных форумов, например, конгресса детских и подростковых общественных объединений⁴⁸.

Проведение многих тренингов делегировалось районным и прочим организациям, например, «Молодежи Унцукульского района», либо патриотическим организациям, таким как Ассоциация общественных объединений «Патриоты», у которой тесные отношения с муфтиятом и властью. Власти также ведут антиэкстремистскую контрпропаганду в сотрудничестве с военно-патриотическими клубами, Росгвардией и военными. Для подростков 14–16 лет, состоявших в «Юнармии», про-

водились летние лагеря военной подготовки. Кроме того, в рамках поискового движения молодые люди участвовали в экспедициях в другие регионы России, где они откапывали военные реликвии в местах боев Великой отечественной войны⁴⁹.

Считалось, что такие мероприятия способны отвлечь молодежь и перенаправить ее энергию в патриотическое русло. Еще одна альтернатива – участие в волонтерском движении. Волонтеров привлекали в проекты по охране окружающей среды, улучшению городской среды, поддержке здравоохранения и повышению качества образования.

Например, в 2018 г. дагестанские власти организовали «Осенний марафон добрых дел», бенефициарами которого, по имеющимся данным, стали 26 тыс. человек. В акции участвовали волонтеры из 9 городов и 23 муниципальных образований. Они занимались уборкой мусора, распределением помощи малоимущим, сбором средств для больных.

Как и в других республиках, в Дагестане проводились молодежные форумы, в т.ч. международный молодежный форум «Каспий» и региональный форум «Мирный Кавказ». По всей республике молодежь поощряли и готовили к подаче заявок и участию в федеральных конкурсах. В 2018 г. на форуме «Машук» молодые дагестанцы получили 18,7 млн руб. на реализацию 79 социальных проектов⁵⁰.

Муниципальные образования проводили собственные мероприятия. «Они ходят в мечети, встречаются с группами риска, разговаривают, зовут в администрацию, привлекают представителей МВД и ФСБ», – рассказала руководительница центра профилактики экстремизма на юге Дагестана⁵¹. Однако многие сдержанно отзываются о подобной деятельности: «В нашем муниципалитете есть свой антитеррористический комитет... Пригласят нас, и какой-нибудь отставной гаишник зачитывает доклад трехлетней давности», – заметила в беседе с автором учитель из дагестанского села⁵².

В местных школах профилактическая работа велась на основе федеральных и региональных программ. Обычно школьные профилактические мероприятия касаются таких тем, как развитие правовой культуры, толерантность, уважение к закону, правила поведения в чрезвычайных ситуациях, патриотизм, нетерпимость к идеологии терроризма и экстремизма⁵³.

Эти элементы внедряли в школьную программу и внеклассную деятельность, они присутствовали в конкурсах (рисунков и сочинений для школьных газет), обсуждались на круглых столах, в ученических

советах, родительских комитетах. От школ требовали уделять большое внимание патриотическому воспитанию, что чаще всего подразумевало восхваление побед и героизацию ветеранов (для этого регулярно проводятся встречи с ветеранами Великой отечественной войны и войны в Афганистане).

Как и в Чечне, названия и темы многих школьных мероприятий часто перекликались с названиями советской эпохи, например, круглый стол «Терроризм – угроза обществу» или акция «Когда мы едины, мы непобедимы».

Пожалуй, самое эмоционально окрашенное мероприятие года – День солидарности в борьбе с терроризмом, отмечаемый ежегодно 3 сентября. 1 сентября 2004 г. террористы захватили в заложники 1200 человек в школе № 1 города Беслан (Северная Осетия), а 3 сентября произошел штурм здания. В результате теракта погибли 334 человека (из них 186 детей).

В День солидарности в борьбе с терроризмом в школах традиционно проводятся мероприятия в память о бесланской трагедии. На них обычно показывают короткие документальные фильмы или видео о Беслане. Иногда дети готовят рисунки или небольшие выступления⁵⁴.

Некоторые школы практикуют свой индивидуальный подход.

«Мы учим их чистоте помыслов, чистоте отношений друг с другом. Мы учим их не брать взяток; тому, что в исламе запрещается, даже процент по займам, а значит, никому не позволено брать лишнего [за услуги]. Мы много говорим о нравственности. В нашей школе нет травли среди детей. Никто не издевается над детьми с физическими недостатками. Это стоит больших усилий, – рассказала в беседе с автором директор из Дагестана. – Мы также много говорим о радикализме. Каждое 1 сентября мы вспоминаем Беслан, и это не простая формальность. Мы хотим, чтобы каждый всем сердцем почувствовал эту боль; хотим, чтобы они плакали из-за этих детей»⁵⁵.

Обычно видеоматериалы для такой работы производят региональные или местные телеканалы либо Министерство по делам молодежи. Это небольшие ролики или более длинные документальные фильмы. Качество их может сильно различаться: от интересных работ до весьма скучной и прямолинейной пропаганды. «Нам заказывают такую продукцию, – рассказал нам редактор одного из местных телеканалов, – но, честно говоря, мы толком не знали, как ее делать, и мне немало стыдно за качество результата, и если честно, то я в этом видел просто способ подзаработать»⁵⁶.

Аналогичная работа ведется в вузах, колледжах и техникумах. Однако наши молодые собеседники довольно скептически отзывались о ее эффективности.

Студент третьего курса медицинского факультета в Махачкале рассказал: «Они [представители муфтията] сгоняют нас в аудиторию, человек 150. Может, один или два студента их еще слушают, остальные либо копаются в телефонах, либо готовятся к следующему занятию. Приходят каждый месяц или около того. Иногда бывает интересно. Но чаще всего у них не получается интересно изложить материал [...] Он говорит нам: “Они [ИГИЛ] ваххабиты, это плохо”, – но никаких реальных аргументов не приводит. Те, кто уезжают [в ИГИЛ], – это те, кто очень глубоко погрузились в религию [...] Такой человек знает религию, но он послушает, если ему привести веские доводы. Если он не тупой и не фанатик, то послушает. Он настолько глубоко увлечен этими идеями, что готов умереть за них. Можно излечить душу словами, если приводить хорошие аргументы и красиво все объяснять»⁵⁷.

По мнению главного редактора республиканской газеты, дагестанские профилактические контрнарративы действительно в основном представляют собой сильно эмоционально окрашенную пропаганду без должной аргументации. Местный чиновник разделяет это мнение: «Иногда я бешусь на этих конференциях. Соберутся вместе, произнесут друг другу лозунги, переведут кучу денег и разойдутся по домам – а проблема остается».

Ингушетия и Кабардино-Балкария

В Ингушетии и Кабардино-Балкарии подходы к профилактике радикализма были похожи на дагестанские, однако градус контрпропаганды в этих двух республиках заметно ниже, – может быть, потому, что была ниже интенсивность конфликта. В Ингушетии профилактической работой занимались республиканский Комитет по делам молодежи, Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия, Министерство образования и науки, представители Антитеррористической комиссии, духовенство, проправительственные молодежные и волонтерские организации.

Как и в Дагестане, власти создавали для молодежи альтернативные, подконтрольные государству точки приложения энергии. Главный упор делали на общественное волонтерство как на социальный лифт и

механизм положительного участия. Помимо волонтерских проектов в республике развивали движения в защиту здорового или морального образа жизни, например, «Антилирика» (движение, борющееся с аптечной наркоманией) и движение «Антисихр» (борющееся с колдовством). Это также один из способов самореализации молодежи и повышения своей значимости в обществе, при этом немаловажное значение имеет богоугодность таких действий. Республиканские власти если напрямую и не стояли за созданием этих движений, то пытались их контролировать и не препятствовать их деятельности⁵⁸.

Комитет по делам молодежи проводил еженедельные тренинги, на которых молодых людей учили подавать заявки на различные федеральные мероприятия, форумы, гранты, пользоваться другими возможностями. Так, в 2018 г. на форуме «Машук» Ингушетия стала лидером по объему грантов, получив 23,6 млн руб., что заметно больше, чем 2,4 млн руб. для ингушских участников в 2016 г.⁵⁹ В республике проводились собственные молодежные форумы, например, «Таргим», интеллектуальные игры «Горы от ума» и «Брейн-ринг», разные спортивные соревнования. В Ингушетии распространялись федеральные профилактические видеоролики, которые обычно готовил Национальный антитеррористический комитет. Зрителей информировали о серьезной уголовной ответственности за преступления террористического характера и длительных сроках тюремного заключения⁶⁰.

В 2018 г. Комитет по делам молодежи реализовал обучающую программу для старшеклассников и учащихся республиканских колледжей и техникумов под названием «ДИЗлайк экстремизму»⁶¹. В программе обсуждали интернет-безопасность, угрозы, исходящие от террористической идеологии, различные механизмы вербовки. В отличие от инициативы «Мирный Дагестан», здесь отводилось много времени на вопросы и ответы, а в конце мероприятий молодым людям предлагали тут же присоединиться к волонтерскому корпусу.

Комитет по делам молодежи Ингушетии эффективно налаживал сотрудничество государства с организациями гражданского общества в области ПНЭ. «Мы никогда не считали Комитет по делам молодежи государственной структурой. Они всегда были креативными, открытыми, очень доступными. С ними было очень легко сотрудничать», – заметила специалист по ПНЭ из Ингушетии Марета Дзейтова. К сожалению, в декабре 2018 г. комитет был закрыт в рамках реформирования правительства республики и оптимизации бюджетных

расходов. Вместо него начал действовать департамент в Министерстве образования.

Помимо личных встреч, информационно-просветительская деятельность активно ведется и в местных СМИ. Республиканские телеканалы организовывали лекции и дискуссии по темам ислама и войны на Ближнем Востоке. Ученые, изучающие вопросы профилактики радикализма, подчеркивают, что диалог и дискуссия – важнейшие инструменты противодействия радикализации. В Ингушетии критически настроенные имамы, в т.ч. умеренные салафиты, могли рассуждать об этом в мечетях и тем самым предлагать контрнарративы со своей религиозной позиции, что намного убедительнее для уже радикализирующейся молодежи.

В Дагестане раньше тоже прислушивались к умеренным салафитам, которые высказывались против ИГИЛ. Однако к 2017 г. там были закрыты большинство популярных салафитских мечетей.

Помимо контрнарративов, которые распространяли госучреждения и имамы, местные НКО предлагали также альтернативные подходы. Ингушский «Общественный фонд социального развития «Генезис» проводил методически продвинутые тренинги для молодежи в четырех республиках, привлекая молодежные НКО, молодых лидеров и в сотрудничестве с республиканскими властями. На тренингах они подходили к вопросу радикализации с разных сторон: учили терпимости, навыкам урегулирования конфликтов, лидерству и работе в команде, информационной безопасности; обсуждали участие женщин в экстремистских сетях; привлекали общественные ассоциации, органы студенческого самоуправления и волонтерские сети. В рамках проекта также готовили молодых тренеров, проводили опросы для изучения уровня поддержки экстремистской идеологии, видеоконференции и вебинары, предоставляли материалы для специалистов, работающих в сфере профилактики. По нашим наблюдениям, это была одна из лучших региональных инициатив в этой области.

Кабардино-Балкария – единственная из республик, где была создана должность министра по профилактике экстремизма. В июле 2015 г. тогдашний глава республики Юрий Коков объявил о создании нового Министерства по вопросам координации деятельности органов исполнительной власти в сфере профилактики экстремизма и реализации молодежной политики⁶². В задачи министерства, у которого не было аппарата и структурных подразделений в районах, входила координация профилактической работы на уровне республики и муниципаль-

ных образований. В Кабардино-Балкарской Республике (КБР) не было отдельного министерства или комитета по делам молодежи, поэтому молодежной политикой занималось Министерство просвещения, науки и по делам молодежи, а работу по ПНЭ вели практически все государственные структуры, которые имели дело с молодежью, включая нового министра по профилактике экстремизма, Духовное управление мусульман КБР, Министерство спорта и Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей.

Методы профилактической работы в КБР похожи на те, что используются в Дагестане и Ингушетии: частые встречи в вузах, техникумах и колледжах, молодежные форумы*, сельские собрания против экстремизма, причем часто с названиями-лозунгами в советском духе, например, «Молодежь с. п. Лечинкай против терроризма и экстремизма и за укрепление межконфессионального и межнационального согласия»⁶³. На таких собраниях выступали с докладами представители местных властей, духовенство и активисты проправительственных НКО, демонстрировали видеоролики, осуждающие терроризм и экстремизм. Другой вид ПНЭ – это героико-патриотические мероприятия, например «Мы против терроризма!», где дети смотрели фильмы, делали доклады об убитых сотрудниках полиции, показывали свои рисунки и читали стихи. Поскольку Кабардино-Балкария – многонациональная республика, для снятия напряженности и поддержки диалога там проводились мероприятия по развитию межнациональной терпимости⁶⁴, а также встречи, направленные на преодоление внутриконфессиональных противоречий среди исламской уммы⁶⁵.

Иногда инициаторами профилактических собраний выступали поддерживаемые государством НКО. Наиболее активна среди них организация «Мир дому твоему» под руководством Суфадина Шибзухова – бывшего следователя и члена Общественного совета при Министерстве внутренних дел по КБР, который получил на эту работу президентский грант. Шибзухов пережил личную трагедию: его сына, служившего в республиканской полиции, жестоко убили и обезглавили боевики. Именно после этого убитый горем отец занялся профилактической работой. Кроме того, в республике действовали КБРОО «Патри-

* В частности, в 2018 г. состоялись следующие форумы: «Время действовать», «Дружный Кавказ», республиканский добровольческий форум «Волонтер КБР-2018», «За мир и согласие».

от», «Юнармия», кабардино-балкарское отделение ветеранской организации «Боевое братство», различные поисковые организации*.

К 2017–18 гг. в КБР некоторые чиновники, занимающиеся профилактикой, начали понимать низкую эффективность прямолинейной контрпропагандистской деятельности. «С недавнего времени министерства отказываются от прямолинейной контрпропаганды. Вместо этого на любом мероприятии они косвенно подчеркивают, что мы за мир и против терроризма. Они предлагают альтернативы. Некоторые даже не показывают это у себя на сайте, но тем не менее проводят профильные для своей организации мероприятия», – рассказала координатор проекта «Вместе!», реализованного ОФСР «Генезис», в КБР Екатерина Суркова⁶⁶.

Она добавила, что раньше была социальным тренером в одном из министерств и вместе с представителями Управления по контролю за оборотом наркотиков посещала школы и проводила беседы со старшеклассниками о наркомании: «Тогда я поняла, что мы рассказываем детям о разных психотропных веществах, о которых они до этого понятия не имели. Но после наших лекций они о них знают. То же самое с терроризмом – не стоит его популяризировать излишними разговорами».

Отличительная черта кабардино-балкарского подхода – довольно активное участие Министерства спорта, потому что спортсмены считаются целевой аудиторией террористов. «Это сильные духом, волевые люди, которые привыкли, что слово тренера – закон, то есть они уважают авторитет. Поэтому они нужны террористам. Мы проводили для спортсменов тренинги по толерантности, межкультурному диалогу. Мы так им и говорили напрямую: «Ребята, вы очень привлекательная для террористов категория, вы им нравитесь», – сказала Суркова⁶⁷.

Заключение

В 2015–2020 гг. деятельность по профилактике радикализации молодежи на Северном Кавказе приобрела массовый характер. Можно смело назвать этот период временем расцвета различных проактивных мер и проектов и выделить несколько очевидных достижений.

* В задачи организации «Боевое братство» входит поддержка ветеранов боевых действий и правоохранительных органов, профилактика экстремизма, духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание детей.

1. Благодаря масштабной профилактической работе молодежь хорошо усвоила, что государство и общество резко осуждают экстремизм и терроризм; что террористические преступления влекут за собой строгое наказание; что экстремистская идеология неприемлема и у нее нет никакого политического будущего.

2. За эти несколько лет сообщество людей и проправительственных организаций, занимающихся профилактической работой в регионе, расширилось и расцвело при серьезной государственной финансовой поддержке. В эту работу включилось и независимое гражданское общество.

3. Создан целый пул методических и видеоматериалов. Почти все они созданы в рамках государственных подходов, но их наличие упрощает распространение профилактических контрнарративов.

4. Волонтерское движение и программы малых грантов смогли направить энергию части активной молодежи в общественно-ориентированные проекты. Эти молодые люди научились подавать заявки на гранты, конкурировать за финансирование, реализовывать проекты и отчитываться за них, что представляет собой очень полезный навык гражданского активиста.

5. В Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии шли поиски и апробация новых подходов, которые открыли возможности для инноваций.

6. В нескольких республиках власти начали понимать, что альтернативный нарратив может быть эффективнее, чем прямая контрпропаганда.

Вместе с тем остается много проблем, в частности:

1. Уровень доверия к проводникам профилактики

Помимо сотрудников сферы образования государство в основном доверяло профилактическую работу проправительственным патриотическим организациям и традиционному духовенству, связанному с муфтиятами. Однако эти акторы неубедительны для значительной части молодежи, которая не слишком им доверяет. В большинстве республик официальные власти и духовенство избегали обсуждения сложных тем, касающихся общественно-политических проблем региона и геополитики, в частности, войны в Сирии. В последующие за анализируемым периодом годы роль независимых НКО снова снизилась, была сведена к минимуму.

2. Скука и усталость

Большая часть работы по профилактике все еще ведется формально, некачественно и скучно. Молодежь устала даже от более креативных тренингов. «Опять этот экстремизм!» – первая реакция, которую мы получаем, входя в новый класс, – призналась специалист-практик из Ингушетии. – Молодежь реально устала от этой темы».

Отсутствие творческого подхода было особенно заметно в Чечне, но и другие республики недалеко ушли.

«На мой взгляд, в Кабардино-Балкарии нет никакой креативности. Это все потому, что те, кто занимается профилактикой, относятся к старшему поколению. От них трудно ожидать креативности», – пояснила Екатерина Суркова. Отсутствие инициативы и энтузиазма у исполнителей сказывается на качестве мероприятий. Как признал специалист дагестанского Министерства по делам молодежи, «к сожалению, не все равнодушны; это человеческий фактор, профилактические мероприятия часто действительно официозные и скучные».

Действительно, молодежь быстро устает от нормативных идеологических мероприятий. Им нужна деятельность, которая отвечала бы их подлинным интересам, была современной, направленной в будущее, модной.

3. Успехи государственной работы по профилактике – заслуга отдельных людей, а не институтов

Более качественные и свежие идеи появлялись тогда, когда за работу брались энтузиасты-преподаватели или преданные делу чиновники. Однако персонализированный характер историй успеха мешает институционализации лучшего опыта.

4. Отсутствие механизмов для сбора информации о передовом опыте и его распространения

Многие эксперты в беседах с автором отмечали отсутствие механизмов для накопления и развития передового опыта. «Мы не учимся друг у друга. Нет площадок для обмена. Встречаемся на однодневных конференциях, выступаем с докладом, всем он очень нравится, а потом разъезжаемся по домам – и на этом все», – сказал Микаил Микаилов из Министерства по делам молодежи Дагестана. В то же время организации часто сами не хотят делиться своими наработками, боясь «плагиата идей». Нередко передовой опыт обсуждается, но в дальнейшем не продвигается. Например, в 2012 г. в Ингушетии был создан

Консультативно-аналитический совет по профилактике и противодействию экстремизму, который предложил подробную программу действий, однако, по словам наших источников, ни одно из их предложений так и не было интегрировано в официальную республиканскую политику⁶⁸.

5. Методический голод

Несмотря на то, что создано много методических материалов, по словам одного практика из НКО, «методически большинство инициатив и программ хромают». Кроме того, оценить доступные инструменты конкретному исполнителю непросто: «Среднестатистическому учителю или чиновнику трудно перелопачивать всю существующую литературу и принимать собственные методические решения», – констатировала эксперт⁶⁹.

6. Недостаточность разовых мероприятий. Негативное влияние других сред

Несколько практикующих специалистов подчеркивали, как трудно повлиять на молодого человека на разовом мероприятии. Более длительные семинары, недельные лагеря или регулярные занятия могли бы дать более устойчивый эффект. «Мы учим молодежь терпимости и уважению к другим, а после тренинга они возвращаются домой и видят в семье совсем другие ценности [...] порой кажется, что все это бесполезно. Но хорошая новость состоит в том, что сегодняшняя молодежь учится критически мыслить своей головой. Они не восстают против родителей напрямую, но стараются идти своим путем», – заметила эксперт из Ингушетии.

7. Общие сомнения в эффективности прямолинейных контрнарративов

И, наконец, есть общая проблема с прямолинейной идеологической работой, которую государство избрало в качестве своего основного подхода. Эксперты предупреждают, что экстремистская пропаганда привлекает только особую категорию граждан и что стремление обращаться сразу ко всему населению в попытке достучаться до единиц несет в себе риски⁷⁰.

Во-первых, массированная контрпропаганда создает ощущение, что проблема больше, чем она есть на самом деле. Во-вторых, в глазах искателей приключений такая информация лишь укрепляет героиче-

ский образ террористических группировок. Но самое главное, как было показано в первой части этого раздела, причины и факторы, способствующие радикализации, многочисленны и разнообразны, джихадистская пропаганда сложна и многогранна. В основе контрпропагандистского подхода лежит уверенность в наличии простой причинно-следственной связи между идеологией и насильственным действием. При этом игнорируются прочие факторы, такие как чувство отчужденности, изолированности, возмущения несправедливостью; жажда мести, приключений или склонность к насилию; желание стать частью чего-то большего и обрести значимость.

Наряду с тем, чтобы бороться с идеологией, доказывая ее несостоятельность, нужно нащупывать и создавать альтернативные пути, которые могли бы функционально заменить собой то, что человек ищет в идеологии насилия.

Это особенно важно для молодых людей, которые не хотят быть объектом государственной идеологической обработки, но хотят, чтобы их информировали, с ними разговаривали и спорили. Открытые обсуждения, в ходе которых можно было бы найти конструктивные, эффективные и реализуемые пути решения сложных политических вопросов, должны всячески приветствоваться. Организация гуманитарной помощи беженцам, волонтерство, участие в других формах неконтролируемого социального и политического активизма может помочь конструктивно и в рамках закона канализировать накопленные фрустрации и реализовать потребности. Любая альтернативная деятельность должна восприниматься участниками как осмысленная и искренняя.

К сожалению, после 2020 г. роль независимых организаций в работе по профилактике заметно снизилась. Снизился и масштаб профилактической деятельности, скорее всего, в связи с тем, что отток молодежи в экстремистские группировки прекратился. Однако эти усилия важно сохранить и в значительной степени скорректировать, включая поддержку развития навыков критического мышления, повышение доверия к проводникам профилактической работы, поощрение открытых дискуссий, привлечение к мероприятиям независимых публичных фигур и представителей гражданского общества. Важно создать условия для самореализации молодежи, осуществления их реальных, а не определенных государством интересов.

Но самое главное, факторы радикализации многочисленны, разноплановы и не сводятся к идеологическому воздействию радикальных

идей. Без шагов, направленных на систематическое устранение этих факторов на Северном Кавказе, работа по профилактике принесет лишь косметические изменения, а следующие волны радикализации и ухода молодежи в вооруженное подполье будет сложно предотвратить.

3.2. Превенция радикализации в цифровую эпоху: региональный аспект (на материалах Чеченской Республики)

Введение

Во все времена молодежь оказывается заложницей своего времени и результата деятельности как предшествующих поколений, так и трансформаций различного рода процессов, где идеологии и ценностям отводится ключевая роль⁷¹. В особых условиях оказалось поколение молодежи Чеченской Республики, чье становление происходило на переломе истории страны, народа, на фоне геополитических конфликтов, социально-экономических реформ и духовно-нравственных испытаний. На стыке различных трендов, смещения культурных смыслов и идеологий в современном чеченском обществе наблюдается широкий спектр социального и идеологического полиморфизма, когда индивидуумы одной этнокультурной среды, встроенные в разные социальные контексты, приобретают полярные от прежних ценностные установки, определяющие их мировоззренческое поле.

Одним из таких триггеров мировоззренческой трансформаций является экстремизм. Сегодня влияние экстремизма через интернет на умы части молодежи приобретает масштабы, требующие самых разных теоретических и экспериментальных подходов.

Нами предпринята попытка рассмотреть оценку и отношение группы студентов (девушек) к мотивам ухода молодых женщин в экстремистские организации через призму повседневного дискурсивного пространства, которое складывается вокруг этой темы среди студенческой молодежи.

Объектом изучения была студенческая молодежь (девушки), предметом – дискурсы, посредством которых студенческая группа девушек комментировала уход молодых женщин в экстремистские организации через общение в интернете. Рамки отношения к вопросу опреде-

лялись тем, насколько девушки проблематизировали или депроблематизировали такого рода «отъезды в Сирию» своих сверстниц. Такая информация позволяет, во-первых, измерить настроения, существующие в молодежной среде, выявить наличие или отсутствие страхов и паники по поводу вовлечения через вербовочные интернет-каналы; во-вторых, понять, какие дискурсы/риторика в отношении «уходящих» преобладают среди девушек, а также какие смыслы они производят, создавая тем самым большой спектр социальных проблем в обществе.

Прежде чем рассмотреть эти социальные проблемы, целесообразно определиться, что мы имеем в виду под терминами «терроризм», «экстремизм», «радикализм», «социальные проблемы». Существует два основных подхода к рассмотрению и анализу социальных проблем. В рамках первого подхода утверждается, что они являются совокупностью объективных обстоятельств, представляющих собой угрозу для общества. Здесь исследователи обращаются к таким концептам, как «социальная патология», «социальная дезорганизация», «девиация», «дисфункция», «структурное противоречие»⁷². Второй подход, развивающийся в рамках социального конструкционизма⁷³, основан на идее о том, что «проблема» не имеет онтологического статуса, это языковая конструкция, риторика, содержащая требования изменений.

Есть исследователи, которые считают, что предметом особого интереса являются способы конституирования социальной проблемы через дискурс⁷⁴. Главный фокус их внимания – «методы, используемые людьми для определения (и институционализации) чего-либо в качестве социальной проблемы, поскольку именно эти методы и составляют, в сущности, сам феномен социальных проблем»⁷⁵. Однако реальность за пределами медийного дискурса редко попадает в поле зрения ученых, в частности очень немного исследований посвящено анализу повседневных интерпретаций терроризма или вовлечения в организации через социальные сети. Одна из попыток такого рода – работа Класа Борелла, в которой описываются повседневные практики и представления людей, живущих на территории, подверженной террористическим атакам⁷⁶. Борелл не опирается в своей работе на конструкционистскую парадигму и не ставит перед собой цель проанализировать артикулируемые информантами конструкты. Тем не менее в его тексте присутствует описание повседневных интерпретаций «опасности» и «безопасности», а также связанных с этими представлениями практик. Полученные данные позволяют проследить, как публичный дискурс

трансформируется под воздействием личного опыта и изменяет повседневные практики. Риторические идиомы представляют собой способы, с помощью которых они проблематизируются. П. Ибарра и Дж. Китсьюз описывают такие риторические идиомы, как риторика утраты, риторика наделения правом, риторика опасности, риторика неразумности и риторика бедствия⁷⁷. В последние годы в рамках конструкционистского подхода совершается поворот к повседневной сфере. Как отмечают Ибарра и Китсьюз, «дискурс социальных проблем встречается во всех видах форумов и среди самого широкого круга лиц»⁷⁸. Таким образом, конструкционисты пытаются анализировать конструирование социальных проблем, которое является «менее заметным, различным образом замаскированным (например, вследствие использования субкультурного стиля), но не менее вовлеченным в выражение своей позиции по отношению к моральному порядку или комментированию позиций других»⁷⁹.

Авторы исходят из методологического тезиса, что интервью в фокус-группах также являются формой конструирования социальных проблем. Вовлечение фокус-группы в определенные заданные рамки проблемы с целью фиксирования информации как от каждого участника, так и от их диалогов по обозначенным вопросам темы позволяет выявить риторику, не предназначенную для публичного пространства. Наша цель – реконструировать повседневный дискурс студенток университета по поводу проблемы «ухода девушек в Сирию» через вербальные социальные сети – интернет-каналы.

Методологические рамки исследования

В анализе терроризма конструкционисты тоже исходят из того, что объект их исследования – это социальный конструкт, который включает в себя множество образов и стереотипов, сформированных под воздействием различных агентов – бюрократических структур, научного сообщества, экспертов, массмедиа и самих террористов⁸⁰. Приверженцы строгой версии этого подхода Якоб Стамп и Прия Диксит в анализе конструкта терроризма требуют вообще отказаться от каких-либо отсылок к реальному явлению. Важно лишь то, каким образом социальные акторы используют категорию «терроризм», осмысливают ее и действуют на основе своей интерпретации. Стамп и Диксит полагают, что терроризм приобретает значение только в процессе артикуляции, когда он прямо или косвенно оказывает влияние

на социальные практики, вовлекается в конструирование границ и идентичностей⁸¹. В результате внимание исследователей сосредотачивается на анализе языковых конструкций: метафор, предположений, форм знаний и грамматических форм, которые, в свою очередь, формируют дискурс. По мнению ученых, официальный дискурс является мощным политическим инструментом и проявлением власти, оказывающим огромное воздействие как на политические процессы, так и на повседневность людей⁸². Среди конструкционистов сильна традиция анализа именно таких политических и медийных конструкций терроризма. Например, Ричард Джексон на основе анализа языка «борьбы с терроризмом», который используется государственными структурами США для описания и нормализации контртеррористической кампании, показал, как с помощью лингвистических средств создается новая реальность для американских граждан⁸³. Однако сама реальность за пределами медийного дискурса редко попадает в поле зрения ученых.

Конструкционисты указывают: «Процесс социальной проблемы – это своего рода игра, ходы в которой всегда подвержены интерпретации и переинтерпретации, цели и стратегии которой являются предметом полемики и пересмотра, игроки постоянно меняются, среда различна, а номинальные темы также разнообразны, как и система классификации общества, обеспечивающая участников типизациями явлений, которые могут стать объектами восприятия и, следовательно, недовольства»⁸⁴.

Если в прошлом конструкционисты сосредоточивались главным образом на активности в рамках публичных арен⁸⁵, то в настоящее время вслед за Лесли Миллер⁸⁶ их внимание все чаще фокусируется на повседневной коммуникации. С этой точки зрения социальные проблемы конструируются не только тогда, когда требования изменить ситуацию (условие-категорию) выдвигаются в форме пикета, митинга, шествия, пресс-конференции, статьи, телепередачи, поста в блогосфере или социальных сетях, стрит-арта и пр., но и в повседневных разговорах. Таким образом, конструкционисты пересматривают и проблематизируют вопрос «Что есть требование?» и пытаются анализировать конструирование социальных проблем, которое является «менее заметным, различным образом замаскированным – например, вследствие использования субкультурного стиля, – но не менее вовлеченным в выражение своей позиции по отношению к моральному порядку или комментированию позиций других»⁸⁷. Мы исходим из того, что иссле-

довательские интервью также являются формой конструирования социальных проблем. Разговор с интервьюером включает в себя риторику и контрриторику, выдвижение требований и их нейтрализацию, но не в публичном пространстве, а в повседневном. Строгий конструкционистский подход сосредоточивается исключительно на дискурсе социальных проблем и оставляет за рамками вопросы о существовании «оснований» для выдвижения требований. Мы в рамках данной работы постарались остановиться на подходе к социальным проблемам, исключающем предположение о наличествующей или потенциальной угрозе общения девушек с вербовщиками в интернете.

В контексте обозначенной теоретической рамки информационный экстремизм рассматривался как одно из «возможных условий-категорий», относительно которого разворачивались дискурсы проблематизации в фокус-группах.

Специфика исследования заключалась в сосредоточении не на публичных высказываниях девушек, а на повседневных формах конструирования социальных проблем: «чувство одиночества», «хотелось с кем-то общаться, кто понял бы», «кругом такая рутина, а хочется чего-нибудь необычного», «дома меня никто не понимает, со мной не считаются, меня унижают», «кругом все врут, ну тошно ведь?», «неизвестно еще, кто экстремисты, они или мы», «между прочим, я встречала очень хороших и умных девушек, ну уехали, ну и что?», «ну к мужу же уехала, хотела с ним быть, причем здесь терроризм ее?» – такой нарратив прослеживался в ходе обсуждения в фокус-группах. Были в ходе исследования выявлены риторические идиомы относительно девушек, которые уехали в Сирию: «надо было подумать о родных», «наивные, как можно влюбиться по интернету?», «может, они верят в какую-то высшую идею, ведь так бывает?», «между прочим, когда их слушаешь, они говорят очень честные вещи, эти ваххабитки». Присутствовала и драматическая риторика: «говорят, там сексуальное рабство», «жалко ее мать и родных». Высказывания некоторых девушек указывали на отсутствие социальной дистанции между теми, кто уехал, и ими: «ну она же не знала, а если полюбила?», «там тоже есть приличные люди, хоть и воюют», «мне кажется, что их туда толкает большая вера», «просто так люди не отдадут свою жизнь», «ну не знаю, в этом мире есть же, кто хочет искать глубокий смысл, мне так кажется», «не унижали бы дома своими подозрениями, оскорблениями, никуда бы не ушли, а то никуда ни выйти, ни пойти, как заключенные...». Данные риторические идиомы являлись опосредованным

информационным материалом, выявляющим отношение респондентов в фокус-группе к жертвам информационного экстремизма. При этом нужно отметить, что сложившаяся на сегодняшний день в социологической науке ситуация не способствует адекватному анализу таких сложных социальных проблем, как мотивы, методы, средства информационной вербовки молодых людей экстремистскими организациями. Такое положение в значительной степени ограничивает исследователя в методах сбора первичной социологической информации. Связано это с идеологической ангажированностью проблемы в СМИ и общественном сознании, особенно в регионах со сложной экстремистской ситуацией – на Северном Кавказе, в частности в Чеченской Республике. Крайне осложнены контакты с непосредственными участниками или жертвами информационного экстремизма: они неохотно идут на диалог. Стигматизация в обществе всего этого слоя: вдов боевиков, погибших в Сирии, их детей и членов их семей, а также родственников девушек, уехавших в Сирию, является следствием как институциональных механизмов дискредитации этого социального слоя в республике, так и слабо мотивированным желанием их самих к инклюзии. В этих условиях одним из самых эффективных методов сбора информации выступает опрос-интервью в фокус-группах с демографической возрастной стратой, потенциально подверженной влиянию информационного экстремизма по обозначенной проблеме. Метод фокус-группы позволяет посредством не прямого, а косвенного (опосредованного) диалога с потенциальными носителями определенной информации по этой проблеме, то есть молодежью, выявить общественные настроения. Возможно это путем проекции их риторики на более расширенную социальную страту, учитывая, что молодые девушки часто выражают обобщенное мнение своей социальной группы или кровнородственного окружения. При этом мы понимали, что публичная артикуляция в студенческой аудитории проблемы экстремизма и терроризма и отношение к носителям этой идеологии будет отчасти носить декларативный характер, учитывая политическую и идеологическую токсичность данной темы.

Экспериментальная часть

Раздел основан на материалах интервью в фокус-группах студенток 2 курса юридического факультета (N=8; N=10) Чеченского государственного университета.

Возраст девушек: 18–20 лет.

Время проведения исследования – декабрь 2020 г.

Интервью включало в себя несколько смысловых блоков, посвященных вопросам интересов, ценностей, частоте общения в сетях, роду информации, выкладываемой в социальные сети, мотивов темпоральности в виртуальном мире, степени комфортности/некомфортности.

Результаты:

Студенки в общении не использовали риторiku тревоги, обуславливающую потенциально катастрофу в их судьбе. Вместе с тем в ряде случаев респондентки комментировали элементы сходной, но тоже не драматической риторики тревоги: «Говорят, там заставляют после смерти мужа выходить замуж за боевика вместе с детьми, это так странно...». В соответствии с риторикой опасности условия-категории проблематичны, потому что создают неприемлемые риски чьему-либо здоровью и безопасности. В словарь риторики опасности и угрозы вовлечения в экстремизм со стороны респондентов некоторые исследователи включают термины «патология», «болезнь», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью»⁸⁸.

В наших исследованиях риторика респонденток больше фокусировалась на терминах, включающих эмоциональные коннотации: «жалко родных, маму», «что делать с детьми, рожденными в условиях войны?», «слушаешься этих мужей, а потом...?».

Малое распространение риторики этого типа при ответах на вопросы интервьюеров не означает, что респонденты не определяют ситуацию вокруг вербовки в сетях как опасность. Но в ответах сквозила уверенность, что это происходит с наивными и романтическими девочками или девочками из проблемных семей, а их подобная ситуация не коснется.

«У меня был молодой человек, который все время мне говорил, что истинный мусульманин должен отдать свою жизнь за веру, но когда он стал спрашивать, поехала бы я с ним, я ему сказала, что мы не можем это делать без благословения родителей, тогда он прекратил со мной общение, я потом слышала, что он пропал, может, он уехал, – не знаю» (18 лет).

«Я, например, считаю, что глупо верить красивым рассказам по интернету, хотя некоторые же наивные, вот они и клюют на это» (19 лет).

«Ой. Я думаю, что даже умная клюнет на это, если вдруг любовь, помните Караулову?» (18 лет).

В целом в фокус-группах чувствовалось легкое напряжение. Это состояние можно объяснить рядом факторов:

1. Тематика крайне актуализирована в Чечне, поэтому присутствует страх допустить в суждениях «вольность» или «лояльность» к теме экстремизма.

2. В учебных заведениях часто проводятся «профилактические мероприятия», лекции и конференции на темы терроризма и экстремизма. Их доминирующая риторика – это трансляция идеологием официальных органов власти республики, выражающаяся в терминах угроз и санкций, публичной стигматизации родных и близких: «допустившие», «не углядевшие», «плохо воспитавшие». Поэтому студентки неохотно делились мнением, предусматривающим оценку конкретного кейса. Очевидно, риск вызвать интерес у силовых ведомств или подвергнуть пристальному вниманию спецслужб себя и своих знакомых вынуждал их быть сдержанными в своих комментариях. Часть высказываний девушек можно было охарактеризовать как преднамеренное следование официальному дискурсу, практика проговаривания ситуации так, «как надо», чтобы обезопасить себя, отвести какие-либо подозрения в симпатии к «уехавшим» девушкам.

«Жалко их матерей и родных» (20 лет); «Эти девушки позорят семью, род и нацию, как можно? Мне их не жалко, надо было думать головой, они вообще соображают?»; «Уехавшие девушки разве думают о родителях своих, о родственниках? Мне кажется, они не любят республику и вообще Родину, если так»; «Они не видят, как относятся к приехавшим женщинам из Сирии и их детям?» (20 лет).

Анализ работы в фокус-группах показал, что доминирующим способом проблематизации «ухода девушек по вербовке» является риторика неразумности. Применение этой риторической идиомы зависит от возможности описать ситуацию в терминах, высвечивающих обеспокоенность по поводу эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов».

Завербованные девочки обозначаются в рамках риторики неразумности как «доверчивые», «наивные», «невинные», «необразованные», «несведущие», «доведенные до отчаяния», «легкая добыча»⁸⁹. Именно такой терминологический набор, предполагающий уязвимость молодых девушек перед манипулированием, отмечали респондентки в фокус-группах. «Легковнушаемые», «ведомые», «слабые», «ищут храброго рыцаря», «забитые домашним бытом», «романтичные», «неопытные», «не думают о последствиях», «бегут от домашнего насилия или

унижения», «нет образования». Также участницы фокус-групп описывали потенциального вербовщика «умным психологом», «умеющим войти в доверие к девушке», «способным легко зомбировать».

Тут прослеживается противоречие в ответах, заключающееся, с одной стороны, в риторике неразумности по отношению к «ушедшим», а с другой – в описании образа вербовщика как «умного психолога», того, перед кем никто не может устоять. Возможно, с помощью такой объяснительной модели девушки латентно пытаются рационализировать уход женщин через вербовочные сети. Косвенно это подтверждают респондентки и в нарративах: «Ну, она же за мужем поехала, а что она могла сделать, он же муж?», «Очень умная девушка», «Она была такая скромная», «Эти вербовщики очень талантливые, вот так и получается».

При этом хотелось бы обратить внимание на то, что диапазон моделей поведения женщин в конкретных ситуациях может быть значительно шире, чем в обозначенных рамках нашего анализа. Например, автору приходилось в конце 2018 г. брать интервью у молодой женщины, муж которой уехал в Сирию. Сама женщина не подозревала о планах мужа и поехала с ним и трехмесячным ребенком на отдых на неделю в Турцию. Только там на съемной квартире она узнала, что он с тремя молодыми людьми планирует пересечь границы. У тех мужчин тоже были жены с детьми. Он поставил ультиматум: едешь со мной и ребенком или я там в Сирии женюсь. Она отказалась и приехала домой к родителям с сыном. Он уехал. Вскоре он там женился.

На момент нашего разговора прошло два месяца с тех событий. Она его ждала, ревновала к жене. Находила утешение только в разговоре с теми женщинами, которые тоже не уехали, но ждали мужей. Ни злобы, ни ненависти в ее разговоре не было, только обида и желание, чтобы он вернулся. Отчуждение родственников, знакомых она воспринимала как их нежелание понять ее положение. К идеологии экстремизма она была равнодушна. Она была уверена, что таких женщин, как она, достаточно много. Данный кейс нам еще раз демонстрирует неоднозначность в оценках мотиваций женщин, уезжающих в Сирию с мужьями или остающихся дома.

Таким образом, анализ дискурс-нарративов студенток в исследуемых фокус-группах показал, что, по их мнению, предполагаемыми мотивами ухода некоторых молодых женщин в экстремистские организации через вербовочные каналы интернета могут быть следующие:

- желание разделить судьбу мужа и этим показать свою верность супружескому и религиозному долгу;
- издержки гендерного неравенства в традиционных локальных обществах, обуславливающие привлекательность для женщин участие в терроризме как акте «уравнения» с мужчиной в борьбе «за чистоту веры»;
- насилие над женщиной в семье – один из факторов, который используют экстремисты-психологи в вербовке своих жертв;
- поиск романтического героя, любимого человека, который осчастливит в браке, – одна из мотиваций женщин, становящихся жертвами информационной пропаганды;
- внутреннее одиночество, поиск смысла в жизни, попытка разнообразить обыденную жизнь – частый мотив для девушек, вступающих в виртуальные контакты с вербовщиками экстремистских организаций.

Высокие темпы социальных преобразований, исламский идеологический плюрализм и возросший на этом фоне протестный потенциал молодежи зачастую в общественном сознании рассматриваются как их средство самоутверждения перед традиционным давлением авторитета родителей. Этот конфликт во многом определяет динамику межпоколенческих отношений в северокавказских обществах. На эти процессы указывает ряд исследователей северокавказских обществ⁹⁰. Одним из базовых триггеров процесса, по мнению данных экспертов, выступает идеология исламского фундаментализма с его комплексом понятных, однозначных, предсказуемых нравственных императивов (истина только в божественных законах, мир должен соответствовать ценностям времен «четырех праведных халифов», необходимо отказаться от всего, что не предписано в Коране и хадисах). Здесь мало места для присутствия традиционного базового поведенческого императива вайнахских обществ, где дети беспрекословно подчинялись опыту, ценностям, верованиям отцов. На этом веками держался основной дискурс морально-этической, педагогической матрицы воспитания в традиционной культуре локальных обществ.

Возвращаясь к нашей конкретной проблеме – увлечению женской частью общества идеологией исламского фундаментализма, мы наблюдаем эволюцию и в поведенческой практике женщин тоже. Мы видим ее формальную самостоятельность в принятии стратегических решений в своей судьбе: уехать в другую страну, иметь право поверить в идеологию, которую часто не разделяет ее кровнородствен-

ная семья, разрешить себе самостоятельный выбор брачного партнера, воюющего в чужой стране, кардинально меняющего ее жизненное пространство, – поступки, недопустимые для женщины в обычаях и традициях этнической культуры северокавказских обществ.

Представляется, что радикализм становится для части молодых женщин формой индульгенции перед семьей и обществом в презентации своей личной субъектности под «зонтиком» «чистого ислама». Это совершенно новое явление в поведенческих практиках девушек и молодых женщин.

Нужно заметить, что обычаи и традиции этнической культуры чеченцев, в основе которых лежал примат культа мужчины, абсолютное подчинение девушки воле отца, старшего брата, регламентация ее приватной жизни, не предполагают ее самостоятельных идеологических предпочтений и не предусматривают таких самостоятельных решений. Мы сталкиваемся с практиками, когда молодая женщина самостоятельно решает, зачем, к кому и во имя какой идеи (пусть ложной, навязанной кем-то) она тайно уходит из дома и одна едет в чужую страну. Это определенный вызов обществу, выражающийся в поступке, находящемся вне контроля семьи. Увлечение молодых девушек экстремистской идеологией через интернет – часть общей проблемы усиления исламского фундаментализма через протест и вызов традиционной морали, в которой нет женской субъектности: ни правовой, ни социальной, ни идеологической.

Заключение

Наши выводы, основанные на анализе дискурс-нарративов студентов в исследуемых фокус-группах, показали, что отношение к отъезду молодых женщин в Сирию не всегда полностью совпадает с общественным дискурсом именно женского отъезда на войну, в котором прослеживается крайне негативная реакция на такое «женское поведение». Объяснительная логика подобного отношения лежит в плоскости страха перед репрессивной машиной правовой системы (этот фактор косвенно подтверждает и исследовательская группа), с одной стороны, и неприятием таких поведенческих стандартов девушки чеченского общества в рамках национальной этической нормы – с другой. Рассуждения в общественном сознании в основном вращаются в следующих дискурсах: «одной уехать неизвестно к кому, неизвестно куда, неизвестно зачем». Также осуждаются попытки молодых женщин

решать идеологические проблемы («неженское дело») средствами войны, тем более на чужой территории. В молодежной субкультуре осуждение «уехавших девушек», как мы увидели из исследования, носит не столь однозначный характер.

Таким образом, практическое преломление выводов по данной проблеме нам видится в необходимости усиления профилактической работы с девушками с привлечением специально подготовленных психологов, владеющих навыками и средствами, используемыми вербовщиками в интернете.

Усиление репрессивных мер по отношению к девушкам (забрать смартфоны, контролировать сети общения) родственниками решает проблему незначительно: девушки замыкаются, усиливается состояние тревоги и поиск психологической безопасности, а это их опять приводит в интернет.

Специфика мотиваций женщин, вербуемых через интернет, свидетельствует о расширении проблемного поля исследований терроризма как сложного и опасного социального явления и диктует необходимость включения в орбиту рассуждений мотиваций женского терроризма, гендерной психологии.

3.3. Реабилитация и социализация бывших адептов деструктивных течений ислама и формирование иммунитета против сектантских воззрений (опыт Республики Татарстан)

Введение

В основу данного раздела лег опыт общественной деятельности и работы в Ресурсном центре по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений Казанского федерального университета (далее – Ресурсный центр) в рамках реализации «Плана подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» и исполнения утвержденного Президентом России Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 и 2019–2023 гг. Эта работа включала в себя неформальные беседы, встречи, лекции, курсы повышения квалификации, семинары для имамов и мухтасибов, разработку методического инструментария по созданию и продвижению антиэк-

тремистских материалов в интернете, разъяснительную работу в социальных сетях, создание диалоговых и дискуссионных площадок с привлечением представителей науки, образования, религии, общественности, государственных учреждений и правоохранительных органов*. В рамках этого раздела мы ограничимся описанием проектов, нацеленных на работу в информационной и коммуникационной среде, а также на комплексную и индивидуальную работу с приверженцами мусульманских сект и членами их семей. Здесь будут приведены несколько кейсов по реабилитации бывших adeptов исламских деструктивных групп и информация о проектах, направленных на противодействие распространению идеологии экстремизма в молодежной среде. Самыми успешными из них являются деятельность информационно-консультационного центра «Диалог» (далее – ИКЦ «Диалог»), а также создание Ассоциации психологической помощи мусульманам (далее – Ассоциация ППМ), которая была призвана в т.ч. «адаптировать» достижения светской психологии для работы с верующими.

Необходимость создания в декабре 2016 г. ИКЦ «Диалог» была вызвана участвовавшими случаями обращения жертв и даже действующих членов различных экстремистских культов с просьбами о помощи в освобождении от влияния разрушительной идеологии и практики⁹¹. Основу для профилактики религиозного экстремизма, по мнению создателей «Диалога», должны были составить подходы по развитию критического мышления и адаптивных стратегий преодоления жизненных препятствий.

Сотрудники центра «Диалог» оказывают пострадавшим консультационную помощь в гармоничном возвращении к созидательной жизни общества. Это включает в себя индивидуальное психологическое консультирование и психологическую коррекцию лиц, подвергшихся деструктивному воздействию идеологии международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (далее по тексту – МТО «ХТ»), данная организация признана террористической в соответствии с Решением Верховного Суда Российской Федерации от

* Основными участниками совместных проектов были представители Аппарата Президента РТ, Аппарата Антитеррористической комиссии в РТ, Министерства внутренних дел по РТ, Управления ФСИН РФ по РТ, Духовного управления мусульман РТ, Центра исламоведческих исследований АН РТ, Российского исламского института, Казанского межрегионального центра экспертиз, Центра социальной адаптации и реабилитации, Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ и др.

14.02.2003), их близких родственников, а также лиц, сочувствующих данной террористической организации и взглядам ее членов⁹². Во многих случаях работа по реабилитации лиц, попавших под влияние деструктивных групп, ведется совместно с Федеральной службой исполнения наказаний России (далее по тексту – ФСИН) по Республике Татарстан (далее по тексту – РТ).

Степень изученности и методология

Наряду с имеющейся научной литературой, освещающей затронутую в разделе проблематику, для нас важным источником информации послужили материалы СМИ, интернет-ресурсы, в т.ч. информация из социальных сетей, а также многочисленные опросы, которые проводились среди простых верующих – как среди сторонников или сочувствующих различным радикальным движениям, так и среди противников. Также были проведены интервью с представителями экспертного сообщества: исследователями, преподавателями мусульманских образовательных учреждений, а также представителями официального духовенства и ряда государственных органов.

Термин «формирование иммунитета», вынесенный в название, требует расшифровки и уточнения. Как известно, иммунитет – это медицинский термин, означающий комплекс реакций в организме, способных сохранить в нем постоянное внутренне равновесие, защитить его от проникновения внешних инфекций. Иммунитет также отражает особенность человеческого организма не подчиняться влиянию различных инфекционных заболеваний. Понятие «формирование иммунитета против сектантских воззрений» относится к идеологической сфере, представляя собой основу духовной безопасности. В философском словаре идеологический иммунитет – это воспитание духовно совершенной, с крепкой волей и убеждением личности, молодежи, умеющей противостоять различного рода реакционным, разрушительным идеям. Структуру идеологического иммунитета составляют: идеологическое знание (о сущности и различиях разрушительных и созидających идей), чувственное восприятие, воля, навыки (автоматизированное отношение, направленное против воздействия разрушительных идей) и квалификация⁹³. Идеологический иммунитет – это система ценностей и знаний, служащих обогащению духовного мира человека, связанных с интересами страны, народа, выполняющих функции надежного щита против идеологических угроз. В формирова-

нии идеологического иммунитета важную роль играют не только общественные организации, образовательные учреждения и т.д., но и средства массовой информации⁹⁴.

С использованием коммуникационной теории Ю. Хабермаса⁹⁵ и на основе анализа Гари Банта о кибернетическом присутствии ислама⁹⁶ рассматривается, как развитие блогосферы, социальных сетей и портативных средств связи привело к формированию особого типа исламской публичной сферы, что актуализирует проблему информационной безопасности и методов эффективной работы в цифровом пространстве.

Наряду с тем, что междисциплинарный феномен радикализма и экстремизма становится все более значимым предметом рефлексии различных научных дисциплин, анализ множества моделей радикализации⁹⁷ обнаруживает ряд проблем. До сих пор не существует четкого определения и теории радикализации⁹⁸, значение которой по своей сути зависит от контекста, позиции и проблемы⁹⁹. К тому же наблюдается инерция интерпретационных схем, стилей и уровней научного мышления. Так, по мнению П. Нойманна, радикал, радикализм и радикализация не всегда плохи, многие из современных прав и свобод были отвоены людьми, осужденными как опасные радикалы в своем сообществе¹⁰⁰.

По мнению исследователей «исламский радикализм», представляющий собой лишь крайнюю часть всех течений в рамках «политического ислама», недопустимо сводить к «экстремизму» и «терроризму». По мнению И.П. Добаева, каждое из основных идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм и модернизм) достаточно условно можно подразделить на несколько составляющих: на «нормальную» («религия-вера») и «аномальную» или радикальную («религия-идеология»). Иначе говоря, радикальная часть может присутствовать во всех трех течениях. Добаев пишет: «Особенно остро процесс исламизации происходит в периоды резкой трансформации общества (революции, перестройки, смуты и другие социально-политические явления, как правило, обусловленные системными кризисами), когда стремительно политизируются и радикализуются все течения в исламе, происходит их видимое сближение по основным категориальным параметрам с фундаментальным исламом. Сказанное, прежде всего, относится к традиционному исламу, модернистские же тенденции в такие периоды и вовсе затухают»¹⁰¹.

Исследователями отмечается, что экстремизм как социальное явление состоит из многих отдельных действий и решений отдельных лич-

ностей, которые обусловлены различными психологическими мотивами и особенностями личности. Между тем сами эти психологические побудительные силы (мотивы), толкающие людей на путь экстремизма, возникают не на пустом месте: им предшествуют различные факторы (социально-культурные, биологические) или совпадение нескольких факторов в определенный жизненный период, которые в своей динамической взаимосвязи определяют в значительной мере тип личности, склонный к проявлениям экстремизма. При этом жизненные проблемы могут иметь достаточно широкий спектр происхождения: от семейных конфликтов, трагедий и тяжелых заболеваний до проблем профессионального характера – окончание спортивной карьеры, неспособность найти достойную работу, а также нахождение в миграции, в т.ч. при переезде с сельской периферии в городскую урбанизированную среду, или конфликт с родителями и попытка самореализоваться и заявить о себе через приобщение к радикальной идеологии и практике¹⁰². С другой стороны, как отмечают А.Ш. Гусейнов и В.В. Шиповская, «общим недостатком моделей радикализации, которые акцентируют внимание на экономических и политических факторах экстремизма, является почти полное отсутствие убедительных эмпирических данных о глубинных психологических механизмах деструктивного варианта личностного становления, которые порождают многочисленные искажения в субъектной ориентированности и кардинальную смену социальной роли человека»¹⁰³. В редких работах можно проследить процесс возникновения экстремизма вплоть до индивидуального уровня, рассматриваемого как сложный субъект, взаимодействующий со своим контекстом¹⁰⁴. На сегодняшний день значительная часть исследователей не пришла к консенсусу по поводу истинных причин ухода молодых людей в идеологию радикализма, и работа в данном направлении требует дальнейшего совершенствования.

Указанные факторы можно рассматривать с точки зрения различных научных дисциплин: социологии, криминологии, психологии. При этом в рамках психологии также возможны различные подходы, в зависимости от психологической школы или направления. В этом контексте интерес представляют идеи представителей психодинамического направления, которые сформировали свои самостоятельные, отличные от представлений З. Фрейда, теории личности, придав значительно большее значение социально-культурным факторам в личностном развитии. В известном смысле одну социально-культурную традицию психодинамического направления в психологии формируют такие ее

известные представители, как Альфред Адлер, Карен Хорни и Эрих Фромм. Роль общекультурных факторов, социального контекста, семейной среды, особенности взаимоотношений с родителями – все это находится в поле зрения этих исследователей. Их выводы, хотя и разнятся в определенной степени, тем не менее содержат очень интересные аргументы в пользу понимания механизма формирования особенностей личности, склонной к крайним взглядам, навязываемым другим, агрессии в отношении инакомыслящих, человеконенавистническим поступкам. В этом плане религиозно-мотивированный экстремизм ничем не отличается от других видов идеологически окрашенной агрессии. В теории Адлера в контексте анализа психологических причин экстремизма требуют определенного переосмысления его идеи о «комплексе неполноценности» и «стремлении к власти», его анализ агрессивных черт характера. Работы Карен Хорни содержат такие интересные концептуальные положения, как «базальная тревога», «невротическая личность». Ее анализ механизмов враждебности, стремления к обладанию и доминированию представляет несомненный интерес для любого исследователя, занимающегося профилактикой экстремизма. У Фромма есть целый ряд работ, посвященных деструктивным факторам и механизмам личности, анализу исторических и теоретических типов деструктивных личностей¹⁰⁵.

Радикализация по А. Вилнеру и К.-Дж. Дуболозу – это «как ментальный, так и эмоциональный процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий». Соответственно, в первую очередь радикализация и, соответственно, дерадикализация предполагают взаимодействие с когнитивной сферой личности, ее убеждениями, ценностями, критичностью восприятия той или иной информации. Значительное влияние, которое оказывают характеристики когнитивной системы человека на формирование отклоняющегося поведения, отражено в исследованиях отечественных и зарубежных авторов: когнитивная теория А. Бека («когнитивная уязвимость»); когнитивно-стилевые характеристики М.А. Холодной; формирование когнитивных схем в онтогенезе Ж. Пиаже; когнитивно-экспериментальная теория С. Эпштейна; структура деятельности В.Д. Шадрикова; артикулированный опыт Г.А. Уиткина; дифференциация жизненного пространства в теории поля К. Левина; теория личностных конструктов Дж. Келли; концепция психической травмы Р. Янофф-Бульмана; концепция влияния личной истории на когнитивную структуру И.Н. Козлова; психология религии И.Н. Яблоковой; со-

циально-психологический анализ феномена справедливости О.А. Гулевич; потребность в когнитивной завершенности D.M. Webster, A.W. Kruglanski¹⁰⁶.

В целом выводы указанных авторов при некотором переосмыслении могут стать определенной теоретической базой профилактики экстремизма.

Если выделить применяемую на практике в РТ методологию дерадикализации, то ее можно свести к следующим четырем основным методам:

1) Превентивная родительская поддержка. Межпоколенческий конфликт может способствовать радикализации молодежи. Социальные службы должны содействовать диалогу между отцами и сыновьями, матерями и дочерьми. Для этого организуются специальные курсы по обучению навыкам воспитания и общения с детьми. При этом особое внимание уделяется проблеме родителей из традиционных обществ, воспитывающих детей в условиях современного секулярного мира.

2) Поддержка семей вероятных экстремистов. В основном эта поддержка сводится к консультированию родителей с целью выбора оптимальной модели поведения с их ребенком. Родителей информируют о существующих экстремистских группах, методах их деятельности, этапах радикализации.

3) Поддержка женщин. Эта работа включает в себя проведение занятий по психосоциальному развитию, самореализации, семейной коммуникации, навыкам родительства. В рамках курсов проводятся психологические тренинги.

4) Онлайн-помощь. На основании опыта ряда европейских стран (Нидерланды, Австрия, Дания, Франция) создаются интернет-сервисы, оказывающие помощь и проводящие консультирование семей, столкнувшихся с радикализацией и экстремизмом. Целевая аудитория – члены семей, представители общин, эксперты и др. Сотрудники сервисов предоставляют необходимую информацию о том, как следует себя вести с людьми, вставшими на путь радикализации.

Ислам и интернет

В этом году исламскому сегменту русскоязычного интернета исполнилось 23 года. На начало 2023 г. в РФ насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, проникновение интернета составляет 88,2%.

В январе 2023 г. в России было 106 млн пользователей социальных сетей, что составляет 73,3% от общей численности населения, 92% пользователей интернета используют смартфоны¹⁰⁷.

Учитывая, что в Российской Федерации на данный момент проживает не меньше 20 млн мусульман (т.е. более 10–15% населения страны), по примерным подсчетам более 15,5 млн мусульман нашей страны являются пользователями сети Интернет. При этом в интернете наиболее развиты миссионерские (нацеленные на пропаганду ислама) и прикладные (предназначенные для практикующих мусульман) направления, а не те, что предоставляют информацию научного и аналитического характера. То есть упор делается не на изучение ислама, а на его распространение¹⁰⁸.

Благодаря развитию блогосферы, социальных сетей и портативных средств связи не только профессиональные журналисты, публицисты и редакторы, а в религиозном дискурсе не только религиозные деятели задают повестку дня и формируют общественное мнение. Коран и Сунна обсуждаются на популярных форумах, что разительно отличается от ситуации, например, X в., когда это было уделом узкого круга. По словам Г. Бунта, «кибер-исламская среда подвергает мусульман радикальным влияниям вне традиционных сфер знания и авторитета, вызывая парадигматические сдвиги на низовом уровне внутри обществ»¹⁰⁹.

Пользование интернетом одновременно расширило и раздробило коммуникативные контексты. Поэтому, по мнению Ю. Хабермаса, с одной стороны, «интернет оказывает подрывное воздействие на авторитарные режимы публичной сферы». С другой стороны, «горизонтальное и ставшее менее формализованным образование коммуникативных сетей одновременно выхолащивает достижения традиционных публичных сфер». Функция последних в рамках политических сообществ заключалась в том, чтобы «концентрировать внимание анонимной и рассеянной аудитории на неких избранных сообщениях, так чтобы граждане в один и тот же момент могли быть заняты одними и теми же критически отфильтрованными темами и высказываниями в их связи»¹¹⁰. Таким образом, платой за то, что интернет способствует всеобщему равенству, оказывается «децентрализация доступа к неотредактированным высказываниям»¹¹¹. Это вызывает беспокойство централизованных религиозных организаций, которые пытаются бороться с конкурентами на религиозном поле, называя это борьбой «с радикальными толкованиями Корана в интернете», рассчитывая на государственную поддержку. Председатель Духовного управления му-

сультман Республики Татарстан Камиль Самигуллин высказывает озабоченность в связи с тем, что «Так называемые “шейх-Google” или “муфтий-Facebook” (Социальная сеть *Facebook* относится к компании *Meta*, признанной экстремистской организацией и заблокированной РКН на территории РФ. – *Р.С.*) начинают сильнее влиять на умы молодежи, чем традиционные знатоки Корана и Сунны». Поэтому «порядок в понимании Корана», по мнению официальных религиозных деятелей, достигим только совместно с государственными органами и целым комплексом профилактических мер»¹¹².

Главным инструментом этой профилактики видится апологетика ханафитского мазхаба, традиционно распространенного среди большей части мусульман России Волго-Уральского региона, который, по мнению сторонников этой позиции, «отличается сравнительной гибкостью, терпимостью и миролюбием, что подтверждается многовековой историей взаимодействия мусульман с представителями других конфессий на данной территории»¹¹³.

Но есть и другие мнения. Известный мусульманский общественный и религиозный деятель, декларирующий взгляды, характерные для умеренного салафизма, выпускник университета Аль-Азхар Ишмурат Хайбуллин в своем блоге высказывает критическое мнение по поводу такого подхода и антиэкстремистской риторики. «Одной из любимых тем проповедей хазратов [...] является противостояние экстремизму, – пишет он, – если верить им, то терроризм и экстремизм можно остановить только и только распространением ханафитского мазхаба. Получается, как только молодежь перестанет в намазе кричать «аминь» вслух, перестанет поднимать руки и не будет расставлять ноги широко, то сразу же умолкнут выстрелы в горах, исчезнут акции самоподрыва, и все потом “жили долго и счастливо”». По мнению И. Хайбуллина, напротив, изучение трудов Ибн Таймии и его ученика Ибн Каййима аль-Джаузиди «помогает молодежи правильно понять Ислам и не впадать в идеи экстремистского характера». Тех, кто рассказывает так называемые «сказки» о противостоянии экстремизму «через ханафитский, шафиитский и др. мазхабы», он считает «в результате этого причиной радикализации исламской молодежи»¹¹⁴.

В прошлом заместитель главного редактора информационно-аналитического портала IslamRF.ru, в настоящее время руководитель информационно-аналитического отдела ДУМ РФ Д. Ахметова видит вполне реальной проблему непонимания мусульманской молодежью ценностей курса на ханафитизацию и ставит под сомнение исключи-

тельную важность возрождения традиционных для России мазхабов. По ее мнению, «многие деятели от Ислама ошибочно полагают, что для этого возрождения достаточно переориентировать муфтиев и имамов на ханафизм и издать побольше литературы». В отличие же от сотрудников духовных управлений, пишет Д. Ахметова, «мусульманскую молодежь нужно аргументировано убеждать, а не переманивать с одного идеологического курса на другой новыми, более выгодными кормушками». Заявления о важности и безальтернативности для татарской нации ханафитского мазхаба молодежь воспринимает «по меньшей мере с недоумением, а в некоторых случаях в штыки», «многим ханафитская апологетика видится в свете очередных происков спецслужб, которые хотят рассорить мусульман между собой», - считает Д. Ахметова¹¹⁵.

Превратившись в своеобразную площадку для выражения богословских представлений, обозначения мазхабических и идеологических приоритетов, а порою даже в арену военных действий, интернет сегодня также становится площадкой информационно-коммуникационного обмена внутри мусульманского сообщества, важным средством осознания индивидуумом своей культурной и религиозной идентичности, а также виртуальной площадкой формирования модели функционирования мусульманской уммы.

Исходя из необходимости активной контрэкстремистской работы в информационном пространстве совместными усилиями правоохранительных органов, Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан, Антитеррористической комиссии и общественного движения «КиберДружина»^{*} осуществляется мониторинг постов с деструктивным содержанием, видеороликов экстремистского и пропагандистского характера, которые находятся в открытом доступе. За первый год работы Казанского отделения движения в 2016 г. было выявлено и направлено в правоохранительные органы 792, а с 2016 по 2019 г. 1931 ссылка с подозрением на деструктивный контент¹¹⁶. Проект не ограничивается блокировкой доступа к экстремистским материалам и привлечением к юридической ответственности за их распространение¹¹⁷, в рамках проекта также ведется просветительская работа¹¹⁸.

^{*} Общественное движение «КиберДружина» было создано в 2016 г. при поддержке Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан совместно с Региональной общественной организацией «Академия творческой молодежи Республики Татарстан» и Лигой безопасного интернета

Изучение международного опыта профилактики экстремизма показывает эффективность активного оспаривания экстремистских аргументов, разоблачения их упрощенных и ложных представлений, поощрения позитивной альтернативы, показывающей, что можно примирить представителей различных вероисповеданий, национальностей и культур, а также создания возможности внутриконфессионального диалога. С учетом этого в конце декабря 2021 г. совместно был запущен новый общественный медиа-проект «Дискурс» – цикл круглых столов в дискуссионном формате, посвященных проблемам мусульманского сообщества и традиционным ценностям российских мусульман*. Из 4 типов контента – вовлекающий, образовательный, новостной и коммуникационный¹¹⁹ – в проекте в большей степени задействованы первый и последний. Основные задачи вовлекающего контента – вовлечение и удержание аудитории, привлечение внимания пользователей к освещаемой проблематике, значимости межкультурного диалога, принятия и терпимости к представителям различных мировоззренческих позиций. Коммуникационный контент предусматривает опросы, обсуждение вопросов по теме, инфоповоды, чаты и направлен на побуждение пользователей к высказыванию мнения по тому или иному вопросу¹²⁰. Первый выпуск проекта «Дискурс» на тему «Плюрализм в Исламе»¹²¹ за первые две недели набрал более 4,5 тыс. просмотров. Второй выпуск на тему «Запрет исламской литературы: за и против» был размещен в дни подготовки этого раздела к публикации. Также планируются записи выпусков на темы: «Кто сегодня выступает за подлинный Ислам?», «Психология и Ислам: нужны ли мусульманам психологи?», «Исламский феминизм: права, данные Богом, или зло, навешанное Западом?», «Проповедники VS блогеры: кто сейчас у руля дагвата?», «Многоженство в XXI в.: следование Сунне или страстям?», «Разводы в мусульманских семьях», «Воспитание детей в Исламе» и др.

* Проект «Дискурс» адресован преимущественно молодой аудитории, которая неизменно находится во внутреннем поиске, являясь наиболее восприимчивой к радикальным идеологиям, принимая их как абсолютную истину. Цель проекта – формирование веротерпимости и толерантности, духовное просвещение граждан России. Для достижения цели перед участниками ставится задача научиться слушать и слышать друг друга, уметь вести конструктивную дискуссию со зрелой аргументацией, не переходя на личности и управляя эмоциями, и тем самым способствовать формированию в мусульманском сообществе атмосферы мира. Общение участников проекта проходит в дискуссионном формате с размещением видеозаписи круглого стола на Youtube-канале проекта «Дискурс».

Одна из первых попыток организовать внутриконфессиональную дискуссионную площадку была реализована в 2017 г. в рамках Школы мусульманского лидера «Махалля 2.3», организованной Ресурсном центром¹²². Основной целью проведения Школы мусульманского лидера «Махалля 2.0» при ее запуске в 2014 г. было помочь учащимся раскрыть свой общественно-полезный потенциал в деле донесения главных ценностей ислама до сограждан и развития мусульманской социальной инфраструктуры¹²³. В ходе работы четвертой Школы, проведенной в 2017 г., участникам предлагалось обсудить четыре современных идеологических направления мусульманской мысли, представленных на территории Российской Федерации, которые имеют как сторонников, так и оппонентов¹²⁴: фундаментализм*, традиционализм, суфизм, модернизм. Видеозаписи выступлений представителей всех четырех направлений с контраргументацией их оппонентов размещены на Youtube-канале UNIVERTV¹²⁵. Целью дискуссий было обсудить роль и место ислама в современном обществе и «оживить современную исламскую религиозную мысль, которая волей-неволей должна реагировать на вызовы, которые бросает верующим-мусульманам современная секулярная цивилизация»¹²⁶.

Исследователями неоднократно отмечалось, что исповедуемый российскими мусульманами ислам на данный момент представляет собой специфическую структуру, компоненты которой, при доктринальной принадлежности к одной религии, достаточно разнятся и с точки зрения понимания догматов, и с точки зрения религиозных практик. На догматическом уровне это выражается в том, что формулировка исламского «символа веры» у разных людей, относящих себя к мусульманам, приобретает различные интерпретации. И это касается не только российских мусульман. Наряду с тем, что более 1,5 млрд мусульман во всем мире едины в своей вере во Всевышнего и Пророка Мухаммада, им свойственно и по-разному оценивать роль и место религии в своей жизни. В первую очередь мусульман объединяют пост в месяц Рамадан и милостыня нуждающимся, при этом их взгляды на другие аспекты своей религии могут достаточно сильно различаться. Об этом говорят результаты масштабного исследования, про-

* В рамках этой площадки участники и эксперты пытались дать объективную оценку широко распространенным среди верующих салафитским идеям, найти ответ на вопрос «как оградить молодежь, с присущим ей максимализмом, от увлечения джихадистскими лозунгами?»

веденного *Pew Research Center*. Согласно проведенному опросу, в котором участвовало более 38 тыс. человек, говорящих на более чем 80 языках, наряду с наличием согласия по основным принципам ислама, мусульмане 39 стран и территорий различаются по уровню религиозности, открытости к различным интерпретациям своей веры и подверженности влиянию различных сект и движений¹²⁷.

Наряду с тем, что в исламской среде к настоящему времени уже сформировалось безграничное и самовоспроизводящееся электронное пространство, где каждый имеет возможность опубликовать свои суждения, исследователями отмечается довольно низкий уровень доктринальной осведомленности о своей религии даже среди ее усердных приверженцев. Это обусловлено тем, что вероучительные познания в традиционных религиях требуют напряженной работы по их освоению с соответствующим уровнем эрудиции и подготовки, что обычно расходится с повседневными жизненными возможностями большинства последователей¹²⁸. Возросшая в последнее время популярность и распространение новых религиозных движений (НРД) многими исследователями объясняются тем, что в них, в отличие от т.н. традиционных религий, интеллектуальность замещается схематичностью и набором запоминающихся клишированных формулировок, наглядность преобладает над абстрактностью. Другими словами, «...вероучения НРД, как зарубежного, так и отечественного происхождения, заметно проще, чем в исторически сложившихся религиях с длительной традицией доктринальных дискурсов»¹²⁹.

Наряду с тем, что духовность недогматична, гибка и является обоснованием духовного поиска, осознание «всемогущества» и «конечности» истины постигнутого способствует разработке утопических идей, от которых один шаг до их мифологической формализации и легитимизации в массовом сознании¹³⁰. К тому же это накладывается на стремление к контролю над ценностями и принципами индивидов со стороны религиозных институтов. На фоне этого политические дрязги внутри российского ислама о главенстве того или иного духовного управления мусульман в стране не создают восприятия единого религиозного мусульманского сообщества. Очевидно, что религиозные лидеры и те структуры, которые отвечают за внешние контакты религиозных организаций и общин, несут большую ответственность в случае мифологизации внутренней религиозной сферы.

Как поделился один из респондентов: «Зачастую молодежь не может получить ответы на животрепещущие вопросы, например, “Что

такое халифат?”, “Как ориентироваться в современной политической обстановке?” В учебных заведениях эти вопросы не поднимаются, и молодые люди ищут ответы на эти вопросы в интернете, а мы не предоставляем им альтернативные площадки, где можно свободно разговаривать на тему халифата, джихада, радикализации, обсуждать острые проблемы, связанные с политическим исламом. Любая потребность разобраться в этих вопросах навешивает на людей ярлык «неправильно мыслящих»¹³¹.

Наряду с социально-психологическими механизмами радикализации важно понимание теолого-богословских установок, облекаемых в определенные мировоззренческие конструкты, такие как предопределение (такдир), вера (иман), раскаяние (тауба)¹³² и другие идейные истоки исламского экстремизма, выраженные в положениях шариата (аятах Корана и хадисах), которые используются для обоснования преступлений мусульманскими радикалами. К концепции единобожия (таухид), обвинения в неверии (такфир) и джихада здесь примыкают концепция «претворения предписанного Аллахом и пресечения запрещенного им», обоснование легитимности государственной власти, формулирование отношения к немусульманам, понятие шахид, а также буквалистское понимание присущего исламу четкого деления мира на «мир ислама» (дар аль-ислам), т.е. территорию, где мусульманское население проживает под исламским правлением, и враждебный к мусульманам «мир войны» (дар аль-харб). При этом не следует упускать из виду, что наряду с постулатами, которые могут служить обоснованием экстремизма, существуют и абсолютно противоположные, с обоснованием ценности человеческой жизни, непричинения вреда. В связи с этим тезис об эндогенном радикализме ислама следует дополнять тезисом о присущих исламу умеренности и миролюбии.

В исламской религиозно-правовой мысли содержатся альтернативные методологические установки и подходы, соответствующие догмам и основным началам самого ислама, игнорировать которые недопустимо. Ключевые аргументы, выдвигаемые идейными оппонентами и противниками мусульманских экстремистов, касаются отношения ислама к людям в трактовке умеренной исламской правовой мысли. Это запрет на лишение человека жизни, призыв к защите жизни и интересов мусульман, принцип свободы вероисповедания и концепция джихада в двух его основных пониманиях: т.н. проповеднический джихад – обращенный ко всем людям «призыв встать на путь Аллаха»

и исключаящий любое насилие по отношению к немусульманам, и боевой (вооруженный) джихад¹³³.

В современных условиях джихад переместился в виртуальное пространство. Это могут испытать на себе мусульмане, по разным причинам попавшие в немилость к исламским радикалам, чьи аккаунты в социальной сети «Инстаграм» время от времени подвергаются атаке ботов*, как это произошло и со страницей одного из авторов данной публикации**.

Социально-психологические подходы

В отличие от применявшихся в прошлом методов, которые полагаются на краткосрочные и принудительные просветительские сессии (методика депрограммирования Тэда Патрика, применявшаяся в США в конце 1980-х гг.), современные методы реабилитации в нашей стране направлены на улучшение физического и духовно-нравственного состояния адепта и максимально адаптированы под современные условия и ситуации. Они основаны на таких методиках, как «Консультирование о выходе» Кэрола Джамбалво, «Подход стратегического взаимодействия» С. Хассена. Наряду с этим на основе теоретического обобщения накопленного опыта проведения исследований поведения личности, склонной к терроризму и экстремизму, а также уже совершившей противоправные действия и понесшей наказание, а также исходя из опыта индивидуальной профилактической работы с лицами, попавшими под влияние идеологии терроризма и членами их семей в Республике Татарстан, местными специалистами

* Атака ботов – это массовая подписка на аккаунт с «левых» страничек, которая провоцирует алгоритмы инстаграма заблокировать его за подозрительную активность. Для лучшего успеха атака сопровождается отправкой в службу поддержки соцсети потока жалоб. Если достичь блокировки не получается, то аккаунт все равно страдает, т.к. попадает в теневой бан, т.е. сильно урезается охват его публикаций, вследствие чего аккаунт перестает рекомендоваться Инстаграмом и даже собственные подписчики перестают видеть его посты в ленте новостей, если только сами специально не зайдут на страничку.

** Раньше радикалам удалось добиться блокировки аккаунтов известного блогера Хавы Шайдуллиной, писательницы Гульнары Гиниатуллиной и др., что приводит к потере результатов многолетней упорной работы. Так, на аккаунт Шайдуллиной было подписано около 170 тыс. человек. Ответственность за этот цифровой теракт взяла на себя группа «Подвал Чечни», специализирующаяся на виртуальном буллинге тех, кто не разделяет их интерпретацию традиционных ценностей мусульманских народов.

разрабатываются авторские концепции дерадикализации и ресоциализации¹³⁴.

Для эффективных мер по ресоциализации радикалов в Республике Татарстан была утверждена Концепция формирования и развития психологической помощи населению¹³⁵. Ассоциация ППМ в тесном взаимодействии с Ресурсным центром ежегодно проводит ряд просветительских мероприятий по семейным и детско-родительским отношениям для имамов, преподавателей примечетских курсов и медресе, а также активистов религиозных мусульманских приходов.

Наряду с формированием компетентного сообщества специалистов, «заточенных» на осуществление психологического сопровождения ресоциализации, были продуманы этапы работы и способы взаимодействия специалистов в РТ по психологическому сопровождению ресоциализации. Первый этап работы представляет собой комплексную диагностику с выявлением причин возможной радикализации, содержащую информацию о факторах риска, стабилизирующих процессах, рекомендациях по стратегии адресной работы. На втором этапе (доверие, поддержка, трудоустройство) для снижения возможности появления дополнительных факторов напряжения, стигматизации, способных усилить раздражение, агрессию и, соответственно, радикализацию, приступают к созданию компетентной среды, т.е. обучение окружения семьи лица категории «особого внимания», в которое могут входить как родные, так и знакомые, которые пересекаются с ним*, с определением доверенного лица**. На этом этапе чрезвычайно важно соблюдение принципа минимизации внешнего вмешательства,

* Людьми из окружения семьи лиц особого внимания могут быть работодатели или коллеги, главы сельских поселений, участковые оперуполномоченные, инспектора по делам несовершеннолетних, классные руководители, сотрудники социальных и психологических служб, спортивные тренеры, представители молодежных или религиозных организаций, в отдельных случаях – соседи, старшие по домам или председатели территориальных общественных самоуправлений, родственники, а также иные граждане, которые уже осведомлены о причастности лица к противоправной деятельности и могут оказать позитивное влияние на его реинтеграцию.

** Доверенным лицом является актор социализации (наставник, общественный воспитатель, посредник, куратор), способный установить с подопечным или его близкими родственниками постоянные доверительные отношения, позволяющие продолжать диалог и транслировать в семью ценность взаимопонимания, стимулировать и развивать постепенные позитивные изменения, обнаруживать и устранять различные внутренние и внешние источники напряжения, которые могут стать триггером для радикализации членов семей или рецидивного поведения самих лиц.

способного усугубить негативное отношение лица к социуму и государству, т.е. должны быть исключены навязчивая, неуместная опека, несогласованные, спонтанные посещения места жительства, грубое, предвзятое отношение. После осознанного, добровольного обращения лица или членов его семьи за содействием в оказании психологической помощи приступают к третьему этапу.

На данном этапе осуществляется восстановление элементов базового доверия к миру; стабилизация психического состояния; обучение использованию собственных личностных ресурсов; развитие эмоционального интеллекта; целевая работа по переключению зависимостей на приемлемые формы социальной активности, в т.ч. путем альтернативной индоктринации замещающими идеями, и закрепление ощущения стабильности, надежности, структурированности жизни, включенности в сообщество и определенности в позитивном будущем. После определенной стабилизации личности и ее близких, активизации внутренних ресурсов к самостоятельной деятельности начинается четвертый этап, который состоит в дальнейшем опосредованном сопровождении устойчивых позитивных тенденций, поддержке в реализации потребностей в саморазвитии, самосовершенствовании. После коррекции личностных психологических (психических) нарушений, закрепления благоприятных взаимоотношений в семье и обществе, при укреплении признаков осознания противоречивости радикальных установок начинается пятый этап. На данной стадии эффективно включение в активную общественную деятельность¹³⁶.

Как правило, в отношении лиц, совершивших преступление под влиянием идеологических взглядов политико-религиозной направленности (террористические акты, экстремистские поступки, действия по вовлечению в деструктивные сообщества, организованная преступность), правоохранительная система использует меры противодействия, снижающие социальные угрозы, предупреждающие преступные действия, ограничивающие распространение потенциально опасных влияний. В отличие от этого комплиментарной политикой в области психологии отклоняющегося поведения является стратегия снижения вреда (*harm reduction*). Этот подход, возникший в области охраны общественного здоровья и направленный на сохранение здоровья каждого члена человеческого общества, нацелен не на запрещение вредного для здоровья поведения, а на уменьшение вредных последствий и изменение поведения на более безопасное¹³⁷.

Подход снижения вреда применим к лицам категории особого внимания в нескольких аспектах в зависимости от целевой аудитории, на которую направлена работа по дерадикализации и социализации. Эту целевую аудиторию условно можно разделить на три группы:

1) лица, совершившие противоправные действия и отнесенные к категории «лица особого внимания» (лица, находящиеся под следствием и осужденные, лица, отбывающие наказание по статьям террористического характера, а также освободившиеся из мест заключения);

2) лица, попавшие под влияние экстремистских идеологий, отнесенные к категории социально зависимых лиц (участники сообществ псевдорелигиозной направленности, адепты различных сект, участники деструктивных сообществ экстремистского толка);

3) молодежь, возрастная группа 12–18 лет.

Каждая из этих категорий с точки зрения решаемых задач требует специфичного содержания психологической деятельности.

Первый аспект – реабилитация и ресоциализация первой категории лиц, совершивших противоправные действия под влиянием экстремистских взглядов политико-религиозной направленности. Приведем примеры двух кейсов (Кейс № 1, Кейс № 2), относящихся к этому аспекту.

Кейс № 1. Семейная пара. Мужчина Р. 35 лет. Женщина Л. 35 лет. 2 несовершеннолетних детей. И мужчина, и женщина находились в деструктивной группе более 7 лет. Мужчина в 2018 г. был осужден на 16 лет лишения свободы за совершение преступления террористического характера. Специалисты ИКЦ «Диалог» посетили лицо Р. в условиях СИЗО. Он в первый же день хорошо пошел на контакт и очень внимательно слушал, что расценивалось как хороший показатель. После первого посещения разработали индивидуальный маршрут реабилитации. Также параллельно провели беседу с Л., чтобы она не могла «затормозить» процесс реабилитации.

На первом этапе состоялась первичная беседа с адептом. После первой встречи специалисты заполнили анкету. В ней они отразили свою версию того, почему Р. решил вступить в организацию. Сделали полную характеристику: возраст, род занятий до попадания в секту, круг интересов, срок пребывания в секте и психологический портрет, а также отметили изменения, произошедшие с момента вступления. По мнению специалистов, Р. вступил в МТО (международную террористическую организацию), будучи неопитом. Не разбирался в основах традиционной религии. Религиозное образование нигде не полу-

чал. Во время знакомства с вербовщиками он не был женат. Учился в одном из вузов г. Казани. Вырос в неполной семье. Со стороны матери была гиперопека. Женился на члене МТО по совету своего учителя. Общение с матерью и братом резко изменилось, стало редким. Семейную жизнь он вспоминал как проживание с другом по интересам.

Также была составлена анкета на Л. Женщина выросла в полной семье, для нее была характерна низкая самооценка. Выяснилось, что она приняла ислам от вербовщиков МТО, будучи студенткой одного из казанских вузов. Учебу в вузе она не завершила, так как ее наставники по деструктивной группе порекомендовали взять академический отпуск, обосновав это необходимостью уделять больше времени партийным поручениям. Л. вышла замуж за члена МТО по рекомендации своего учителя. В результате беседы возникла необходимость в юридической помощи, так как Л. находится в МТО и необходимо максимально «экологично» снизить риски уголовного преследования.

На втором этапе реабилитации в течение 2 месяцев Р. в условиях СИЗО посещали специалисты центра ИКЦ «Диалог». С самого начала Р. начал посещать бывший адепт деструктивной группы. Они разбирали основные вопросы, связанные с деятельностью данной организации на территории Российской Федерации. Выяснилось, что данные вопросы беспокоили Р. В дальнейшем была проведена диагностическая и психокоррекционная работа с психологом. В корректной форме, дозировано адепту начали давать информацию о деструктивности организации, в которой он находился. Это часто достигается примерами из практики других, но похожих сект. Далее специалист-консультант применил технику уточнения определенных аспектов жизни в данной секте, что помогло восстановить критическое мышление реабилитанта. А уже потом с учетом личных целей пострадавшего составлялся план, к работе привлекались специалисты разного профиля, в т.ч. и религиозный деятель.

Работа с адептом Л. на втором этапе проходила в течение нескольких месяцев. Л. по собственной воле и с поддержкой близких приходила на консультацию в центр, где происходило знакомство клиента с командой специалистов. Работа проходила по аналогии с тем, как это происходило с адептом Р. В отличие от условий СИЗО, на этом этапе в работе с Л. была возможность пользоваться литературой, аудио- и видеоматериалами, информационно-методической базой центра. Были проведены беседы с религиозным деятелем и встречи с бывшими адептами секты.

Третий этап реабилитационного периода, который длится по сегодняшний день, Р. переживает тяжело, у него регулярно возникает чувство одиночества. Он не знает, чем себя занять, так как появляется большое количество времени, которого не было, когда он находился в секте. Развиваются различные фобии, и появились устремления спасти своих друзей, которые так же, как он, были завербованы. В этот момент он как никогда нуждается в пристальном внимании и поддержке со стороны своих близких.

Следует отметить, что в Республике Татарстан существует автономная некоммерческая организации «Центр реабилитации и адаптации», которая занимается практикой реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Данный прорывной проект является инновацией, в кратчайшие сроки зарекомендовавшей себя с положительной стороны на республиканском и федеральном уровне¹³⁸.

Второй аспект – дерадикализация лиц, попавших под влияние экстремистских идеологий. В качестве примера здесь можно привести кейс № 2. Женщина Р. 33 года. Татарка. Не замужем. Находится в деструктивной группе уже более 7 лет. В ИКЦ «Диалог» обратились родственники Р. после того, как у них возникли подозрения, что она находится в деструктивной группе. После первого интервью с родственниками специалисты центра подтвердили это предположение. Был выработан индивидуальный маршрут по выводу из деструктивной группы. На первом этапе была проведена первичная беседа с родственниками адепта. Родственники заполнили анкету. В ней они отразили свою версию того, почему член семьи решил вступить в организацию. Дали ее полную характеристику: возраст, род занятий до попадания в секту, круг интересов, срок пребывания в секте и психологический портрет, а также были отмечены изменения, произошедшие с момента вступления. В данном случае родственники предположили то, что Р. не смогла реализоваться в жизни и поэтому попала под влияние секты. Она по образованию бухгалтер, но работала администратором. Очень доверчивая, ответственная, трудолюбивая, но с низкой самооценкой. Она младшая в семье, еще есть брат и сестра. Будучи родом из деревни, после того как она переехала в г. Казань, через короткий промежуток времени изменилась в поведении. С родственниками стала меньше общаться, часто начала отказывать им в просьбах. Появились какие-то личные дела, по которым она часто ходила, но не рассказывала о них. Родственники не были знакомы с ее друзьями, ближайшим кругом общения. В гости можно было ходить только по пред-

варительной договоренности. Стала более скрытной, замкнутой. Прекратила обучение в медресе «Мухаммадия». Далее, учитывая психологическое состояние родных, провели психокоррекционную работу: дали советы по стратегии и тактике поведения, по сохранению семейных отношений, рекомендовали необходимую литературу. В результате беседы возникла необходимость юридической помощи, так как Р. находится в МТО и необходимо максимально «экологично» снизить риски уголовного преследования. Объяснили родственникам, что возникшую в их семье проблему можно решить путем принятия своего члена семьи. Проговорили обязательно, что любовь и забота о нем – это необходимое условие на пути успешной реабилитации. Также удалось провести интервью с ближайшей подругой Р. Она также подтвердила все вышеуказанные изменения. Ей также были даны рекомендации по дальнейшему поведению с ее подругой для успешной реабилитации.

За четыре первых года существования ИКЦ «Диалог» здесь было проведено свыше 150 часов индивидуальных консультаций, из-под влияния международной террористических организаций выведены 17 человек, из которых 6 склонены к явке с повинной. Девять женщин вовлечены в групповые занятия и индивидуальную психотерапевтическую работу. Анализ имеющихся сведений позволил рассчитывать на значительный отток ее членов и в дальнейшем¹³⁹.

Третий аспект – профилактика девиантного и делинквентного поведения среди молодежи¹⁴⁰. При Антитеррористической комиссии в г. Казани создана межведомственная рабочая группа по вопросам профилактики экстремизма и терроризма, в которой на постоянной основе ведется профилактическая работа с лицами категории «особого внимания». Для более эффективной работы в данном направлении осуществляется сотрудничество с общественными организациями, с ДУМ РТ, с Казанской Епархией, с муниципальными организациями и др. В созданную инициативную группу входят педагоги-психологи 17 общеобразовательных организаций г. Казани с целью разработки и реализации проекта «Программа профилактики асоциальных явлений в образовательных учреждениях». В рамках ежемесячных обучающих семинаров представители инициативной группы получают актуальную информацию по данной теме, прорабатывают идеи, обмениваются практической информацией. По итогам планируется разработка уникальных методических рекомендаций по профилактике асоциальных явлений в образовательных учреждениях. Также планируется

проводить практико-ориентированные семинары для классных руководителей и педагогов образовательных организаций в РТ с целью обучения и развития у них умения оценивать и отслеживать динамику формирования группы, системы ценностей, а также управлять этими процессами и, при необходимости, корректировать¹⁴¹.

Четвертый аспект – просвещение населения и первичная профилактика подверженности влиянию разного рода деструктивных сообществ, разработка превентивных мер и программ для различных групп населения, направленных на развитие устойчивости к мировоззрениям экстремистского толка и манипулированию сознанием. Как один из существенных элементов профилактики проявлений радикализма на религиозной почве представители Ассоциации ППМ рассматривали устранение конфликтных ситуаций в семейной среде, так как нездоровые отношения родителей в период психологического становления личности формируют глубинные душевные травмы. Впоследствии они могут привести к личностным девиациям, в дальнейшем умело маскируемым искаженными религиозными лозунгами.

Проблема социализации и реабилитации бывших адептов

Для человека, имевшего негативный опыт участия в деструктивной группе, освободиться от клейма радикала и экстремиста зачастую оказывается практически неразрешимой задачей. Мы постоянно являемся свидетелями того, что на деле происходит выдавливание бывших адептов из социального поля.

Одной из авторов этого раздела даже после прохождения пути реабилитации, несмотря на 8-летний стаж (с 2016 г.) работы в сфере профилактики проявлений терроризма и экстремизма, постоянно приходится сталкиваться с недоверием и подозрениями. Так, в 2021 г. во время рабочей командировки в Республику Крым, где были организованы профилактические беседы со студентами, состоялись выступления на местном телевидении, многочисленные интервью журналистам, участие в работе круглых столов на тему профилактики проявления терроризма и экстремизма в молодежной среде, вдруг прямо во время поездки поступил телефонный звонок из Казани от ее начальства с вопросом: «С тобой все в порядке?» Выяснилось, что в новостях прошла информация о том, что в Республике Крым задержана террористка из Татарстана, подозреваемая в финансировании террористической организации.

Как отмечает старший преподаватель кафедры клинической, нейро- и патопсихологии РГГУ, эксперт по деструктивному воздействию на личность С.В. Яковлева: «Российский менталитет не признает понятие: “бывший террорист”. В опыте работы с наркоманами присутствует схожая ситуация. Когда изменения образа жизни человека затрагивают его “Я-концепцию”, т.е. его идентичность, крайне важно, как на него реагируют другие. Очень часто наркоманы срываются именно потому, что окружающие говорят: “Ладно-ладно, мы то знаем, что ты все равно наркоман”. И человека это добивает, он срывается, и вся реабилитация обесценивается, как и изменения, которые произошли у человека после того, как он освободился от прежних зависимостей»¹⁴².

В связи с этим мы задались вопросом: существуют ли какие-нибудь разработанные индикаторы, по которым можно определить степень или качество реабилитации, и можно ли выработать критерии, подтверждающие, что восстановление личностных разрушений, произошедших из-за нахождения в деструктивной группе, состоялось?

Как призналась С.В. Яковлева: «Как правило, специалисты, работающие в этой области, не озадачиваются подобным вопросом. Хотя у них имеются свои методы, с помощью которых они снимают с человека всю информацию до и после реабилитации. Эти методы можно назвать феноменологическими, так как, видя, что нужно индивидуально каждому конкретному клиенту, специалисты адаптируют под него свой подход. В случае с бывшими адептами “хизб ут-Тахрир”, когда они переходят от метафоры жизни “Война” к метафоре жизни “Созидание”, происходит ключевой переходный момент. Но академически прописанного и проработанного исследования об этом не имеется»¹⁴³.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на необходимость выработки аргументов для тех представителей государственных структур, общественных организаций, силовых структур, научного сообщества, которые взаимодействуют с бывшими адептами деструктивных групп. Зачастую люди, раскаявшиеся в своем прошлом и сотрудничающие с правоохранительными органами, не воспринимаются сотрудниками правоохранительных органов и силовых ведомств как благонадежные. Им трудно официально трудоустроиться, их банковские счета блокируются.

Следующие кейсы иллюстрируют это:

Кейс № 3. З.Р. прошел реабилитацию в АНО ИКЦ «Диалог». Осужден на 16 лет отбывать наказание в колонии особого режима. Будучи осужденным по 205 статье УК Российской Федерации, он не может

рассчитывать на условно-досрочное освобождение. В одном из своих многочисленных письменных ходатайств он от отчаяния признался, что после освобождения готов покинуть Россию, так как потерял надежду на полноценную реабилитацию в дальнейшем. На эти слова отреагировали местные оперативные службы, расценив как антипатриотичное высказывание.

Кейс № 4. Х. реабилитирован АНО ИКЦ «Диалог». Судимость не снята. Не может официально устроиться на работу, так как Росфинмониторинг занес его в список людей, которые были осуждены за терроризм. Любые безналичные расчеты, попытка перечислить в банк денежные средства чреваты обвинением в финансировании терроризма. Х. не может даже оформить машину на свое имя, т.к. не может оплатить государственные пошлины.

Кейс № 5. А. реабилитирован АНО ИКЦ «Диалог». При поступлении в Российский исламский институт ему были поставлены условия, что сможет обучаться в институте только при наличии ходатайства от Антитеррористической комиссии в Республике Татарстан с подтверждением того, что А. полностью реабилитирован. Тем не менее, после предоставления требуемого документа став студентом данного вуза, А. замечает, что если на занятиях он начинает задавать преподавателям вопросы, касающиеся темы исламского халифата, соблюдения шариатских законов и т.п., то это всех настораживает, начинаются уточняющие вопросы, не означает ли это его желание на данный момент претворять шариат? Ему каждый раз приходится оправдываться, что это не имеет отношения к его прошлому опыту.

Реабилитация представляет собой восстановление тех разрушений, которые произошли в деструктивной группе, и формирование более высокой адаптивной способности человека. Это включает в себя работу по восстановлению ресурсов: физических, когнитивных (снабдить знаниями о том, что такое деструктивная группа, чтобы они могли это экстраполировать на себя), эмоциональных (наряду со снижением негативно воспринимаемых факторов и преодолением упрощенного восприятия реальности, формирование способности адекватно воспринимать трудности окружающего мира и навыков управления как позитивными, так и негативными эмоциями вместо прежних выработанных методов их подавления и контроля), поведенческих (выстраивание новых поведенческих моделей взаимодействия с людьми других религиозных воззрений, где смягчена категоричность в разделении людей на «своих» и «иных» («мы» и «они») и нормой становится

«праведное» взаимодействие с инакомыслящими через позитивные, конструктивные формы), коммуникативных и социальных. Самой важной является именно последняя составляющая, которая представляет собой восстановление социального статуса человека через взаимодействие с окружающим миром.

Заключение

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года акцент делается на «противодействии» проявлениям экстремизма¹⁴⁴. Здесь речь идет о борьбе с уже состоявшимися событиями и негативными процессами, а не об устранении причин, приводящих к ним. В таком случае понятие «профилактики» остается в тени и упоминается в контексте мониторинга и запрета распространения террористических идей, а также информирования населения об угрозах и последствиях экстремизма как разъяснительная работа. В действительности же необходимо купирование самих факторов риска радикализации и, таким образом, пресечение правонарушений и преступлений экстремистской направленности.

Изучение феномена «исламский радикализм» и систематизация имеющейся информации по данной проблеме могут способствовать выработке наиболее эффективного подхода к вопросу противодействия угрозам и вызовам в форме экстремизма и терроризма. При этом следует помнить, что нельзя сводить понятие «исламский радикализм» к более узким явлениям – «экстремизму» и «терроризму»¹⁴⁵. Игнорирование этого требования в теории ведет к тому, что ставится знак равенства между ними, их идеологиями и практикой.

Согласно одному из ключевых тезисов, формируемых исходя из предварительных итогов исследований причин радикализации, процесс социальной радикализации индивида предшествует его индоктринации. Столкнувшись с различными жизненными проблемами, человек первоначально погружается в нестабильное социально-психологическое состояние и лишь затем начинает подбирать идеологическое обоснование, которое является некой объяснительной мировоззренческой моделью и задает дальнейшие алгоритмы его поведения¹⁴⁶. И если наряду с идеологическим переубеждением не вести последовательную работу на уровне социальных технологий, то в дальнейшем успешная работа с представителями радикальной среды по идеологической и психологической трансформации личности может оказаться напрасной. Как отмеча-

ет Р. Патеев, «даже переубежденный человек, который был осужден за экстремистские или террористические действия, освободившись, попадает в новые условия ресоциализации и адаптации. Если данное лицо не окажется в относительно благополучных социальных условиях, то его дерадикализация вряд ли окажется успешной. Часто данные лица не имеют семей, а многие родственники стараются отказаться от каких-либо контактов с бывшим осужденным»¹⁴⁷. «Мусульманское духовенство не всегда готово взаимодействовать с представителями радикальной среды. Имамы зачастую не имеют соответствующих компетенций и опасаются, что подобные контакты могут принести неприятности. За освободившимися лицами продолжает осуществляться соответствующий надзор со стороны правоохранительных органов, которые нередко подходят к решению данной задачи с позиции давления на вчерашнего осужденного, что вызывает у него дополнительное раздражение. В этих обстоятельствах необходима работа неправительственного сектора, в т.ч. религиозных организаций»¹⁴⁸.

Если выделить применяемую при работе с представленными в данном разделе кейсами и описанными примерами методологию дерадикализации, она сводится к следующему: 1) превентивная родительская поддержка, 2) поддержка семей, 3) поддержка женщин, 4) онлайн-помощь. В дальнейшем все это можно было бы использовать для систематизации и масштабирования описываемого опыта.

Таким образом, синтез теоретической части исламского богословия и психологии вкупе с анализом практической деятельности на местах (в т.ч. в мусульманских приходах), а также грамотной работой в информационном пространстве могут способствовать выработке эффективных решений и практик в деле противодействия религиозно-мотивированному экстремизму.

3.4. Операция «Жусан»: опыт Казахстана по реабилитации женщин, эвакуированных из зон террористической активности (2019–2022 гг.)

Введение

Современные реалии XXI в. представляют нам ряд проблем, связанных с повсеместной трансформацией геополитического, религиоз-

ного ландшафта, что ставит мир перед угрозой религиозного экстремизма, радикализма, терроризма, с которыми вынуждены столкнуться практически все страны мира. Немаловажным вызовом для многих национальных государств стала проблема участия в военных действиях собственных граждан, в частности в локальных конфликтах, сопряженных с деятельностью радикально настроенных организаций. Глобальный масштаб процессов противодействия религиозно мотивированному экстремизму и терроризму затрагивает множество стран, решающих вопросы возвращения собственных граждан, которым необходима реинтеграция в общество.

Как известно, самопровозглашенное «Исламское государство» (ИГ) являлось псевдогосударством, гибридной террористической организацией и в то же время религиозно мотивированной группой. На пике своего развития в конце 2014 г. группировка контролировала более 100–110 тыс. км² и 11 млн проживающих на этой территории людей¹⁴⁹. По меньшей мере около 42 тыс. граждан из 80 стран отправились в Сирию и Ирак, четверть из которых были женщины и несовершеннолетние¹⁵⁰.

Одним из наиболее значимых последствий подобной проблемы является необходимость поиска адекватных подходов к дерадикализации, реабилитации и ресоциализации тех жертв экстремистской идеологии, которые не совершили преступлений и оказались на территориях ИГИЛ из-за наивных иллюзий. Гуманность общества выражается, прежде всего, в помощи наиболее уязвимым слоям населения, попавшим в тяжелые жизненные ситуации и нуждающимся в поддержке государства и остальных членов общества. В данном разделе анализируется опыт системы дерадикализации и реабилитации в Республике Казахстан.

Исследования в данном направлении проводятся в различных междисциплинарных плоскостях, анализируются, например, психодиагностические, лечебно-реабилитационные и ресоциализационные мероприятия, направленные на восстановление психического здоровья детей, эвакуированных из зон боевых действий на Ближнем Востоке, в целях оптимальной интеграции ребенка в социум¹⁵¹. Проблема ресоциализации рассматривается с учетом применения фильтрации, особого учета и контроля с разработкой системной программы дерадикализации для лиц, возвращенных из зон вооруженных конфликтов¹⁵². На фоне постепенной утраты террористическими организациями контроля над территориями в Сирии и Ираке актуализировался вопрос

возвращения женщин и детей, членов семей боевиков-террористов, в страны исхода. Также важен вопрос выявления баланса в отношении взаимосвязи государственной гуманитарной миссии и обеспечения национальной безопасности¹⁵³. Последствия негативного влияния событий в местах военных действий для граждан приводят к ряду психологических расстройств, социальной дезадаптации и могут иметь долгосрочный характер, что предполагает профилактику психотравм¹⁵⁴. Необходимость открытия специальных детских учреждений социального обеспечения важна для многих стран. Например, с конца 2015г. специальные центры в странах Европы принимают несовершеннолетних, которые вернулись из регионов, контролируемых «Исламским государством»¹⁵⁵. Сложные ситуации бросают вызов профессионалам и затрагивают политические, религиозные и информационные вопросы. Они требуют понимания процесса дерадикализации, чтобы иметь возможность поддерживать возвращенных детей и их семьи. В этом контексте обучение и командная работа имеют важное значение.

Казахстанский опыт реабилитации граждан, вернувшихся из мест военных действий и конфликтов, реализован в рамках гуманитарной спецоперации «Жусан». С января по июнь 2019 г. в Казахстане была реализована гуманитарная операция под кодовым названием «Жусан-1, -2, -3, -4, -5», в результате которой в Казахстан из временных лагерей в Сирии было эвакуировано 160 женщин, 33 мужчины и 420 детей. В результате всех этапов спецоперации в страну вернулись 613 граждан Казахстана. Это самое большое количество граждан, вывезенных из Сирии иностранным государством.

Таблица. Общее количество граждан, эвакуированных из Сирии в результате всех этапов операции «Жусан»

Операции	Мужчины	Женщины	Дети
Жусан-1	6	11	30
Жусан-2	16	59	156
Жусан-3	8	67	171
Жусан-4	3	19	49
Жусан-5	–	4	14
	33	160	420, из них 32 ребенка-сироты
Всего:	613		

Источник: Полевые материалы автора.

По прибытии 49 человек (33 мужчины и 16 женщин) с санкции суда были арестованы в рамках расследуемых уголовных дел за участие в террористической деятельности и пропаганду терроризма.

Таким образом, в страну возвратились практически все граждане Казахстана, находившиеся во временных лагерях для перемещенных лиц на северо-востоке Сирии. Заместитель председателя Комитета национальной безопасности Нургали Билисбеков, выступая в Сенате Парламента РК 6 февраля 2020 г., заявил, что все этапы операции «Жусан» по возвращению казахстанцев из зон террористической активности завершены: «Мы завершили все этапы “Жусана”. Больше не планируется, потому что мы проводим соответствующую работу по нашим гражданам, которые в зонах конфликта продолжают находиться, полной информации по ним нет. Предварительная подготовительная работа, консультации проводятся»¹⁵⁶. По словам Н. Билисбекова, в зоне террористических конфликтов в Сирии находятся еще более 100 казахстанцев: 36 мужчин и порядка 80 женщин. Также наши граждане есть в Ираке и Афганистане.

Аналогичные операции были проведены и другими центрально-азиатскими республиками. Так, например, Республика Узбекистан в 2019 г. организовала проведение двух операций «Мехр-1» и «Мехр-2» (мехр – узб. «доброта»), в результате которых на родину из Сирии и Ирака было возвращено 261 человек, в основном женщины и дети¹⁵⁷. В частности, 30 мая 2019 г. Узбекистан репатриировал на родину из зон вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке 156 своих граждан. Спецоперация была проведена в священный для мусульман месяц Рамадан. По сообщениям в СМИ, поддержку в ее проведении оказал ряд зарубежных государств и международных организаций, включая Международный комитет Красного Креста и ЮНИСЕФ. В ходе операции «Мехр-2» 10 октября 2019 г. по поручению Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева из Ирака в Узбекистан были возвращены 64 ребенка (39 мальчиков и 25 девочек), из них 14 детей в возрасте до 3 лет и двое детей, оставшихся без родителей. Власти Узбекистана в 2019–2021 гг. провели пять операций «Мехр» и вывезли из Сирии, Ирака и Афганистана более 530 граждан республики¹⁵⁸.

Благодаря сотрудничеству МИД Ирака и Кувейта правоохранительными органами Республики Таджикистан, Ирака и международных организаций 30 апреля 2019 г. самолетом «*Fly Irbil*» иракской авиакомпании 84 несовершеннолетних гражданина Таджикистана от полутора до 16 лет были возвращены из мест заключения в Ираке в

Душанбе¹⁵⁹. Это дети боевиков, которые попали в сети экстремистских групп и уехали в Ирак, где вступили в ряды ИГИЛ и других организаций. Родители многих из них погибли в ходе военных действий против правительственных сил или были арестованы в Ираке за пособничество террористам.

Опыт реализации подобного рода операций для всех стран Центральной Азии является уникальным. Массовое возвращение соотечественников из зон террористической активности показало готовность специальных и правоохранительных органов, гражданского общества, неправительственного сектора к организации необходимых мероприятий с репатриантами.

Следует отметить, что экспертные исследования по данной теме немногочисленны. Авторы раздела имели уникальный практический опыт участия в программах реабилитации, реализованных в Республике Казахстан. В связи с этим необходим анализ текущего состояния национальной системы дерадикализации и реабилитации, а также путей ее совершенствования.

Методология исследования

С целью выполнения обозначенных задач были использованы методы количественного и качественного социологических исследований, в которые входили экспертные интервью и глубинные нарративные интервью. Данные интервью были важнейшим источником информации для определения причин, факторов и драйверов радикализации в Казахстане. Все гайды интервью содержали в себе вопросы открытого типа и проводились методом «*face-to-face*»*. Кроме этого, для анализа законодательных норм, проведенных интервью, международного опыта использовался метод кабинетного исследования. Кабинетное исследование является ключевым методом для сбора информации, в т.ч. вторичной, для ее систематизации и анализа.

По прибытии в Казахстан женщины давали письменное согласие на проведение реабилитационных мероприятий, в рамках которых с ними проводились индивидуальные беседы психологов, религиоведов,

* Личные интервью (*face-to-face*) – один из самых распространенных методов сбора количественных данных в социологических исследованиях. Такой вид опроса предполагает непосредственное личное общение интервьюера с респондентом без третьих лиц, которые могут повлиять на мнение опрашиваемого.

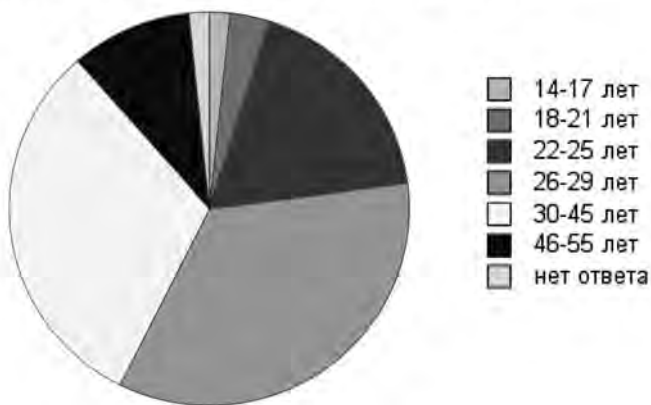
теологов. Во время бесед автором были опрошены методом нарративного интервью 100 женщин, возвращенных из ИГИЛ в Казахстан, в возрасте от 17 до 45 лет. Средний возраст респондентов составлял от 26 до 45 лет. Среди опрошенных были две несовершеннолетние девушки.

При проведении исследования мы исходили из того, что женщины-репатриантки являются гражданками Казахстана, в отношении которых следует избегать стигматизации в связи с их проживанием на территории ИГИЛ, а также секьюритизации вопроса об их функциях в Исламском государстве.

Результаты исследования

Исследование проводилось в реабилитационном лагере для репатриантов с конца мая до конца июля 2019 г., что оказалось возможным благодаря участию автора в операциях «Жусан-2», «Жусан-3», «Жусан-4». Возрастная характеристика женщин представлена в диаграмме.

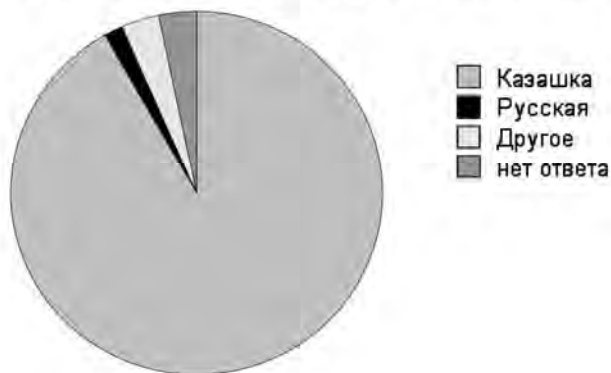
Скажите, пожалуйста, сколько Вам полных лет?



Одним из параметров количественного исследования выступает уровень образования респондентов, что очень важно фиксировать для анализа причин выезда в места боевых действий. Большинство опрошенных женщин-респондентов имеет общее среднее образование и среднеспециальное (профессиональное). Только 18,6% женщин имеют высшее образование, 14,5% имеют незаконченное высшее образова-

ние, 26,6% – среднее профессиональное образование (колледж, училище), среднее образование имеют 38,6% женщин, неполное среднее – 3,2% женщин (женщины, не имеющие аттестата о среднем образовании). Таким образом, чуть более 80% респонденток не имеют высшего образования, причем примерно для 1/5 части уровень высшего образования не сыграл роли в формировании устойчивых знаний о международной ситуации и о вызовах в мире.

Назовите, пожалуйста, Вашу национальность



Этническая характеристика репатрианток дает количественный и качественный анализ и результат того, какая часть общества по этнической принадлежности была более подвержена радикализации. Этнические казашки составили 90,6%, т.е. большинство, русские составили 1,3% женщин, другие национальности (уйгуры, метисы, курды, узбеки и киргизы) – 5,3% женщин, этническая идентификация не отмечена у 2,6% женщин. Исходя из результатов, надо сказать, что этнорелигиозная идентификация достаточно выражена в обществе.

Тем не менее вопрос о выборе религиозной идентичности показывает ситуацию субъективного характера в большей степени. На вопрос «Что стало причиной выбора Вашего вероисповедания?» большинство – 40% – ответили, что это «самостоятельный выбор», 15% – религия в моей семье; 12% – выбор по совету друзей, знакомых, коллег/сослуживцев. Как видим, здесь почти в половине случаев сыграл роль личный выбор, а не влияние семейных традиций.

Важно понимать социально-экономическое положение респонденток на момент до принятия решений о выезде, так как нередко этот параметр качества жизни человека дает основания для выбора им той

или иной реальности в поисках лучшей жизни. На вопрос «Оцените, пожалуйста, уровень благосостояния своей семьи» многие – 57,4% – ответили, что удовлетворены уровнем своей жизни; 13,3% женщин затруднились ответить на этот вопрос. «Живем хорошо, в полном достатке, практически ни в чем себе не отказываем» – 12% женщин, «живем удовлетворительно, имеем все необходимое» ответили 49,3% женщин, 20,0% женщин ответили «живем не очень хорошо, в некоторых вещах приходится себя ограничивать». В целом текущий уровень социально-экономического положения большинства респондентов не сыграл существенной роли в их решении.

На вопрос «В каком году Вы выехали в зону боевых конфликтов (Сирия, Ирак, Афганистан)?» большая часть, а именно 43% женщин, ответили, что выехали в зону боевых конфликтов в 2013 г., 27,7% – в 2014 г., 20,8% – в 2015 г. Таким образом, пик выезда граждан Казахстана был в начале эскалации сирийского конфликта в 2013–2014 гг.

По мнению экспертов, одной из причин выезда наших граждан в Сирию стала низкая религиозная грамотность. Это подтверждается и экспертными опросами, и статистическими данными. Так, например, на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали Ваш уровень знания о религии, которую вы исповедуете?» самую большую процентную долю составляют ответы о «низком» уровне – 70,6%; 21,3% сказали, что считают удовлетворительным уровень знаний о религии, минимальная процентная доля – 8,2% (знание в области религии практически отсутствует). Никто из респондентов не дал ответ, что их уровень знаний о религии «высокий».

Согласно зарубежным исследованиям, одним из выталкивающих факторов стала дискриминация по религиозному признаку. Для того чтобы выяснить роль данного фактора, мы задали следующий вопрос: «Испытывали ли Вы притеснения из-за своих религиозных взглядов до выезда в Сирию?». 39% женщин ответили «нет», 33% ответили «да», некоторые воздержались от ответа. Был задан уточняющий вопрос «Сталкивались ли Вы с нарушением ваших прав на свободу вероисповедания?» 13,3% женщин сталкивались в процессе получения образования с оскорблениями их человеческого достоинства, 9,9% – по месту работы, учебы, жительства, но большинство – 52% – не сталкивались с такими фактами.

На вопрос «Что стало причиной Вашего выезда в Сирию?» большинство респондентов ответили, что «поехали за мужем, братом, отцом, мамой», некоторые ответили, что выехали вслед за сыном.

На вопрос «Сколько лет Вы отсутствовали в Казахстане?» многие ответили «от 4 до 6 лет» – 41,3%, отсутствовали от 2 до 4 лет – 48,7% опрошенных женщин, отсутствовали от 6 и более лет – 10% женщин.

На вопрос «Чи лекции Вы слушали, когда начали практиковать ислам?» 69,3% ответили, что читали Дарына Мубарова * (религиозное имя Дарын), 14,5% – Надира Абу-Халида **, 2,6% женщин слушали лекции Куаныша Башпаева *** (религиозное имя Абдурахим Ибрагим), Назратулла **** – 2,6%, Халила Абдужаббарова (религиозное имя Халил) слушали 6,6%, русскоязычного джихадиста Александра Тихомирова (религиозное имя Саид Бурятский) слушали 18,6% женщин.

Результаты исследований показали ряд параметров, таких как этническая принадлежность, социально-экономическое положение, причи-

* Дарын Мубаров – уроженец г. Тараза, получил образование в Киргизии. Выпускник Исламского университета в Медине. Его проповеди имеют салафистско-ваххабитскую направленность. Не поддерживает ахиду, которой придерживается духовное управление Казахстана, один из самых красноречивых проповедников. В Караганде в 2018 г. за осуществление незаконной миссионерской деятельности был привлечен к административной ответственности с выплатой штрафа и судебных издержек (*прим. ред. – Н.Н.*).

** НаDIR Абу-Халид – религиозный деятель Дагестана, исламский проповедник салафитского толка. НаDIR Медетов род. в 1984 г. в Махачкале. Обучался в Исламском институте при Духовном управлении мусульман КБР, оттуда его пригласили в Египет. После обучения в Каире поступил в Исламский университет Медины, где получил высшее образование на факультете Шариата. НаDIR Абу-Халид преподавал в Махачкале в мечети на улице Венгерских бойцов, а затем в мечети в Дербенте. Являлся активным пользователем социальных сетей, автор многих видеолекций на исламские темы. Арестован в октябре 2014 г., два месяца находился под домашним арестом по подозрению в незаконном хранении оружия. В 2015 г. выехал за пределы России и присягнул представителям лидера террористической организации «Исламское государство». Дальнейшая его судьба остается неизвестной (*прим. ред. – Н.Н.*).

*** Куаныш Башпаев род. в г. Экибастуз Павлодарской области, где в местной мечети получил основы исламского образования. Проживал в городе Медине и учился в Исламском университете «аль-Джамия аль-Исламия», по его словам, обучался в магистратуре по специальности «муфассир» (толкователь Корана). Ранее он окончил в этом университете бакалавриат как «хадисовед». В 2018 г. в районном суде Алматы его осудили на 6 лет и 8 месяцев лишения свободы, вменив две статьи УК – «возбуждение религиозной розни» и «пропаганда терроризма» (*прим. ред. – Н.Н.*).

**** Назратулла Абдулкадиров (Абу Марьям) – выпускник факультета хадисоведения Исламского университета Медины. Продолжительное время занимался проповедью в интернете. Находясь в Саудовской Аравии, организовывал незаконные проповеди среди граждан Казахстана и СНГ, противоречащие законам и имеющие деструктивное влияние на местные джамааты. Был задержан в городе Медина правоохранительными органами Королевства Саудовской Аравии (*прим. ред. – Н.Н.*).

ну добровольной миграции в зону военных действий, уровень религиозной грамотности и др. Исходя из результатов исследования, можно отметить, что причиной радикализации не являлся именно социально-экономический фактор, а скорее низкий уровень знаний о религии. Немаловажной является и проблема дискриминации по религиозному признаку, она могла послужить основанием для выбора иной реальности. Данные показывают, что 1/3 респондентов сталкивалась с подобным опытом до отъезда в Сирию.

Казахстанский кейс реабилитации

В Казахстане имеется собственный опыт организации профилактических, реабилитационных и дерадикализационных проектов и мероприятий. Активизация данной работы проявилась в последнее десятилетие после того, как в Казахстане произошли теракты 2011–2012 гг. и 2016 г., а также были проведены спецоперации «Жусан». В настоящее время в методических материалах Комитета по делам религий Казахстана концептуально разработаны и разграничены сферы применения понятий «профилактика», «дерадикализация» и «реабилитация». Государством приняты специальные программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017 гг. и 2018–2022 гг.¹⁶⁰ Комплексная работа с приверженцами деструктивных религиозных течений способствовала появлению в Казахстане теологических методик реабилитации и дерадикализации.

После терактов 2011 г. в Казахстане был запущен механизм целенаправленной реабилитационной работы с лицами, вовлеченными в идеологию религиозного экстремизма. Следует отметить, что первоначальной целевой группой реабилитационной работы были мужчины, отбывающие наказание по соответствующим уголовным статьям. За основу была принята Йеменская модель теологического диалога. Эта модель предполагает процесс переубеждения в рамках бесед с ведущими специалистами по исламской теологии с тем, чтобы изменить радикальное толкование ислама на умеренное, и в результате принять ислам, характерный для данного региона и поддержанный государством. Главный проблематичный момент такого подхода заключается в том, что трудно определить, действительно ли человек изменил свои религиозные убеждения.

В целом реабилитационная работа во всех областях Казахстана разделена на три основных направления: работа с приверженцами дест-

руктивных религиозных течений (салафизм, «Хизб ут-Тахрир», «Таблиги Джамаат» и т.д.); работа с лицами, осужденными за совершение террористических и экстремистских преступлений; работа с женщинами и детьми, эвакуированными из Сирии. К третьей категории также относятся женщины, вернувшиеся в результате неорганизованной репатриации, т.н. «самовозвращенки».

В настоящее время в Казахстане работают 18 реабилитационных центров, занимающихся дерадикализацией и реабилитацией людей, вернувшихся из зон террористической активности. Они расположены в Мангыстауской, Карагандинской, Жамбылской, Актюбинской областях, городах Кокшетау, Атырау, Шымкент, Павлодар, Нур-Султан, Жезказган, Сатпаев, Экибастуз, Каскелен. Также реабилитационные мероприятия осуществляются местными исполнительными органами власти через управления по делам религий и реабилитационные центры на местах.

Женщины-репатриантки отметили, что на этапе адаптации и первичной социализации в реабилитационном лагере вблизи г. Актау им сразу оказали медицинскую помощь, обеспечили одеждой, провели психологическую диагностику и консультирование как индивидуальное, так и групповое, беседы с теологами, было осуществлено документирование и паспортизация.

Опыт реабилитационных мероприятий в Республике Казахстан отличается от классического понимания реабилитации жертв, пострадавших от религиозного экстремизма. Для Казахстана это не консультирование по вопросу «выход из культа», «ненасильственное депрограммирование» или «терапия стратегического воздействия». Национальные программы реабилитации и дерадикализации – это комплексная работа по трем основным направлениям: теологическому, психологическому и социальной реабилитации. В отношении женщин, возвращенных из Сирии, это еще и медицинское, и юридическое сопровождение по документированию их и детей.

Этапы реабилитации

Реабилитационная программа репатрианток состояла из двух этапов: первый этап – это карантинный период (не менее 30 дней) в г. Актау Мангыстауской области (побережье Каспийского моря). Адаптационный лагерь расположен на территории переоборудованного детского лагеря «Фламинго», состоящего из шести корпусов: столовой, административного здания и 4 жилых помещений. На момент

приезда все женщины и дети прошли полное медицинское обследование, которое включало в себя флюорографию, биохимический анализ крови, осмотр специалистов. Женщины и дети с сильной степенью истощения, инвалидностью, ранениями были сразу госпитализированы в местные медицинские учреждения. В основном женщины жаловались на артериальное давление, анемию, кожные высыпания, диарею, стоматологические проблемы, осколочные ранения, головные боли и контузию. У 30% женщин диагностировались симптомы ПТСР. Для них были характерны постоянные головные боли, бессонница, ночные кошмары, гипергидроз, сверхбдительность, повышенная утомляемость и тревожность и т.д.

В ходе наблюдения за психоэмоциональным состоянием женщин на момент приезда был выявлен набор изменений, происходящих в теле и психике. Это когнитивные нарушения, посттравматический синдром, послеродовая депрессия, деперсонализация, фрустрация, частичная амнезия, рассеянность, утомляемость, глубокая религиозная погруженность, фанатизм, агрессия. Мы считаем, что все перечисленные психические состояния являются следствием и признаками посттравматического синдрома. В частности, во время индивидуальных консультаций женщины высказывали жалобы на повышенную тревожность, апатию, бессонницу, повышенную утомляемость, страх перед будущим, опасение одиночества, боязнь громких шумов, темноты и т.д. Также во время наблюдения у женщин проявлялись другие признаки посттравматического синдрома, а именно:

- «замораживание» негативного опыта;
- агрессия;
- игнорирование реальности;
- депривация сна;
- постоянное избегание стимулов, связанных с травмой;
- *numbing*-блокировка (оцепенение) эмоциональных реакций, мыслей, чувств или разговоров, связанных с травмой;
- неспособность вспомнить о важных аспектах травмы (т.н. психогенная амнезия);
- чувство бесперспективности в будущем (например, отсутствие ожиданий по поводу карьеры, замужества, детей или пожелания долгой жизни);
- болезненные чувства по поводу того, что они выжили, возникновение синдрома «вины выжившего» (характерно для женщин, потерявших в военных действиях детей или мужей).

Данное положение женщин требует глубокой и пролонгированной психотерапии. По нашему мнению, невылеченное постстрессовое состояние может стать существенным фактором для вторичной радикализации женщин, может помешать их полноценной реабилитации и реинтеграции. Эти риски сохраняются до сих пор, т.к. условия их возникновения могут быть разными в каждом конкретном случае. Следовательно, понимание определенной ситуации радикализации требует учета особых контекстуальных и личных факторов, задействованных в этом деле. После медицинского обследования для всех женщин и детей было организовано проведение гигиенических процедур, им выдавались новые комплекты одежды и средства личной гигиены. Период акклиматизации продолжался 2–3 дня. За это время всех женщин и детей органы юстиции документировали, также была проведена геномная экспертиза по факту установления родства между матерью и ребенком.

Второй этап реабилитации женщин и детей осуществлялся местными исполнительными органами власти по месту жительства репатриантов. Многие женщины прошли первичную или повторную профессиональную подготовку и были трудоустроены. В судебном порядке дети были восстановлены в своих гражданских правах. Всем рожденным на территории Сирии было присвоено гражданство Республики Казахстан и выданы документы, подтверждающие их правоспособность. После работы с социальными педагогами и репетиторами, прохождения психолого-медико-педагогической консультации дети были зачислены в дошкольные учреждения либо в общеобразовательные школы согласно маршрутному листу их обучения.

Необходимо отметить, что основным в программах реабилитации в Казахстане стал национально-культурный компонент. Приобщение и привитие традиционных для казахстанского народа ценностей явилось приоритетной задачей программ реабилитации. По мнению практикующих теологов, так им было легче организовать безопасную среду с репатриантками. Итогом этой работы стало то, что у женщин была сформирована этническая идентичность и самоидентификации, появилась мотивация воспитывать детей в контексте патриотического мировоззрения. Женщины стали благодарны своему государству за то, что их вывезли из лагерей в Сирии и Ираке. Эту идею женщины очень четко проговаривали во время глубинных интервью.

Теологическая работа

Одной из основных задач реабилитации явилась теологическая дерадикализация – это отказ от неверного толкования таких положений, как «кафир», «тогут», «джихад», «дар аль-куфр» и т.д. По мнению местных экспертов, именно неверное толкование этих догм стало мотивом выезда на территорию Сирии. Индоктринизация их религиозного мировоззрения составила большую часть программ реабилитации. В данном направлении были организованы специальные встречи и беседы, которые могли дополняться уроками и занятиями просветительского или обучающего характера. К теологической работе привлекали выпускников теологических университетов и имамов Духовного управления мусульман Казахстана (далее – ДУМК). В свою очередь, психологи дополняют работу теологов, участвуя в социализации личности, восстановлении связей с социальным окружением.

Следующий компонент программ реабилитации – это психологическая поддержка и консультации. Это самый слабо представленный компонент программ реабилитации из-за отсутствия квалифицированных кадров и низкой оплаты труда психологов. Работа психологов ограничивалась диагностикой, составлением психологического портрета репатрианток и дальнейших рекомендаций для местных специалистов-практиков. Незрелость служб психологической помощи и отсутствие навыков работы с ментальными проблемами и психическим здоровьем сделали это направление реабилитационных программ очень уязвимым. Есть отдельные успешные случаи психологической помощи в формате онлайн-поддержки репатрианток во время пандемии, а также единичные случаи осмотра врачом-психиатром (в Карагандинской области), но они не решили проблемы в целом.

Практически все регионы Казахстана ориентированы на совершенствование психологического консультирования и психологической реабилитации женщин и детей. В тоже время отмечается нехватка квалифицированных психологов, а также необходимость систематического повышения компетенций имеющихся специалистов, освоения ими разработанных на республиканском уровне или в других регионах эффективных методов и практик психологической реабилитации. В большинстве регионов из-за нехватки опытных психологов населению в основном оказывается психологическая помощь и проводятся консультации, в то время как сфера психологической реабилитации жертв экстремизма требует всестороннего совершенствования и развития.

Социальная реабилитация

Особое значение в рамках реабилитации лиц, находящихся под влиянием деструктивной идеологии, имеет социальная реабилитация, которая может включать различные формы и виды материальной и правовой помощи пострадавшим от идеологии религиозного радикализма. В регионах к основным видам помощи для достижения целей социальной реабилитации относятся:

1) материальная помощь, включающая периодическую денежную поддержку, выделение безвозвратных кредитов, продуктов, одежды, обеспечение поставок угля. О такой форме работы проинформированы практически во всех регионах;

2) трудоустройство. По словам экспертов, оказывается помощь с устройством на работу, целевые группы привлекаются к участию в ярмарках вакансий. Особо следует отметить, что в некоторых регионах есть опыт трудоустройства реабилитированных лиц в подведомственные организации или НПО, занимающихся вопросами профилактики и реабилитации;

3) помощь в организации собственного бизнеса;

4) обеспечение жильем. Такая помощь оказана как минимум в 3 регионах (Карагандинская, Костанайская, Туркестанская области);

5) помощь в устройстве в школы, детсады. Организуются акции «Дорога в школу». Такая работа проводится в большинстве регионов;

б) правовое консультирование, помощь в восстановлении документов. Это направление работы в большинстве случаев охватывает тех, кто вернулся из-за рубежа в ходе спецопераций «Жусан».

Вместе с тем привлеченными в данный исследовательский проект экспертами отмечен еще один важный проблемный аспект методического обеспечения – целевой группой реабилитационной работы в созданных методических пособиях в основном являются мужчины, почти отсутствует гендерная чувствительность и проблематика реабилитационной работы с детьми. Особенно отмечается то, что отсутствуют методические пособия по работе с детьми-репатриантами, выросшими в радикальном религиозном окружении.

Стигматизация женщин и детей

Проблема стигматизации «жусановских женщин» стала также ключевой в процессах реинтеграции их в сообщества. Во время интервью

женщины отмечали, что скрывают от коллектива на работе или от соседей, откуда они вернулись. Только очень небольшое количество женщин способно открыто говорить об этом в своих сообществах. По словам женщин, их очень задевали комментарии в социальных сетях, особенно *Instagram* (заблокирована в РФ в 2022 г. – Н.Н.). В них постоянно публиковались видео и посты женщин с раскаянием и разоблачением идеологии ИГИЛ. Основным медиапроизводителем контента была компания «*Taunews*». В результате такой медийной кампании образ этих женщин еще больше был стигматизирован. Также женщины высказывали беспокойство по поводу реакции своих детей на такие ролики. «Я закрыла сыну глаза и уши, когда увидела своего умершего мужа на демонстрационном экране в автобусе. Там его называли террористом и показывали кадры из Сирии. Меня это очень сильно беспокоит».

Методы подобной помощи могут заключаться в самых разных мероприятиях. К примеру, общественный фонд «Шапагат» в 2020 г. привлекал женщин-репатрианток к шитью медицинских масок и их дальнейшей бесплатной раздаче жителям г. Атырау. Данная инициатива не только вовлекает возвращенных женщин в обычную жизнь, но и способствует формированию их позитивного имиджа среди населения, тем самым снижая уровень недоверия и дискриминации по отношению к ним.

У многих женщин наблюдается сверхбдительность по отношению к своим детям. Незначительные обиды в детских сообществах рассматриваются ими как агрессия по отношению к их детям. Такая же реакция возникает и у школьных учителей, когда репатриантки начинают защищать своих детей от школьного буллинга.

Замужество репатрианток с представителями радикальных жамагатов* является вызовом, к которому не были готовы местные специалисты: «Мы не ожидали, что они так быстро начнут выходить замуж. Мы думали они сначала встанут на ноги и восстановятся от пережитого». Как правило, это полигамные браки: женщины становятся второй либо третьей женой. В качестве супругов они выбирали мужчин, отсидевших в тюрьме за попытку выезда в Сирию, либо близких друзей

* Жамагат – 1) община, общество, народ; жиналған көп жамағат – собравшийся народ, общество; жамағатқа хабарлау – объявить всему обществу; 2) жена, супруга. Казахско-русский словарь. <https://classes.ru/all-kazakh/dictionary-kazakh-russian-term-8576.htm>

своих погибших мужей. Как правило, такие браки длятся недолго и создают дополнительные риски для травматизации женщин.

По мнению местных специалистов, у женщин наблюдается «психология иждивенчества», т.е. гиперопека со стороны государства полностью снижает их внутренние ресурсы и стрессоустойчивость в решении бытовых вопросов. Им легче попросить местные органы либо спонсоров о финансовой или иной помощи, чем самой решить эти проблемы. Семейное окружение также «капсулирует их проблемы» и ограждает от внешних вызовов, что порождает иждивенчество у репатрианток. Данная ситуация осложняется тем, что в сообществах об этом хорошо осведомлены, и они очень негативно реагируют на покровительство данной категории женщин. «Для того чтобы что-то получить от государства, мы тоже должны были уехать в Сирию, что ли!?» – отмечают другие верующие.

Одна из проблем, возникающих в ходе реабилитации, – формирование образа отца у детей. Женщины должны сделать сложный выбор – героизировать образ отца либо, наоборот, виктимизировать этот образ. «Если во всех СМИ их отцов представляют как “террористов и предателей”, как мы должны говорить своим детям о том, кто их отцы?» «Пока дети маленькие и они не понимают многих вещей, мы молчим, но рано или поздно они спросят нас об этом, и это вопрос, на который у меня нет ответа», – отмечают женщины.

Многие женщины до сих пор сохраняют эмоциональную связь, сострадание и жалость к другим пленным женщинам в лагере «Аль-Хол»*. Они хотят помочь им, чтобы их тоже эвакуировали, но понимают, что от их действий нечего не зависит. Некая наивность прослеживается в их суждениях и поведении, поэтому они очень открыто и доверчиво контактируют с иностранными журналистами и специалистами в надежде, что так смогут помочь этим женщинам. Несмотря на то, что в плену они провели до 5–6 месяцев, они прекрасно понимают, в каких нечеловеческих условиях находятся там женщины.

* Аль-Хол (Эль-Хол, Эль-Холь, араб. *الجهول*) – палаточный лагерь для перемещенных лиц в одноименном городе на северо-востоке Сирии, в 38 км к юго-востоку от г. Эль-Хасака. В настоящее время в лагере проживает 10 тыс. человек. Лагерь находится под контролем курдских сил безопасности (Сирийские демократические силы). 80% живущих в лагере – дети и женщины, половина детей – младше 5 лет. Многие – жены и дети бывших боевиков ИГИЛ. Условия в Аль-Холе очень тяжелые, люди страдают от недоедания. Из лагеря регулярно поступают сообщения о вспышках насилия, в результате которых гибнут дети.

Работа с детьми

Об использовании детей боевиками ИГИЛ общественности широко известно из СМИ и видеообращений самих детей. Они в этой ситуации оставались заложниками ИГИЛ и одновременно становились угрозой для других граждан. Беззащитность и зависимость от взрослых в сочетании с повышенной эмоциональностью и душевной незрелостью способствовали формированию и развитию у детей психических и поведенческих нарушений.

Использование подрастающего поколения с целью пропаганды идеологии ИГИЛ также показало свою эффективность. Видеоролики, где в казнях заложников участвовали дети, пользовались особой популярностью среди экстремистов. Демонстрация детской жестокости должна была подтолкнуть взрослых, еще не решившихся примкнуть к террористам, на этот шаг. Множество детей в роликах создавало также у зрителей иллюзию о прекрасных перспективах ИГИЛ: если есть молодое поколение подготовленных людей, значит, у государства есть будущее. Популярный слоган ИГИЛ – «Наши дети – наше будущее» – тоже содействовал пропаганде террористической идеологии.

С учетом отрицательного влияния на детей многих психотравмирующих факторов большую роль играет максимально раннее выявление у них различных нарушений, профилактика постстрессовых расстройств, своевременная реабилитация и социальная реинтеграция.

Реализация и координация всех этапов операции «Жусан» осуществлялись Министерством иностранных дел и Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан. Стремление помочь эвакуированным детям выразили многие физические и юридические лица. В работу были вовлечено Министерство науки и образования Казахстана, Министерство информации и общественного согласия привлекло общественный фонд «Право» через финансирование республиканского общественного объединения «Акниет». Дополнительную помощь и поддержку оказали местные исполнительные органы власти, Духовное управление мусульман Казахстана, акимат* Мангыстауской области и спонсоры.

* Акимат (администрация; казах. *әкімшілік, әкімдік*) – региональный орган исполнительной власти в Казахстане, районная государственная администрация в Казахстане и в Киргизии.

Благодаря четкой вертикальной и горизонтальной структуре при реализации операции «Жусан» удалось обеспечить преемственность реабилитации и избежать негативных последствий. Реабилитационные программы реализовались в полном объеме и позволили прийти к стойкому профилактическому эффекту. Эффективность программы реабилитации стала возможной благодаря учету гендерных и религиозных аспектов. После эвакуации матери и дети проживали совместно, матерям была дана возможность ухаживать за детьми и сиротами. Включение в программу реабилитации элементов семейной терапии позволило женщинам безболезненно компенсировать утраченные социальные и родственные связи и вернуться к привычным условиям жизни.

Именно реабилитация детей вызвала наибольшую сложность, так как в Казахстане не было практического опыта одновременного психологического восстановления большого количества разновозрастных детей (495 человек), переживших военные действия. Следовательно, необходимо описать психологические, психические и поведенческие особенности, наблюдаемые при обследовании детей, эвакуированных из Сирии.

В психологии есть термин «дети войны», для которого характерно «сознание выживающего», а не «сознание живущего» человека. Данное понятие можно применить ко всем поколениям людей, в силу обстоятельств ставших свидетелями, а иногда и участниками военных действий. Детская психика достаточно пластична, ребенок не может провести линию между вымышленным и настоящим миром. Для многих казахстанских детей, эвакуированных из Сирии, эта тема стала жестко табуированной. Они не имели навыков поведения и самосохранения в стрессовых ситуациях; не получая своевременной психологической помощи, не имея возможности рефлексии, они вынуждены были уходить в такие механизмы психологической защиты, как вытеснение, отрицание и иногда (очень редко, в основном, под влиянием матерей) в рационализацию травматического опыта. Чем старше человек, тем у него больше внутренних ресурсов, чтобы справиться с посттравматическим стрессовым расстройством. Естественно, такой «запас» возможностей у ребенка ничтожен. Все это создает благоприятные условия для того, чтобы любое травмирующее событие, любая стрессовая ситуация повышали уровень тревожности у детей.

Ситуация с подрастающим поколением усугубляется также тем, что дети в состоянии стресса находились достаточно долгое время, бо-

лее 3 лет. Таким образом, они испытывали не одномоментную ситуацию стресса, а ощущали постоянную повышенную тревожность и страх.

Нужно заметить, что все возвращенные дети не имели доступа к полноценному физическому развитию и медицинскому обслуживанию. Во время беременности многие женщины не могли питаться сбалансированно и получать необходимые консультации врачей. Новорожденные дети не проходили осмотр узких специалистов, не прививались, часто находились на искусственном вскармливании. Помимо нарушения физического и физиологического развития у них наблюдались нарушения психики. Некоторые получили физические увечья либо осколочные ранения во время бомбежек. Медицинские работники поставили детям различные диагнозы, такие как дистрофия, мочекаменная болезнь, болезни сердечно-сосудистой системы, кожные заболевания, брюшной тиф, коклюш.

Следует отметить, что эти недуги наблюдались у детей, достаточно продолжительное время испытывавших голод. Физиологическое недоедание также является для ребенка посттравматическим расстройством, что может иметь длительные и очень серьезные последствия для психики ребенка.

Все дети были лишены доступа к образованию, у них отсутствовали навыки коммуникации, что свидетельствует о педагогической и социальной запущенности. Матери выбирали стиль «механического воспитания»: «Главное, ребенок жив и сыт, остальное не так важно», – отмечали во время беседы женщины. «Холодное» материнство в полной мере относится и к стилю воспитания младших детей. Так, во время наблюдения в условиях адаптационного лагеря в г. Актау в основном старшие братья и сестры присматривали за младшими детьми.

Во время пребывания в Сирии над детьми довели множественные психотравмирующие факторы, повлиявшие на формирование у них психических нарушений. На первый план выступают такие общие психодинамические тенденции, как задержка психофизического развития, педагогическая запущенность, сопровождающаяся ситуационно обусловленными тревожно-депрессивными реакциями. Данные состояния усугублялись дополнительными травмирующими факторами: разлукой с отцом, сменой обстановки и социального окружения.

Во время проведения реабилитационных мероприятий и наблюдения в адаптационном лагере у девочек проявлялись следующие поведенческие изменения:

1) Продуктивный контакт с социальным работником осложнен в силу низкого уровня доверия. Дети вели себя замкнуто, при попытке общения с посторонними начинали громко плакать, звать маму, отворачивались, прятались за близких людей; часто занимали позицию «наблюдающего», отвечали кивком головы либо отмалчивались.

2) Речь детей негромкая, фразовая, нечеткая, с использованием арабских фразеологизмов и религиозных терминов, словарный запас скудный, образное мышление развито слабо.

3) Игры несложные, примитивные, с использованием камней, песка, пластиковых стаканчиков, посуды, деревяшек, осколков различных предметов. Потребности в настоящих игрушках не проявляли. Проблемы с концентрацией внимания.

В отличие от девочек мальчики проявляли более сильный интерес к окружающей обстановке и событиям. Многие старались помогать персоналу столовой и санитарам, быть полезными для нового окружения. Они были более самостоятельны, настойчивы в достижении целей, у них наблюдалось стремление к общению со сверстниками и новыми знакомыми. Мальчики охотнее вступали в контакт, рассказывали о приобретенных навыках, полученных от папы. В их описании наблюдалась «героизация» образа отца, который, по их словам, «стал шахидом и попал в рай». В общении стремились к определенным темам: это военная тематика, рассказы о трупах, бомбежках и оружии. Вместе с этим дети испытывали большой страх перед людьми в военной форме, относились к ним настороженно и с опаской. Услышав отрицательную оценку событий в Сирии, дети замыкались и переставали общаться. При обсуждении религиозных тем мальчики оживлялись, цитировали большие отрывки из Корана, знали много мусульманских легенд, преданий и обычаев; многие делали намаз. С азартом участвовали в подвижных играх, интересовались гаджетами и смартфонами сотрудников. Одновременно у мальчиков диагностировались такие психологические состояния, как агрессивность, повышенная тревожность, упрямство, настороженность.

У всех детей примерно до 10 лет отсутствовали навыки чтения и письма. Многие из них были двуязычными (арабский и казахский, арабский и русский). Познания об окружающем мире были скудными. Мировоззрение детей сформировано на основе коранических сказаний. У детей младшего возраста наблюдалось отставание в психофизическом развитии примерно в пределах двух–трех лет.

Учитывая все вышеперечисленные психотравмирующие факторы, реабилитационные мероприятия теологов, психологов, социальных работников, в будущем нельзя исключить возможность развития у детей психических расстройств, связанных с пережитой травмой. В связи с этим считаем необходимым и целесообразным проводить постоянное наблюдение за психическим и психологическим состоянием детей.

Риски вторичной радикализации

Для специалиста-психолога самым важным критерием успешной реабилитации репатриантов является то, что они начинают выбирать паттерны поведения, кардинальным образом отличающиеся от тех, которые привели их в свое время к радикализации сознания. В других случаях вторичная травматизация может возникать в результате гиперопеки пострадавших, вокруг которых окружающие, выводя их из-под влияния стрессоров обыденной жизни, создают «травматическую мембрану», отгораживающую их от внешнего мира.

По нашему мнению, риски вторичной радикализации обусловлены следующими факторами. Во-первых, это семейное окружение женщины: если принимающая ее семья придерживается радикальных взглядов, то риски вторичной радикализации очень высоки. Во-вторых, опасность связана с ее будущим замужеством, ведь согласно законам шариата женщине желательно состоять в браке. Но часто это союзы с мужчинами, которые придерживаются радикальных религиозных взглядов. Как правило, женщины в таких семьях становятся вторыми либо третьими женами.

В-третьих, риск связан с тем, что те жамагаты, от которых они уехали в свое время, не совсем радушно их приняли, а традиционный ханафитский жамагат вообще не принял их. Такая позиция своего рода «изгоев» или «отщепенцев» создает риски вторичной радикализации. Четвертый же фактор связан с недоверием и скепсисом общества по отношению к таким женщинам и программам их реабилитации.

Основными социальными факторами, влияющими на успешность адаптации жертв психической травмы, считаются отсутствие физических последствий, прочное финансовое положение, сохранение прежнего социального статуса, наличие поддержки со стороны общества и особенно группы близких людей. При этом последний фактор влияет на успешность преодоления последствий травматического стресса в наибольшей степени.

Анализ экспертных интервью показал, что работа с репатрированными женщинами и детьми носит комплексный характер. Тем не менее значительная часть экспертов отметила, что с детьми все же требуется отдельная работа по ресоциализации ввиду специфичности детской психологии и, соответственно, методов реабилитации. В этой связи к детям применяются ранее наработанные методики работы, ведется поиск новых решений и способов эффективной и безболезненной ресоциализации.

Заключение

Программы Республики Казахстан по реабилитации женщин и детей, вернувшихся из лагерей Сирии и Ирака, имеют свое практическое применение, на республиканском и региональном уровне накоплен значительный опыт.

В результате исследования проблем, связанных с реабилитацией и ресоциализацией, выявились различные направления, где необходимо усилить работу экспертам и специалистам. Во-первых, это работа с детьми, в которой необходимы более сложные подходы и методики. Женщины-репатриантки отмечают, что психологическая поддержка нужна также их детям. У некоторых детей сохраняются травмирующие их воспоминания о жизни в Сирии, у других детей есть сложности с обучением, поскольку в ИГ они не имели возможности для полноценной школьной учебы. Во-вторых, женщины отметили, что им не хватает индивидуальных психологических консультаций, адресной психологической поддержки. В-третьих, финансовые трудности, вопросы трудоустройства и обеспечения жильем остаются среди важных проблем. Женщин-репатриантки отметили сложности с получением социальных выплат по потере кормильца и, соответственно, предусмотренных в Казахстане различных льгот для детей. В то же время они осознают проблематичность получения пособий по потере кормильца, так как осведомлены, что согласно законодательству страны существуют правовые преграды по отнесению их пропавших без вести мужей к категории умерших граждан.

В целом программа реабилитации учитывала все возможные проблемы, с которыми столкнутся репатриантки, включая на разных этапах социально-правовую реабилитацию (восстановление документов), социально-медицинские услуги (посещение врачей, лекарственные препараты, рекомендации), социально-бытовые услуги, материальную

помощь, психологические консультации и теологическую коррекцию. Дальнейшая социализация предполагала юридическую поддержку при оформлении свидетельств о рождении детей, судебном признании мужа умершим, при оформлении государственных пособий, выдаче продуктовых корзин, оказании помощи с переобучением и получением жилья. На этапе реинтеграции важна была вовлеченность женщин в традиционную умму. В этой связи были организованы лекции представителей ДУМК и университета Нур-Мубарак, просмотр проповедей имамов и устазов в социальных сетях, на видеохостингах.

Кроме этого, вместе с региональной работой имеются практики по комплексному охвату всех реабилитированных репатрианток теологическим просвещением и психологической помощью. Например, по инициативе и в координации с Г. Раздыковой, автором раздела, для репатрианток были организованы на онлайн-платформах теологические лекции с приглашением квалифицированных теологов. Для женщин были организованы психологические коллективные занятия и тренинги в выходные дни, на которые приглашалось около 90 участников специально созданной в *WhatsApp* группы женщин-репатрианток.

Таким образом, в настоящее время в Казахстане деятельность в сфере профилактики, реабилитации и дерадикализации представляет собой комплексную работу, в которой задействованы все заинтересованные государственные органы, организации, а также специализированные НПО и имамы ДУМК.

¹ О понятии радикализации см.: *Sedgwick M.* The Concept of Radicalization as a Source of Confusion // *Journal of Terrorism and Political Violence*. No. 22: 4. 2010. Pp. 479-494; *Neumann P. and Kleinmann S.* How Rigorous Is Radicalization Research? // *Journal of Democracy and Security*. Vol. 9. No. 4. 2013. Pp. 360-382; *Bouchard M.* Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism. Routledge 2016; *Clutterbuck L.* Deradicalisation programs and Counter-Terrorism: a Perspective on the Challenges and Benefits. Middle East Institute. 10.06.2015. <https://mei.edu/publications/deradicalization-programs-and-counterterrorism-perspective-challenges-and-benefits> (дата обращения 11.12.2021)

² *Harper E.* Reconceptualizing the drivers of violent extremism: an agenda for child and youth resilience. WANAINstitute, 2018.

³ *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization and deradicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. Pp. 79-84.

⁴ Radicalization Process Leading to acts of terrorism. A concise Report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. 2008; *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A. R.* Op. cit.

⁵ *Jasko K., Kruglanski A.W., ASR Bin Hassan, and Gunaratna R.* ISIS: Its History, Ideology, and Psychology // Handbook of Contemporary Islam and Muslim Lives, eds. M. Woodward and R. Lukens-Bull. Cham, Switzerland: Springer. 2018. https://researchgate.net/publication/324279895_ISIS_Its_History_Ideology_and_Psychology (дата обращения 14.03.2022)

⁶ *Bhui K., Dinos S. and Jones E.* Psychological process and pathways to radicalization // Journal of Bioterrorism & Biodefense. s5(003), 2012.; *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A. W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Op. cit.

⁷ Полевые материалы автора. Дагестан, март 2017.

⁸ *Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Hetiarachchi M. and Gunaratna R.* Significance Quest Theory as the Driver of Radicalization towards Terrorism. In Resilience and Resolve. 2015. Pp. 17–30.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Полевые материалы автора. Интервью с северокавказским адвокатом, Москва, сентябрь 2018 г.

¹¹ *Jasko K., Kruglanski A.W., ASR Bin Hassan, and Gunaratna R.* ISIS: Its History, Ideology, and Psychology... (дата обращения 11.12.2021)

¹² Полевые материалы автора. Интервью с представителями гражданского общества, Махачкала, 2016 г.

¹³ Полевые материалы автора. Интервью с родственниками и друзьями радикалов, адвокатами, общественными лидерами, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, май–октябрь 2018 г.

¹⁴ *Bhui K., Dinos S. and Edgar Jones E.* Op. cit.

¹⁵ *Kruglanski Arie W., Webber D.* The Psychology of Radicalization // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. No. 9. 2014. Pp. 379–388.

¹⁶ Полевые материалы автора. Интервью автора с родственниками и адвокатами радикализовавшихся граждан, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, май–октябрь 2018 г.

¹⁷ *Hegghammer T.* Terrorist recruitment and radicalization in Saudi Arabia. Middle East Policy Council, 2006; *Roy O.* Al-Qaeda. A true global movement. Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge, 2016; *Harper E.* Op. cit.

¹⁸ The myth of the ‘lonewolf’ terrorist // *The Guardian*. 30.03.2017; Lone Wolves No More // Foreign Affairs, 27.03.2017.

¹⁹ Полевые материалы автора. Интервью с родственниками и друзьями радикалов, адвокатами, общественными лидерами, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, май–октябрь 2018 г.

²⁰ *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A. W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Op. cit. Pp. 79–84

²¹ Полевые материалы автора. Интервью с заместителем муфтия Кабардино-Балкарии, март 2017.

²² Полевые материалы автора. Интервью с отцом боевика, Дагестан, октябрь 2018.

²³ *McCauley C. & Moskalenko S.* Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // Terrorism and Political Violence. Vol. 20. No. 3. 2008. Pp. 415–433.

²⁴ Полевые материалы автора. Интервью с адвокатом, Дагестан, март 2017 г.

²⁵ *Ratelle, J-F.* North Caucasian foreign fighters in Syria and Iraq: assessing the threat of returnees to the Russian Federation // Caucasus Survey 4, № 3. 2016.

²⁶ Полевые материалы автора. Интервью с чеченским адвокатом, занимающимся делами о терроризме, Москва, сентябрь 2018 г.

²⁷ *Neumann P.R.* Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region. 28 September 2017; Preventing Violent Extremism Through Promoting Inclusive Development, Tolerance and Respect for Diversity. United Nations Development Programme 2016.

²⁸ *Roy O.* Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. Hurst, 2017.

²⁹ *Kharroub T.* Understanding Violent Extremism: The Social Psychology of Identity and Group Dynamics // Arab Center Washington DC. 25.09.2015. <https://arabcenterdc.org/resource/understanding-violent-extremism-the-social-psychology-of-identity-and-group-dynamics/> (дата обращения 11.09.2021)

³⁰ Наблюдения и интервью автора с активистами, местными жителями, общественными лидерами и экспертами с Северного Кавказа, из Чечни, Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, май–октябрь 2018 г.

³¹ Интервью автора с дагестанским салафитом, Стамбул, март 2017 г.

³² Legal Remedies for Human Rights Violations in the North Caucasus Region [«Средства правовой защиты для лиц, чьи права человека были нарушены в северокавказском регионе»], Комиссия по правовым вопросам и правам человека ПАСЕ, 4 июня 2010 г.

³³ Secretary-General's speech at SOAS, University of London, on "Counter-terrorism and human rights: winning the fight while upholding our values" [as delivered]. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2017-11-16/secretary-general%E2%80%99s-speech-soas-university-london-%E2%80%9Ccounter-terrorism>

³⁴ *Harper E.* Op. cit.

³⁵ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета (интернет-версия), 20.10.2009.

³⁶ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы (утв. Президентом РФ 26.04.2013 № Пр-1069).

³⁷ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 Пр-2753); Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

³⁸ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

³⁹ См., например, постановление «Об утверждении муниципальной программы администрации МР «Кизилюртовский район». «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Кизилюртовском районе на 2017 г.» 01.02.2017. <http://www.mr-kizilyurt.ru/wp-content/uploads/2020/09/img287.pdf> (дата обращения 21.10.2021)

⁴⁰ Интервью автора с экспертами и специалистами-практиками по ПНЭ, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чечня, май – октябрь 2018 г.

⁴¹ *Hemmingsen A-S. & Castro K.I.* The Trouble with Counter-narratives. Danish Institute for International Studies, 2017.

⁴² Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики, февраль 2013 г. https://gstou.ru/files/localnie_akti/pologeniya/ekdnvm.pdf (дата обращения 21.10.2021)

⁴³ Полевые материалы автора. Интервью автора с чеченским преподавателем, Грозный, октябрь 2018 г.

⁴⁴ Полевые материалы автора. Интервью автора с преподавателем, Грозный, октябрь 2018 г.

⁴⁵ Финал конкурса грантов прошел в Минмолодежи Дагестана. РИА «Дагестан». 29.10.2018.

⁴⁶ «Экстремизм – путь в никуда», Министерство по делам молодежи Республики Дагестан, 24 сентября 2018 г.

⁴⁷ Полевые материалы автора. Интервью автора с экспертом Министерства по делам молодежи Микаилом Микаиловым, Махачкала, сентябрь 2018 г.

⁴⁸ «Школьникам рассказали, как обезопасить себя в интернете» // Министерство по делам молодежи Республики Дагестан, 05.12.2017. http://minmol.e-dag.ru/press-tsentr/novosti/shkolnikam-rasskazali-kak-obezopasit-sebya-v-internete-_3017 (дата обращения 10.10.2021)

⁴⁹ Студенты Даггосуниверситета участвуют в поисковой экспедиции в Ленинградской области // РИА «Дагестан». 04.05.2018.

⁵⁰ Дагестанцы стали лидерами по количеству выигранных грантов на форуме «Машук – 2018» // РИА «Дагестан». 21.09.2018.

⁵¹ Интервью автора с директором центра профилактики экстремизма Севиль Новрузовой, Дербент, март 2017 г.

⁵² Интервью автора со школьным учителем, север Дагестана, сентябрь 2018 г.

⁵³ Полевые материалы автора. Интервью автора со школьным учителем, Хасавюрт, октябрь 2018 г.

⁵⁴ «Мы не забудем никогда». Литературно-театрализованное представление посвятили памяти жертв Беслана. Сетевое издание «Мирмол». 03.09.2018. <http://mir-mol.ru/obshhestvo/my-ne-zabudem-nikogda-literurno-teatralizovannoe-predstavlenie-posvjatili-ramjati-zhertv-beslana/> (дата обращения 10.10.2021)

⁵⁵ Полевые материалы автора. Интервью автора с директором школы, Дагестан, сентябрь 2018 г.

⁵⁶ Полевые материалы автора. Интервью с редактором дагестанского телеканала, Махачкала, март 2017 г.

⁵⁷ Полевые материалы автора. Фокус-группа автора с молодежью, Махачкала, февраль 2017 г.

⁵⁸ Полевые материалы автора. Интервью САРС с ингушским экспертом по эл. почте, декабрь 2018 г.

⁵⁹ Ингушетия стала лидером в СКФО по количеству грантов на форуме «Машук». 19.09.2018. <http://ingushetiav.ru/?p=26752> (дата обращения 20.02.2020)

⁶⁰ «Антитеррор 2018 – Денежные переводы», видео на официальном сайте муниципального образования «Городской округ город Магас», 04.05.2018 (дата обращения 08.06.2018)

⁶¹ В Ингушетии продолжают мероприятия из цикла «ДИЗлайк экстремизму», видео на официальном сайте Комитета по делам молодежи Республики Ингушетия, 15.12.2017 (дата обращения 25.01.2019)

⁶² В Кабардино-Балкарии назначили министра по профилактике экстремизма среди молодежи // Юга. 03.08.2015.

⁶³ Сход жителей с. п. Лечинкай, посвященный профилактике терроризма и экстремизма среди молодежи. Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарской Республики, 23 октября 2018 г. <https://www.kbrdum.ru/novosti/3186-skhod-zhitelej-s-p-lechinkaj-posvyashchennyj-profilaktike-terrorizma-i-ekstremizma-sredi-molodezhi> (дата обращения 04.02.2022)

⁶⁴ Трёхдневный лагерь межнационального и межконфессионального общения «Мир, дружба, я!» в Прохладненском районе КБР. <https://www.kbrdum.ru/novosti/3222-trjokhdnevnyj-lager-mezhnatsionalnogo-i-mezhkonfessionalnogo-obshcheniya-mir-druzhbaya-v-prokhladnenskom-rajone-kbr> (дата обращения 04.02.2022).

⁶⁵ В Нальчике состоялся республиканский религиозный форум: «Роль исламских богословов в преодолении разногласий исламской уммы Кабардино-Балкарской Республики». Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарской Республики, 2 августа 2018 г. <https://www.kbrdum.ru/novosti/3021-v-nalchike-sostoyalsya-respublikanskij-religioznyj-forum-rol-islamskikh-bogoslovov-v-preodolenii-raznoglasij-islamskoj-ummy-kabardino-balkarskoj-respubliki> (дата обращения 05.10.2021)

⁶⁶ Полевые материалы автора. Телефонное интервью автора с координатором проекта «Вместе!», реализуемого фондом Генезис, в КБР Екатериной Сурковой, ноябрь 2018 г.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Полевые материалы автора. Интервью автора с ингушским экспертом по ПНЭ. Магас, Ингушетия, март 2017 г.

⁶⁹ Полевые материалы автора. Интервью с экспертом. Назрань, Ингушетия, март 2017 г.

⁷⁰ *Hemningsen A-S. & Castro K. I.* Op. cit.

⁷¹ *Инглхарт П., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Новое изд-во, 2011. 462 с.

⁷² *Jenkins P.* Images of terror: What we can a. can't know about terrorism. N.Y.: Aldine-deGruyter, Cop. 2003. P. 49.

⁷³ *Ibidem.* P. 50.

⁷⁴ *Полач Д.* Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 7–12.

⁷⁵ *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и проторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 55.

⁷⁶ *Borell K.* Terrorism and Everyday Life in Beirut 2005: Mental Reconstructions, Precautions and Normalization // *Acta Sociologica.* 2008. Vol. 51. No. 1. Pp. 55–70.

⁷⁷ *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Указ. соч. С. 57.

⁷⁸ *Ibidem.* С. 106.

⁷⁹ *Ibarra P.R., Adorjan M.* Social Constructionism. The Cambridge Handbook on Social Problems (ed. J. Trevino), Cambridge: Cambridge University Press (in print), 2017.

- ⁸⁰ *Jenkins P.* Images of Terror: What We Can and Can't Know about Terrorism. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 2003. P. 50.
- ⁸¹ *Stump J.L., Dixit P.* Toward a Completely Constructivist Critical Terrorism Studies // International Relations. 2012. Vol. 26. No. 2. Pp. 199–217.
- ⁸² *Jackson R.* Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counter-Terrorism. Manchester: Manchester University Press, 2005; *Jenkins P.* Op. cit.
- ⁸³ *Jackson R.* Op. cit.
- ⁸⁴ *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Указ. соч. С. 66.
- ⁸⁵ *Hilgartner S., Bosk Ch.* The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. No. 1. Pp. 53–78.
- ⁸⁶ *Miller L.* Claims-Making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems (eds. J. Holstein, G. Miller). Aldine, 2003. Pp. 92–119.
- ⁸⁷ *Ibarra P.R., Adorjan M.* Op. cit. P. 132.
- ⁸⁸ *Васильева Н.В., Майборода А.В., Ясавеев И.Г.* «Почему уходят в ИГИЛ?»: курс-анализ нарративов молодых дагестанцев // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 54–74.
- ⁸⁹ *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Указ. соч. С. 81.
- ⁹⁰ *Стародубовская И. Л.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 92–113; *Ярлыкапов А.А.* «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. 2016. Вып. 3. С. 112–121.
- ⁹¹ Круглый стол на тему: «Создание информационно-консультационного центра по противодействию деструктивным религиозным культам «Диалог». 21.12.2016. <https://kpfu.ru/imoiv/islam/kruglyj-stol-na-temu-39sozdanie-informacionno.html> (дата обращения 05.02.2022)
- ⁹² *Сафин Р.Ш.* Психологические аспекты дерадикализации членов международных террористических и экстремистских организаций // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 25–27 апреля 2018 г.) / сост. Д.М. Абдрахманов [и др.]. Уфа: «Мир печати», 2018. С. 65–70.
- ⁹³ Идеологический иммунитет – основа духовной безопасности. https://vuzlit.com/616827/ideologicheskij_immunitet_osnova_duhovnoy_bezопасnosti; <https://uz.denemetr.com/docs/768/index-493357-2.html?page=9> (дата обращения 20.07.2022)
- ⁹⁴ *Душаев А.Ж.* Глобализация и идеологический иммунитет // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 825–826. <https://moluch.ru/archive/93/20873/> (дата обращения 11.07.2022)
- ⁹⁵ *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (дата обращения 02.11.2019).
- ⁹⁶ *Bunt, Gary R.* I-Muslims: Rewiring the House of Islam. The University of North Carolina Press, 2009. 358 p.
- ⁹⁷ *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.; *Borum R.* Radicalization into Violent Extremism: A Review of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2012. Vol. 4. No. 4. Pp. 7–36.; *McCauley C., Moskalenko S.* Friction. How Radicalization Happens to Them and Us. Oxford: University Press, 2011. 240 p.; *Van*

Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. No. 4. Pp. 504– 535; Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalization, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments // *PLoS ONE*. No. 11 (2). 2016. Pp. 1–19.

⁹⁸ Neumann P. The trouble with radicalization // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. Iss. 4. Pp. 873–893.

⁹⁹ Sedgwick M. The concept of radicalization as a source of confusion // *Terrorism and Political Violence*. 22(4). 2010. P. 479–494.

¹⁰⁰ Neumann P. The trouble with radicalization...

¹⁰¹ Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / отв. ред. А.В. Малащенко. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. С. 36–37.

¹⁰² Патеев Р.Ф. Научная деятельность Центра исламоведческих исследований АН РТ по изучению радикальной среды // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 9–11 октября 2018 г. / отв. ред. Р.Ф. Патеев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 12.

¹⁰³ Гусейнов А.Ш., Шиповская В.В. Феномен экстремизма: субъектно-бытийная интерпретация // *Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография* / под науч. ред. В.Е. Козлова. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020. С. 7.

¹⁰⁴ Costanza W.A. Adjusting Our Gaze: An Alternative Approach to Understanding Youth Radicalization // *Journal of Strategic Security*. 2015. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–15.

¹⁰⁵ Яхин Ф.Ф. Причины и факторы религиозно-мотивированного экстремизма в контексте психодинамических теорий личности (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм) // *Ислам: личность и общество*. 2019. № 3. С. 199–200.

¹⁰⁶ Жемчугова А.А. Теоретическое обоснование исследования когнитивно-поведенческих особенностей лиц категории особого внимания // *Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография* / под науч. ред. В.Е. Козлова. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020. С. 25.

¹⁰⁷ Статистика интернета и соцсетей на 2023 г. – цифры и тренды в мире и в России. <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 09.07.2023)

¹⁰⁸ Safiullina-Ibragimova R.R., Beloglazova I.G. What Do Sheikh-Google And Facebook-Mufti Preach? (Theological Issues in the Muslim Blogosphere and Mobile Apps) // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020. Vol. 9. Pp. 1761–1766.

¹⁰⁹ Bunt Gary R. iMuslims...

¹¹⁰ Хабермас Ю. Первым почуть важное. Что отличает интеллектуала. <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (дата обращения 02.11.2019).

¹¹¹ Там же.

¹¹² «Шейх-Google» и «муфтий-Facebook»: Духовные управления мусульман обещают бороться с радикальными толкованиями Корана в интернете // *KAZANFIRST*. 04.07.2015. <https://kazanfirst.ru/articles/55413> (дата обращения 02.11.2019)

¹¹³ Нуруллина Р.В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи. Автореф. дис. канд. соц. наук. Казань, 2010. С. 219.

¹¹⁴ Хайбуллин И. В блогах: Зачем нужны хазраты и имамы, или рассказ об одном из слабых мест мусульман. Размышления одного хазрата о своем предназначении // IslamNews. 03.01.2011. <https://islamnews.ru/news-V-blogah-Zachem-nuzhny-hazraty-i-imamu-ili-rasskaz-ob-odnom-iz-slabyh-mest-musulman/> (дата обращения 22.10.2019)

¹¹⁵ Ахметова Д. Мечети будущего. https://idmedina.ru/books/history_culture/minaret/25-26/7-dilyara-ahmetova.htm? (дата обращения 24.10.2019)

¹¹⁶ Сагдатуллин Р.Э. «Кибердружина» – куратор безопасности интернета в Республике Татарстан // I Международный форум «Богословское наследие мусульман России»: Т. II: Сборник научных докладов конференций, г. Болгар, 13–19 октября 2019 г. / сост.: Д.М. Абдрахманов [и др.]. Казань: ИД «МеДДоК», 2020. С. 231.

¹¹⁷ Некрасов С.Ю., Шакарова М.А. Разработка и распространение антиэкстремистских материалов в сети Интернет // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 9–11 октября 2018 г. / отв. ред. Р.Ф. Патеев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 346.

¹¹⁸ Страница общественного движения «КиберДружина» в социальной сети ВК. <https://vk.com/kibert>

¹¹⁹ Некрасов С.Ю., Шакарова М.А. Разработка и распространение антиэкстремистских материалов... С. 346–347.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Дискурс. <https://www.youtube.com/watch?v=HLzhoDhwCDA&t=3873s> (дата обращения 10.02.2022)

¹²² Сафиуллина - Аль Анси Р.Р. Внутриконтфессиональный диалог в мусульманском сообществе РТ: опыт, проблемы, перспективы // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6–7 сентября 2018 г., посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой [и др.]. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 182; В Казани публично обсудят исламский модернизм, суфизм и фундаментализм // IslamNews. 19.11.2017. <https://www.islamnews.ru/news-542150.html> (дата обращения 10.12.2017)

¹²³ Чему учат будущих исламских лидеров России. <http://milli-firka.org/чему-учат-будущих-исламских-лидеров-p/> (дата обращения 14.02.2022).

¹²⁴ Школа мусульманского лидера «Махалля 2.3»: какие сюрпризы ожидают участников в этом году? // Islam today. 20.11.2017. https://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/skola-musulmanskogo-lidera-mahalla-2-3-kakie-surprizy-ozidaut-ucastnikov-v-etom-godu/ (дата обращения 14.02.2022)

¹²⁵ Школа мусульманского лидера, дискуссии с Орханом Джемалем. Суфизм. [https://www.youtube.com/watch?v=_Jj9pSuk5LE&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=4](https://www.youtube.com/watch?v=_Jj9pSuk5LE&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=4;); Школа мусульманского лидера. Публичная дискуссия с участием Орхана Джемалю. [https://www.youtube.com/watch?v=edLPK2DiG34&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=4](https://www.youtube.com/watch?v=edLPK2DiG34&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=4;); Традиционный ислам. Публичная дискуссия с участием Орхана Джемалю. [https://www.youtube.com/watch?v=dzL1lw7DJVY&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=1](https://www.youtube.com/watch?v=dzL1lw7DJVY&list=PLUEc3192gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=1;); <https://youtu->

be.com/watch?v=dzL11w7DJVY&list=PLUEc3l92gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=1; Современный фундаментализм: веяния и вызовы. Публичная дискуссия с участием Орхана Джемала. https://www.youtube.com/watch?v=fR-LLkvSPcE&list=PLUEc3l92gaDy_Fm6kMk-W9MFe0rXfLQsE&index=2 (дата обращения 14.02.2022)

¹²⁶ «Оживление наук о вере» на новый лад // Islam News. 28.11.2017. <https://islamnews.ru/ozhivlenie-nauk-o-vere-na-novuy-lad-il> (дата обращения 04.12.2017)

¹²⁷ Брилев Д. Мировая умма в зеркале социологии. <http://umma.org.ua/ru/article/publications/2012/08/22/330> (дата обращения 04.12.2013)

¹²⁸ Сафиуллина – Аль Анси Р.Р. Хизбут-Тахрир в Республике Татарстан: трансформация доктринального дискурса и поведенческого уровня // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. / отв. ред. Д.В. Брилев. Казань: Казан.ун-т, 2014. С. 40–54.

¹²⁹ Смирнов М.Ю. Ресурсы новых религиозных движений в России // Новые религии в России: Двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. М., 2013. С. 31.

¹³⁰ Сторчак В.М. Диалектика рационального и иррационального в контексте эволюции религии // Новые религии в России: Двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. М., 2013. С. 101.

¹³¹ Интервью с Азатом Хасановым от 23.09.2019 г. Материалы полевого исследования.

¹³² Патеев Р.Ф. Научная деятельность Центра исламоведческих исследований АН РТ по изучению радикальной среды // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 9–11 октября 2018 г. / отв. ред. Р.Ф. Патеев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 13.

¹³³ Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 24–43.

¹³⁴ Хусаенова С.В. Концепция дерадикализации и ресоциализации личности, склонной к терроризму и экстремизму // Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография / под науч. ред. В.Е. Козлова. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020. С. 96–117.

¹³⁵ Галеев И.Ш. О подходах АТК в Республике Татарстан к организации работы по ресоциализации и дерадикализации участников террористических группировок // Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография / под науч. ред. В.Е. Козлова. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020. С. 127.

¹³⁶ Там же. С. 133–134.

¹³⁷ Ничипоренко Н.П. Исследование механизмов адаптации личности в трудной жизненной ситуации // Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография / под науч. ред. В.Е. Козлова. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020. С. 43–44.

- ¹³⁸ Сайт автономной некоммерческой организации «Центр социальной реабилитации и адаптации». <https://centra.ru/>
- ¹³⁹ Опыт КФУ по противодействию экстремизму представлен на всероссийском семинаре. 18.11.2020. <https://media.kpfu.ru/news/konferenciya> (дата обращения 05.02.2022)
- ¹⁴⁰ *Ничипоренко Н.П.* Исследование механизмов адаптации... С. 44.
- ¹⁴¹ *Хасанова Ф.Х.* Профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде // Ислам: личность и общество. 2019. № 3. С. 198.
- ¹⁴² Интервью с Яковлевой Светланой Владимировной от 23.09.2019. Материалы полевого исследования.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-vrossiiskoi-federatsii-do/> (дата обращения 01.09.2018)
- ¹⁴⁵ *Добаев И.П.* Исламский радикализм... С. 37.
- ¹⁴⁶ *Патеев Р.Ф.* Научная деятельность Центра... С. 7.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 8.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 14.
- ¹⁴⁹ *Seth J. G., Dobbins J., Byman D., Chivvis Ch. S., Connable B., Martini J., Robinson E., Chandler N.* Rolling Back the Islamic State. Product Page. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. P. XI. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1912.html
- ¹⁵⁰ *Cook J., Vale G.* From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of Islamic State. London: King's College, 2018. 72 p.
- ¹⁵¹ *Захарова Н.М., Милехина А.В.* Комплекс реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, возвращенных в Россию из зон боевых действий // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 11-2 (80). С. 13–18.
- ¹⁵² *Красинский В.В.* Ресоциализация (дерадикализация, реабилитация и реинтеграция) лиц, возвращенных из зон вооруженных конфликтов // Современное право. 2021. № 8. С. 102–113.
- ¹⁵³ *Арефьев А.М.* Возвращение граждан из зон террористической активности: гуманизм vs безопасность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 9–17.
- ¹⁵⁴ *Захарова Н.М., Цветкова М.Г.* Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413
- ¹⁵⁵ *Alirol C.* Management of minors returning from regions controlled by Islamic State // Soins Pédiatr Pueric. 2018. Vol. 39(304). Pp. 43–47. (На франц.). DOI: 10.1016/j.spp.2018.07.010
- ¹⁵⁶ Все этапы спецоперации «Жусан» завершены – зампред КНБ // Контртеррористический комитет. Официальный сайт Республиканского общественного объединения. <http://ctc-rk.kz/все-этапы-спецоперации-жусан-заверше.html> (дата обращения 15.03.2022).
- ¹⁵⁷ Узбекистан вывезет из Сирии женщин и детей, оказавшихся в трудном положении // News.uz. 28.06.2020. <https://uznews.uz/posts/8640> (дата обращения 29.06.2020).
- ¹⁵⁸ За два года Узбекистан вывез из зон конфликта более 530 своих граждан // Спутник Узбекистан. 06.04.2022. <https://uz.sputniknews.ru/20220406/za-dva-goda-uzbe>

kistan-vyvez-iz-zon-konflikta-bolee-530-svoix-grajdan-23810874.html (дата обращения 07.07.2022)

¹⁵⁹ 84 таджикских детей вернули из Ирака в Душанбе // Avesta Information Agency. 01.05.2019. <https://avesta.tj/2019/05/01/84-tadzhikskih-detej-vernuli-iz-iraka-v-dushanbe/> (дата обращения 05.05.2021)

¹⁶⁰ О Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (дата обращения 21.05.2022); Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (дата обращения 21.05.2022)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ислам является наиболее важной составной частью политической, культурной и социально-экономической жизни регионов многих стран мира, рост его влияния меняет цивилизационный облик многих из них, выходя далеко за рамки исторических центров исламской цивилизации. Исламские социально-политические институты часто становятся альтернативой национально-государственным структурам власти, что не может не являться вызовом для националистических режимов и светской модели государственной власти. Вызванный этим противостоянием идеологический конфликт становится неизбежным и оправданным защитой традиционных ценностей ислама.

Актуальность проблематики дерадикализации исламистов подтверждается современной мировой повесткой: опыт стран Европы, Ближнего Востока, Африки показал, что силовой подход и масштабные контртеррористические военные кампании, направленные на борьбу с экстремистами, дают кратковременный, но не долгосрочный эффект. Ликвидированные в ходе боевых операций лидеры и группы сменяются новыми, практики внесудебного насилия трансформируются и принимают новые формы. В разных странах мира чрезмерное неоправданное применение силы в ходе правительственных операций не только вело к арестам, задержаниям и убийствам мирных граждан, но и порождало факторы, способствующие радикализации молодежи в зоне конфликта.

В этих условиях концепция сочетания силового подхода с «мягкой силой» стала находить все больше сторонников среди политиков и экспертов. В широких концептуальных рамках «мягкой силы» в разных странах работают и программы дерадикализации.

Опыт дерадикализации исламистов в разных странах мира говорит о том, что успех в этой сфере в той или иной степени возможен, однако он во многом зависит от того, насколько комплексными и финансово обеспеченными будут программы дерадикализации, насколько вовлеченными в разработку программ окажутся местные лидеры и сообщества, куда по окончании программы, как правило, возвращается участник программы дерадикализации.

При этом необходимо понимать, что из-за растущих противоречий между особенностями развития западного секулярного мира и традиционной религиозной этикой ислама наибольшую сложность пред-

ставляет достижение идеологического уровня дерадикализации. Мы разделяем подход ученых, считающих, что дерадикализация – это процесс изменения не только поведения человека, его отказ от применения насилия, но и изменение его системы убеждений, отказ от экстремистской идеологии и принятие основных общечеловеческих ценностей. Дерадикализация включает превентивные меры, направленные на формирование благоприятной среды, а также стратегии реабилитации и реинтеграции людей, прошедших программы дерадикализации. Концептуальная и практическая новизна программ дерадикализации заключается в том, что они вышли за рамки силовых подходов в отношении радикальных исламистов-террористов и тех, кто находится в группе риска.

Материалы данной монографии убеждают в том, что успешная и сколько-нибудь масштабная дерадикализация исламистов невозможна без разрешения общественных противоречий и конфликтов. Гарантом ее результативности является достаточно длительный культурно-исторический процесс разрешения накопившихся противоречий и усиления сплоченности общества.

Анализ существующих программ дерадикализации на Ближнем Востоке, в странах Африки и Юго-Восточной Азии показал, что они направлены не только на то, чтобы человек отказался от практики применения насилия, но чтобы он признал, что социальные изменения могут быть достигнуты путем легальной политической конкуренции, в рамках правового поля, без применения насилия и террора. Не менее важная цель успешных реабилитационных программ заключается в общественной мобилизации и влиянии общества на предотвращение радикализации.

Программы, принятые в разных странах, имеют схожее содержание: они предусматривают работу участников программы с авторитетными религиозными деятелями и имамами; психологическую реабилитацию; вовлечение в процесс дерадикализации близкого окружения, родителей, друзей и семьи; получение профессии, позволяющей обеспечить элементарную финансовую самостоятельность, а также интеграцию в процесс мирной жизни после того, как осужденные вышли на свободу. Большая роль в программах дерадикализации отводится исламским ученым, алимам, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании Корана и Сунны, шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия.

Однако эффективность подобных форм деидеологизации религиозного радикализма и экстремизма остается дискуссионной уже в силу того, что пока отсутствуют широкие и систематизированные базы данных о влиянии программ религиозной реабилитации на уровень и динамику террористической активности в различных странах и регионах мира. Следует также учитывать, что методики идейной дерадикализации бывших участников и сторонников какой-то одной экстремистской группировки далеко не всегда могут быть использованы для работы с представителями других группировок по причине доктринальных различий их убеждений, а иногда и идейного противостояния друг другу. Также необходимо иметь в виду, что как особое направление деконструкции радикальных идеологий религиозная реабилитация возможна, по большому счету, только по отношению к активным сторонникам и проводникам этих идеологий, тогда как члены семей и близкие люди экстремистов могут и не иметь аналогичной устойчивой идейной мотивации.

Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов не может сводиться к их духовному, религиозному перевоспитанию – возвращению «строителей» всемирного халифата к «правильному», «истинному» исламу. Теория и практика деконструкции радикальных идеологий должна учитывать комбинаторику собственно идейных и связанных с ними эмоциональных, аффективных аспектов радикализма, ослаблять и разрушать связи этих компонентов, представляя радикальные идеологии как «охоту» на сознание и мышление людей. На уровне более общих – концептуальных – определений можно представить эффективную и устойчивую деконструкцию радикальных идеологий как когнитивно-ментальную перестройку лежащих в их основе убеждений и установок, способную привести, возможно, не сразу и не в полном объеме, к снижению и преодолению заключенных в этих идеологиях утроз экстремизма.

Опыт Египта, одной из ключевых стран Северной Африки, показывает, что превалирование силовых методов разрешения конфликтных ситуаций над социально-экономическими и психологическими дает преимущество только в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной не дает стране выйти из замкнутого круга повторения угроз радикализации общества. В то же время анализ марокканского подхода, заключающегося в целенаправленной и непрерывной внутренней политике по разрешению социально-экономических проблем, свидетельствует о том, что устойчивых успехов в дерадикализации политически

активного населения можно добиться и при относительно ограниченном бюджете противодействия росту радикальных настроений.

Почти полное прекращение финансирования программ дерадикализации, как это произошло в Йемене после 2014 г., не позволяет применять несилловые методы борьбы с религиозным экстремизмом. На сегодняшний день противодействие радикальному исламизму в стране осуществляется только в рамках отдельных военных операций при поддержке со стороны специальных подразделений Соединенных Штатов.

В контексте изучения ненасильственных путей, способов противодействия религиозному радикализму и экстремизму представляется крайне интересным опыт Саудовской Аравии, где программы дерадикализации являются частью широких контртеррористических мер, принятых в ходе вступления страны на путь модернизации и распространения все большего контроля государства над основными сферами социально-культурной жизни, включая ограничение роли религиозных лидеров в жизни страны. Встав на этот путь, властям пришлось принимать не только жесткие военные меры в отношении экстремистских групп, но и вложить значительные средства в программы дерадикализации исламистов, включающие методы реабилитации приверженцев радикальной идеологии исламизма. На этом пути власти пытаются вернуть экстремистов к пониманию истинного ислама и способствовать реинтеграции и ресоциализации тех из них, кто желает вернуться к мирной жизни. Вместе с тем власти могут себе позволить выделять из бюджета страны значительные средства на покупку лояльности экстремистов и их лидеров, что также сыграло свою роль в стабилизации ситуации в стране.

Политика дерадикализации в Индонезии является следствием сложившегося баланса сил внутри страны. Как и в приведенных ранее примерах, силовые структуры здесь фактически продолжают оставаться решающим фактором поддержания внутривнутриполитической стабильности и безопасности, определяющим характер политического режима в стране, где секуляризм является одной из основ государственности. Помимо политических структур и силовых ведомств свой вклад в борьбу с исламским радикализмом в Индонезии вносят и мусульманские общественные организации, это уже стало правилом для тех мусульманских стран, где правительство озабочено радикализацией политически активных мусульман. Особую роль в процессах дерадикализации исламизма играют светские учебные заведения, заинте-

ресованные в сохранении сложившейся секулярной модели общества. Политика памяти, проводимая в Индонезии представителями светских интеллектуальных кругов и мусульманских общин, направлена на формирование компромиссного мемориального кокона, призванного содействовать не только консолидации общества, но и делегитимизации радикальных идей путем вытеснения их на периферию культурной коллективной памяти. Таким образом, опыт Индонезии также может быть признан относительно успешным примером дерадикализации исламизма.

Опыт Великобритании, где программы дерадикализации развивались, масштабировались и финансировались на протяжении последних двадцати лет, характеризуется в настоящее время скепсисом экспертов относительно самой возможности перевоспитать человека, склонного к экстремистским идеям и практикам. Однако в целом общая статистика британского Министерства внутренних дел показывает, что число подозреваемых в терроризме в стране снизилось до самого низкого уровня за последнее десятилетие. Практики дерадикализации в Великобритании характеризуются более индивидуальным подходом, чем в описанных ранее примерах, значительным финансированием и преобладающим идейным контекстом западных либеральных ценностей.

Радикализация молодежи на Северном Кавказе долгое время оставалась серьезным фактором нестабильности для всего региона, однако в последние годы отток молодежи в экстремистские группировки прекратился, а профилактическая деятельность со стороны государственных и общественных организаций реализуется в современных форматах. Однако факторы радикализации молодежи многочисленны и разноплановы, они не сводятся только к прямому воздействию политических и религиозных радикалов на умы молодых людей, поэтому представляется крайне необходимым сохранять и корректировать усилия по проведению комплексной, разноплановой политики предотвращения радикализации молодежи.

Внутренняя политика Казахстана в сфере профилактики, реабилитации и дерадикализации исламистов представляет собой успешный пример комплексной работы, в которой задействованы все заинтересованные государственные органы, общественные организации и представители духовенства. Дерадикализационные программы здесь в основном направлены на женщин и детей, возвращенных властями Казахстана из лагерей Сирии и Ирака. В этой связи следует отметить,

что в процедуры понимания и объяснения мотиваций женского экстремизма должна быть включена гендерная психология.

Во всех странах, где были реализованы программы дерадикализации, существовали риски, затрудняющие дерадикализацию. Люди, решившие порвать с экстремистскими группами, могут быть стигматизированы своими бывшими «товарищами» и даже стать объектом мести. Важно, чтобы после отбывания срока наказания рядовые члены террористических группировок были ограждены от влияния своих прежних лидеров и включены в социальные сети, основанные на нормах умеренного ислама.

Определенный опыт программ дерадикализации исламистов может быть востребован в России. В современной российской стратегии противодействия религиозному экстремизму акцент делается на борьбе с уже состоявшимися негативными процессами радикализации, в программных документах заявлено о необходимости устранения причин, порождающих эти процессы. Понятие профилактики и купирования факторов риска радикализации, влекущих за собой преступления экстремистской направленности, стали частью стратегии. Однако необходимо признать, что в деле противодействия религиозно мотивированному экстремизму крайне важен синтез описанных в монографии методов и практик: от силового воздействия до синтеза психологии и теоретической части исламского богословия, от продуманной работы в информационном пространстве страны до финансового решения основных социально-экономических конфликтов и противоречий.

Важно подчеркнуть, что механическое перенесение опыта других стран на Россию невозможно. Однако некоторые работающие составляющие программ дерадикализации могут быть применены в регионах Северного Кавказа и Поволжья. Во-первых, это участие в программах дерадикализации квалифицированных исламских ученых. Без качественного религиозного образования участников программы цели программы не могут быть достигнуты. Во-вторых, участники, завершившие программу дерадикализации, должны получить профессиональную подготовку, что поможет им достичь финансовой независимости хотя бы для обеспечения расходов, связанных с оплатой жилья и содержанием детей. В-третьих, важно вовлечение членов семьи в процессы реабилитации, именно семья и ближайшие родственники могут создать почву для реинтеграции в общество. Местные сообщества необходимо привлекать к обсуждению концепции, структуры и реализации программ дерадикализации.

В современных условиях обострения глобальных геополитических, экономических и культурно-цивилизационных противоречий вопросы дерадикализации исламистов становятся в ряд первостепенных по важности вопросов мировой стабильности и международной безопасности и требуют пристального, углубленного внимания со стороны органов государственной власти, общества, ученых и экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арефьев А.М.* Возвращение граждан из зон террористической активности: гуманизм vs безопасность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 9–17.
- Баева Л.В.* Молодежный экстремизм в условиях современного кризиса культуры // 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом. Т. 2. М.: «Авантитул», 2010.
- Бейлис В.А.* Традиция в современных культурах Африки. М.: Наука, 1986.
- Бобохонов Р.С.* Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. М., 2012. С. 97–103.
- Бобхонов Р.С.* Радикальные течения ислама в мире: «Братья мусульмане» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 8. С. 16–20.
- Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI в. М.: «Восточная литература» РАН, 2012.
- Васильев А.М.* Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2003. № 5. С. 2–12.
- Васильева Н.В., Майборода А.В., Ясавеев И.Г.* «Почему уходят в ИГИЛ?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 54–74.
- Внукова Л.Б.* Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60–69.
- Гордеев Н.С.* Дерадикализация в исправительных учреждениях: российский и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. Материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2016. С. 172–175.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2016.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база // Исламские движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Афразийская зона нестабильности. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 40–41.
- Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020.
- Добаев И.П.* Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.
- Другов А.Ю.* Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии // Религия и общество на Востоке. 2020. № 4. С. 230–254.
- Емельянов А.Л.* Черный ислам // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 44–55.
- Ефимова Л.М.* Исламский экстремизм в Индонезии // Юго–Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. Вып. 17. С. 90–105.
- Ефимова Л.М.* «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 115–132.

Зеленев Е.И. Исламский фактор в современной Африке: переходный период и «реисламизация» // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 7. С. 10–17.

Ибрагим Т. Ислам. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: «Мысль», 2010.

Карпачева О.В., Нефляшева Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // *Журнал исторических исследований*. 2018. Т. 3. № 4. С. 18–32.

Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия» // *Религия и общество на Востоке*. Институт востоковедения РАН. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2017. С. 7–50.

Красинский В.В. Ресоциализация (дерадикализация, реабилитация и реинтеграция) лиц, возвращенных из зон вооруженных конфликтов // *Современное право*. 2021. № 8. С. 102–113.

Кружкова О.В., Воробьева И.В., Никифорова Д.М. Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде интернет // *Образование и наука*. 2016. № 10 (139). *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998.

Мольтман Ю. Теология надежды // *Вопросы философии*. 1990. № 9. С. 132–148.

Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Африканская традиционная этика в контексте современности // *Восток (Oriens)*. 2015. № 6. С. 64–75.

Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Зоны афрохристианского синкретизма как трансфер между двумя цивилизациями // *Цивилизации*. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций. М.: Наука, 2021. С. 97–137.

Мухаметзарипов И.А. Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Центр исламоведческих исследований Республики Татарстан. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017.

Нефляшева Н.А., Карпачева О.В. Дерадикализация политического ислама как насущная задача современного цивилизационного развития: мировой и российский опыт. Круглый стол в Институте Африки РАН // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 116–130.

Нефляшева Н.А. «Только идеи могут бороться с идеями». Дерадикализация исламистов в Саудовской Аравии // *Исламоведение*. 2019. Т. 10. № 4. С. 14–30.

Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 9–11 октября 2018 г. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018.

Павлова О.С. Психологические причины и профилактика вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // *Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России [сборник] / Правительство Москвы, Департамент нац. политики и межрегион. связей г. Москвы, Московский дом национальностей*. М.: ГБУ «МДН», 2019. С. 132–140.

Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы Всероссийского форума (Москва, 25 сентября 2018 г.). М.: МГИМО-Университет, 2018.

Профилактика экстремизма и технологии дерадикализации в работе с подростками // *Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление*. Сб. трудов XIV Межд. научно-практич. конф. (Москва, 6–8 апреля 2021 г.). М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021.

Резван Е.А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Рогожина Н. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 8. С. 27–36.

Саватеев А.Д. Мусульманские духовные ордена в Тропической Африке. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 1999.

Сафин Р.Ш. Психологические аспекты дерадикализации членов международных террористических и экстремистских организаций // *Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мин-во образования и науки РФ и др., г. Уфа, 25–27 апреля 2018 г. Уфа: «Мир печати», 2018. С. 65–70.

Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Сысоев А.М. Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 1. С. 84–86.

Сюккйяйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. № 1. С. 24–43.

Хайрулин Т.Р. Современный исламизм в Арабском мире. М.: ЛЕНАНД, 2022.

Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12. № 3. С. 87–102.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // *Социс*. 2008. № 5. С. 146–165.

Ярлыкапов А.А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // *Международная аналитика*. 2016. Вып. 3. С. 112–121.

Яхин Ф.Ф. Причины и факторы религиозно-мотивированного экстремизма в контексте психодинамических теорий личности (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм) // *Ислам: личность и общество*. 2019. № 3. С. 199–200.

Agastia G., Perwita A., Subedi D.B. Countering Violent Extremism through State–Society Partnerships: A Case Study of De–radicalisation Programmes in Indonesia // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2020. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–22.

Alati D. Countering Radicalisation to Violent Extremism: A Comparative Study of Canada, the UK and South East Asia. *World Academy of Science, Engineering and Technology // International Journal of Law and Political Sciences*. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 88–92.

Ashour O. *The Deradicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements*. Oxon: Routledge, 2010.

Aslam M.M., Othman I.B., Rosili N.A.K. De–Radicalization Programs in South–East Asia: A Comparative Study of Rehabilitation Programs in Malaysia, Thailand, Indonesia and Singapore // *Journal of Education and Social Sciences*. 2016. No. 4. Pp. 154–160.

Baran Z. *Fighting the War of Ideas* // *Foreign Affairs*. N.Y. 2005. Vol. 34. No. 6. Pp. 68–78.

Bjørge T. and Horgan J. (Eds.). *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*, N.Y.: Routledge, 2008.

Borum R. Radicalization into Violent Extremism: A Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2012. Vol. 4. No. 4. Pp. 7–36.

Casptack A. *Deradicalization Programs in Saudi Arabia: A Case Study*. <https://mei.edu/publications/deradicalization-programs-saudi-arabia-case-study> (дата обращения 02.04.2021).

Counter Terrorism Strategies in Indonesia, Algeria and Saudi Arabia. Netherlands Institute of International Relations “Clingendael”, 2012. https://wodc.nl/binaries/1806-volledige-tekst_tcm28-70796.pdf (дата обращения 03.07.2021).

Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Terrorism in Africa: The Nexus of the Local and the Global // *Journal of Globalization Studies*. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 169–177.

De-radicalization in the Mediterranean. Comparing Challenges and Approaches Ed. by Lorenzo Vidino. ISPI. Milano, 2018.

Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and deradicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. Pp. 79–84.

Hogg M.A. Self-Uncertainty, Social Identity and the Solace of Extremism // *Extremism and Psychology of Uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35.

Horgan J.G. Walking Away from Terrorism: Accounts of disengagement from radical and extremist movements. N.Y.: Routledge, 2009.

Horgan J., Altier M.B. The Future of Terrorist De-Radicalization Programs // Source: Georgetown Journal of International Affairs. 2012. No. 2 (13). Pp. 83–90.

Ilyas M., Athwal R. De-Radicalisation and Humanitarianism in Indonesia // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10. No. 3. <https://www.mdpi.com/2076-0760/10/3/87/html> <https://doi.org/10.3390/socsci10030087>

Jackson R. Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counter-Terrorism, Manchester: Manchester University Press, 2005.

Jenkins P. Images of Terror: What We can and can't know about Terrorism. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 2003.

Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. 3d ed. California: University of California Press, 2003.

Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London: Routledge, 2017.

Kruglanski A.W., Webber D. The Psychology of Radicalization // *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*. No. 9. 2014. Pp. 379–388.

McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 20, No. 3. 2008. Pp. 415–433.

Marsden S.V. Reintegrating Extremist: Deradicalisation and Desistance. London: Palgrave Macmillan, 2016.

Neumann P.R. The Trouble with Radicalization // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. Iss. 4. Pp. 873–893.

Neumann P., Kleinmann S. How Rigorous is Radicalization Research? // *Journal of Democracy and Security*. Vol. 9. No. 4. 2013. Pp. 360–382.

A New Approach? Deradicalization Programms and Counterterrorism. N.Y.: International Peace Institute, June 2010.

Political Islam in West Africa: State-Society Relation Transformed. Colorado (U.S.A.): Lynne Rienner Publishers, 2007.

Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Sedgwick M. The Concept of Radicalization as a Source of Confusion // *Journal of Terrorism and Political Violence*. No. 22:4. 2010. Pp. 479–494.

Setiloane G.M. African Theology. An Introduction. Johannesburg: Skotavill Publishers. 1986.

Silke A. (Ed.). Prisons, terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalization and reform. London: Routledge, 2014.

UK: Extremism and Terrorism. Counter-Terrorist Project. <https://www.counterextremism.com/countries/united-kingdom-extremism-and-terrorism/report> (дата обращения 04.10.2022).

Veldhuis T., Staun J. Islamist Radicalisation: A Root Cause Model. The Hague: Clingendael, 2009.

Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach // The Handbook of the Criminology of Terrorism. 2017. No. 1. Pp. 33–46.

Webber D. et al. The Road to Extremism: Field and Experimental Evidence that Significance Loss-Induced Need for Closure Fosters Radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. No. 2. Pp. 270–285.

Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Embassy of the Republic of Yemen. Washington DC: 2017.

SUMMARY

The monograph is the fifth issue of the periodical “Islamic radical movements on the political map of the modern world.”

The transformation of terrorism into one of the main threats to modern peace and security of mankind confirms the need for a comprehensive counter-terrorism policy. In the early 2000s in many countries of the world, a global anti-terrorist agenda was formed, political, legal and military responses to the threats of terrorism were formulated. However, data on the practice of counter-terrorism force actions shows that, despite the large number of operations around the world to eliminate armed militants, the threat of terrorism has not decreased. Or it decreased, but to an insignificant extent.

Many states have succeeded in the short term in their fight against terrorism but failed in the long term. Forceful opposition to religiously motivated violence produces short-term results. The futility of using only a forceful approach in combating the threats of violent extremism motivated by religion is confirmed by practice in a variety of countries and regions.

Deradicalization is an incentive to renounce the ideology of extremism by those individuals who have already committed terrorist acts or participated in the activities of extremist groups and preventing the radicalization of potential terrorist recruits. Deradicalization is becoming an important strategic goal in the fight against religious extremism and terrorism. This issue is dedicated to the problems of achieving this goal.

The purpose of the work is an in-depth comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the essence and content of the processes of deradicalization of adherents of extremist ideologies, on the

one hand, and the practical experience of implementing programs for the deradicalization of Islamists, on the other.

The first chapter contains an analysis of the conceptual foundations of deradicalization programs, including the same in the works of Muslim scientists who do not stop searching for theoretical foundations to justify the illegitimacy of radical ideas in Islam and see the task as convincingly sounding arguments based on the sacred dogma of the Koran. Also in the first chapter, psychological approaches and methods that can work productively in deradicalization processes are proposed.

The second chapter is devoted to a critical understanding of the experience of many countries in which Islamist deradicalization programs are being implemented or have been implemented for several years (Egypt, Morocco, Saudi Arabia, Yemen, Great Britain, Malaysia, African countries).

The third chapter examines the most successful practices of preventing radical Islamism and deradicalization in the post-Soviet space – in the regions of the Russian Federation (Tatarstan, North Caucasus), the Muslim population of which is exposed to the influence of radical Islamism. The program of the government of Kazakhstan “Zhusan” is being considered – a program for the repatriation and rehabilitation of citizens of Kazakhstan evacuated from zones of terrorist activity in Iraq, Syria, Turkey and Afghanistan.

Depending on the historical, cultural and political context in different countries, deradicalization programs have their own specifics. Some programs emphasize the rejection of radical ideology, others – the rejection of violent extremism to achieve political goals, social rehabilitation and reintegration.

The innovation of these programs lies in the fact that they offer methodologies and methods that are outside the usual framework of counter-terrorism policy, based only on forceful approaches in relation to convicted terrorists and those at risk.

In the course of the study, the authors relied on an interdisciplinary approach that involved the use of psychological methods in the processes of deradicalization, the experience of cultural anthropology, which studies the potential of traditional cultural mechanisms and institutions for the deradicalization of social and political behavior, the role of family, civil society and religious authorities in the process of implementing deradicalization programs.

Коллективная монография

**ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА.
ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ**

Том V

Утверждено к печати

Ученым советом Института Африки РАН

Редактор

Л.Ю. Тенякова

Компьютерная верстка

Г.М. Абишева

Подписано в печать 25.12.2023. Усл. печ. л. 24.
Формат 60x90/16. Тираж 500 экз. Заказ № 225

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»
www.cherrypie.ru
Тел./факс: +7 (495) 994-49-94
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12.